

Анастасия Никитина

РЕКТОР ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

ПРОЛОГ

Назвалась принцессой — полезай в Академию

Я люблю дороги Белого континента. Никогда не знаешь, куда тебя приведет одна из них. Может быть, это будет старая таверна на перекрестке или заброшенное кладбище. А может, светлый портовый город или сонная деревенька. Для боевого мага вроде меня везде найдется что-то интересное: упырь какой-нибудь, кровожадный мутант, на худой конец, ватага разбойников, в недобрый для себя час решившая потревожить одинокого путешественника. Эх, люблю дороги!

Еще больше мне нравится возвращаться домой. Горячая ванна, шелковые простыни и любимые братья, гадающие, что на этот раз появится на стене моей спальни и как на это отреагирует наш общий Па.

Кстати, о Па. С чего это он ввалился ко мне через десять минут после того, как я вернулась?

— Завтра ты отправляешься в Академию стихий! — с порога заявил он. — И никаких возражений!

— Это шутка такая, да? — от удивления я выронила голову василиска-мутанта, которую пыталась приладить к стене.

— Дочь! Это твой долг, — возмутился папочка, поправляя съехавшую на глаза корону.

— Это не долг. Это повинность, — огрызнулась я, опускаясь на четвереньки: ифитов трофей закатился под кровать.

— Это традиция вот уже третье тысячелетие! — с пафосом воскликнул мой собеседник.

Пафос у моего папочки классический, профессиональный. Даже советников пробирает иногда. Но на меня не действует.

— Ну да, ну да! Древность замшелая.

— Вылезай оттуда немедленно! Я не могу разговаривать с твоей задницей!

Ого, похоже, папочка обозлился всерьез: пора пускать в дело тяжелую артиллерию.

— Может, попозже? — заныла я, соорудив умильную рожицу. — Я еще слишком молода и неопытна для такой ответственной задачи. Какой же из меня ректор? Переселенцам на смех!

Его величество Па окинул меня скептическим взглядом с ног до головы. Эх, жаль, не успела переодеться. Кожаные штаны и потертый доспех плохо сочетаются с образом балованной папиной дочки.

— Я их боюсь, этих переселенцев...

Отец недоверчиво хмыкнул, красноречиво кивнув на башку василиска у меня в руках. Я торопливо перехватила улику за обломанный рог и сунула за спину. Слезу бы пустить, да не умею.

— И не вздумай намагичить себе слезы! — предупредил Па, на мгновение опередив готовое сорваться с моих пальцев плетение. — Не поверю!

— Ну почему я?! — Голова василиска полетела в стену. Ненавистные книги по зельеварению посыпались с полки. — Там уже полторы тысячи лет не было ректоров женского пола!!!

— Так и дочерей в правящем роду не было примерно столько же! Или ты предлагаешь отправить туда Алека?!

Я припомнила старшего братца-слабодарца. М-да... Этот злобный хореk там натворит дел. Вечно завидовал мне и братьям и в конце концов проникся учением черни о греховности Силы. Только такого тронутого ректора Академии стихий и не хватало. Возразить было нечего.

— Аленна, спор бесполезен. Ты уже отвертелась от этого долга двенадцать лет назад. Теперь не выйдет, — сменил тон заботливый родитель. — Хватит колесить по дорогам Белого континента, как бродяга. Пора остепениться. Тебе весной исполняется пятьдесят лет.

— Всего пятьдесят! Я еще пожить хочу, а не хоронить себя в храмовом городе!

— Бродяжничество и участие в сомнительных авантюрах, по твоему мнению, подходящая жизнь для наследной принцессы?! — снова начал заводиться Па. — Ты похожа на нищую оборванку, обзавелась отвратительным прозвищем Рагетта, водишь дружбу с наемниками и месяцами не появляешься дома, а василиск, остатки которого только что пролетели мимо, чуть не откусил тебе голову.

Однако... Па, оказывается, гораздо пристальнее следит за моими приключениями, чем я думала.

— Ну и кто в финале остался с головой? — пришлось проворчать мне.

Крыть было нечем. Действительно, глупо с этим монстриком получилось. Да, меня угораздило заночевать в его норе после доброй попойки. Но это не моя вина! Напоили меня благодарные жители деревеньки, которую я избавила от такого же уродца. Кто ж знал, что это была семейная пара? Всем известно, что василиски не переносят рядом себе подобных. Но нет, на мою бедовую голову свалилась именно парочка мутантов. Потом еще и яйца в глубине берлоги нашлись. Вот была бы радость окрестным поселкам через пару лет, не устройся пьяная магичка Рагетта там на ночь.

— А кто останется с головой в следующий раз?! — парировал отец, прервав мои размышления.

— Статистика поставит на меня.

— А теория вероятности и закон подлости — против! — рявкнул Па. Корона сползла на левое ухо, но папуля в пылу спора этого не заметил. — Хватит рисковать! В конце концов, я король или мимо проходил?! Вот тебе мое королевское веление! Завтра ты отправляешься в Питруг и вступаешь в должность. Традиции даны нам Создателями, и не тебе их нарушать!

Дверь грохнула об косяк с такой силой, что оставшиеся тома по зельеварению полетели на пол вместе с полкой.

— Теория вероятности, — передразнила я и показала язык вслед папеньке. — Какой-то свихнувшийся моих выдумал очередную бредню, а вы, ваше величество, подхватили.

Я почесала свежий кривой шрам, протянувшийся поперек плеча. Его Па, к счастью, не видел, а то придушил бы меня лично. Ифитов василиск всего на два пальца не достал до горла моего пьяного высочества. Настроение испортилось окончательно.

Желание понежиться в теплой ароматной воде пропало напрочь, и в ванную комнату я прошла строевым шагом, пиная на ходу попадающиеся под ноги толстые фолианты. Быстро отодрав мочалкой загрузевшую на ветру кожу от вьезшейся пыли, я завернулась в мягкий халат и крепко задумалась. Па решил давить дочь царственным авторитетом? Заветы Создателей и долг королевской крови мне припомнил? И дядюшка Симеон ни с того ни с сего решил покинуть насиженное кресло в своей драгоценной Академии стихий? Сильно смахивает на заговор моей дорогой семейки. Я их, конечно, безумно люблю и все такое прочее. Но навязчивые идеи сделать из меня приличную принцессу надо давить в зародыше.

Последняя попытка состоялась лет двадцать назад: меня попытались выдать замуж. В следующий раз я появилась во дворце три года спустя. И то только после того, как меня отыскал братец Макса и клятвенно заверил, что левое крыло королевской резиденции уже отстроили, Па больше не сердится, а женихов ко мне смогут привести разве что под конвоем: бояться такой невесты женишки, как ифит снега.

А теперь, значит, семейство зашло с другой стороны. Когда-то мой коронованный родитель уже предлагал мне заняться Академией стихий, но тогда он так не настаивал. И не отвертеться же от этого высокого доверия, чтоб его ифиты пожгли. Па во всем прав. Ректор Академии стихий должен быть королевских кровей, и я единственная подхожу на эту должность. Младшие братья еще слишком малы, старших — всего двое. Но Максиан — наследный принц, он государством управляет под неусыпным контролем Па, а это похлеще какой-то там академии с переселенцами. Про Алека, то есть Алексана, можно даже не думать. Дядюшка якобы запросился на покой, мол, старый уже. Угу, старый, как же. Всего-то триста сорок лет ему стукнуло! Не иначе как с братишкой, папочкой моим, сговорились!

Ну, ничего, интриганы дворцовые, я вам покажу ифитовы кущи. Вы у меня тысячу раз проклянете бредовую задумку посадить Аленну в ректорский кабинет, дабы пыль на дорогах не месила...

ГЛАВА 1

О ректоре бедном замолвите слово

Эта высокая, чрезмерно худая по последней столичной моде магичка невзлюбила меня с первой секунды моего пребывания в роли ректора. То ли ее обозлило, что пришлось принять в качестве начальства молодую девицу, то ли она была тайно влюблена в дядюшку. Не знаю. В любом случае меня профессор Карна возненавидела сразу и, похоже, навсегда. Нет, она была предельно вежлива и не сказала ничего, что можно было бы посчитать нарушением этикета. Но чего стоили презрительно поджатые губы и назидательный тон. Только хорошо развитое воображение позволило мне до сих пор не наградить ее за усердие чем-нибудь убойным. Пока она разглагольствовала, я представляла, как украшаю эту прилизанную профессоршу птичьим клювом, разноцветным хохолком, кривыми волосатыми лапами и прочими усовершенствованиями из животного мира.

— Представление ректора — одна из основополагающих традиций Академии стихий! — вещала между тем профессор Карна. — Важно сразу показать этим мальчикам и девочкам, чего они могут достичь, если будут прилежно...

Я неприлично расхохоталась:

— Вы всерьез считаете, что переселенцы смогут достичь уровня королевской крови?

— Разумеется, нет, — не так-то просто смутить эту выдру: ее голос не изменился ни на полтона. — Дети, с самого рождения оторванные от источников силы...

— Тогда к чему это представление? — откровенно зевнула я. — Учебный год начался больше месяца назад, мой любезный дядюшка уже отработал обязательную программу.

— А как иначе вас представить студиязам?

— А зачем меня им представлять? Не имею ни малейшего желания знакомиться с представителями Черного континента. Я слишком хорошо учила историю в детстве и знаю подробности Последней большой войны. Удивительно, что дед не вырезал там под корень все население после того, что они творили.

А вот тут профессор Карна рассердилась:

— С того мгновенья, как дети ступили на палубы наших кораблей, они перестали быть представителями Черного континента. И если вы так хорошо знаете историю, то должны помнить Четвертый пункт Договора.

— Я помню Четвертый пункт, — кривую гримасу скрыть не удалось.

Именно из-за него в Академии стихий и появился Альтернативный поток. Тут учились чернаки, высланные с родины как колдуны. Хотя какие они, к ифиту, колдуны? Почти все — жалкие слабодарцы. Но на Черном континенте ненавидят магию в любом ее проявлении. До Последней большой войны они вообще казнили тех, у кого просыпался Дар. Но всплеск Силы гибнущего магика вызывал порой такие катаклизмы, что чернаки, наверное, вздохнули с облегчением, когда дед потребовал внести в договор Четвертый пункт.

— ...таким образом, ваше представление хотя бы Альтернативному потоку необходимо! — закончила профессор Карна, не заметив, что большую часть ее восторженного монолога я попросту пропустила мимо ушей.

— Если чернаки хотят посмотреть представление, то пусть сходят в балаган. Меня же загнали сюда в качестве ректора, а не шута.

— Но...

— Никаких «но», профессор Карна. А теперь извините. Кроме чернаков, у меня еще множество обязанностей, — холодно прервала я, доставая из ящика стола тугой свиток. — Вот очень важный документ, который мне просто необходимо изучить прямо сейчас.

— Да? — протянула она, скосив глаза на пергамент. — Тогда не буду вам мешать.

Слава Создателям, ушла. Даже улыбнулась вроде на пороге. Удачно документик под руку попался.

— Кстати, а о чем документик пишет? А то потом она спросит что-нибудь из природной вредности и дотошности, а ректор и знать не знает, что такое важное изучала, — проворчала я и повернула бирку лицевой стороной к себе.

В следующее мгновение свиток полетел в камин, а я заметалась по роскошному кабинету, изрыгая проклятья, несовместимые с высоким положением особы королевской крови. Как так?! Почему из полусотни свитков, валявшихся в проклятом ящике, меня угораздило размахивать перед носом у Карны именно этим?! «Сто немагических способов увеличения пениса!» Ну дядюшка, ты за это ответишь!

Успокоиться мне удалось далеко не сразу. Сначала я с мстительным удовольствием перебрала все свитки и книги, какие только нашла в кабинете, и разложила в три кучи на полу. Одна из них, надо признать, самая маленькая, отправилась в камин сразу. Ну зачем, скажите на милость, мне подборка о мужской моде и светская хроника за последние два года? Такого добра в любом публичном книгохранилище хватает. Самую высокую кучу пришлось со вздохом распихать по местам: эти свитки украшали витиеватые подписи и печати советников, а то и самого царственного Па. А вот над последней я задумалась. С одной стороны, история, религия, легенды и прочая фигня Черного континента меня интересовали еще меньше, чем хозяйственные дела Академии. С другой — это не самая популярная тема, черт его знает, где дядюшка их набрал? Может, в личном хранилище его величества правителя, а как Па относится к содержимому своего книгохранилища, я знала даже слишком хорошо. Пришлось, скрипя зубами, затолкать весь этот хлам в сундучок и задвинуть в дальний угол.

Вот теперь можно было и антураж сменить. То и дело натываясь взглядом на портреты суровых отцов-основателей, я чувствовала себя провинившейся студией, а не всесильным в этих стенах ректором.

«Посмотрим, как вам такие перемены понравятся, дорогие родственнички», — чокнутым розовым пегасом проскакала по мозгам нахальная мысль, и я закатала рукава.

Для начала скучная живопись отправилась в заросшую паутиной кладовку — там ей самое место. Уж не знаю, что в этом закутке хранил дядюшка. Судя по толстому слою пыли, он вообще не подозревал о его существовании. Избавившись от неодобрительных взглядов напыщенных предков, моя фантазия разгулялась во всю ширь. Нейтрально-бежевые стены покрылись темными резными панелями. Массивный письменный стол и кожаное кресло я, подумав, оставила на месте, а вот нудные конторские шкафы превратились в мраморные гробы разной степени ободранности. Вместо чернильного прибора на столешницу приземлился череп. А над каминной полкой появилось несколько самых отвратительных голов из моей коллекции трофеев. Разумеется, и чернильница, и зубастые морды были всего лишь иллюзией, но я пообещала себе сегодня же перетащить сюда оригиналы из своих дворцовых апартаментов. На стене прямо напротив двери нашлось место для моих любимых парных мечей, пожалуй, единственного оружия, кроме магии, с которым я управлялась достаточно хорошо.

С удовлетворением окинув долгим взглядом дело своих шаловливых ручек, я ухмыльнулась. Если когда-то тут и был рабочий кабинет зануды-ректора, то теперь об этом ничто, кроме стола, не напоминало. Впрочем, и этого уродца сменит что-нибудь более интересное, как только я придумаю, что именно.

Радостно потирая руки, я уже шагнула было к спальне, как в дверь вежливо постучали. Мое злорадное «Войдите!» выражало что угодно, только не радушие...

Однако профессору Карне чувство самосохранения было чуждо. Она только приглушенно охнула и покачнулась. Кажется, ей не понравилась оскаленная морда караска-вампира. Этот милашка на всех так действует, чего стоят одни сетчатые глаза-плошки, не говоря уж о полуметровом жале.

— Пр... Профессор Алenna, я пришла напомнить вам, что обед через полчаса, — пробубнила она, с трудом взяв себя в руки, — а вы еще не одеты.

— В Академии стихий принято, чтобы профессор истории приглашал ректора на обед? — язвительный смешок сорвался с губ сам, честное слово.

— Нет, но ваш дядюшка попросил меня присмотреть за вами на первых порах, — заявила она, опять поджав тонкие губы. Похоже, насмешка привела эту сушеную щуку в чувство гораздо быстрее, чем мне бы хотелось.

— Вот с дядюшкой об этом и поговорите, когда он сюда вернется, — фыркнула я и мысленно

добавила: «И я с ним на эту тему обязательно пообщаюсь, демоны бы его забрали!»

— Но...

— Никаких «но», — отрезала я, чувствуя, что опять закипаю. — Я не собираюсь обедать в компании студиязов. И уж тем более я не надену на себя это попугайское оперенье! — Мой палец уперся в расшитую золотом голубую мантию, которую Карна благоговейно держала на вытянутых руках. — Даже если это очередная ненормальная традиция вашей академии!

— Это теперь ваша академия, — тихо поправила профессор.

— Тогда вам стоит об этом почаще вспоминать! — фыркнула я. — Потому что в моей академии традиции устанавливаю я! И отменяю, кстати, тоже. И первая отмененная традиция — показушные обеды в общем зале. Вам все ясно, профессор Карна?

— Но...

— Опять «но»?! — вот теперь я обозлилась окончательно. — Вы так много времени уделяете просьбам моего дядюшки, что меня удивляет, когда же вы, собственно, успеваете выполнять свои обязанности. Может быть, стоит проверить, как ваши студиязовы, например поток боевиков, усваивают теоретический материал? И подумать, не отменить ли еще одну традицию: преподавание в стенах академии истории?

Я знала, куда бить. Не так много времени прошло с моего собственного обучения в этой самой академии. Историю боевики вроде меня ненавидели всеми фибрами своей души и учили только под угрозой исключения. Ну зачем силовикам знать, в каком году очередной свихнувшийся научник изобрел еще одно идиотское зелье, или как звали супругу почившего в Создателями забытом году древнего генерала?

— Как вам будет угодно, госпожа ректор, — вздернула подбородок профессор Карна и выплыла за дверь.

Слава Создателям, голубой кошмар она забрала с собой, избавив меня от необходимости снова разжигать огонь в камине.

— И за что мне это?! А ведь раньше я любила этот город! — рыкнула я, с тоской вспоминая питругский трактир «У наемника», где не раз весело проводила время.

Впрочем, а что мешает мне повторить это сейчас? Ведь на ректорскую цепь посадили Аленну, а Рагетта вполне может пропустить кружку-другую вина в хорошей компании.

Но мечты так и остались мечтами... Кто-то из древних сказал: «Хочешь насмешить Создателей — расскажи им о своих планах». Не помню, кто там был такой умный, о моей «горячей» любви к истории уже упоминалось, но правдивость этого утверждения пришлось испытать на собственной шкуре. Едва я, завернувшись в привычный серый плащ, шагнула к portalу, как на столе ожил забытый кристалл связи. Да как ожил! Он вертелся на столешнице взбесившейся саламадрой, рассыпая вокруг алые искры. Опять Па пользуется экстренной связью. Такой вызов фиг проигнорируешь — мертвого подымет. И соврать, что меня уже на месте не было, тоже не получится: предательская хреновина сразу доложила, что носитель рядом. Хотя я и так бы ответила. Экстренная связь доступна только правителю, и ответить на него обязан любой, даже дочь этого самого правителя, чтоб ему охрипнуть.

Выругавшись сквозь зубы, я развернулась.

— Почему так долго? — вместо приветствия спросил Па.

— Лечила заикание, — буркнула я. — Сколько раз говорила, что ненавижу резкие звуки?

— Слышу, что лечение было успешным, — хмыкнул папочка. — Столько яда в голосе...

— Ну что вы, ваше величество. Какой яд? Только верноподданнический восторг послушной дочери. Жду приказа, на какой границе бить чернаков. Экстренную связь же для экстренных случаев вроде войны придумали?

— Язва...

— Ах, не война? Ну простите великодушно, ваше величество. Так куда лететь, где спасти народ? Раз уж правитель по такой связи дочь вызывает, значит, что-то серьезное случилось. Тут за стенами академии совсем от жизни отстаешь, мира не видишь... — продолжала

юродствовать я.

— Ты за этими стенами еще и суток не провела, нахалка, — зарычал царственный родитель.

— Да? Так время, оно всегда в тюрьме медленно тянется. Для свободы — сутки, а тут...

— Ну хватит! В академии ты обедать не желаешь, поэтому будешь есть в семейном кругу. Эту традицию тебе не отменить. Все. Чтоб через полчаса тут была!

Кристалл жалобно пискнул, и связь прервалась. Похоже, папочка в нервах просто раздавил свой. Я швырнула артефакт на стол и с размаху плюхнулась в кресло. Кто бы мог подумать, что профессор Карна так оперативно наябедничает дядюшке, а тот сразу рванет к царственному брату?

Приказ правителя есть приказ правителя. Даже если правитель отдал его собственной дочери. Я достаточно хорошо знала собственного Па, чтобы догадаться о значении гортанного бульканья, проскользнувшего в последней фразе. Папочка был в бешенстве. А когда Па в бешенстве, он может и гвардейцев прислать за непокорной дочуркой, с него станется. И что тогда? Устроить маленькую войнушку с догонялками прямо в храмовом городе? Я, конечно, к Создателям относилась довольно равнодушно, но даже самые отвязные гуляки не обнажали оружие в Питруге. И мне не хотелось на собственном опыте узнать, что бывает с теми, кто нарушает эту традицию.

— Что-то многовато традиций вокруг меня в последнее время, — этот стон сорвался с губ сам собой, пока я настраивала личный ректорский портал на свои комнаты в Столице.

Ровно тридцать минут спустя передо мной распахнулись разукрашенные эмалью двери Малого обеденного зала. Действительно, семейные посиделки. Во главе стола — Па. Неодобрительно скривившись, он смерил меня недовольным взглядом. И что теперь не так? Ах да. Я же переодеться забыла... По правую руку от него — дядюшка, тот вообще не смотрел в мою сторону, с кислой миной сворачивая салфетку, словно это было делом государственной важности. Слева — Макса. Братец приветственно взмахнул рукой. Ну хоть кто-то рад моему появлению.

Дождавшись, пока я усядусь у противоположного края в кресло хозяйки этого фарса, еще одна глупая традиция, Па царственным жестом стряхнул с пальцев искорку призывающего плетения. «Интересно, кому нужны эти церемонии, — думала я, со скукой наблюдая за суетой многочисленных слуг. — Неужели даже в своем кругу нельзя обходиться без них. Куда приятнее руками отодрать капающую жиром ножку только что испеченного на вертеле гуся и вцепиться в нее зубами. Но нет... Надо дожидаться, пока кусок мяса кто-то выложит тебе на тарелку, а потом кропать его несуразными приборами. И не дай Создатель перепутать нож для птицы с ножом для рыбы — возмущенные взгляды обеспечены. Не то чтобы я не умела всем этим пользоваться. Уж такие навыки воспитатели вбили в царских отпрысков намертво... Но как же меня это раздражает. Наверное, всевозможные церемонные посиделки и есть одна из причин того, что я при любой возможности удираю из дома на тракт...»

Обед прошел в полном молчании. Па то и дело метал в мою сторону колючие взгляды, но испортить здоровый аппетит не сумел. Под скрестившимися взглядами семейства я медленно поглощала какой-то ядовито-сиреневый десерт с воздушным кремом. А что? Ратовали за традиции — соблюдайте. Семейный обед отличается от официальных только одним: со стола не убирают, пока все не насытятся. Во всех прочих случаях тарелку выдернут у вас из-под рук, как только его величество, волей Создателей правитель Белого континента, соизволит бросить салфетку поперек подноса с приборами. Дразнить медленно наливающегося дурной красной папочку было весело, но в какой-то момент я поняла, что если проглочу еще хоть кусочек, то просто лопну. Радостный вздох дядюшки прокатился по залу, пока уносили блюда, и вызвал недовольный взгляд Па. Очень недовольный. Это что же за рыжая кошка махнула хвостом между ними?

Ответ пришел, как только мы снова остались в семейном кругу.

— Я рад, что ты отдала должное десерту. Говорят, ягоды, из которых он сделан, хорошо влияют на умственные способности, — проговорил Па, пригубив вино из высокого бокала. — По крайней мере, вид у тебя был очень задумчивый. Действует?

— Как раз пытаюсь решить, — буркнула я, не понимая, куда клонит папочка.

— Очень надеюсь, что действует. Должность у тебя теперь ответственная. Как, кстати, на новом месте?

Ну, правильно, вот мы и подошли к главному вопросу!

— Да вот, думаю, что бы такого хорошего сделать на благо образования. Пока склоняюсь к мысли начать с увольнения парочки особо замшелых преподавателей, — закинула я удочку.

Посмотрим, как вам понравится такая идея нового ректора. Дядюшка меня не разочаровал. Он просто задохнулся от возмущения:

— Что я тебе говорил? Да она...

— погоди, брат, — поднял руку Па и с явной заинтересованностью посмотрел на меня. — И кого же ты собираешься уволить, Аленна?

У некоторых людей бывает такое понятие, как чувство самосохранения. Ну знаете, такой внутренний звоночек, который трезвонит, если вздумается сунуть голову в пасть голодному вурдалаку. Так вот, у меня он отсутствует. Поэтому я не обратила внимания ни на офигевшее выражение лица дядюшки, ни на нарочито участливый тон Па. И с грацией мастодонта поперла по намеченному плану:

— Профессор истории Карна — первая на очереди. Уж и не знаю почему, но она уделяет в разы больше внимания моей персоне, вместо того чтобы учить студизов.

— Так-так, — его милость просто лучился интересом. — У тебя есть еще кандидаты на увольнение?

Впоследствии, когда я вспоминала этот разговор, то пришла к выводу, что у меня вместо вышеупомянутого звоночка есть его антипод. Почему, иначе, я так радостно сунула голову в петлю?

— Пока нет. Но я собираюсь в ближайшее время устроить проверку, походить на лекции. Сомневаюсь, что только профессор Карна манкирует своими обязанностями, — сладко пропела я, любуясь багровой физиономией дядюшки и совершенно упуская из виду Па. А зря... Ой как зря!

— Карна служит в Академии стихий уже больше пятидесяти лет, девчонка! — взорвался бывший ректор. — Я сам попросил ее присмотреть за...

— А я попросил тебя помолчать, брат, — предостережение, явственно прозвучавшее в царственном голосе, не услышал бы разве что глухой. Дядюшка захлопнул рот на полуслове. — Профессор, «присматривающий» за ректором. Оригинально. Возможно, лэрра Карна и неплохой преподаватель, но она плохо ориентируется в сословных отношениях, что для профессора истории недопустимо. Не думал, что придется тебе напоминать об этом, брат, но «присматривать» за ректором Академии стихий могут только правитель и, в какой-то ограниченной мере, Совет. Я утверждаю твое решение, Аленна. Можешь выписать лэрре Карне уведомление об увольнении.

Дядюшка скис, а я едва удержалась от победного вопля: теперь-то я знаю, как избавиться от ненавистного кресла в кратчайшие сроки! Ага. Рано обрадовалась. Па, оказывается, еще не закончил.

— А пока ты подберешь нового кандидата на эту должность, будешь читать лекции по истории сама: вряд ли ты уже успела забыть, чему тебя учили. Впрочем, освежить в памяти втростепенные события не составит труда для тебя, не так ли?

— Эмм... — проямлила я что-то невразумительное просто ради того, чтоб не молчать совсем уж тупо. Я? Читать историю? Да Па с ума сошел! Если я и ненавижу что-то больше, чем зельеварение, так как раз историю... Хуже не придумаешь!

Но две минуты спустя оказалось, что еще как придумаешь, и Па мне это моментально доказал:

— Кроме того, я полностью одобряю твою идею о полномасштабной проверке. Давно пора проконтролировать, что там происходит. А то дотации из казны идут огромные, а целители и боевики из стен Академии все чаще выходят криворукими!

Дядюшка во время этой гневной тирады только глупо шлепал губами, не в силах выдавить из себя ни звука. Впрочем, судя по тому, как откровенно веселился Макса, подозреваю, что и я выглядела не лучше.

— Так что я буду с нетерпением ждать твой развернутый доклад, — как ни в чем не бывало продолжал его величество. — Только соразмеряй свои силы, Аленна. Возможно, тебе не стоит гнать всех лентяев сразу. Годного преподавателя на освободившееся место найти непросто, а я не хочу, чтобы моя дочь свалилась где-нибудь в обморок от переутомления. Тебе и так по двум предметам лекции читать. Да и прочие обязанности никто не отменял.

Кое-как собрав разбежавшиеся мысли в кучку, я подавила желание удрать на ближайšie пару лет куда-нибудь на окраину. Па взялся за меня всерьез, можно было не сомневаться, что искать блудного ректора будут упорно и в конце концов обязательно найдут. Надо было срочно спасать ситуацию.

— Насчет профессора Карны я пока не решила, — голос прозвучал так жалко, что пришлось промочить горло глотком какой-то приторно-сладкой дряни, по недоразумению именованной у нас дома вином. — Попробую еще раз объяснить ей ошибочность ее поведения, посижу на лекциях. Дядюшка вот считает лэрру хорошим преподавателем, опять же, не первый год работает... Надо дать ей шанс...

— Правильно, — одобрительно улыбнулся Па. — Не рубишь с плеча, взвешиваешь. Молодец! Что я тебе говорил, брат? Посмотри, какая смена тебе выросла.

— Да я и сам бы... — начал было дядюшка, но под тяжелым взглядом его величества, так резко контрастирующим с добродушным тоном, смешался и замолк.

Недоумевая, я переводила взгляд с одного на другого: что-то между ними произошло... Но задуматься надолго мне не дали.

— В общем, трудись, дорогая дочь, — возвестил Па. — На благо народа, на радость родителю...

О... ну все, пошел пафос, пошел. Такой концентрации сладкой патоки я не выдержу — меня вырвет прямо на узорную скатерть.

— Да, ваше величество. Действительно пора, — кивнула я, поднимаясь. — Закончилась моя вольница, теперь приходится рассчитывать свое время. У меня еще там куча документов не обработанных. Кстати, дядюшка, тот странный свиток про сто немагических способов увеличения какой-то части тела я случайно уронила в камин. Надеюсь, там не было ничего невозможного?

Эту фразу я бросила уже у самого выхода и, секунду полюбовавшись снова побуревшей физиономией чертова родственничка, выскользнула в коридор. Я мстю, и мстя моя ужасна! То есть мсть моя ужасна. Пусть теперь дядюшка повернется, как угорь на сковородке. Вопросительный взгляд Па я краем глаза еще заметить успела. А уж его величество обязательно вытрясет из своего братца, что он там собирался увеличивать такими дикарскими способами.

«Что ж, с дядюшкой расплатилась, — размышляла я, шагая к дворцовому телепорту. — Кстати, с царственным Па бывший ректор, похоже, поцапался всерьез. Вопрос: почему. Неужели он не так уж стремился посадить меня в свое кресло, как я думала? Надо будет как-нибудь Максу расспросить, может быть, братец что-то слышал... Впрочем, какая разница, что там хотел дядюшка? Решал-то все равно Па. И только Па может избавить меня от ненавистной ректорской мантии. Но вот как заставить его это сделать?»

ГЛАВА 2

Не все то мужик, что ректорствует

Прикидывая разные варианты, я и не заметила, как снова оказалась в ректорском кабинете. Очередной день прошел и ни на шаг не приблизил меня к решению моей проблемы. Я могу забить на ректорские традиции, вести себя как угодно «неправильно» и все равно останусь в этом кресле. Я могу поувольнять к ифитам половину преподавателей, но добьюсь лишь того, что сама буду читать нудные лекции вместо них. Да и не больно-то мне понравились взгляды, которые бросал на меня его величество. Слишком уж сильно злить царственного Па все-таки не стоит. Неужели все? Посадили Рагетту на ректорскую цепь, как дикого зверя?

Я злобно тряхнула головой: нет уж! Мы еще посмотрим, кто кого. Я обязательно придумаю, как сделать так, чтобы дражайшие родственнички сами попросили меня оставить Академию стихий в покое. Еще и десяток-другой лет свободы у них выторгую в обмен! Придумать бы теперь, как воплотить этот гениальный план в жизнь, цены бы мне не было...

Я рухнула в кресло и кисло посмотрела на сапоги. «Эх, сейчас бы на тракт, к костерку... И сапоги стаскивать не надо», — медленно проползла в голове тоскливая мысль, и тут из моей спальни донесся отчетливый шорох.

Мое высочество выбросило из уютного гнездышка, как ядро из пушки. Уж то, что в апартаменты ректора невозможно попасть в отсутствие хозяина, знали все, кто учился в Академии стихий хотя бы месяц. Прекрасно помню, как неделю ходила с огромным носом после того, как попыталась стащить отсюда отобранную дядюшкой книгу. А ведь я даже дверь вскрыть не успела... И тем не менее в ректорской, то есть теперь уже в моей, спальне кто-то был. И я его не приглашала! Вор? Наемный убийца? Отличненько. Мне как раз надо на ком-то сорвать свое плохое настроение.

Все эти размышления не помешали мне в одно мгновение окутаться тусклым сиянием щита. Искра парализующего плетения замерла между пальцами. Парные мечи сорвались со стены, и секунду спустя ремни ножен захлестнулись крестом на груди. Ощувив за спиной привычную тяжесть, я сразу почувствовала себя увереннее. А что? На свете хватает монстров, которые неуязвимы для магии, лучше подстраховаться. Урок, преподанный василиском пару недель назад, еще не успел выветриться из моей головы.

— Любовь моя! — из-за приоткрытой двери донесся писклявый голосок с претензией на томность. — Иди же скорее ко мне!

— Чего? — опешила я, на остатках бдительности пинком распахивая дверь.

— Сенюшка! — В моей постели сидела тощая полуголая девица и протягивала вперед костлявые ручонки.

Впрочем, ждала она явно не меня. Узрев на пороге вместо любезного Сенюшки, знать бы еще, кто это такой, меня, девица запахла на груди кружевную тряпку и злобно поинтересовалась:

— А ты кто еще?!

— Да так, мимо проходила, — хмыкнула я, прислонившись к косяку.

Вор? Убийца? Это я размечталась. В моей постели устроилась, судя по ауре, весьма посредственная магичка. Из ректорских апартаментов в отсутствие дядюшки уже успели устроить дом свиданий?

— Мимо проходила?! — взвизгнула незваная гостья. — Этот мерзавец жениться не успел, а уже любовницу завел?!

— Ну-ну, полегче, — я легко отвела простенький сглаз, которым пульнула в меня малолетняя истеричка.

— Сейчас потяжелее получишь, змея! — заорала она, выпутываясь из складок атласного покрывала. — Я тебе все космы повыдергаю! Глаза выцарапаю!

К собственной внешности я всегда относилась наплевательски, а вот глаза мне нужны. Слепых боевых магов я пока не встречала. Поэтому покрывало быстро спеленало девчонку, в разы поумерив ее активность. Не поскупилась я и на хитрое маленькое плетение из разряда запрещенных: туман доверия. Ничего серьезного, просто вызывает постепенный прилив

дружеских чувств к собеседнику. Проходит, кстати, бесследно для жертвы, в отличие от других запретных заклиний. Ну разве что девица потом удивится, с чего это вдруг разболталась.

— Давай рассказывай, болезная, что ты тут делаешь, — я присела на пуфик в углу. — Можешь начать с того, кто такой Сенюшка и почему ты решила подождать его здесь?

Студิโอ́за, а сейчас я уже уверилась, что это именно студิโอ́за, причем не из лучших, молча пыталась освободиться, метая в мою сторону злобные взгляды.

— Будешь молчать, вышвырну в коридор прямо так, — пригрозила я. — Посмотрим, кто тебя утром найдет, студии́озы или уборщи́ки.

Реакция оказалась вполне предсказуемой — девица разрыдалась. Однако, убедившись, что слезы на меня действуют так же плохо, как и угрозы, она быстро уgomонилась и, шмыгнув покрасневшим носом, спросила:

— А ты точно не за Сенюшкой притащилась?

— Я даже не понимаю, о ком ты, — я пожала плечами. — Мужиками, чтоб поджидать их полуголой в постели, не интересуюсь.

— А... Так ты из этих, — с явным облегчением протянула она.

— Ну и что ты тут делаешь? — уточнять, из каких таких «этих», было лень.

— Распутай, — вместо ответа попросила девица.

Я щелкнула пальцами: никакой опасности девчонка не представляла. Сбросив скользкие складки покрывала, гостью вытащила из-под кровати серую мантию студии́оза-целителя и натянула ее поверх кружевного пеньюара.

— Ты точно не к Сенюшке сюда явилась? — в очередной раз уточнила любвеобильная студии́оза. Моей злобной гримасы в качестве ответа ей хватило, и она расслабленно развалилась на кровати. — Я сегодня слышала, как преподады про ректора говорили. Думала, Сенюшка вернулся. Хотела ему сюрприз сделать, а тут ты.

— Сенюшка... — протянула я, медленно соображая, кого так называет девчонка. — Так ты про бывшего ректора? Про д... кхм... Симеона?!

— Ну да. Я его Сенюшкой зову, ему нравится. Наедине, разумеется. На людях он такой бука. Говорит — конспирация, — девица захихикала. — Зачем она нужна? И так все знают, что мы вместе.

Только королевское воспитание помогло мне удержать на лице равнодушное выражение, а не разинуть рот, как последняя деревенская черначка. Дядюшка Симеон, ректор Академии стихий, связался вот с этим?! Этой...

— Сенюшка предупреждал, что его какое-то время не будет, а потом, когда принца отсюда выгонят, он вернется. Я думала, уже...

— Погоди, не так быстро, — я чувствовала, что стремительно теряю нить разговора. — Какого принца? Ты о чем вообще?

— А, — рассмеялась она. — Ишь как глазки засверкали. За принцем сюда явилась?

На этот раз мне не помогло и воспитание. Я тупо уставилась на студии́озу, совершенно не понимая, что она несет. А девчонка, не обращая никакого внимания на мою офигевшую физиономию, поудобнее устроилась на кровати и продолжила:

— За принцем — это ты зря. Не получится ничего. Ты, кстати, с какого факультета? Что-то я тебя не помню. Первокурсница?

Девица окинула меня пристальным взглядом. Впечатление было такое, будто каждая вещь, начиная от оружия и заканчивая сапогами, вдруг заполучила ценник. Надо признать, что аристократку она распознала мгновенно, и узкое личико сразу расплылось в дружеской улыбке. Непонятно только, что послужило причиной: мое плетение или то, что за любой из моих мечей можно было купить небольшой замок в провинции. Однако, а девочка та еще щучка. Интересно, куда смотрел дядюшка, связавшись с этим костлявым казначеем?

— Понимаю! — воскликнула она, завершив осмотр. — На домашнем обучении была, а на экзаменационный год предки в Академию отправили?

— Ну что-то в этом роде, — ухмыльнулась я. Стало любопытно, какие еще выводы сделает малолетняя нахалка. Посмотрим, как вытянется твоя физиономия, когда я скажу, с кем ты так мило болтаешь.

— Значит, угадала! Да я бы и сразу догадалась, но темно тут. Для первокурсницы ты — старовата. Могу и остальное сама сказать, раз ты стесняешься. Учиться будешь, скорее всего, на боевом. Где еще дуру с мечами встретишь? Ты не обижайся, но кто же на свиданку с оружием прется? Мужчинки сильных девушек не любят. Надо быть слабой, нежной и томной. Вот тогда они в кисель растекаются! Кстати, меня Лайана зовут. Я тоже на выпускном потоке, а после дипломной за Сенюшку замуж выхожу! Слушай, а где ты порт-ключ в комнаты ректора взяла? Небось, предки купили? Слушай, а они тебя что, специально из-за принца сюда засунули? Тогда ты в обломе, девушка! Можешь мне поверить.

Она трещала без умолку, не давая мне вставить ни слова. Впрочем, я и не пыталась. Когда еще удастся выяснить столько интересного о внутренних делах академии? Ни ректору, ни тем более дочери правителя никто такого не расскажет. Кто-то, возможно, вздумает напомнить мне, что я сама не так давно училась здесь и все это должна бы знать. Как бы не так! Вы что, всерьез думаете, что правитель, да и не только правитель, а и мало-мальски родовитый аристократ отправит своих наследников на семь лет учиться Создатели знают с кем? Родовитые подростки учатся дома, а в Академию приходят всего на один год. Нам меняют внешность, а упоминать свои настоящие имена строго запрещено. Впрочем, насколько я знаю, никому это и в голову не приходит: слишком свежи еще в памяти несколько похищений. Удивляюсь, что традицию отправлять отпрысков в Академию стихий вообще не отменили после тех случаев.

— А что за принца отсюда выгнать должны? — прервала я нудный рассказ о том, кто с кем спит в общежитии студиезов.

— Так ты и правда не знаешь? — ахнула Лайана. — Из какого захолустья ты приехала? Скажи спасибо, что тебе я попалась: все расскажу! А то была бы ты среди девчонок дура душой. В общем, слушай. Сенюшку правитель призвал. Не справляется с чем-то там без мудрого брата. Но как же Академка без ректора? Вот и поставят сюда кого-то из принцев. Временно, пока Сенюшка не вернется.

— А почему именно из принцев? — хмыкнула я. — Разве больше некого?

— А кого еще? — она с явным превосходством пожала плечами. — К твоему сведению, ректором Академии стихий может быть только тот магик, у которого в жилах течет королевская кровь! Сенюшка правителю нужен, значит, остаются только Максиан и Алексан.

— А больше у правителя детей нет, что ли? — подначила дурочку я, развеселившись окончательно.

— Есть, конечно, но кто же мальчишек десятилетних ректором поставит? Глупости не говори!

— Значит, или Максиан, или Алексан?

— Ага! Наши девчонки все про них знают. «Ах, Максиан такой душка!», «Ой, Алексан такой умный!» Дуры, ничего им не светит. Алексан, я слышала, из этих... Которые на девушек не западают от слова совсем.

— Это из каких? — опешила я. Мой братец, конечно, тот еще идиот, но мальчишками точно никогда не интересовался.

— Говорят, он в монхи подался, — понизив голос, доверительно прошептала Лайана.

Я с трудом удержалась от смеха: вот как, оказывается, в народе интерпретируют отшельничество моего ученого братца. Надо будет Па рассказать, пусть посмеется.

— А Макса... То есть Максиан тебе чем не угодил?

— Так он же Преемник! Есть, конечно, дурочки, что о нем мечтают. Много. Кто-то сказал, что Максиану брюнетки нравятся, теперь на каждой лекции стая ворон сидит. Все перекрасились, — она презрительно махнула рукой. — Говорю же, дуры. Максиан, разумеется, симпатяшка, но правитель не позволит ему жениться на ком попало.

— А Симеону, значит, позволит? — усмехнулась я. Беседа начала мне надоедать.

— Сенюшка сказал, что ради нашей любви откажется от титула. И тогда правитель ему будет не указ. А я думаю, правитель скандала не захочет и быстренько мне какой-нибудь титул организует. Ну и именице к нему. Так что ты правильно делаешь, что меня слушаешь. Я, может, сейчас и без титула, но через годик всякие заносчивые дуры мне кланяться будут.

«Титул... — фыркнула я про себя. — Можно подумать, королевскую кровь из-за титула, как породистых собак, скрещивают!»

Но выдавать государственную тайну, которую и сама-то не так давно узнала, малолетней дурочке я, разумеется, не стала. Вместо этого просто повернула камнем вверх фамильный перстень и, щелкнув пальцами, заставила загореться свечи.

— К твоему сведению, Лайана, у нынешнего правителя, кроме сыновей, есть еще и дочь.

— Да ну! Глупость. Женщина-ректор? — расхохоталась девчонка. — Быть такого не может! Да и потом, говорят, она настолько страшная, что правитель ее до сих пор замуж выдать не может — женихи разбегаются! Поэтому ее никто толком не видел. Прячут «красотку», чтоб не позориться.

— Даже так? Страшная, говоришь?

Я демонстративно протерла камень с гербом правящего рода, из-под ресниц наблюдая, как бледнеет девчонка. Невнятное мычание оказалось единственным, что она смогла озвучить.

— Больше ничего интересного не расскажешь? Нет? Тогда вон отсюда, гетера малолетняя! — фыркнула я и стряхнула с пальцев две искорки.

Одна распахнула окно, а вторая воздушным потоком вынесла девчонку наружу. Запоздалый визг донесся уже из парка. И зачем кричать? Ничего с ней не случилось, падение остановилось в метре от земли. А то, что дурочка обделалась, пока туда долетела, это ее проблемы.

Надо ли говорить, что спать я легла еще не скоро? Сперва пришлось вызвать духа, чтоб перестелил постель. Странное дело. Я никогда не отличалась особой брезгливостью. Заснуть после попойки на полу трактира вповалку с наемниками — такое бывало. Задремать под кустом или на обочине, если поблизости не оказалось трактира — всегда пожалуйста. Но вот лечь на простыни, по которым елозила костлявым задом невеста дядюшки, мне не захотелось.

Пока прислуга занималась бельем, я лениво наблюдала за переполохом в парке под окнами. Десяток светляков заливал поляну ярким светом, и обзор был лучше, чем из королевской ложи в театре — все как на ладони. Первыми, разумеется, прибежали дежурные студиозы. Будущая целительница, выбирающаяся задом наперед из колючих кустов, вызвала взрыв громового хохота. Следом прискакала профессор Карна в цветастом халате поверх ночнушки. Она зрелище не оценила, и ее возмущенные вопли перебудили тех, кто не успел проснуться от визга падающей девчонки и гогота зрителей. Окна общежития напротив вспыхивали одно за другим, через подоконники перевешивались полуодетые студиозы... Сообразив, что через несколько минут любопытная толпа наплюет на правила и выплеснется посреди ночи в темный парк, Карна подцепила всклокоченную виновницу торжества под локоток и повела к корпусу преподавателей.

Отсмеявшись, я закрыла окно и вернулась в кабинет. Сна не было ни в одном глазу. Нет, все это, конечно, безумно весело, но на тракте-то гораздо веселее. Да и вряд ли каждый вечер ко мне будет вваливаться очередная дура, чтобы не дать госпоже ректорше заскучать окончательно.

Плюнув на здоровый сон, я поднялась. Отправлюсь-ка я все-таки в трактир: знакомство с первым студиозом стоит отметить. Хорошо, что мне положен личный портал. Можно не тащиться коридорами, набитыми растревоженными преподавателями и духами.

Полчаса спустя мое высочество уже восседало за обшарпанным столом в трактире «У наемника» с кружкой вина.

«Вот оно, счастье», — подумала я, и в то же мгновенье едва не воткнулась носом в упомянутую кружку, получив увесистый шлепок между лопаток.

— Рагетта! — рыкнул смутно знакомый голос у меня за спиной. — Куда пропала, бродяга?

Только один человек, если можно так назвать отпрыска гнома и тролехи, приветствовал меня таким образом.

— Крупп... — проворчала я, медленно оборачиваясь. — Я тебя в прошлый раз предупреждала?

Искра сорвалась с ногтя синей молнией, и полугном взлетел под потолок, с хохотом размахивая длинными ручищами. «На полпальца не достал, паршивец, — успела подумать я, отшатнувшись от лопатообразной пятерни, мелькнувшей перед самым носом. — Хороша была бы ректорша с фингалом...»

— Я тебя предупреждала, что об меня чесать кулаки нельзя?

— Дык я ж со всем почтением, госпожа магичка, — гоготал он. — Легонечко, как котенка погладил!

Завсегдатаи застучали кружками по стойке:

— Так его, Рагетта! Допрыгался, остряк хренов!

Крупп, несмотря на неудобную позицию, метко засветил особо ретивому крикуну своей опустевшей кружкой, предварительно гигантским глотком допив то, что еще не успело пролиться на посетителей внизу.

— Рагетта, — проворчал хозяин, неодобрительно посмотрев на расколовшуюся о чугунную башку наемника посудину, — за бой я с тебя спрошу. Крупп со вчерашнего дня и так в долг пьет.

— Да ладно тебе, Адам. От одной кружки не обеднеешь. Ты их связками покупаешь за грош десятков.

— Если каждый из вас, душегубов, за вечер одну кружку разобьет, я через месяц разорюсь! — завел знакомую волюнку трактирщик.

— Да не ной уж, — усмехнулась я, бросив на стол мелкую серебряную монету. За время моего отсутствия не изменилось ничего, даже Адам ныл точно так же, как и раньше. — Всем по кружке твоей кислятины за мое здоровье!

— Эй! Рагетта! А мне? — впервые выказал беспокойство Крупп.

— Народ наемный, — я развернулась к стойке спиной, обводя довольным взглядом штук двадцать рож разной степени ободранности.

— Рагетта, да ты что?! — возмущенно заорал полугном, перебивая тост.

Я демонстративно поковырялась в ухе:

— Ветер в трубе гудит, что ли? Вроде, и выпить не успела, а голоса какие-то чудятся. Ладно. О чем это я? Ах да! Народ наемный!..

— Рагетта! Зараза! — буквально взвыл оскорбленный в лучших чувствах Крупп.

— О, брат! — притворно удивилась я, поднимая голову. Дольше тянуть было опасно, «брат» мог и запустить в меня чем-нибудь тяжелым, вроде сапога или ножен. Бывали прецеденты. — Что ты там делаешь?

— Люстрой работаю! — оскалился полугном. — Не видишь, что ли? Так что ты мне мою посудину сюда левитируй, если твоему ведьмовству не трудно.

— Конечно, брат! Трактирщик, бочонок вина сюда!

— О, да! — обрадовался Крупп. — С таким маслом я готов светить хоть всю ночь!

От хохота наемников затряслась не только люстра, но и вся таверна. Впрочем, я не отставала от них и в конце концов уронила полугнома на чей-то стол. Орк, внезапно обнаруживший в своей тарелке чей-то здоровенный башмак, с минуту подумал и перекинул ошарашенного падением Круппа на соседний стол. А так как силушкой наемника Создатели не обделили, шваркнулся тот знатно.

Минуту спустя потасовка стала общей. Я только и успевала, что отпихивать ногами особо

ретивых драчунов. Высмотрев красную телогрею, я выдернула полугнома из свалки, прямо из-под табурета, который собирался опустить на его лохматую голову обозленный орк. Мы устроились в относительно безопасном углу за стойкой и чокнулись найденными тут же кружками.

— За народ наемный! — воскликнул Крупп.

Я кивнула и, выбросив из кружки дохлого паука, свалившегося откуда-то сверху, глотнула кислого вина.

— Рагетта! — прикрывая закопченным котелком голову, к нам на четвереньках подполз Адам. — Ведьма ты, Создателями проклятая! Они же разнесут таверну к ифитам! Кто за это заплатит?!

— Не зуди, хозяин, — отмахнулась я. — ну пошуршат ребята немного, разомнутся. Ничего не станется с твоим заведением!

— Стража набежит, Рагетта, — продолжал причитать толстяк. — Опять меня оштрафуют! Откуда ты снова взялась на мою голову, бешеная ведьма?!

— Стража? — хохотнул Крупп. — Посмотрел бы я на того бесстрашного стража, который сунется хмельной народ наемный разнимать. Никто не придет, папаша, не стони. Что, в первый раз, что ли?

— В том-то и дело, что не в первый, а Создатели не сосчитают, в какой! Три месяца назад, аккуратно, как вот эта вот проклятая ведьма тут гуляла, что было? Четыре табурета в щепу раздолбали! Семнадцать кружек расколотили! Стол на доски разобрали! И бочонок раскололи, ифиты бешеные! Бочонок-то вам чем не угодил? А, Крупп? Кто тебя просил ободья голыми руками рвать?!

— Так поспорили же, — пожал широченными плечами полугном. — И заплатили тебе. Чего еще-то?

— А в префектуре я потом штраф оплачивал за беспорядки! — взвыл трактирщик. — Это мне кто вернет?!

— Со стражей сам договаривайся, — буркнула я, сунув в потную ладонь несколько монет. — И не зуди над ухом.

— Вот-вот, папаша, — вмешался Крупп, нахлобучивая котелок на голову хозяину и разворачивая его к проходу. — Дай посидеть культурно.

— Сидите уж, ифитовы дети, — махнул рукой хозяин и, придерживая чугунный головной убор, то и дело сползающий на глаза, пополз обратно.

Потасовка над нами потихоньку стихала, но выбираться в зал не хотелось ни мне, ни тем более полугному, нежно обнимавшему бочонок с кислым вином.

— Где пропадала, Рагетта? — спросил он, снова наполняя мою кружку.

— На тракте, как всегда, — пожала плечами я.

— Смотрю, удачно, — хмыкнул Крупп, кивнув вслед довольному хозяину.

— Нормально.

— Значит, повезло тебе. А Руст так и не вернулся. И Ден тоже, — полугном выдохнул и залпом допил вино. — И слухи нехорошие пошли.

— Какие еще слухи? — Дена я почти не знала, но с Рустом не раз сталкивалась на тракте. В основном он сопровождал караваны, сильный магик-боевик. Что с ним могло произойти?

— Неясные. Что нехорошо на тракте магикам в одиночку ходить. Можно и не вернуться.

— Да ну — отмахнулась я, припомнив, как чуть не отправилась в Бездну, заснув в норе василиска. — Тракт — штука такая, чуть зазеваешься не вовремя — без головы оставит. Не они первые сгинули. Совпадение просто.

— Может, и совпадение, — задумчиво покачал опустевшую кружку Крупп. — Но ты все равно

поосторожнее. Ты, конечно, девка умная, образованная и все такое. Но и Руст не дурак был...

— Не каркай, — от мрачного тона друга настроение стало портиться. — Бездна для всех одна. Все там будем рано или поздно...

— Вот и не спеши, — внезапно обозлился полугном. — И вообще, завязывала бы ты с трактом...

— Еще чего! — возмутилась я. Еще только наемники меня жизни не учили.

— А того, — не сдавался Крупп. — Девка пригожая, самый сок. Пора и остепениться. И, вообще...

Тут он замялся и умолк, преувеличенно старательно наполняя наши кружки остатками вина из бочонка.

— Я домишко купил на южном побережье, — сказал он наконец, упрямо глядя в пол. — Не дворец, но жить можно. И виноградник свой рядом. Места много.

— Ты куда это клонишь, Крупп? — до моих затуманенных вином мозгов стала постепенно доходить тема разговора.

— А туда и клоню, — он вдруг поднял лохматую голову и уставился мне в глаза. — Ухожу я с тракта. Хватит шкуру под когти всякой нечисти подставлять. На ней и так живого места уже нет. Ты пару месяцев не появлялась, а без тебя вино горчит, как мой батя говорил. Поехали со мной, Рагетта.

— Куда? — тупо спросила я.

— На юг. К морю.

— Это ты мне так в любви объясняешься, что ли? — наконец, дошло до меня, и я расхохоталась на весь трактир. — Крупп, ты охренел!

— А чего сразу охренел-то? — набычился полугном. — Я по-честному. Замуж тебя зову. Не все же по тракту, как собака бездомная, шастать.

— Не, брат, — я кое-как подавила неуместный смех. — Я еще пошастаю. Не тянет меня как-то... на юга.

— Ну мое дело предложить, — с заметным разочарованием он пожал широченными плечами. — Ты подумай. Там тепло. И виноградник свой. Короче, я еще с месяц в Питруге буду. Знаешь, где меня найти.

— Угу, — только и смогла проговорить я.

— Вот ведь ведьма ифитова, — невольно ухмыльнулся Крупп. — Я к ней со всей душой, а она ржет как лошадь!

— Ну и на кой тебе такая жена? — снова расхохоталась я.

— И правда. На кой? Ты даже готовить не умеешь. Помнишь, как весь караван, который мы по тракту вели, на два дня в кустах засел после твоей каши?

— А нефиг было меня к котелку отправлять, — фыркнула я, припомнив давнюю историю. — Говорила же, не умею.

Часа два мы, сидя под стойкой, стряхивали друг с друга пауков, пили кислое вино и вспоминали разные истории из нашего богатого арсенала. Наконец, полугном тяжело поднялся и, покачиваясь, выбрался из-под стойки. И тут же упал.

— Последний бочонок был лишний, — пробормотал он, подкладывая под заросшую щеку лопатообразную ладонь и явно намереваясь устроиться на ночлег прямо в проходе.

Я перехватила умоляющий взгляд трактирщика и со вздохом пнула друга под ребра:

— Проснись, пьяница!

Кое-как при помощи хозяина мне удалось затащить полугнома наверх в его комнатку.

— Рагетта, — окликнул он, когда я уже была на пороге. — Ты подумай. Я еще месяц тут буду.

Последний караван провожу, и все. Подумай.

— Угу, — буркнула я, закрывая за собой дверь.

Придерживаясь за стену, я спустилась по шаткой лесенке в общий зал и, кивнув трактирщику, вышла на скупо освещенную редкими фонарями улицу. Над храмовым городом висели низкие темные тучи, готовые вот-вот разразиться дождем.

Я на минуту остановилась, решая, куда отправиться. Можно было переночевать дома. Слава Создателям, у меня, как и у любого отпрыска правителя, был особняк в Питруге. Но туда пришлось бы топтать минут тридцать, а, учитывая, что на ногах я держалась не так уж твердо, то и вообще час. А вот до Академии даже ползком минут десять.

— Кровать, готовься! Ректор идет! — хихикнула я и побрела к видневшимся над крышами шпилям с вымпелами Академии стихий.

Вскоре я уже колотила в высокие ворота. Наконец, со скрежетом открылось маленькое смотровое окошко.

— Открывай, давай! — нетерпеливо рявкнула я. Выпитое вино настойчиво просилось наружу.

— А что, у порога его светлость правитель Белого континента? — насмешливо поинтересовался сторож.

— Какой еще правитель? — опешила я, приплясывая на месте.

— Наш, Создателями призванный, — хмыкнул нахал.

— Ты, что, сдурел? — обозлилась я. — Открывай, болван!

— Права такого не имею, — с заметным удовольствием сообщил он. — Среди ночи могу открыть только Членам королевского семейства. Вы член?

— Да ты знаешь, кто я? — возмутилось мое высочество, разумно, впрочем, не озвучивая собственные регалии. Только скандала с пьяным ректором тут и не хватало.

— По голосу слышу, что не член, — с ленцой констатировал мерзавец. — Тогда кто? Профессоров я всех знаю. А больше никому по ночам открывать не положено. Тем более пьяным студиозам. Утром приходи, позову твоего куратора и пушу.

— Ах ты, скотина! Открывай, говорю!

Я со всей силы ударила кулаками в створку. Полыхнул зеленый отблеск, и меня отшвырнуло назад.

— Защита Академии расценивает твои действия как нападение, — хохотнув, пояснил он, пока я мотала головой, сидя в уличной канаве. — Может, заодно и намагичишь чего-нибудь? Будет еще веселее.

Даже до моих пропитанных вином мозгов дошло, что злорадное предвкушение в его голосе — это неспроста. Поэтому я, кое-как утвердившись на ногах, развернулась и потащилась прочь: «Завтра я с тобой по-другому поговорю, только ты меня не узнаешь, поганец!»

ГЛАВА 3

Аппетит проходит во время еды

Утро добрым не бывает. Эта мысль настойчиво вертелась в моей больной голове, пока я рылась на полке с зельями. Настой, избавляющий от последствий хорошей пирушки, именуемый среди наемников «похмелин», нашелся в самом дальнем углу. Впрочем, радостный возглас тут же сменился разочарованным стоном. Судя по дате на этикетке, он был давно и безнадежно просрочен.

Я швырнула бесполезный пузырек в ведро для отходов и, глухо ругаясь сквозь зубы, развернулась к длинному столу: придется заняться практическим зельеварением прямо сейчас. Ректор, распространяющий на десяток метров вокруг отвратительный запах перегара, станет слишком большим потрясением для Академии стихий.

На испещренную разноцветными пятнами и подпалинами столешницу спланировали корешки и несколько банок с порошками. Убедившись, что не ошиблась в выборе ингредиентов, я зажгла огонь под небольшим котелком.

Пятнадцать минут спустя, хорошенько перемешав бурлящее варево и уже предвкушая скорое избавление от признаков похмелья, я взялась за бутылку, украшенную кривым черепом. Нет, яда там, разумеется, не было. Ярко-синяя жидкость обладала очень сильным слабительным эффектом и это свойство сохраняла при любой обработке. Соответственно, передозировка могла оказаться чреватой. Наемник во время боя, резво уносящийся в кусты, — мертвый наемник. А мне нужна была всего одна капля. Конечно, лучше было бы воспользоваться пипеткой, но она куда-то запропастилась, и искать ее у меня не было ни времени, ни желания.

Высунув от усердия кончик языка, я накренила бутылку над варевом.

— А что это будет? — раздался звонкий голосок за моей спиной.

Охнув от неожиданности, я чуть не уронила бутылку. Естественно, слабительного в зелье попало куда больше положенного. Злобно смахнув испорченное варево в ведро для отходов вместе с котелком, я обернулась. В дверях стоял мелкий паренек в каких-то обносках.

— Ты кто? — тупо поинтересовалась я. — И как сюда попал?!

Вопрос мог бы показаться странным, но в данном случае вполне закономерным. Дело в том, что в моем доме нет живой прислуги. Вообще никого из живых нет, только духи, закольцованные лично на меня. Так делали все, кто желал иногда оставаться в одиночестве и при этом не заниматься бытовыми делами. Ну и количество покушений в собственном доме резко стремилось к нулю. Всем известно, что проще всего к жертве подобраться через прислугу, а духов не подкупить и не запугать. Так кого они могли пустить в мое логово?!

— Ну вот, — с заметной обидой нахмурился пацан. — Сами же звали, а теперь «ты кто?»

— Звала? — мозг заклинило окончательно.

— Вы весной через нашу деревню проезжали. Даже грамотку мне дали. Вот. Только ее Ваша нечисть забрала.

— Какая нечисть? Как тебя зовут хоть?!

— Оли я. Ладно, раз не ко двору пришлась, то пойду.

Девочка? Она развернулась на пятках, гордо вздернув веснушчатый нос.

— Да погоди ты, не петушись, — остановила я ее, начиная что-то смутно припоминать. — Ты из Серогорья?

— Ну да, — Оли кивнула и шмыгнула носом.

Тут до меня, наконец, дошло. Серые горы — бедная холмистая местность почти в центре Белого континента. Караваны туда не водят, да и монстры почти не встречаются. Боевому магу или наемнику делать там совершенно нечего. Тем более что местные жители магии побаиваются, а многие так и вовсе считают ее происками демонов и страшным грехом. А я весной перепутала дорогу на развилке, и мое высочество занесло в это самое Серогорье. И вот там-то мне и встретилась девчонка-оборвыш, со жгучим любопытством наблюдавшая за

банальными фокусами вроде костра, пылающего без дров. И аура у нее полыхала посильнее моего костерка.

Артефакт, проявляющий Дар, валялся на дне сумки. Любой магик-наемник таскает такой с собой, потому что поиск Одаренных — непременное условие получения лицензии. Многие даже специализируются на таких поисках. Приют Обретенных платит за найденной с сильным Даром неплохую премию. Разумеется, мне зарабатывать подобным образом не было никакой нужды, и камень болтался бесполезным грузом многие годы. До того вечера. В руках у безродной девчонки он свое существование и закончил, банально сгорев от мощного потока Силы.

По закону я должна была доставить такой самородок в Приют, но не сделала этого. Во-первых, меня ждали на тракте, и на эту встречу мое, страдающее географическим кретинизмом высочество и так уже опаздывало сверх всякой меры. А во-вторых... Я прекрасно знала, какая судьба ждет приютских магиков: двенадцать лет казарменного режима с жестким обучением и служба в войске Белого континента. Выбора нет, исключений — тоже. Поэтому я оставила девчонке свиток, дающий доступ в мой дом в Питруге. Мол, захочет — придет, а нет — станет деревенской ведьмой в родных краях, так как дар такой силы все равно проявится, даже без всякого обучения.

И вот она стоит на пороге моей лаборатории и шмыгает носом, обиженно поглядывая на задумавшуюся хозяйку из-под насупленных бровей. А я совершенно не представляю, что с ней теперь делать.

— Родственники отпустили? — спросила я, чтобы хоть как-то нарушить затянувшееся молчание.

— Так нет у меня родичей, говорила уж, — отозвалась Оли, ковыряя порог босой ногой.

— А, ну да, помню. Сколько тебе?

— Десятое лето проводила.

— А поточнее?

— Не знаю, — девчонка пожала плечами. — У нас не записывают. Батя не помнил, а мать я и не видела, она родами померла.

Я совершенно не аристократично потянулась к затылку. Пальцы наткнулись на еще менее аристократичный колтун. Машинально взглянула на свое отражение в оконном стекле. М-да... Всклокоченные волосы, из которых торчит какая-то ветка, заляпанная неизвестно чем одежда, обалдело-тупое выражение на физиономии и, в довершение образа, убойный запах перегара. Видел бы Па сейчас свою дочурку, поганой метлой бы из ректоров погнал. Может, попробовать? Хотя нет, это будет перебор. В таком виде он меня не только из ректоров, из дочерей выгонит, еще и плюнет вслед.

— А у вас дом красивый, — нарушила мои размышления нежданная гостя. — И работа сама делается. Я все думала, куда мусор девается. Даже на нечисть Вашу грешила. А он, оказывается, просто сгорает. Весело.

— Сгорает? Нет. Его духи выбрасывают... — невнимательно отозвалась я.

— А это что тогда? — спросила Оли, пальцем показав куда-то мне за спину.

А там веселым костерком всеми цветами радуги пылала урна! Правильно! Туда же улетел раскаленный котел! С руганью я бросилась тушить разноцветный пожар, лихорадочно вспоминая, не кидала ли в последние пару месяцев в ведро для отходов что-нибудь взрывоопасное. В лаборатории-то духи не убирают!

Слава Создателям, так ничего не взорвалось. Только весь первый этаж провонял тухлыми яйцами, да девчонка обзавелась боевой раскраской дикарей из мазков цветной сажи. Впрочем, повеселилась она на славу. Хотя в этом безобразии проявился и положительный нюанс: дым, похоже, оказался лечебным, и от моего похмелья не осталось и следа.

Приказав духам проветрить комнаты, я повела девчонку наверх, в библиотеку.

— Ух ты, — разинула рот Оли, едва переступив порог. — Сколько книжек!

«Ну да, — в очередной раз с запозданием дошло до меня, — Свиток — пропуск в дом, и не

более. Духи предоставили гостю постель и стол. В другие помещения у нее доступа не было...»

Большие часы на каминной полке напомнили мне, что утро не резиновое. Проснулась я, конечно, отвратительно рано, но и студиозов поднимают ни свет ни заря. Мало ли, какое событие может потребовать внимания свежеепеченного ректора. А если его, то есть меня, на месте не окажется, Карна не замедлит донести об этом дядюшке, а тот сообщит Царственному братцу. И если Па решит, что дочурка банально смылась...

На этой печальной ноте я поежилась и отогнала неприятные мысли. Не размышлять надо, а действовать! Во-первых, срочно отправить девчонку в Приют Обретенных. Нет. Стоп! Сначала привести себя в порядок... Опять не так. Найденьша должна доставить Рагетта, а не дочь правителя. Иначе шума и сплетен не оберешься. Вот ведь свалилось ифитово отродье на мою голову. И как не вовремя...

Пытаясь решить, как поступить, я расхаживала взад-вперед между стеллажами, не обращая никакого внимания на предмет моих размышлений. А зря...

— Ух ты! Так вы дочка королевская! А так сразу и не скажешь!..

— Что?! — я развернулась как ужаленная. — Откуда ты...

Впрочем, вопрос был излишним. Пока мое тупоголовое высочество размышляло о судьбах мира в лице одной мелкой нахальной девчонки, эта самая девчонка заинтересовалась единственной доступной книгой — «Родословом». Этот толстенный фолиант, подаренный непутевой дочурке правителем на пятидесятилетие, лежал на специальной подставке, потому что не влез ни на одну полку Мало того, он был открыт на той самой странице, где красовался мой портрет и присутствовал перечень всех титулов и регалий!

— Уйди оттуда! — рявкнула я. — Нечего хватать все подряд!

— Я и не хватала, — обиженно буркнула она. — Книжка так и лежала открытая. Просто посмотрела.

— И смотреть все подряд тоже нечего! Сядь вот в кресло и не шевелись!

Оли надулась, но послушалась. А я заметалась по комнате с удвоенной скоростью. Вот и какой ифит толкнул меня под локоть, когда я вздумала пригласить девчонку сюда?! Это же катастрофа! Если ее отвести в Приют Обретенных, все моментально узнают, кто такая на самом деле магичка Рагетта. И все, прощай тракт, здравствуй ректорское кресло, на веки вечные! А то и замужество. Такой скандал Па мне не простит. Попытаюсь брыкаться, может и вовсе из Рода исключить, бывали прецеденты.

«Прибить ее по-тихому, что ли? — подумала я, с сомнением посмотрев на свернувшуюся на кожаных подушках оборванку. И тут же сама себя одернула, неприятно удивившись гадкому направлению собственных мыслей. — Совсем с катушек слетела с этим ректорством».

Оли сидела, поджав под себя босые ноги, и с непонятной смесью надежды и обиды смотрела на меня. Под этим взглядом я невольно поежилась. До чего докатилась: пусть не всерьез, но задумалась об убийстве ни в чем не повинного ребенка.

Так. Подумаем еще раз. В Приют ей теперь нельзя. Да и вообще никуда нельзя, если на то пошло. Мало ли, кому она попадется и кто услышит нелицеприятную для королевского рода правду. Может быть, через годик-другой, когда она повзрослеет и поймет, что не всякую правду стоит озвучивать вслух, а кое-какую, так вообще надо сразу забыть. Но что с ней делать этот годик-другой?!

— Оли, а ты вообще кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Магичкой! Как вы! — с готовностью откликнулась приبلуда, будто только и ждала этого вопроса. — Вы же мне говорили, что я могу выучиться, стать сильной колдуньей, и никто мне будет не указ!

Оп-па... Похоже, я была пьяна гораздо сильнее, чем мне казалось, когда несла подобный бред. Впрочем, сильной магичкой, при наличии учителей, она станет без сомнения. Но вот как я умудрилась ляпнуть, что над ней не будет начальников?! Свободолюбие в Приюте Обретенных выбивают в первую очередь!

«А ты сама-то как свою свободу отстаиваешь? — ехидно вклинился в мои мысли внутренний

голос. — ну правильно, это же твоя свобода. Что тебе до свободы какой-то оборванки...»

— Заткнись, — буркнула я.

— Так я ничего и не говорю, — тут же откликнулась девчонка.

— Я не тебе.

Она демонстративно огляделась, но ничего не сказала. Впрочем, взгляд оказался красноречивее слов. Ага. Раздвоение личности во всей красе.

Я снова взглянула на часы и мысленно выругалась — до подъема в академии оставалось полчаса.

— В общем, так, найденыш, — она наострила уши, с некоторой опаской глядя на меня. Браво, Аленна, запугала ребенка. — Пока поживешь у меня. Позже решим, что с тобой делать.

— А когда? — Оли тут же потребовала конкретики.

— Как только освобожусь, так сразу, — невольно усмехнулась я.

— А можно мне пока книжку какую-нибудь почитать? — видимо, улыбка ободрила найденыша сверх всякой меры. — А то скучно целый день сидеть. Я бы по дому что-то поделала. Так нечего же. Ваша нечисть все делает раньше, чем я взялась успеваю.

— Книжку? Книжку можно, — отозвалась я, лихорадочно соображая, есть ли в моем обширном собрании нечто, что можно дать ребенку с такой силищей и не обнаружить потом на месте собственного дома груды развалин. — Только если ты обещаешь ничего не пробовать на практике.

— Обещаю, — радостно закивала она. — А как это «на пратике»?

— На практике, — машинально поправила я, пробегая взглядом по корешкам книг. — То есть, не пробуй колдовать. Договорились? Тогда я тебе вечером книжку со сказками принесу.

— Хорошо.

Наконец, мне удалось найти то, что вряд ли могло содержать инструкцию к разрушению города: «Букварь юного зельевара».

— В лабораторию ни шагу, — на всякий случай предупредила я, вручая девчонке залапанную книжку.

— Не буду, — согласилась Оли.

— Отлично. Теперь я уйду по делам, а ты веди себя хорошо, и... — Создатели, что я несу?! — В общем, сделай так, чтобы к моему возвращению от дома хоть что-нибудь осталось.

— Угу, — мелкая уже вовсю читала, водя грязноватым пальцем по строчкам и смешно шевеля губами.

«Надо бы ее еще вымыть, — запоздало подумала я, но, в очередной раз взглянув на часы, плюнула на гигиену. — Потом! Все потом! Меня ждет чертова Академия!»

Академия действительно ждала меня с нетерпением. Кто-то самым плебейским способом колотил в дверь кулаками. Я деактивировала портал, села за стол, разложив перед собой несколько свитков, и только тогда щелкнула пальцами, снимая запирающее плетение.

Профессор Карна буквально ввалилась в кабинет. Ну правильно. Кому еще может с самого утра потребоваться ректор?!

— Профессор Аленна! — выдохнула она, с трудом восстановив равновесие. — Я трижды послала к вам духа и уже пять минут стою под дверью! Где вы были?!

— Я обязана давать вам отчет? — я приподняла брови, всем своим видом демонстрируя презрение.

— Нет, но через пятнадцать минут начнется совещание преподавателей, и вы должны там присутствовать!

— Кто придумал устраивать совещания в такую рань? Очередная традиция?

— Скорее необходимость, — огрызнулась она. — Позже лекции у студийцев.

— Угу, а после лекций господина профессора предпочитают отдыхать?

— Посмотрим, что предпочтете вы, когда начнутся ваши лекции, — с едва заметным ехидством парировала Карна.

— Посмотрим, — кивнула я, взяв себя в руки. Мне было не до пикировки с этой защитницей традиций. — У меня намечено очень много дел, лэрра. Вам, как и прочим преподавателям, стоит заняться собственными студийцами, а не пустой говорильней по утрам, которая, разумеется, с этого дня отменяется. Потому что я собираюсь поприсутствовать в рабочих кабинетах и оценить то, что там происходит. По итогам этой проверки будет принято решение о целесообразности нахождения в этих стенах того или иного профессора. Вас, профессор Карна, это касается в первую очередь — именно с ваших лекций я намерена начать.

Кто бы знал, как я в этот момент была благодарна учителю дипломатии. Именно он научил меня исключительно любезно говорить гадости и запугивать, не угрожая впрямую. В свое время я отбрыкивалась от этих уроков, как ифит от помывки. Кто ж знал, что бесполезные на первый взгляд навыки мне так пригодятся?!

— Ваше высочество, — она резко побледнела. Лер дипломат мог бы гордиться своей ученицей. — Вы можете прийти на любую лекцию, можете даже уволить меня, если вам захочется. Но это не отменяет тот факт, что вы теперь ректор Академии стихий и несете ответственность за все, что здесь происходит. И если вам не угодно узнавать об этом на совещании, можете опрашивать каждого преподавателя лично!

Карна развернулась на каблучках и выскочила за дверь.

Вот как она умудряется это делать?! Казалось бы, я поставила ее на место, напугала увольнением, и все равно сажу тут дура душой!

И что эта ведьма, кстати, говорила о моих лекциях? За водопадом событий последних дней я совершенно упустила из виду, что тоже должна преподавать.

Вовремя я об этом вспомнила. Завтра мне придется провести три часа с боевиками выпускного потока. Захотелось завывать. Кому, как не мне, знать, как боевики «любят» то, что не относится к убойной мощи. Пальма первенства по ненависти принадлежит, разумеется, бытовой магии, но зельеварение прочно занимает вторую позицию, слегка опередив целительство. Умение оперативно подлатать собственную шкурку боевики все же немного ценят.

Вот, и как мне заставить два десятка великовозрастных оболтусов учить то, что я сама ненавидела всю свою сознательную жизнь?!

Замечательно начинается осень. Я прикована к Академии, должна заниматься ненавистным зельеварением и бумажной волокитой, а дома у меня сидит необученная девчонка с огромной силой, которую нельзя никому показывать!

Помянув поименно всех демонов Бездны, я слегка успокоилась и крепко задумалась. По большому счету, у меня две проблемы: Академия и Оли.

Оли... Я-то, когда дала ей свиток-приглашение, думала отвести ее в Приют Обретенных, если она появится. Но теперь, благодаря неумному любопытству мелкой или собственному разгильдяйству, кто меня просил оставлять «Родослов» на самом видном месте, поступить так было невозможно. Значит, девчонку надо оставить у себя, как-то позаботиться о ней, что ли. В конце концов, ее появление в Питруге — моя заслуга.

Только вот заботиться о ком-то, как выяснилось по зрелому размышлению, я не умела от слова «совсем». У меня даже котенка никогда не было. Потому как мое ветреное высочество редко задерживалось на одном месте дольше недели. Чем же занимаются дети в возрасте десяти лет?

Я припомнила, чем занималась сама, и улыбнулась. А секунду спустя содрогнулась... Чесоточный порошок в дядюшкином кресле на ежегодном Большом приеме. Обвалившаяся угловая башня дворца. Кролик-зомби... Если найденш окажется хотя бы на одну десятую такой же пакостницей, как я в ее возрасте, мне не поздоровится. Как там говорил мой гувернер? Чем меньше у детей свободного времени, тем меньше глупостей они совершают. Этим и будем руководствоваться! И для начала надо найти девчонке надежного воспитателя.

Еще бы выяснить, где такие водятся...

— Профессор Аленна!

Догадаетесь, кто нарушил мои размышления, вломившись в кабинет, как пьяный мастодонт? Правильно! Профессор Карна, кто же еще?

— Профессор Аленна! — она на минуту умолкла, пытаясь отдышаться. — Ваше присутствие срочно необходимо в лаборатории!

— И что там приключилось? — поинтересовалась я, выбираясь из-за стола — не отстанет же.

— Боевики там приключились! — взвизгнула она. — Они подвесили вашего ассистента под потолком...

— У меня есть ассистент? — брови сами поползли вверх: какие, однако, новости я узнаю мимоходом. В голове тут же замелькали планы, как избавиться от нудных лекций.

— Если бы вы не отменили еженедельные совещания, то знали бы об этом, — огрызнулась Карна. Она уже успела отдышаться, оправила мантию и снова стала похожа на себя саму: сушеную воблу.

— И в чем проблема? Академия набита преподавателями, и никто не может спустить на пол одного ассистента? Кстати, почему он сам не может этого сделать?

— Преподаватели на лекциях. Лоен — зельевар, а не боевик. А у меня, как вы, возможно, знаете, несколько иной профиль.

— Ну что ж, пойдете, посмотрим, — кивнула я.

— А вы не хотите надеть свои ректорские регалии? — вздернула брови профессор Карна.

— Не хочу, — буркнула я, машинально взглянув на эти самые регалии.

Толстенная золотая цепь и разлапистый амулет с грубо обработанным алмазом в центре. Па вручил мне их в тот день, когда отправил сюда. Разумеется, мне и в голову не пришло нацепить это варварское украшение. Зато василиск, чьи рога сейчас украшал килограмм золота, просто преобразился.

— Как хотите, — буркнула Карна. — Пойдете скорее. Бедный ребенок там с ума сойдет!

— У меня в ассистентах числится ребенок? — опешила я, сбившись с шага.

— Да при чем тут ваш ассистент?! — взорвалась магичка. — Эти негодяи украли из музейного крыла котел! Посадили туда первокурсника-чернака. А теперь пляшут вокруг!

Я расхохоталась, представив себе эту картину.

— Вам смешно, профессор Аленна?! — взвизгнула Карна. — Это вопиющее нарушение статута о равных возможностях! Нарушение дисциплины!

Она продолжала кричать, но я ее уже не слышала, хохоча во все горло. В тот год, когда в Академии училась я сама, мы тоже с вожделием поглядывали на огромный музейный котел. И даже как-то загнали в него завхоза-ябеду. Вот только до того, чтоб утащить чугунину, да еще посадить внутрь чернака, все-таки не додумались.

— Об этом немедленно узнает ваш дядюшка!.. — продолжала разоряться профессор. — Я доведу до сведения самого правителя!..

Упоминание Па слегка привело меня в чувство. Не совсем, но хохот мне таки удалось подавить. Не то чтобы я так уж испугалась гнева царственного родителя, однако и злить его по пустякам не хотела. Усмехаясь, я последовала за злобно сопящей Карной.

Отголоски веселья мы услышали еще на лестнице. Гогот и невнятные выкрики неслись из-за высокой двустворчатой двери. Недолго думая, я толкнула толстую створку и вошла в лабораторию. Впрочем, о том, что помещение когда-то было лабораторией, напоминали разве что сдвинутые к стенам столы, кривая пирамида учебных котлов да весы, неопрятной кучей сваленные в углу. В остальном же студии потрудились на славу, превратив комнату в мрачное логово сказочного колдуна. Клубы разноцветного пара, чучело медведки в полный

рост, какие-то дикие пентаграммы на стенах. Довершал картину, судя по всему, мой горе-ассистент, со скорбным выражением на смазливой мордашке парящий под потолком, среди пучков сена и иллюзорных летучих мышей.

На мое появление никто не обратил внимания. Студioзы продолжали с гиканьем скакать вокруг огромного котла, до краев наполненного радужной жидкостью, из которой торчала лохматая голова. Еще один, облаченный в черный балахон, взгромоздился на стол и дирижировал этой какофонией, иногда подбрасывая в котел какую-нибудь гадость вроде дохлой крысы.

— Леры студioзы! — кашлянула я, привлекая внимание. — Повеселились, и хватит!

Ага. Святая простота. Так они меня и послушались.

— А тебе-то что? — вздернул брови заводила. — Не нравится, иди себе мимо.

На минуту прервавшаяся пляска продолжилась как ни в чем не бывало. Оторопев, я обернулась к профессору Карне и обнаружила, что подлая ворона осталась в коридоре. «Оставила меня выкручиваться самостоятельно? — обзлившись, сообразила я. — Вот стерва!»

Злость помогла мне прогнать с лица неуместную ухмылку, и я щелкнула пальцами, стряхивая сразу несколько искорок:

— Я сказала «хватит»!

На этот раз мой голос громыхнул так, что уши заложило даже у меня. Очередная дохлая крыса вспыхнула прямо в руках у разговорчивого нахала, а сам он грохнулся на пол со внезапно взбрыкнувшего стола. Хоровод остановился.

— О... Да это преподша, — проворчал кто-то.

Я приоткрыла дверь:

— Профессор Карна, присоединитесь к нам, пожалуйста.

Разумеется, старая кошелка была там и, злобно глянув в мою сторону, ужом скользнула к своему обожаемому чернаку. Даже непонятно, чего ей хотелось больше, спасти его от рук разгулявшихся боевиков или посмотреть, как я сяду в калошу.

Но тут ее поджидал сюрприз. Как, впрочем, и меня. Чернак вовсе не горел желанием быть спасенным. Когда Карна попыталась извлечь идиота из котла, тот начал брыкаться и визжать. Кое-как общими усилиями нам удалось добиться внятного объяснения, и мне пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы снова не расхохотаться.

Оказалось, первокурсник-чернак залез в котел совершенно добровольно, даже с радостью. Заводила развеселой компании боевиков, сейчас независимо поглядывающий в мою сторону, убедил дурака, что таким образом разбудит его «спящие магические силы».

Еще одна пикантная особенность выяснилась чуть позже. Жидкость, которой поганец наполнил украденный в музее котел, раскрасила глупого чернака во все цвета радуги, и краска эта не поддавалась никаким чистящим плетениям.

Наконец, Карна увела рыдающего разноцветного чернака в корпус целителей, а я снова повернулась к студioзам.

— Ничего умнее не придумали?

— Эмм... — раздался сверху голос моего всеми забытого ассистента. — Не будет ли высокочтимая профессор любезна помочь мне спуститься вниз? У меня несколько иная квалификация, и я что-то никак не могу опознать, что меня здесь держит...

По губам главаря этой банды скользнула предвкушающая улыбка. Очередной сюрприз? Я подняла взгляд, в истинном зрении просматривая нити плетения, приковавшего любителя этикета к потолку. Как мило. Мое же собственное изобретение. Не далее как вчера я точно так же загнала под балки Круппа. Деактивирующая искорка соскользнула с ногтя сама собой, и мой ассистент шлепнулся вниз...

Прямо в ифитов котел он шлепнулся! Я едва успела выставить первый попавшийся щит, иначе меня бы окатило радужным зельем с ног до головы! Но как так?! Котел же стоял дальше!

Самодовольная улыбочка на наглой физиономии свалившегося со стола студюоза мигом подсказала мне, кто позаботился о мягкой посадке для моего ассистента. Отомстил, поганец!

Легкое удовлетворение я испытала сразу же, глядя, как довольное выражение сменяется разочарованным: меня-то щит от покраски спас.

— Благодарю за помощь, — склонился в поклоне в очередной раз всеми позабытый ассистент. — Лер Кирри Лоен, к вашим услугам, профессор...

— Аленна, — подсказала я, с мстительным удовольствием наблюдая, как по физиономии разозлившего меня студюоза пробегает облачко беспокойства.

— Лерра ректор, — еще ниже склонился Кирри. — Мне неприятно представляться в таких условиях. Я ваш ассистент. А это, — он обвел разноцветной рукой сбившихся в кучу студюозов, — выпускной курс, поток Боевая магия.

— Я догадалась.

— Если вы позволите, я бы пошел к целителям. Мой внешний вид...

— Да, разумеется.

— Благодарю вас, профессор Аленна. Очень любезно с вашей стороны пойти мне навстречу и заняться этими бездельниками.

«Эй, стой! — чуть не завопила я, глядя, как он уходит. — Мы так не договаривались!»

Разумеется, мой мысленный вопль никак не отразился на лице. Этим паршивцам только покажи свою слабость: сожрут и не облизнутся. Мне ли этого не знать — сама была такой же. Поэтому, когда мое высочество снова повернулось к студюозам, ничего, кроме равнодушия, они не увидели.

— Ну что ж, — я искоркой очистила небольшой клочок пространства на профессорской кафедре, — будем считать, нового ректора Академии стихий и вашего преподавателя зельеварения вам представили. Забавное приветственное представление я оценила. Поэтому наказывать никого не буду. Но имейте в виду, это первый и последний раз. На будущее моя лояльность не распространяется.

— И что будет? — ехидно уточнил кто-то у меня за спиной, пользуясь тем, что мое внимание было отвлечено поисками чистого стула. Готова поклясться, что догадалась, кто там такой смелый.

— Рискните, и увидите, — обтекаемо отозвалась я. Не забыть бы уточнить, какие в Академии предусмотрены наказания, а то за давностью лет в памяти остались только отработки под надзором наказавшего препода, что меня совершенно не устраивало. — Декорации замечательные, а теперь вы дружно приведете кабинет в первоначальный вид. Без духов. Своими руками. А я посмотрю. Можете начинать, леры студюозы.

Приличный стул мне найти так и не удалось, поэтому я прохаживалась по разгромленной лаборатории, глядя, как студюозы, тихо переругиваясь, наводят порядок.

— А я думал, вы нас зельеварению учить будете, — донесся откуда-то из-за пирамиды котлов уже знакомый голос. — А оказывается — уборке.

— Так баба же, — фыркнул кто-то гораздо тише, но вполне различимо. — Что умеет. Чему она тебя еще научить может? Детей рожать?

Я стиснула зубы, сделав вид, что не слышу наглеца. Не говорить же им, что я понятия не имею, что они сейчас проходят.

— А я бы не отказался поучиться тому, что она еще может уметь, — хохотнул осмелевший остряк. — Давно не встречал такую симпатичную ква... Ква... Ква!

Он схватился за горло.

— Учись, — равнодушно проговорила я, едва взглянув, как он осыпает себя искорками, пытаюсь вернуть нормальную речь. Безо всякого, впрочем, эффекта: шутливых плетений я в свою бытность студюозой придумала множество, и далеко не обо всех рассказала сокурсникам.

Удар гонга, обозначающий завершение лекции, все встретили с облегчением. И я радовалась не меньше разукрашенных разноцветными пятнами студиозов. За ничтожные два часа, пока длилась уборка, мое обозленное высочество трижды пытались проклясть и несчетное число раз разными способами вымазать радужным зельем. Зелье, автора которого мне так и не удалось вывести на чистую воду, я уничтожила лично. Последнюю склянку с ним посчастливилось отобрать у квакающего остряка уже после гонга. И разочарованное выражение на перепачканной физиономии подсказало мне, что она была действительно последней.

Добравшись до собственного кабинета, я рухнула в кресло, чувствуя себя едва ли не хуже, чем после схватки с василиском-мутантом. А он, так, для сравнения, чуть не оторвал мне голову.

— Нет. Преподавание явно не моя стезя. Поубивать бы к ифитам этих студиозов, — пробормотала я, разглядывая на свет радужный трофей. — И где они только достали эту мерзость?

Я сунула склянку в шкаф. Позже придется разобраться, какую дрянь туда намешали: что-то мне подсказывает, что целители вряд ли сумеют вернуть нормальный цвет дураку-чернаку. А сейчас надо все-таки выяснить, чему учат нынешних студиозов, и, в частности, что я сама должна буду показывать им не далее как завтра. И, кстати, в какие дни у них лекции? Да и с ассистентом вопрос открыт: можно ли на него перевесить хоть что-нибудь. И куча корреспонденции, доставленная духами в мое отсутствие, жаждет внимания. И, кажется, еще что-то было запланировано. Вспомнить бы, что именно.

Теперь-то я поняла, почему дурацкие совещания назначали на утро. Пока разберешься со всеми обязанностями, наступит вечер. Только и останется времени, что закатиться в таверну и пропустить кружку-другую винца для успокоения расшатанных студиозами нервов.

Возникшая перед мысленным взором шербатая глиняная кружка вызвала мечтательную улыбку. Я потрясла головой, отгоняя заманчивые видения: сопьюсь нафиг с такой работой. Хотя сегодня... Вечерком... Хорошее молодое вино, а не это буйство цвета. Я снова недовольно посмотрела на полку, где переливалось радужное зелье. Просто преследует меня сегодня радуга. Прямо рок. Утром Оли вся изукрасилась, теперь студиозы...

«Оли! — вспомнила я, сообразив, что такое постоянно вертелось на задворках сознания, не давая мне окончательно размечтаться о посиделках в таверне. — Надо купить ей книжку сказок и поискать гувернера».

Вечер и кружка вина? Наивная. Когда мое замороченное высочество покончит со всеми делами, наступит глубокая ночь, а то и раннее утро!

Выругавшись, я придвинула ближе толстую стопку учебных планов: чем раньше начну, тем больше шансов, что мне удастся поспать хоть пару часов, прежде чем опять столкнусь со стаей студиозов...

ГЛАВА 4

Зелье сварить — не напасть, как бы в зелье не пропасть...

С учебными планами мне удалось разобраться довольно быстро. В конце концов, хоть я и ненавижу зельеварение лютой ненавистью, учили меня на совесть, и звание «Лучший зельевар Белого континента» я получила не за красивые глаза. Но тем не менее я уже полчаса тупо смотрела в свои пометки, пытаюсь понять, какой идиот составлял учебную программу по моему предмету. Зелье от насморка? На выпускном курсе у боевиков? Вы серьезно? Или у меня что-то с памятью, или мое склерозное высочество все-таки учили немного иначе.

Очередной удар гонга, призывающий студиезов на обед, вывел меня из задумчивости. С учебными планами можно разобраться в другой раз, а для завтрашней лекции у меня есть кое-какие сюрпризы. Надеюсь, они заставят боевиков на время позабыть о желании сделать какую-нибудь пакость горячо любимому ректору. Ну а если нет, то, как выяснилось, отработками список наказаний для нерадивых студиезов в Академии стихий не ограничивается.

С этими мыслями я нежно погладила по корешку здоровенный фолиант с выгравированным на обложке названием «Статут». Наказаниям в нем уделялось три главы, и всего несколько пунктов требовали обязательного присутствия преподавателя. С трудом прогнав с лица кровожадную ухмылку, я взялась, наконец, за кипу корреспонденции.

Несколько свитков пришлось отложить в сторону. Разгневанные родители интересовались, почему их невероятно талантливое дитяtko не попало в стены Академии. Откуда мне знать почему? Да и вообще, про подобные претензии в Статуте ничего не писали, стало быть, это не мои проблемы. Хотя для очистки совести в будущем поинтересуюсь у дядюшки, надо ли отвечать на такие письма.

Еще парочка посланий вызвала у меня нервный тик. Вдовы отдавших жизнь за правителя в последней войне просили принять их наследников в Академию без вступительных экзаменов. И, естественно, безвозмездно, то есть даром, ввиду оказанных короне неоценимых услуг. Я бы, пожалуй, и не против, но вот беда: последний военный конфликт, в котором участвовал Белый континент, случился сто восемьдесят лет назад. Рыбацкую фелуку чернаков штормом загнало в один из южных портов. Разумеется, никакие герои там жизнью не жертвовали. А до того была Последняя война, и деткам тех героев должно бы уже стукнуть века по четыре, как Па. Подавив недостойное желание посоветовать оборотистым вдовушкам получше учить историю, я написала десяток однотипных ответов с просьбой уточнить, в каком именно военном конфликте сгинули их кормильцы, и на том успокоилась.

В двух свитках, увешанных разлапистыми печатями Совета, как деревенская невеста бусами, у меня грозно требовали отчета о средствах, потраченных на ремонт второго корпуса общежития. Это надо будет тоже выяснять у Па. Во-первых, я в глаза не видела не только упомянутые средства, но и сам корпус. А во вторых, тут что, казначея нет? Или я еще и бухгалтерией должна заниматься?!

Наконец, разделавшись с бумажной волокитой, я с трудом разогнула спину и, весело похрустывая суставами, прошлась по обширному кабинету. «Проще десяток василисков завалить, — подумалось мне. — В этом проклятом кресле я наживу только чугунную задницу, артрит, геморрой и парочку неврозов». А кресло все так же маячило за спиной мрачной тенью, напоминая, что я еще и половину запланированного не сделала.

Еще через час мое вконец одуревшее от обилия информации высочество готово было схватиться с сотней василисков и Черным континентом в придачу, лишь бы получить повод убратсья из ненавистного кабинета. И повод не замедлил представиться в лице профессора Карны, в очередной раз ввалившейся в дверь. Но я уже была в таком состоянии, что даже ей обрадовалась, как родной.

— Профессор Аленна, ваше присутствие...

— Иду! — перебила я, с трудом скрыв радость.

Если Карна и удивилась моей покладистости, то ничем этого не показала.

— С вами хотят посоветоваться целители, — холодно продолжила она, пока я выбиралась из-за стола. — Неизвестный состав зловредного зелья не смывается с кожи первокурсника

никакими средствами.

— Да. У меня были мысли о чем-то подобном, — в гулких коридорах учебного корпуса наши шаги рождали громкое эхо, чему я была несказанно рада. Оно заглушало громкое бурчание в моем пустом животе: я благополучно не успела не только пообедать, но и позавтракать, а время близилось к ужину.

Карна не удостоила меня ответом. В полном молчании мы добрались до Больничного корпуса.

Седой целитель в светло-голубой мантии наклонил голову в знак приветствия:

— Дерра ректор, профессор Карна, прошу за мной.

Лаборатория здесь оказалась несколько приличнее той, в которой занимались студии, но все-таки гораздо хуже, чем у меня дома, не говоря уже о дворцовой. Различия, конечно, были ожидаемыми, но не до такой же степени? Весы, попавшие мне на глаза, куда органичнее смотрелись бы в музее. Впрочем, и разнообразием ингредиентов здесь тоже похвастать не могли. Надо будет выяснить, насколько это нормально. Неужели таким минимумом можно справляться с травмами, неминуемо возникающими там, где на маленьком клочке земли собраны пять сотен недоученных магов?

— Профессор Аленна, — нарушил молчание целитель. — Я ознакомлен с вашими работами в области зельеварения и надеюсь, вы сможете нам помочь в нейтрализации этого состава.

Не буду описывать двухчасовые изыскания. Сразу скажу, что помочь им я не смогла, и в первую очередь потому, что в лаборатории отсутствовала половина общедоступных ингредиентов и инструментов, не говоря уже о редких. Пообещав подумать над проблемой в свободное время, когда оно у меня только появится, это свободное, я поплелась обратно в свой кабинет.

На этот раз меня никто не сопровождал, и, погружившись в невеселые мысли, я спохватилась только, в третий раз пройдя мимо собственной двери по круговому коридору административного корпуса. А подумать было о чем. Я не раз и не два слышала, как ругался Па, подписывая огромные дотации на содержание «проклятой учебки», как он выражался. Конкретных сумм я, конечно, не видела, но чтобы вызвать такие эпитеты из уст моего всегда сдержанного родителя, который никогда не отличался скарденностью, нулей там должно было стоять очень много. Но обшарпанные стены и нищенская лаборатория громко заявляли о противном...

«Казначей ворует, что ли? — проворчала я. — Только этого не хватало. Правильно, у дядюшки амурные переживания, что ему до каких-то там счетов? Ну вот... Теперь придется проверять еще и финансовую отчетность!»

Сообразив, какие бумажные горы нарисовались в перспективе, я схватилась за голову: удирать надо отсюда как можно быстрее. Пока эта бумажная рутинка не затянула меня, как гиблое болото. Сказано — сделано. Через несколько минут мое перепуганное высочество, смахнув в ящик стола остатки корреспонденции, шагнуло в портал.

А дома все так же удушливо пахло тухлыми яйцами и стояла гробовая тишина.

— Что за мерзость? Велела же духам проветрить, — поморщилась я и, только оказавшись в коридоре, сообразила, что источник мерзкого запаха — не лаборатория, а кухня. — Меня решили накормить помоями с ближайшей свалки?!

Пустой желудок протестующе забурчал, отозвавшись на такое надругательство режущей болью. Пообещав себе упокоить половину нерадивых духов, я поплелась на запах. Ну что ж. Нос меня не обманул: смердела, как последняя скотобойня, именно кухня. Но на этом хорошие новости заканчивались. Дело в том, что ее просто не было. Вместо нее мое ошалевшее высочество оказалось в филиале болота, с порога по колению ухнув в дурно пахнущую жижу. С отвисшей челюстью я минут пять обозревала царящий вокруг разгром, с трудом узнавая очертания знакомых предметов, вроде стола или плиты.

— Вы бы вышли оттуда, — тронула меня за плечо Оли.

— Что это? — я посмотрела на стоявшую у двери девчонку.

— Лесная свежесть, — пробормотала она, и глаза ее стали быстро наполняться слезами. — Только она не получилась...

Смирившись с тем, что осталась без ужина, я с громким чавканьем выдрала из густой массы ноги и выбралась обратно в коридор.

— Убрать! — искорка, призывающая духов, слетела с ногтя, а я смерила тяжелым взглядом найденыша. — Просила же не колдовать!

— Я и не колдовала, — она шмыгнула носом в последней попытке удержать слезы. — Только зелье хотела сварить. Из книжки...

— Говорила же тебе, не... — зарычала я, и тут же спохватилась. — Ну да... В лабораторию ты не пошла...

— Вы меня теперь выгоните? — таки разревелась Оли. — И магии учить не будете!

На кухне что-то булькнуло, да так громко, что я невольно обернулась, и...

Правильно... И, поскользнувшись на грязных ступенях, рухнула в новоявленную трясину, подняв тучу зловонных брызг. А две секунды спустя с визгом вылетела обратно, потому что какая-то дрянь чувствительно цапнула меня за задницу.

Пока мое ошалевшее от калейдоскопа событий высочество пыталось протереть глаза, чтобы выяснить, что за зубастая тварь вцепилась в царственную пятую точку, Оли заревела в голос. Похоже, девчонка решила, что теперь-то негостеприимная ведьма ее не только выгонит, но еще и побьет на прощанье.

Бросив бесплодные попытки соскрести с физиономии липкую массу, я попыталась на ощупь отодрать от себя зубы неизвестного монстра. Утешало только то, что веса зверя я не ощущала, в отличие от зубов, а значит, большим он быть не мог.

Вдоволь поелозив в грязи, я наконец нащупала нападающего. Им оказался флакон радужного зелья, который я, уходя из Академии, сунула в задний карман штанов. Когда мое неуклюжее высочество спланировало в болото, бутылка не выдержала соприкосновения с каменным полом и разбилась, воткнувшись осколками мне в зад. Представив, на что сейчас похож мой филей, а главное, руки, довольно долго елозившие по испачканной зельем одежде, я чуть не взвыла. Теперь вопрос стоял или — или. Либо мое раскрашенное высочество до утра найдет способ отмыться, либо об авторитете у курса боевиков можно забыть навсегда. Рычание, вырвавшееся из горла помимо воли, заглушили рыдания Оли.

М-де... Воспитатель из меня никудышный: напугала девчонку до истерики.

— Ну все, не хнычь, — пробормотала я, неумело погладив растрепанную голову грязными пальцами. Впрочем, на внешнем виде мелкой приبلуды это никак не отразилось: ее и так окатило брызгами с ног до головы, когда мое неуклюжее высочество брякнулось в болотище на кухне. — Пошли мыться, что ли? А то духов распугаем.

— Простите! — еще громче завывала Оли.

Ничего не понимаю. Вроде пытаюсь утешить девчонку, а она только громче воет. Что я не так сделала-то?

— Успокойся. Все нормально. Кухню духи почистят. Ну разве что ужин сегодня задержится, так это ничего...

Рев поднялся такой, будто приبلуда оплакивает всех померших родственников до седьмого колена.

— Ну хватит уже! — окончательно запуталась я. Эй, кто-нибудь! Как детей утешают?! Кажется, это невосполнимый пробел в моем образовании.

Оли вдруг обхватила меня руками, уткнувшись носом куда-то в район ремня:

— Бу-бу-бу...

— Прости, но я ничего не поняла.

Она задрала голову:

— Вы такая хорошая!

Я смутилась, не найдясь с ответом.

— Пошли мыться...

Загнав приبلуду в ванну и получив твердое обещание не тонуть, не колдовать и не разрушать помещение, я сбросила грязные тряпки и встала под душ. Вода, стекающая мне под ноги темным зелено-бурым потоком, сильно пенилась, будто я вылила себе на голову бутылку с мыльным зельем.

«Интересно, что эта малолетняя экспериментаторша там наварила, — лениво подумала я, подставляя под теплые струи то один, то другой бок. — Лесная свежесть — зелье для детских упражнении, салатная жидкость с легким ароматом лесных цветов. Как можно было превратить ее в дурно пахнущую грязь, да еще в таком количестве?»

Наконец, вода у меня под ногами стала прозрачной. Я извернулась, пытаюсь рассмотреть повреждения на пятой точке. Ничего особенного, пара неглубоких порезов. Даже заживляющее зелье не понадобится: простейшее плетение справится. И с чего я решила, что мне в зад вцепился монстр? Наверное, от неожиданности.

Легко избавившись от незначительных повреждений, я выбралась из душевой. Большое зеркало отразило мое распаренное высочество во всей красе. Никаких намеков на то, что еще полчаса назад меня угораздило сесть на битое стекло, не осталось. «Всегда бы так... А то шрамов на шкуре гораздо больше, чем положено приличной принцессе, — подумала я, наткнувшись взглядом на парочку напоминаний о не слишком удачных схватках. — Жаль, что не все можно свести так же легко». Невольно провела пальцем по кривой отметине, протянувшейся поперек плеча, которую оставил василиск-мутант несколько недель назад. Всего-то несколько недель, а кажется, уже год прошел. Или два... Па со своей безумной идеей превратить непутевую дочурку в ректора, приبلуда малолетняя, Карна, студиозы с этим проклятым зельем...

Зелье! Я в ужасе завертелась перед зеркалом, стараясь рассмотреть себя сразу со всех сторон. Ничего. Никакого намека на боевой раскрас дикарей. На меня не попало ни капли?! Да быть такого не может! Уж руки-то точно испачкала — прекрасно это помню. Но и пальцы радовали нежно-розовой распаренной кожей, никакого буйства красок.

«Приблудино болото!» — осенило меня, и я, в прямом смысле теряя тапки, понеслась на первый этаж, на ходу пытаюсь попасть в рукава халата.

Кухня встретила мое всклокоченное высочество первозданной чистотой и блеском. Я с трудом подавила желание побиться дурной головой о свежевывмытую стену: ну что мне стоило сообразить раньше?!

Хотя, может, это и не болото? Может, я действительно умудрилась не вымазаться? Впрочем, чего зря гадать, проще проверить. Я развернулась и зашагала к порталу.

Уж не знаю, что подумал старичок-целитель, когда в корпус среди ночи ввалилась босая лерра ректор в домашнем халате и с всклокоченными волосами. И не хочу знать, кстати. Вряд ли в его мыслях было хоть что-нибудь лестное для упомянутой лерры. Но он безропотно выдал мне требуемые образцы зловредного зелья и подтвердил, что ни чернака, ни моего ассистента отмыть так и не смогли.

Ничего не объясняя, я сунула в карман горсть миниатюрных флаконов и едва не бегом отправилась в обратный путь.

В душевой я соскребла немного начавшей подсыхать массы с валявшейся в углу одежды и минуту спустя испустила восторженный вопль. Творение приبلуды начисто лишало радужное зелье всяких намеков на цвет. Я даже рискнула и окунула во флакон палец. Красочные разводы исчезли, стоило мне только намазать кожу вонючей массой и подержать под струей теплой воды.

Эйфория отступила, только когда я задумалась, каким образом доставить решение радужной проблемы в Академию. Не натирать же пострадавших моими грязными штанами, в самом-то деле?! Если для чернака кое-как сойдет, то ассистенту, как его там, явно не понравится совать голову в чьи-то портки.

— Оли? Ты там не утонула? — позвала я, сообразив, что в очередной раз забыла про героиню дня.

— Н-нет. Только холодно очень.

— Так выходи, если отмылась!

— А надеть что?

Вот любит она вгонять меня в ступор. Действительно, что на нее надеть? У меня же нет никакой детской одежды!

— Пока в моем халате походишь, — я щелкнула пальцами, отдавая приказ домашнему духу.

Девчонка приглушенно пискнула, видимо, появление в воздухе предмета одежды ей не понравилось, но пару минут спустя вышла ко мне. Рукава она кое-как закатала, а полы волочились за ней следом, как шлейф парадного дворцового платья.

Распорядившись насчет позднего ужина, я привела Оли в библиотеку и, усевшись за стол, взяла перо:

— Рассказывай, как ты умудрилась превратить кухню в болото.

— Я нечаянно, — снова насупилась она.

— Никто не собирается тебя ругать, — спохватилась я. Еще не хватало, чтоб девчонка опять разрыдалась. — Просто расскажи подробно. Что взяла? С чем смешала? В каких пропорциях?

— Я попорции не трогала, в кастрюле замесила, — уже спокойнее отозвалась мелочь, убедившись, что ее никто не собирается ругать. — Ну и делала все, как в книжке написано, Там пишут, мол, это варево пахнет хорошо. Мне не понравилось.

— Ладно, — вздохнула я, понимая, что простым способом ничего не добьюсь. Состав Лесной свежести я помнила прекрасно. И так же прекрасно знала, что в моих продуктовых шкафах не было и половины ингредиентов для этого зелья. Эх... Плакала моя свежесмытая кухня. — Ты как, не засыпаешь еще?

— Не-а, — она энергично замотала вихрастой головой. — Я днем спала.

— Тогда пошли.

— Куда? — забеспокоилась приبلуда. — На улицу?

— Какую еще улицу? — отмахнулась я, давно отчаявшись понять, как работает голова у этой девчонки и что ее может в очередной раз напугать до икоты. — На кухню пойдем. Попробуем повторить твой подвиг.

— Вам понравилось? — разинула рот Оли.

— Ну не то чтобы очень... — Неожиданный вопрос застал меня врасплох. — Но интересно, как ты это сделала.

— А если опять напачкаю? — настороженно уточнила она.

— Пачкай, — я махнула рукой. — Пойдем уже. Будешь варить свою... Помойную свежесть.

— Помойную? — Оли хихикнула. — А я все вспоминала, чем это пахнет. Точно! Так помойка в селении пахла. Та, что за бойней. Тетя магичка, а почему в богатых домах такую вонь любят?

— С чего ты взяла? — опешила я.

— Ну так в книжке написано было. Что это варево наливают в плошки и ставят в погреб для хорошего духа.

— Ставят в погреб?.. — на грани сознания забрезжила пока не оформившаяся идея. — Ну-ка, Оли, неси сюда свою книжку.

Девчонка едва заметно пожала плечами, явно не понимая, куда клонит мое ненормальное высочество, но за Букварем побежала.

Пять минут спустя я подтвердила ее сомнения в моем душевном здравии, захохотав, как бешеная гиена. Из глаз полились слезы, разболелся живот, заныли щеки, а я смеялась и не могла остановиться.

Оли смотрела на это буйство расширившимися глазами и даже, кажется, начала осторожно пятиться к двери. Это слегка привело меня в чувство, и я поманила девчонку пальцем. Она склонилась над книгой.

— Смотри. Тут страницы склеились. Ты начала варить Лесную свежесть, а продолжила вот это — самовосстанавливающуюся массу для питания домашних духов. Я только не пойму, откуда запах такой мерзкий. Ни то, ни другое так пахнуть не должно.

Приблуда, сдвинув бровки, сосредоточенно водила по строчкам пальцем.

— Это я виновата, что воняло, — она опустила голову, но я не дала ей в очередной раз разреветься, ободряюще потрепав по вихрам.

— Показывай.

— Вот, — Оли ткнула обломанным ногтем в последнюю строчку на странице. — Сухие яйца...

— Красных лесных муравьев, — не глядя, по памяти продолжила я. — Они так не воняют. Кстати, где ты их взяла?

— Так я про муравьев не видела, — хихикнула она. — Дальше там молоко было...

— Ну это уже из смеси для духов.

— Угу. А я подумала, что если подсохшие яйца годятся, то свежие будут еще лучше. В тесто-то всегда утренние лучше вчерашних класть...

— Так ты туда перепелиных яиц натолкала? — снова захохотала я.

Она развела руками, и я, смеясь, притянула ее к себе, взлохматив короткие вихры:

— Это зелье назовут в твою честь. Пошли поужинаем, а потом попробуем его изобразить, Только на этот раз в лаборатории и без самовосстановления.

ГЛАВА 5

Иное слово, что корова: вылетит — отмываться

Несмотря на то что поспать мне удалось всего полтора часа, в ректорский кабинет из портала я шагнула в преотличнейшем расположении духа. Конечно, частично это было заслугой Бодрящего настоя, небольшой флакон с которым я осушила, проснувшись. Но в большей степени меня радовала здоровенная бутылка с Помойной свежестью. Ночью мы с Оли таки довели это варево до ума. Оно больше не увеличивалось в объеме с безумной скоростью. Правда, от запаха тухлых яиц избавиться не удалось, но мы и не особо старались. Главное, что радужное зелье Свежесть смывала сразу и без усилий. Единственной каплей дегтя в этой бочке с нектаром было то, что моя лаборатория теперь больше напоминала филиал лесного болота. Но с моей страстью к рискованным экспериментам это случилось далеко не в первый и, скорее всего, не в последний раз.

Весело насвистывая, я понесла бутылку в больничный корпус. Старичок-целитель, приняв меня и с подозрением поглядывая на раннюю гостью, все-таки пустил меня к своим пациентам. Видимо, мой ночной визит оказал на него неизгладимое впечатление. Впрочем, неприязнь исчезла без следа, едва мой ассистент при помощи принесенного зелья избавился от радужной раскраски на физиономии.

— Это гениально! — воскликнул старик, едва Лоен радостно убежал в душевую, нежно прижимая к тощей груди плоскую с толикой дурно пахнущего варева. — Ваш талант к зельеварению — дар Создателей.

— Это не только моя заслуга, — поморщилась я. Терпеть не могу, когда меня незаслуженно хвалят. А если еще и за ненавистное котломарательство... Фу! — Основной состав — работа моей ученицы. Я его только немного усовершенствовала.

— Вы решились возродить институт ученичества? — округлил глаза целитель.

Я прикусила язык, но было поздно. Пришлось кивнуть.

— Профессор Аленна, — старик вдруг поднялся с дивана, где мы сидели, поджидая Кирри, и, встав передо мной, поклонился. — Когда я узнал, что ректором назначили молодую девушку, то был недоволен. Простите. Думаю, все взвесив, вы со мной согласитесь. Академия стихий сейчас переживает не лучшие времена. И в такой период назначение неопытной девчонки, а вас я представлял себе именно такой, могло стать концом этого древнейшего учебного заведения.

Пока я хлопала глазами, пытаюсь сообразить, мне сейчас хаят или хвалят, он перевел дух и продолжил еще более воодушевленно:

— Теперь я вижу, что поспешил в суждениях. Под руководством такого талантливого и самоотверженного человека, как вы, Академия стихий сможет снова стать тем, чем была столетия назад: лучшим учебным заведением Белого континента! Если вам понадобится помощь, профессор Аленна, вы можете всегда рассчитывать на меня.

Он снова поклонился и, не ожидая ответа, ушел куда-то в задние комнаты. И хорошо, что ему не приспичило услышать от меня что-нибудь подходящее к случаю. В бедовой голове моего одуревшего высочества царил полный сумбур. Во-первых, я не понимала, с чего бы Академии «переживать не лучшие времена». Дотации она получает немаленькие, преподав — хватает, судя по письмам, недостатка в желающих нацепить мантию студиоза тоже нет. Так в чем проблема? И второе, что меня обеспокоило еще сильнее, это восторг и легкое недоверие, прозвучавшие в голосе старого целителя при упоминании ученичества. Помнится, я что-то читала об этом, будучи студиозой. Ничего такого страшного вроде не было. А непопулярным ученичество стало скорее потому, что много школ. Кому захочется вешать на себя обузу в виде сопливого малолетки, если его можно отправить в школу или Академию, а потом получить уже готового ассистента? И дешевле, и удобнее.

Но что-то смутное скреблось на грани сознания, не давая мне списать восторги целителя на банальный старческий маразм. Плюнув на бесплодные попытки выудить это «что-то» из памяти и одновременно ругая на чем свет стоит собственную чрезмерную дотошность, я таки потащила в библиотеку.

Едва не заблудившись в забытых за давностью лет петлях многочисленных коридоров, я добралась до библиотечной башни. У высокой резной двери рядом с надписью «Не шуметь»

висел большой плакат: «Леры студии! Обращаясь к библиотекарю, постарайтесь вспомнить не только цвет и размер требуемой вам книги, но также ее название и автора!» Я едва не расхохоталась, но, наткнувшись взглядом на предыдущее объявление, вовремя подавила смех. То ли нынешние студии растеряли описательные способности, то ли библиотекари теперь не в пример хуже, чем раньше. Помнится, в мое время лерра библиотекарь могла найти нужную книгу не только по внешнему виду, но и с закрытыми глазами на ощупь. А некоторые мои сокурсники на полном серьезе утверждали, что количество вырванных страниц она определяет, взвесив фолиант на ладони.

Но старой хранительницы книг, которую помнила я, уже не было. Вместо нее за высокой стойкой со скучающим видом сидела молодая черначка и перелистывала какой-то модный журнал.

— Нет такого, — не поднимая глаз от страниц, буркнула она, не дав мне слова сказать.

— Может быть, уважаемая лерра библиотекарь соизволит выслушать своего ректора прежде, чем отвечать? — прошипело мое обозленное высочество.

Услыхав волшебное слово «ректор», девица всполошилась, засыпала меня извинениями вперемешку с жалобами на наглых студентов, которые — о, ужас! — иногда заходят в библиотеку и — вообще кошмар несусветный! — смеют требовать книги.

Однако нужный мне фолиант она все равно не нашла.

— Нету, — горе-библиотекарша развела руками. — Наверное, не было такого. А может, студии утащили...

Пока мое обалдевшее от подобного непрофессионализма высочество ловило отвисшую челюсть, девица хлопнула на стойку толстый, обильно разукрашенный золотом фолиант:

— Да и зачем вам, лерра ректор, эта замшелая древность? Вот. Возьмите лучше новый роман Мариссы Влюбленкиной. Только неделю, как прислали. Такая история! Он — эльфийский принц, тысячу лет искал свою истинную пару. А она — простая девушка из деревни и влюблена в простого барона. Но если она не отдастся эльфу в течение месяца, то он умрет в жутких мучениях. Я так плакала, когда она в семьдесят первой главе ему из жалости все-таки отдалась, а бедный барон не поверил, что из жалости, и бросился с башни...

— Спасибо, не стоит, — пробормотала я, с трудом удержав рвущиеся с языка эпитеты, и побыстрее убралась из библиотечной башни.

Мысли металась в голове, как табуны лошадей, влетевший с разбегу в осиновый рой. Что произошло с библиотекой? «Может, и не было, а может, студии утащили»... Это как?!

Удар гонга неожиданно резанул по ушам, напомнив, что с библиотекой и ученичеством можно разобраться и позже, а вот ожидающие мое забывчивое высочество в лаборатории боевики вряд ли будут пайнками. Выругавшись сквозь зубы, я поспешила туда.

Перед дверью пришлось притормозить и восстановить дыхание. Что греха таить, и мне не чуждо волнение. Когда закончится мое заключение в Академии неизвестно, а воевать весь этот срок с выпускным курсом боевиков у меня не было никакого желания.

Навесив на лицо соответствующее случаю равнодушное выражение, я наконец вошла. От мазков радужного зелья студии уже успели избавиться. Интересно, они провели про Помойную свежесть или все-таки сами разобрались? Мой ассистент, разумеется, опять парил под потолком. Благо, хоть на этот раз в книжку-раскраску Лоена не превратили. Щелкнув пальцами, я мимоходом спустила его на пол и прошла к кафедре.

— Доброе утро, леры студии.

Ответом мне послужил нестройный гул голосов. Ну хоть как-то отозвались.

— Лер Лоен, подготовьте все для сегодняшней лекции.

— Уже все готово, профессор Аленна, — моментально склонился в поклоне он.

— Замечательно, — величественно кивнула я. — Леры студии, кто из вас знает, о чем сегодня пойдет речь?

Подскочил худой, прыщавый юноша в поношенной мантии. Она была ему сильно коротка, и

из-под подола торчали тощие лодыжки. «Ему что, не могли выдать мантию по размеру? — поморщилась я, пока студиоз скороговоркой тараторил состав и способ приготовления зелья для лечения насморка. — И с прыщами своими мог бы в Больничный корпус сходить, неряха. Дело-то на две минуты».

— Хорошо. Все присутствующие так же хорошо знакомы с этим зельем? — Я дождалась, пока стихнет утвердительный гомон, и продолжила: — Прекрасно. Вы не устаете меня радовать, леры студиозы. Тогда скажите, а зачем это зелье вам, боевикам?

Народ слегка растерялся, и мое ехидное высочество позволило себе мимолетную улыбку: пока все шло по плану.

— На фиг не нужно! — выкрикнул, наконец, кто-то ожидаемую мной фразу.

Кто-то? Да это же мой добрый болтливый знакомец, который, уходя отсюда в прошлый раз, квакал на весь коридор. Вот и подходящий подопытный кролик.

— Рус, угомонись, — прошипел Кири. В моем присутствии ассистент вел себя гораздо увереннее.

— Лер Рус, вижу, вы уже успели вернуть себе человеческую речь, — нежно улыбнулась я, проигнорировав ассистента. — Не согласитесь ли послужить для сегодняшнего занятия наглядным пособием?

— Лягушек мы еще на втором курсе резали! — выкрикнул кто-то с заднего ряда.

— Ну что вы, — моя улыбка стала еще шире. — Разумеется, мы не будем резать нашего друга. Лер Рус, смелее!

Расчет оказался верным: стерпеть намек на собственную трусость заносчивый молодой дурачок не смог и тут же выскочил на кафедру.

Я вытащила из кармана и поставила на столе перед ним два флакона:

— Лер Рус, чисто визуально. Как вы думаете, что здесь?

Какое-то время он молча присматривался, справедливо подозревая какой-то подвох. Но, не найдя ничего необычного, буркнул:

— Зелье от насморка.

— Хорошо. Как вы будете выкуривать из норы кричана?

— Кого? — резкая смена темы сбила мальчишку с толку, и он тупо уставился на меня.

— Вы будущий боевой маг, лер Рус, или как? — делано возмутилась я. — Не знать одного из самых распространенных на территории Белого континента монстров, это невероятно. Как вы добрались до выпускного курса?!

— Да знаю я, кто такой кричан! — обиженно буркнул он.

— А если знаете, значит, грешите еще более непозволительной для боевого мага роскошью: тугодумством. Если в реальном бою вы будете так же долго вспоминать, какой именно монстр перед вами, то закончите размышления уже в его желудке.

Смех, доносящийся с задних рядов, становился все громче. Понадеявшись, что авторитет нахала пострадал в достаточной мере, я отпустила его на место:

— Садитесь. Кто сможет сказать мне, что делает поимку кричана сложной?

Подскочил тот же худосочный отличник:

— Кричаны строят извилистые норы со множеством ходов. Человеку туда не попасть, варану с этим монстром не справиться, а дымом не выкурить, потому что нора уходит вниз, выход всего один и тяги нет никакой!

— Отлично, лер...

— Буи, — подсказал он, слегка покраснев под новые смешки.

Краем глаза, я отметила, как шепчется с соседом по столу Рус, и насторожилась. Неужели двух уроков оказалось недостаточно и он снова задумал какую-то пакость?

— Лер Буи. А как следует пользоваться зельем от насморка?

— Лечь навзничь, мазнуть под носом... — он внезапно вскинул голову, осененный догадкой. — Пары этого зелья всегда уходят вниз... Норы кричанов уходят вниз...

Я ободряюще кивнула.

— А у кричанов очень чувствительный нос, и если вылить у входа в нору этот флакон, то...

Глаза юноши засверкали от таких перспектив. Еще бы, ведь считается, что достать из норы упомянутых монстров почти невозможно. Они безумно осторожны, обладают безупречным нюхом, и все такое. Я сама совершенно случайно наткнулась на подобный способ использования зелья от насморка. Нечаянно разбила флакон, поджидая терроризировавшего соседнюю деревушку кричана. Правда, это открытие стоило мне разодранного бока, когда монстры неожиданно вылезли из-под земли в количестве семи штук вместо ожидаемого одного. Но об этом студиязам знать не обязательно.

Большинство студиязов оценило новый способ влет. С разных сторон доносились шепотки:

— Лучше лучников в отдалении поставить, а то как полезут...

Хех, а вьюноша умнее своей профессорши.

— Поставить сети прямо перед норой! От запаха они одуреют — и туда. Знаешь, сколько их яд стоит, если у живых сцеживать...

Ага, главное, какой самоубийца будет сцеживать?

— В одиночку точно нельзя...

— Тройкой самое то...

Умные детки...

Дав студиязам еще несколько минут, я заговорила вновь. И, надо признать, слушали меня уже гораздо внимательнее.

— Думаю, многие из вас, леры студиязы, проходили практику за городом. Скажите, как в селениях обстоят дела с поставками лечебного зелья от насморка? Стоит дорого?

Шутку оценили. Купить банальное зелье за городом было практически невозможно. Для селян оно было бы слишком дорогим, а путешественники обычно возили подобные склянки с собой.

— С собой придется возить! — выкрикнул Рус.

— А вы думаете, что только это зелье можно использовать не по инструкции? — усмехнулась я. Студиязы затихли. — Нет, разумеется, если леру Русу удобно таскать за собой телегу, набитую разнообразными склянками, я не против. Конечно, он не должен при этом забывать о технике безопасности, правилах упаковки и перевозки, разрешении на...

— Сварить, и все! — перебил кто-то наименее терпеливый. — На него ничего такого не надо, все под ногами растет.

— Да, такой вариант мне кажется более разумным, — мое мстительное высочество не отказало себе в насмешливом взгляде, брошенном в сторону Руса. Впрочем, в ответ я получила не менее яростный взгляд. А мальчишка упряма...

— А что во второй склянке? — отчаянно краснея, спросил Буи.

— А вот вы нам это и скажите, — улыбнулась я, сделав приглашающий жест в сторону стола. — Можете открыть, понюхать, только пробовать не рекомендую. Жгучая штука.

Пожалуй, даже дворцовый кот, однажды забравшийся в мою лабораторию, меньше крутился у склянок с валерианой, чем этот студияз вокруг зелий. Но в конце концов он вынужден был признать поражение:

— Зелье от насморка.

Я, улыбнувшись, взяла один из пузырьков и капнула на пол. Поднявшийся клуб серого дыма мгновенно заполнил довольно большое помещение. Дав студиозам пару минут почихать, я-то заранее озаботилась фильтрующим щитом, мое зловерное высочество распахнуло окно и искрами очищающего плетения выгнало густой туман на улицу.

— Плохо, леры студиозы. Вы же боевые маги. Хоть кто-то из вас должен был успеть среагировать.

Под моим взглядом народ краснел и отводил глаза. Действительно, плохо, между прочим. То, что никто из них не успеет поставить фильтры, оказалось неожиданностью даже для меня. Прав был Па, когда ворчал про криворуких выпускников. Ох как прав.

— Но щиты и их использование не тема нашей лекции, — я скользнула взглядом по лицам, и почти у всех увидела искренний интерес. — Просто подумайте, какой сюрприз вы могли бы устроить гипотетическому врагу. Для лазутчиков — штука вообще незаменимая. И лишних подозрений не вызовет, и пригодиться может серьезно. Кроме того, с некоторыми монстрами можно справиться, только ослепив их. О том, что нужно добавить в обычное лекарство для подобного эффекта, мы поговорим в другой раз, когда научитесь варить основу. Думаю, ввиду всего сказанного вы на практическом занятии с гораздо большим интересом займетесь приготовлением зелья от насморка под присмотром лера Лоена. А для меня приготовьте эссе по ингредиентам: какие, как найти, ареал распространения...

Тут я заметила, что Рус снова шепчется о чем-то с соседом и, судя по пакостному выражению на смазливой мордашке, вовсе не о насморке.

— Лер Рус! Вы слышите? Желаете сдать мне экзамен, придется больше внимания уделять учебе. А уж об этом-то зелье вы должны рассказать со всеми подробностями, даже если я вас ночью разбужу!

— А почему это вы меня ночью разбудите? — уточнил он таким двусмысленным тоном, что по лаборатории вновь полетели смешки.

Вот же нахал! Неймется ему! От необходимости отвечать меня избавил гонг. Студиозы, моментально забыв о шутке, стали собираться. А мое вымотанное постоянным напряжением высочество смогло позволить себе вздох облегчения, только заперев за собой дверь ректорского кабинета. Ну что? Первую проверку я прошла. Но что-то мне подсказывало, что Рус так просто не успокоится и первая не станет единственной.

Плюнув на недобрые предчувствия, я плюхнулась в кресло. Бессмысленно гадать, что задумал нахальный студиоз. У меня и без того дел выше крыши.

Сегодняшняя корреспонденция завалила половину стола. На стене укориженно маячил план занятий, напоминая, что проверки я царственному родителю обещала, а сама даже со своими учебными планами до конца не разобралась, не говоря уж о чужих. А кроме того, вороватый казначей... И непонятная библиотекарша... Плюс с Оли надо что-то решать, пока она без присмотра не разнесла мой дом. Кстати, и одеть ее тоже не помешает. Не расхаживать же девчонке в моих халатах два года... Ах да! Еще странные намеки старого целителя по поводу ученичества...

Я схватилась за голову: чтобы все успеть, мне надо раздвоиться и добавить в сутки десяток часов. С тоской подумав о таком привольном, спокойном тракте, мое несчастное высочество с ненавистью посмотрело на кучу свитков. И это под моим началом только Академия. Как же Па со всем континентом управляется?!

«Но Па-то не пытается все и сразу делать самостоятельно! — осенила меня гениальная идея, не дав окончательно скатиться в черную меланхолию. — У папочки есть советники, помощники, секретари и прочие лизоблюды. И у меня тоже такой дармоед имеется, пусть и в единственном экземпляре!»

Я стряхнула с пальца искорку, отправив за упомянутым дармоедом духа, и задумалась, что бы такое переложить на его щуплые плечики.

Ассистент не заставил меня ждать. Через четверть часа он уже стоял напротив с заискивающей улыбочкой, всем своим видом выражая готовность услужить. Только вот незадача: за эти пятнадцать минут я не успела решить, что ему можно поручить.

— Отправитесь в город, — наконец проговорила я, когда пауза затянулась сверх всякого приличия. — Купите полный комплект одежды на ребенка. От белья до зимних мантий. Для

девочки. И принесете мне сюда.

Я подала ему толстый кошелек, который моментально исчез в складках учительской мантии.

— Ах, это для вашей ученицы! — улыбка стала еще шире. — Я так восхищен вашей смелостью, профессор Аленна!

— Да, да, — отмахнулось мое недовольное высочество, неприятно удивленное не только скоростью распространения слухов, но и тем, что, похоже, все, кроме меня, знали, чем опасно чертово ученичество. — Идите.

— А размеры?

— Вот такая, — я показала примерный рост девчонки, чиркнув ребром ладони под грудью. Вроде бы где-то там была ее макушка, когда она вчера полезла обниматься. — И не слишком светлое.

— Да, конечно, профессор Аленна, — он склонился в глубоком поклоне. — И позвольте мне еще раз высказать свое восхищение вашей мастерской преподавательской работой. Боевики еще никогда не вели себя так прилично на зельеварении!

— Угу, — буркнула я, с трудом удерживаясь от того, чтобы вытолкнуть зануду за дверь.

— Я постараюсь выбрать для вашей ученицы самое лучшее.

— Отлично! — мое вконец обозленное высочество демонстративно покосилось на гору бумаг на столе. — Буду с нетерпением ждать результатов.

Избавившись от ассистента, я отправила духа за казначеем и, пока он явился, успела не только разобрать половину бумажной кучи на своем столе, но и забыть о приглашении. Когда раздался стук, мое оголодавшее высочество как раз с вожделием поглядывало на портал, размышляя, заметит ли кто-то мое получасовое отсутствие, если смотаться на площадь и перекусить в какой-нибудь таверне. Разумеется, запоздавшего казначея встретила отнюдь не радостная улыбка.

— У меня тут несколько посланий из Совета, — начала я, кое-как заставив голос звучать ровно. — Чтобы отвечать на них, мне требуется финансовая отчетность за последний год. Извольте принести.

— Зачем нагружать такую хорошенькую головку скучными цифрами? — масляно улыбнулся он, похоже, не испытывая никакого трепета. — Разве это занятие для красивой девушки? Давайте эти бумажки мне, я на них сам отвечу. Не впервой.

На мгновение я заколебалась. Ну что мое оупевшее за годы странствий высочество смыслит в бухгалтерии? Вот боевка, это пожалуйста. Зелья, на худой конец... Но цифры?

— Не надо думать, — вкрадчиво проговорил казначей. — От этого бывают морщины.

Если он и хотел убедить меня забыть про отчеты, то этой фразой добился прямо противоположного результата. Я вспыхнула, как пучок сухой соломы: «Да что этот сморчок себе позволяет?! Как он вообще смеет разговаривать в подобном тоне с ректором этой проклятой Академии и дочерью правителя!»

Когда я ответила, льда в моем голосе было больше, чем на вершинах всех гор Белого континента, вместе взятых:

— Я пошлю с вами духа, чтобы вам не пришлось в голову уронить что-нибудь в камин по недосмотру.

— Как вам будет угодно, — прошипел казначей и снова склонился в поклоне. — Пусть вам потом будет стыдно за ваше недоверие.

Но злость в моей душе говорила еще слишком громко, чтобы я услышала шепоток раскаянья.

— Я жду не больше четверти часа, после чего пришлю духов уже за вами, лер казначей.

— Как вам будет угодно, — повторил он, бросив в мою сторону короткий, горящий ненавистью взгляд.

Ровно через пятнадцать минут на столе появилась стопка растрепанных бухгалтерских книг. Покосившись на новоявленную колонну, едва не подпершую потолок, я глухо застонала. Это и за год не разобрать. А учитывая, что мое замороченное высочество и без того обвешано обязанностями, как караванный буйвол тюками, да еще и ни ифита не смыслит в бухгалтерии, мне суждено мирно помереть от старости рядом с этой кипой.

Но долго предаваться унынию мне не дали. Появился мой ассистент и с натугой втащил в кабинет объемистый тюк.

— Это что? — опешила я. — Неужели вы не слышали о багажном плетении, лер Лоен?

— Прос... Простите, Профессор Аленна, — прохрипел он, утирая выступившую на лбу испарину. — Я купил только самое необходимое и по городу носил под багажным плетением. Но, к сожалению, совершенно забыл про особенности ворот Академии... А свиток был только один...

— Все хорошо, — чтоб не заорать матом, пришлось призвать на помощь остатки аристократического воспитания, еще не забытые бурным ключом академической жизни под плинтус реальности. Как он мог забыть, что ворота сшибают любые плетения, проходя сквозь них ежедневно? — Не стоит извинений.

— Вы так великодушны, лерра Аленна, — улыбнулся он.

Я списала несколько фамильярное обращение на усталость и улыбнулась в ответ:

— Вы очень мне помогли, лер Лоен. Благодарю вас.

Как этот хлыщ оказался рядом, присосавшись к запястью слюнявым поцелуем, я даже не поняла. Но упомянутое воспитание не позволило мне не только вырвать руку из потных ладошек, но даже вытереть ее о штаны впоследствии. Я мило улыбнулась и погрозила пальцем.

— Разве так положено обращаться с ректором?

Это-то и оказалось моей роковой ошибкой. Уж не знаю, что такого Лоен усмотрел в обычном светском ответе, но он с громким стуком приземлился на колено передо мной, вновь завладев еще не просохшей рукой. А дальше я просто молча обалдевала, с каждой фразой все глубже впадая в натуральный ступор.

— О, Аленна! Вы так прекрасны и великодушны!

«Эмм... О чем это он?!»

— Я столько времени мечтал сказать вам об этом!

«Интересно, сколько, если я впервые его увидела вчера болтающимся кверху задом под потолком?»

— Я влюблен так искренне, как только может любить истосковавшееся по теплу одинокое сердце!

«Мне даже неинтересно, в кого! Пусть мне кто-нибудь объяснит, при чем тут я-то?!»

— Вы так прекрасны, что просто не можете не быть доброй и нежной!

«Да неужели? Кто так жестоко обманул этого идиота?»

— Поэтому я прошу у вас милосердия!

«А давай, я тебе лучше золотой дам? Или даже два?»

— Позвольте мне жить, богиня! Позвольте мне любить!

«А чем мое обслюнявленное тобой высочество мешает?!»

— Станьте моей женой!

— Ты что, охренел?! — ляпнула я вслух.

— Простите, что? — подавился очередным высказыванием Лоен.

— Я хотела сказать, — спохватилось мое офигевшее высочество, — что для чувств такой глубины прошло слишком мало времени, чтобы верить в их искренность.

Он тряхнул головой, видимо, решив, что мое первое высказывание ему почудилось:

— Я понимаю вас, лерра Аленна. Но я сумею доказать вам искренность своих чувств! Вы увидите, как я умею любить!

С этими словами он снова облизал мою руку и, наконец, убрался из кабинета. Создатели, что это было? При первой встрече Лоен не показался мне храбрецом, способным не только влюбиться в дочь правителя, но еще и признаться ей в этом.

Сбросив на дверь искорку блокирующего плетения, я тщательно вымыла руки, не пожалев парочки чистящих зелий для ран из неприкосновенного запаса. Ифит его знает, что за психоз обострился у моего ассистента. Вдруг это заразно?

Взглянув на часы, я махнула до скрипа отмытой рукой на гору бумаг, подпирающую потолок. Домой. Вручу Оли обновки, надеюсь, этот болван действительно купил все необходимое, поужинаю по-человечески и пороюсь в своей библиотеке. Что-то мне подсказывало, что простой оговоркой про ученицу я подложила своему невезучему высочеству большую свинью.

ГЛАВА 6

И ректор ума наберется, коль около студиозов потрется

А дома вовсю воняло. И чем бы вы думали? Правильно! Именно тухлыми яйцами! Это уже становится традицией. Отвратительной традицией!

Мое обозленное высочество, пнув тюк с одеждой для мелкой, рвануло в коридор и чуть не сшибло приبلуду с ног.

— Это не я! — тут же завопила Оли, не дав мне вставить ни слова.

— А кто тогда?

— Оно само, — она развела руками с самым невинным видом.

Мне даже на мгновение стало стыдно: почему я во всем виню мелкую? Мало ли что могло произойти. А то, что до ее появления в этом доме тридцать лет вообще ничего не случилось, это, разумеется, чистая случайность. Ага... А я — наивная забывка.

— Показывай, где и что оно само? — вздохнула я.

Пятнадцать минут и десяток «оно само» спустя мне удалось выяснить, что, собственно, произошло. Найденыш опять хотела как лучше, а получилось... Получилось то, что у нее обычно получается. Оли решила сделать госпоже магичке приятное и навести порядок в лаборатории. Желание вполне объяснимое, так как по моему приказу духи туда не суются, а после наших ночных изысканий помещение напоминало сто лет не чищенный хлеб. Все бы хорошо, но результаты наших неудачных экспериментов она, не задумываясь, слила в одно ведро! Что там с чем среагировало, не возьмусь теперь разобраться даже я. Но, когда перепуганная приبلуда сбежала с места преступления, радужной пены с резким запахом тухлых яиц натекло уже по щиколотку.

Отослав найденыша отмываться, я с некоторой опаской пошла в лабораторию. За дверь что-то подозрительно побулькивало. Встав сбоку, мое наученное горьким опытом высочество осторожно приоткрыло створку. Предосторожность оказалась нелишней. Тухлятиной шибануло так, что у меня потемнело в глазах, а радужная пена полноводной рекой потекла в коридор, закручиваясь у моих ног мелкими водоворотами.

— Убрать! — рявкнула я, призывая домашних духов. — Хоть в Бездну отправьте эту субстанцию, но чтоб я ее больше не видела!

Секунду спустя я пожалела о своих опрометчивых словах. Духи — хорошие слуги, но у них есть один недостаток — любой приказ они воспринимают буквально. Не успело мое одуревшее от вони высочество договорить, как посреди коридора образовалась иссиня-черная воронка. Минуты три я с отвисшей челюстью наблюдала, как потоки радужной пены со свистом исчезают в ее недрах. Наконец дыра с грохотом, от которого заложило уши, схлопнулась, и наступила тишина.

На подгибающихся ногах я подошла к двери и заглянула в лабораторию. Нигде не осталось даже микроскопической капли радужной пены. Только густой запах тухлых яиц напоминал, что здесь творилось еще пять минут назад.

Нервно захихикав, я представила себе Безымянную на туманном троне, с ног до головы облитую совместным творением дочери правителя, студиозов и мелкой приبلуды. Поверьте, святым кругом я осенила себя вполне искренне. Кто знает, как Безымянная воспримет появление в своих владениях помоев из мира живых, если духи действительно их туда отправили. Словно в подтверждение моим мыслям окна на мгновение осветились и ударил гром. Я подскочила: неужели мое тупоголовое высочество умудрилось угадать?!

Думаю, никогда еще в этом доме хозяева не поднимались с такой скоростью на астрономическую башенку. Тяжело дыша и держась за сердце, я уставилась сквозь хрусталь окна на потоки воды, хлещущие с черного неба.

— С новым годом! — раздался голос мелкой у меня за спиной.

— Спасибо! — машинально отозвалась я, и только тут до меня дошло, что происходит.

Середина осени. Неделя гроз. В селениях считается, что это Создатели омывают мир от

старого, чтобы дать место новому году. Глупость, конечно. По календарю новый год наступает в середине зимы. Но осенние грозы приходят каждый год с завидной регулярностью. Поэтому я чаще всего вспоминаю о своем высоком происхождении именно осенью: в сезон гроз тракт не самое гостеприимное место. И то, что происходит за окном, не кара Безымянной для одной тупой магички, а всего лишь ежегодное явление!

С облегчением выдохнув, я притянула к себе мелкую и погладила ее по лохматой голове.

— Пошли. Переоденешься, и будем ужинать.

— А во что? — тут же потребовала конкретики приبلуда, подтягивая сползший рукав халата. — Я свое постирала, но оно еще мокрое. В доме повесить негде, а на двор я дверь открыть не смогла.

— Есть во что, — усмехнулась я. — Не переживай. А старье твоё духи выбросят.

Оставив Оли копаться в мешке с тряпками, который так и валялся в прихожей рядом с порталом, я отправилась в библиотеку. Надо все-таки разобраться с дурацким ученичеством. Если там что-то не так, то глупые слухи стоило пресечь раньше, чем они дойдут до ушей моего драгоценного Па.

Но добраться до книжных полок мне в очередной раз не дали: по холлу прокатился удар колокола. Я удивленно глянула на часы. Гости? В такое время? А самое главное... Здесь?! Мой дом — моя крепость. Для моего потрепанного трактом высочества это не пустые слова. Тех, кто знает, чей это дом, очень мало. А уж тех, кого я рада увидеть на пороге, и вовсе можно пересчитать по пальцам одной руки. Еще и лишние останутся. Штук пять...

Тихо ругаясь сквозь зубы, я выглянула в потайное окошко. Но у ворот никого не оказалось. Мало того, даже сканирующее плетение не нашло позднего гостя. Не считать же гостем здоровенную вазу, из которой торчал какой-то цветочный веник. Не раздумывая, я прямо из окошка пульнула по ней слабым огненным шариком.

— На нас напали, да? — восторженно прошептала неслышно подошедшая Оли.

— Угу, — проворчала я, не оборачиваясь. — Очень агрессивный букет. Прямо и не знаю, как удалось с ним справиться.

— Букет? — явно опешила приبلуда.

— Шучу, — отмахнулось мое недоверчивое высочество. — Это известная уловка городских воров. Оставят под дверью какую-нибудь заговоренную дрянь, и если глупые хозяева заберут подарочек в дом, то ночью их ждет крепкий и здоровый сон. Только проснутся они гораздо беднее, чем засыпали.

— Понятно.

— Ладно. Вряд ли они сегодня еще сунутся, — пробормотала я, в последний раз окинув взглядом пустынную улицу, и обернулась. И чуть не села прямо на пол. — Ты переоделась...

— Ага, — поморщилась Оли, зябко поводя плечами, и тут же, спохватившись, добавила: — Мне нравится. Красиво, но...

Она примолкла, видимо, решая, стоит ли высказывать свои претензии непредсказуемой хозяйке. Сама же хозяйка давилась еле сдерживаемым смехом.

— Но... — подбодрила я, загоня неприличный хохот обратно в горло.

— Но юбка кривая: тут длиннее, там короче. Я на этот хвост наступаю постоянно. И накидка сверху неудобная. Хоть бы дырки какие для рук... А без нее — спина мерзнет.

Я еще раз окинула девчонку быстрым взглядом. Да уж. Платье со шлейфом надеть задом наперед, это еще полбеды, но использовать вместо пелеринки полупрозрачную нижнюю юбку...

— Так... — мое побагровевшее высочество прикусило губу.

— Я что-то не так сделала? — насторожилась приبلуда.

Я мысленно отвесила себе оплеуху: ну откуда сельской сироте знать, как надевать подобные

вещи?

— Все нормально. А тебе самой нравится?

— Да, — она опустила голову и уставилась в пол. Ну что ж. Врать мой найденыш пока не научился и, будем надеяться, не научится.

— А если честно?

— Платье красивое, честно! Только можно я потом свои портки надену? — выпалила она и с опаской глянула в мою сторону.

— А среди обновок... порток не было?

— Были. Токмо они срамные: короткие, белые и все в бантиках-кружавчиках. А ну как зацеплюсь за что?

Вздохнув, я искоркой подняла приبلуду в воздух: непонятно, как девчонка не пересчитала носом все ступеньки, поднимаясь сюда, и мне совсем не хотелось, чтоб она сделала это, спускаясь. Неожиданно взлетев, Оли охнула, но на лице отразился скорее восторг, чем страх.

В холле у портала мое окончательно развеселившееся высочество переворошило полтора десятка различных тряпок, в большинстве своем еще менее практичных, чем та, что нацепила приبلуда. Судя по этой подборке, о детях мой услужливый ассистент имел еще более смутное представление, чем я сама. Впрочем, портниха, пожалуй, дала бы фору нам обоим. Какому идиоту могло прийти в голову шить на десятилетнюю девчонку платье со шлейфом и застежкой-шнуровкой на спине?! Это же неудобно! А тут таких было целых три, не считая того, что на Оли. Мало того. Все они были с обширным декольте! Что такое может уложить в это декольте моя приبلуда? Два апельсина?

Тихо сатанея, я отбрасывала в сторону одну бесполезную тряпку за другой. Наконец, попало что-то приемлемое: темно-зеленая амазонка для верховой езды. Кожаные брючки и замшевый жакет до середины бедра. Выбрав из кучи салатную блузу, я секущим плетением укоротила рукава до приемлемой длины: никогда не понимала моду на манжеты из вороха пышных кружев, свисающих чуть ли не до колен. Так. Теперь белье. Еще несколько искорок, и панталоны лишились большинства украшений, зато их стало возможно надеть под что-то менее обширное, чем тент для грузовой повозки. Единственной покупкой, обошедшейся без моих усовершенствований, оказались мягкие замшевые полусапожки, пришедшиеся девчонке точно по ноге.

Объяснив приبلуде, что за чем надевать, я вышла в столовую. На столе тут же начали появляться блюда с заказанным ужином. С громким вздохом облегчения мое затурканное высочество уселось в кресло и вытянуло гудящие ноги.

Появившаяся пять минут спустя Оли также выглядела куда веселее. Отмытая, в красивой одежде, девчонка ничем не отличалась от дочерей аристократов, которых я изредка видела на официальных приемах. Только торчавшие в разные стороны вихры немного портили впечатление, но это дело поправимое: отрастут. «Может, найти ей приемную семью? — задумалась я. — Зачем ей в этот Приют?»

— Госпожа магичка, а вы меня еще учить будете? — с набитым ртом проговорила она.

— А надо? — усмехнулась я, обсасывая куриную косточку.

Оли неожиданно смутилась:

— Если можно... Вы хорошая и линейкой не деретесь, как учитель Ронд, даже когда в кабаке переберете!

Я чуть не подавилась... Какой наблюдательный ребенок! Ну и как ее, такую наблюдательную, куда-то отправить?!

— А я тоже хорошая буду! Честно-честно! — продолжала убеждать Оли, не подозревая, какие мысли бродят в моей бедовой голове. — Слушаться буду! И ем я мало! А еще убирать могу...

— Вот убирать, наверное, все-таки не стоит, — усмехнулась я, припомнив разгромленную лабораторию.

— Я вам во всем, во всем помогать буду!

— Ну хорошо, хорошо, — я невольно рассмеялась над такой горячностью. Ишь, как понравилось приبلуде: глазищи сверкают, моська умильная. Разве что не мурлыкает, а так — чистый котенок. Можно и поучить немного. Все равно в Приют ей пока нельзя.

— Честно? Берете меня в ученицы?

— Честно. Беру тебя в ученицы, — усмехнулось мое расслабившееся от сытного ужина высочество. — Ешь давай.

Ответом мне послужил радостный визг. Пожалуй, только стол помешал найденышу немедленно повиснуть у меня на шее. «От этих прыжков ее, кстати, надо будет отучить в первую очередь», — подумала я, лениво почесывая предплечье.

— Я буду все-все делать! — вещала она, пока я потягивала вино. — Все книжки выучу!

— Посмотрим.

— Честно-честно! — Оли энергично закивала.

«И за столом себя вести тоже придется учить, — мысленно добавила я, глядя как девчонка огромными кусками заталкивает в рот хлеб, умудряясь одновременно еще что-то говорить и чесаться. — Кстати, что это мы чесаться начали в унисон? Приبلуда притащила в мой дом паразитов?!»

Мое обеспокоенное высочество незаметно стряхнуло с пальцев несколько плетений, но никаких кровососов в радиусе десяти метров не оказалось. Я облегченно выдохнула: только блохастого ректора в Академии стихий и не хватало.

Поймав себя на том, что начинаю клевать носом прямо за столом под щебетание мелкой, я отослала ее спать и, велев духам прибраться, поплелась в спальню. В ифитовы кущи все дурацкие ректорские дела. Кому я что докажу, если завтра отрублюсь в кабинете?

День не задался с самого утра. Для начала я умудрилась проспять. Потом мое сонное высочество, начисто позабыв о раскиданном в холле тряпье, запуталось в каких-то лентах и в порталную арку влетело головой вперед. Хорошо, хоть волочащиеся за мной кружевные панталончики я заметила до того, как открыть дверь явившейся Карне. Она, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность, положила на мой стол очередную охапку свитков и гордо удалилась. Не успела я обрадоваться, что сегодня обошлось без нудной лекции о «бедных» чернаках, как пришел мой горе-ассистент. Этот крутился вокруг меня минут сорок, мыча что-то невразумительное и заглядывая в глаза, пока я не указала на дверь в довольно грубой форме.

Избавившись от зануды, мое скворчащее от злости, как сало на сковородке, высочество снова уселось за стол и развернуло первый свиток.

— Нумерология. Гадость какая, — бормотала я себе под нос, просматривая планы лекций, принесенные Карной на утверждение. — Психоматрица... Кармические числа... Нумерологический анализ слов... Кармическая ось... Кармический домкрат... Стоп! Какой еще домкрат?! А... Это квадрат...

Я никак не могла сосредоточиться. Мало того что мое склерозное высочество давно позабыло те ничтожные крупички нумерологии, которые, впрочем, никогда толком и не знало, так еще и где-то в затылке угнездилась тянущая, неприятная боль. И ни обезболивающее зелье, ни аналогичное плетение на нее не действовали.

Продираясь сквозь полупонятные термины нумерологии, я невольно потирала больное место, но боль и не думала уходить, скорее, усиливалась. Поэтому, когда на высокой ноте вдруг запищал кристалл связи, мое одуревшее высочество чуть не взвыло. Естественно, мой ответ был далек от норм светских приличий:

— Что?!

— Твои манеры, дорогая сестра, ухудшаются с каждым днем, — насмешливо проговорил Макса.

— А не надо было сажать дорогую сестру на ректорскую цепь, — огрызнулась я. — С кем поведешься, как говорится. А манеры — последнее, чего можно набраться у студиозов.

— И ты, похоже, набралась на всю оставшуюся жизнь, еще когда сама носила мантию

студิโอ́за, — рассмеялся брат.

Типично братец. С ним невозможно поссориться. На моей памяти это удавалось только зануде Алеку.

— Ну уж какая есть, — невольно усмехнулась я. — Зачем тебе вдруг неотесанная сестрица понадобилась, государь-наследник?

— Ладно-ладно, неотесанная. Советую по-быстрому отесаться, потому что государь-правитель ждет твое обнаглевшее высочество к обеду.

— А если у меня аппетита нет?

— Тогда можешь не есть, но явиться обязана, — хохотнул Макса и посерьезнел: — Па желает видеть твою ученицу.

— Мою... Да откуда... Зачем?! — подскочила я, едва не перевернув кресло.

— Это ты у него спроси, — братец понизил голос и добавил: — Па, конечно, напрямую не говорит, но, по-моему, он доволен, что ты за ум взялась. Хотя сперва и обалдел, что сразу так масштабно. Даже проверять бегал. Так что не дрейфь, сестренка, сегодня тебя не только замуж не погонят, но даже под стражу не заключат.

«Какая же сволочь уже доложить успела? — лихорадочно думала я, не вникая в дальнейшие слова брата. — И как теперь выкручиваться?! Да и вообще, что такого масштабного в этом ученичестве?!»

— Ал! — ввинтился в мои мысли голос Максы. — Ты меня слушаешь?

— Да, разумеется, — отозвалась я, беря себя в руки. Что-что, а из безвыходной ситуации мое бедовое высочество всегда умело быстро находить выход, иначе бы давно свернуло царственную шейку на тракте. А то, что этот выход порой оказывался входом в ситуацию еще более безвыходную — не в счет. — Просто пыталась сообразить, как явиться вовремя, и поняла, что такой возможности нет.

— Не зарывайся, Ал, — насторожился братец. — Па это не понравится.

— Я же не отказываюсь. Просто у меня сейчас проверка, которую я, как ты помнишь, нашему царственному родителю обещала. По этой... Как ее... — Я заметалась взглядом по столу, пытаюсь сообразить, что могу так срочно проверять. — По нумерологии, вот!

— Так ты же в ней ничего не смыслишь, — удивился Макса.

— Ну и что? — уровень апломба в голосе моего окончательно зарвавшегося высочества превысил все допустимые нормы. — Проверяющий препода должен уметь проверять, а не преподавать!

— Да ну — с легким недоверием протянул братец.

— Ну да! А теперь извини. Надо еще подготовиться к проверке и все такое. Передай Па, что буду к ужину.

— Смотри, про ученицу не забудь, — напомнил Макса.

— Только о ней и буду думать, — фыркнула я, деактивируя кристалл.

Вопросы роились в голове, как взбешенные пчелы в закрытом улье: «Кто докладывает Па не только о каждом моем шаге, но даже слове? Как привести вчерашнюю деревенскую побирушку пред очи царственного родителя и при этом не огрести? И что за ифитовы тайны с проклятым ученичеством?!»

Удар гонга напомнил мне, что лекция по нумерологии, которую я якобы проверяю, вот-вот начнется. У меня и в мыслях не было идти туда контролировать то, в чем мое замороженное высочество смыслит меньше, чем ифит в мороженом. Но, вспомнив о неизвестном «докладчике», я бодро вылезла из ректорского кресла: за вранье Па наказывал гораздо серьезнее, чем за любые другие провинности.

Я вошла в лекторий одновременно с ударом гонга.

— Я не буду вам мешать, — кивнула высокой пожилой профессорше.

Она явно занервничала, но ничего не сказала, и мое затюканное противоречивыми идеями высочество скромно пристроилось в последнем ряду за спинами студиязов.

Уж не знаю, насколько хорошо профессор нумерологии знала свой предмет, но студиязов она держала в руках виртуозно. Никаких шепотков, болтовни, шалостей. Даже на непрошеную гостью в моем лице почти никто не оглядывался. Да и голосок у лерры нумеролога был самый подходящий для лекций: высокий, взвизгивающий в самый неподходящий момент. Под такой речитатив точно не заснешь, даже если тебе просто зачитывают список жителей Белого континента. Впрочем, для меня ее лекция по информативности явно уступала подобному списку.

— Как мы можем предположить с высокой степенью достоверности, вся физическая реальность, в отличие от астральной, расположена внутри Пространства и Времени. Нумерология есть учение о количественных характеристиках Пространства и закономерностях развития Бытия в соответствии с этими характеристиками. Она подразумевает под собой набор универсальных шаблонов, которые используются для построения всего физического сущего. Истинные нумерологические формы никогда не являются жестко фиксированными.

В конце концов я провалилась в какой-то транс, слушая, но не слыша, что там втолковывает студиязам лерра профессор.

— Они находятся в состоянии постоянного перехода от одной формы к другой со своей собственной скоростью и частотой. Таким образом, в общем случае нашей задачей должно являться выделить момент перехода, построить на его основе аналитическую модель и использовать в дальнейшем в качестве шаблона, в зависимости от наших задач эволюционного или регрессивного.

Создатели, главное, не заснуть. Если лерра ректор захрапит посреди лекции, это станет новостью похлеще, чем появление у меня мнимой ученицы. Как бы так без потерь объяснить Па, что это — недоразумение? Хороший вопрос. Но у меня есть еще лучше. Все мои последние проблемы так или иначе появились из-за ректорского кресла. Так как же мне из него выбраться, чтоб его ифиты сожрали? Отправить в Бездну всю Академию, как давеча радужное зелье?!

— Ответ неверный! — в очередной раз взвизгнула лерра нумеролог, нервным жестом усаживая на место неудачливого студияза.

«И какой же верный?» — невольно подумало мое загнанное в угол высочество, так удачно вписался в мои мысли этот возглас.

— Объясняю в последний раз! Для самых глухих! В этой позиции цифра три возводит в степень положительные качества! И, таким образом, превращает их в отрицательные! Приведите примеры!

Дальнейшего я уже не слышала, с трудом удержавшись от победного вопля. Вот оно, идеальное решение моей должностной проблемы. Любое полезное качество, увеличенное в разы и доведенное до абсурда, становится отрицательным! И никто не сможет меня упрекнуть в чем-нибудь нехорошем! Я же хочу как лучше! На благо дорогой академии!

Что бы такое выбрать? Читать все лекции, потому что преподаватели паршивые и студиязы ничего не знают? Ну уж нет! Во-первых, я все-таки не тысячелетний маг-универсал из древних сказаний. А во-вторых, с такой тактикой я загнусь раньше, чем Па надоеет мое рвение...

Экономить на всем? Как же, берегу казну, и все такое... Хотя нет. Тоже не годится. Тут и так, похоже, на всем экономят, судя по антуражу.

Значит, наоборот! Тратить деньги. И побольше! И все на благо Академии. Начать можно с корпуса целителей. Там лаборатория явно требует пополнения. Па и так рычит, что дотации огромные. Так я ему их удвою. Или утрою...

От раскрывающихся перспектив у моего счастливого до безумия высочества перехватило дыхание. Да, чтоб избавиться от такого активного ректора, Па сделает что угодно! Тракт! Рагетта идет к тебе!

ГЛАВА 7

Двуногое средство от головной боли

К себе в кабинет я возвращалась едва не вприпрыжку, за что удостоилась удивленного взгляда профессора Карны. Еще бы, такой довольной эти стены видели мое высочество, пожалуй, всего однажды, когда тридцать лет назад нахальная девица обвела вокруг пальца экзаменационную комиссию и вопреки желанию царственного родителя поступила на курс боевиков. Припомнив эту историю, я тихонько захихикала. Па рвал и метал, узнав, что произошло. Впрочем, я и сама через пару дней пожалела, что не пошла, как планировалось, к зельеварам. Но упрямство — основная черта моего характера, и к концу учебного года мне удалось справиться не только с телом, превращающимся после тренировок в скулящий фарш, но и явной неприязнью куратора. Академию я закончила с отличием. Эх... Юность. Кто бы мог подумать, что я вернусь сюда в таком качестве?

В ректорское кресло мое ностальгирующее высочество плюхнулось, ощущая себя старым, мудрым вараном. А может, оно и верно? Только с возрастом начинаешь ценить комфорт. Буду сидеть в этом кабинете, гонять нерадивых студюзов. Закажу свой портрет в голубой аляповатой мантии с кошмарным ректорским амулетом на груди и повешу у себя за спиной...

Я крутанула на пальцах ректорскую цепь. Разлапистая то ли звезда, то ли каракатица едва не вышибла мне глаз и, вырвавшись из рук, вломилась в пирамиду бухгалтерских книг. Высоченная стопка угрожающе накренилась. Я попыталась подхватить ее, но только нарушила и без того хрупкое равновесие.

Когда мне на затылок упал первый том, я еще смеялась. Четвертый и пятый встретили забористые ругательства. А к восьмому мое взбешенное высочество ругало академию последними словами и нежно вспоминало гостеприимные канавы у тракта и разнообразных монстров.

Это ж надо, на ровном месте устроить себе подобную бомбардировку! Где вообще была моя голова, когда я сложила эти талмуды в полутораметровую пирамиду на собственном столе? Кое-как утвердив стопки бухгалтерских книг на полу, мое взмокшее высочество снова уселось на место. Бумажная вакханалия стояла мне подбитого глаза. Впридачу окончательно разболелась голова. Оценив полученные повреждения и убедившись, что подходящего зелья в кабинете нет, а тащится с перекошенной физиономией через всю академию на потеху студюзам в Больничное крыло неразумно, я решила, что мой рабочий день закончен.

Отправив к профессору Карне духа с сообщением о своем отсутствии, я шагнула к порталу. В конце концов, среди актуальных проблем, кроме ректорского кресла, над моей больной головой висело неизвестно чем грозящее ученичество.

Мелкая встретила меня прямо у портала. Еще ни о чем не подозревая, я потрепала приبلуду по вихрастой голове:

— Что у нас сегодня развалилось?

— Ничего, — улыбнулась она.

— Вот и замечательно!

— Только...

Тут бы мне насторожиться, но нет, я все еще витала в розовых облаках, тем более что мигрень неожиданно отступила:

— Если стены целы, остальное — ерунда.

— Наверное. Мне даже понравилось.

— Ты о чем вообще, мелочь? — машинально поинтересовалась я, отдавая духам приказ приготовить ванну.

— Про картинку. Красивая.

— И где ты нашла красивые картинки? В библиотеке?

— Да нет же! — она закатала рукав, и я чуть не села прямо на пол.

На предплечье у приبلуды красовался грифон — символ правящего рода.

— Откуда это у тебя?! — мой вопль, наверное, был слышен и на улице.

— Не знаю! — перепугалась мелкая. — Я ничего не делала! Оно само!

Смутные подозрения шевельнули волосы на затылке, и мое перепуганное высочество, забыв про ванну и зелье от синяков, галопом поскакало в библиотеку.

«Все не так плохо, — уговаривала я себя, переходя от одного стеллажа к другому в поисках нужной книги. — Все не так плохо...» Старинный талмуд «О связях родственных, любовных и магических» нашелся в самом темном и пыльном углу после того, как я вспомнила, что как-никак магичка, и активировала поисковое плетение. Пять минут спустя у меня появился десяток причин обозвать свое неразумное высочество глупой курицей.

Правильно говорят: сам себе не подгадишь, никто с тобой не справится. В отношении моего тупоголового высочества этот принцип срабатывает всегда.

Во-первых, я умудрилась заключить с мелкой бессрочный договор на ученичество и даже не заметить. Мне ли не знать, что самые древние и мощные обряды до смешного просты в исполнении? Что, обладая Силой, надо следить за своим языком? Но нет... Я дала мелкой одежду, накормила ее за своим столом, а потом добровольно согласилась взять ее в ученицы. Все! Никакой «защиты от дурака» для одной слабоумной принцессы обряд не предусматривал.

Во-вторых, в ознаменование сделки у девчонки появилась татуировка грифона, а у меня какой-то непонятный орнамент, будто нарисованный пьяным наемником на столе в паршивой таверне. Не дай Создатели, Па увидит эту «красоту». Он же ни в жизнь не поверит, что сие — символ ученичества.

В-третьих, ученика полагалось везде таскать с собой, не оставлять надолго в одиночестве, оберегать и защищать. Особенно защищать, проклятый договор связывал жизни: расквасит Оли себе нос — плевать на кровь будем вместе, свернет шею — я тоже отправлюсь в Бездну.

Конечно, были и некоторые плюсы, вроде увеличивающегося магического резерва и обязанности ученика так же холить и лелеять учителя, как и он его. Но до чего же ничтожными выглядели подобные бонусы... На резерв мое высочество и так никогда не жаловалось, а для того, чтобы «холить и лелеять», буде у меня возникнет такая дикая потребность, в доме два десятка домашних духов имеются. Да и армию слуг в папочкинском дворце никто не отменял. Им только волю дай: насмерть «залелеют».

Нервно хмыкая, я перечитала список обязанностей ученика:

— «Учиться со всем старанием». Еще бы, раз уж удалось найти идиота, вроде меня, подписавшегося на эту каторгу! «Готовить из того, что даст учитель, убирать и в прочих потребностях всяко обслуживать учителя». Можно подумать, духи плохо справляются. А уж свои способности уборщицы мелкая продемонстрировала еще в первые дни...

Я содрогнулась, припомнив «уборочку» в лаборатории, затеянную приبلудой.

Запищавший в кармане кристалл связи заставил меня подскочить.

— Что?! — рявкнула я еще более злобно, чем в первый раз.

— Ох, какие мы сердитые, — рассмеялся Макса.

— Еще какие, — буркнула я. — Чего желаете, государь-наследник?

— Всего лишь напомнить дорогой сестричке, что торжественный ужин, на котором она обещалась присутствовать со своей ученицей, через час.

Насмешливый голос братца оказал на меня обычное действие: бешенство, волнами омывавшее мозг последние несколько часов, улеглось. Но, получив обратно способность трезво мыслить, я насторожилась: с чего это Макса решил напомнить об ужине? Можно подумать, без напоминаний мне могло прийти в голову проигнорировать недвусмысленное приглашение царственного Па.

— Всего лишь напомнить? — недоверчиво уточнила я.

— Не совсем, — хмыкнул он, подтверждая мои самые неприятные подозрения. — Еще

предупредить дорогую сестричку, чтоб не вздумала юлить с ученичеством. Па серьезно поругался с дядюшкой по этому поводу.

— Не поняла. А им-то чего ругаться?

— Дядюшка считает, что ты устроила какую-то аферу, чтобы избавиться от ректорской мантии. И на самом деле никакой ученицы у тебя нет, — ухмыльнулся Макса. — В общем, если это так — советую обзавестись в ближайший час. Я давно Па в таком бешенстве не видел. Помоему, даже когда ты разворотила левое крыло дворца, он так не бесился.

— Странно все это. Я думала, дядюшка спит и видит, как я его драгоценное креслице освобождаю.

— Видеть-то он видит, — братец понизил голос. — Но, похоже, ему почему-то очень хочется, чтоб ты, сестренка, облажалась по полной.

— Это еще почему? — опешила я.

— За что купил, за то и продаю. Просто имей это в виду, когда снова надумашь вляпаться в какую-нибудь глупость. Найдется, кому раздуть ошибку до масштабов государственной измены.

— Макса! Хватит говорить загадками!

— Да не знаю я больше ничего. И это-то краем уха случайно услышал. Все, сестренка. Чем мог, как говорится. До вечера.

Кристалл, пискнув напоследок особенно противно, затих, а мое весьма ошарашенное новостями высочество крепко призадумалось. То, что дядюшка особой любви ко мне не питает, я знала и без брата. Он в принципе ни к кому любви не питал. Странная черначка из моей спальни — лишь исключение, подтвердившее это правило. За скандал в парке девица огребла полный комплект проблем, но, насколько мне известно, бывший ректор и пальцем не пошевелил, чтобы помочь «невестушке».

Сообразив, что от бессмысленных предположений скорее заполучу очередной приступ мигрени, чем ответы на свои вопросы, я поднялась. Правила каторги, на которую мое легкомысленное высочество случайно подписалось, можно почитать и позже. А сейчас принцессу с ученицей ждут во дворце правителя. Плохо это или хорошо, но она у меня имеется, и самая настоящая. А уж возможность натянуть нос заносчивому родственничку я никогда не упускала.

— Оли!

Приблуда материализовалась на пороге, словно ждала под дверью.

— Тута я!

— «Тута», — фыркнула не к месту проснувшаяся во мне поборница чистоты языка. — Нет такого слова.

— Как нет? Я же тут.

— Ты тут.

— Ну да. Тута. Говорю же, — приблуда недоумевающе поглядывала в мою сторону, явно не понимая, чего от нее хотят.

— Ладно. Потом объясню. Сейчас мы с тобой отправимся в гости к моему Па... К правителю. Вести себя хорошо. Говорить, только если спросят. В носу, ушах и прочих частях тела не ковырять...

— Я и не ковыряю. Я ж не маленькая! — обиделась Оли.

— Я предупреждаю, — отмахнулась я. — Если что-то непонятно, спросишь у меня. Кстати. Называть меня надо на «вы» и по имени: Аленна. Ни в коем случае не «госпожа магичка» и уж, конечно, не «Рагетта». И поменьше сельских словечек вроде «тута». Все ясно?

— Ага! А правителя пощупать можно?

— Чего? — вытаращилось мое ошалевшее высочество, представив, как мелкая приبلуда треплет Па за щечку.

— Говорят, у него штаны и рубахи из такой необыкновенной...

— Даже не думай! — спохватилась я. — От меня вообще ни шагу! Понятно?!

— Понятно.

— Вот и отлично. Пошли.

— Прямо так? — уточнила Оли.

— А ты что, платье надеть хочешь? — ухмыльнулась я, припомнив первое переодевание приблуды.

— Не, оно неудобное. Хвосты эти во все стороны. Я про вас спрашивала.

— Я тоже хвосты не люблю. Все. Хватит болтать. Нас ждут.

— Да не про платье я! — упрямо набычилась приبلуда. — Зелье хотела сварить.

— Какое еще зелье?

— От синяков. Я в своей книжке видела. А то идем к правителю и с эдаким украшением.

— Создатели! Совсем забыла! — подорвалось мое склерозное высочество и рысью понеслось в лабораторию.

Пять минут спустя, когда моя физиономия приобрела нормальные пропорции и цвет, я активировала портал.

— А вы точно не хотите зелье? — задумчиво поинтересовалась мелочь. — В той книге много всего полезного было. И для памяти тоже...

— Молчи и шагай!

— Ладно.

«Это будет очень долгий вечер», — обреченно подумала я.

Портальный зал дворца встретил нас настороженной тишиной. Стражники даже глаза не скосили в нашу сторону, изображая статуи по обеим сторонам коридора. А ведь обычно я легко узнавала у них последние новости, возвращаясь со своих прогулок по тракту. Значит, буря в лице моего царственного Па здесь уже побывала. Ну-ну...

— Болтать только с моего разрешения! — шепнула я мелкой, направляясь в сторону малого обеденного зала.

Приبلуда перебирала ногами вдвое быстрее, пытаясь поспеть за моим нервничающим высочеством:

— А если спросят чего?

— Отвечаешь кратко и по сути.

— Ага. А «по сути» это как?

— Это как можно меньше слов! — прошипела я, и перед нами распахнулись высокие резные двери.

Благородное семейство уже сидело за столом, с неудовольствием поглядывая на нас с Оли. Если они думали, что меня это смутит, то фатально ошиблись. В полной тишине я как ни в чем не бывало пошла к столу.

— Точность никогда не была твоей добродетелью, Аленна, — правитель повел рукой, указывая на свободные места. Вот спасибо! А сама я бы не догадалась, что два пустующих кресла предназначены нам.

— Очень много работы, — я склонила голову: с порога переругаться с царственным Па в мои

планы не входило.

— Не так уж и много, раз ты решила еще и ученицу взять, — вклинился дядюшка.

— Оли требует куда меньше времени и усилий, чем все прочее.

— Разумеется. Если ты занимаешься ею с тем же рвением, как и прочими своими обязанностями.

— Я занимаюсь ею, когда удастся урвать время от прочих моих обязанностей, — огрызнулась я, не понимая, куда клонит чертов родственничек.

— Любопытно, — судя по тому, как он улыбнулся, лягнуло мое закипающее высочество явно что-то не то. — А я читал, что ученичество предполагает приоритет ученика. Даже напоминает об этом неприятными ощущениями вроде мигрени. Древняя магия довольно прямолинейна.

Так вот почему у меня голова трещала весь день! Но бывшему ректору об этом знать вовсе не обязательно. Я мило улыбнулась:

— Как видишь, я чувствую себя прекрасно, значит, древняя магия считает, что все в порядке.

— А может быть, все объясняется гораздо проще? И девчонка вовсе не ученица, а простая оборванка с улицы? По крайней мере, вести себя за столом она точно не умеет.

Я скосила глаза на мелкую. Ну что тут скажешь? Прав дядюшка: манеры отсутствуют как таковые, Оли как раз пальцами выуживала фрикадельки из бульона, напрочь игнорируя столовые приборы.

— Одно другому не мешает. Разве оборванка с улицы не может быть ученицей? — проворчала я, пнув приبلуду под столом и демонстративно подцепляя фрикадельку специальной ложкой.

Девчонка оказалась сообразительной и выбрала из кучи железа рядом с тарелкой нужный инструмент. Правда, предварительно она вытерла жирные пальцы о скатерть, но этого, слава Создателям, никто, кроме меня, не заметил.

— Наверное, чтобы ты могла больше времени уделять своей ученице, тебя надо освободить от обязанностей ректора? — ехидно уточнил этот... гад.

— Ну отчего же? Думаю, я справлюсь, — с деланным равнодушием я пожала плечами, кое-как удержав рвущийся с языка вопль «конечно!». Создатели, неужели я это сказала? — Вот разберусь со всеми застарелыми проблемами, а дальше пойдет по накатанной.

— Какие еще застарелые проблемы? — скривился родственничек.

— А там, куда ни плюнь, в проблему попадешь, — лощеная физиономия дядюшки начала наливаться неестественной краснотой. Макса бросил в мою сторону предостерегающий взгляд, но меня, что называется, уже понесло по кочкам. — То странные черначки в ректорскую спальню, как к себе домой, вваливаются. То выясняется, что в Целительском корпусе половина ингредиентов отсутствует, а другая половина — просрочена.

Па покосился в сторону дядюшки, вопросительно приподняв брови.

— Все там присутствует! — моментально отреагировал тот. — Ты наверняка не посмотрела как следует, а теперь глупости говоришь!

Ишь, как тебя заело! Так уж и не посмотрела. Ага! Не заметила случайно пару стогов лекарственных трав и сотни три разнообразных булыжников!

— Да, ваша светлость, — улыбочку до ушей. — Возможно, я действительно не досмотрела и случайно перепутала Целительский корпус с музеем Академии. По крайней мере, инструментам, которые мне там попадались, место именно в музее.

Родственничек задохнулся под удивленным взглядом Па, дав мне возможность, наконец, доесть фрикадельки. Мелкая за это время умудрилась вылебать и бульон. Расторопный слуга утащил тарелку прежде, чем она успела сообразить, каким образом ее вылизать. От предложенных раков я отказалась и за себя, и за приبلуду. Даже думать не хочу, как бы она их ела. А вот сладкий пудинг таких опасений не внушал, и Оли получила прозрачную креманку, посмотрела, какую ложку возьму я, и вполне культурно занялась лакомством. Хмм,

а девчонка соображает. Еще бы чавкать ее отучить, и было бы идеально. Я сделала в памяти зарубку: найти мелкой учителя этикета, и как можно скорее.

— Поела, деточка, — приторно сладкий голос дядюшки нарушил мои размышления. — Поди-ка сюда.

Так. Пока я хлопала ушами, приبلуда смела пудинг и плотоядно поглядывает уже на декорации стола. Ифитов родственничек это заметил и поманил девчонку к себе. И возразить вроде как причин нет. Думай, Аленна, думай!

— Не бойся, деточка. Пока твой учитель доест, — дядюшка скривился, коротко взглянув в мою сторону, — мы с тобой побеседуем.

Оли, недолго думая, поднялась и пошла к его креслу. Спокойно, Аленна, разъяснительные беседы проведем наедине, а пока улыбаемся.

Впрочем, пару минут спустя моя улыбка стала вполне искренней, хоть и несколько злорадной. Дядюшка, задав парочку ничего не значащих вопросов, поинтересовался татуировкой. Оли слегка замешкалась, запутавшись в завязках рукава, и ифитов родственничек отпустил какую-то язвительную ремарку по поводу наличия знака ученичества. Тем больше мне понравилась его вытянутая физиономия, когда татуировка обнаружилась там, где ей и полагалось быть. Дядюшка даже пальцем ее поскреб, подозревая аферу.

— Еще на зуб попробуй! — не выдержала я, поднимаясь. — Связь учитель-ученик в ауре не видно, да?

— Спокойно, Аленна, — Па придавил скандал в зародыше, одним многообещающим взглядом осадив брата. Мне хватило нетерпеливого движения бровей, чтобы резво плюхнуться на место. — Максиан, проводи нашу юную гостью, покажи ей парк...

— А Аленна? — бесцеремонно перебила приبلуда.

— Все хорошо, Оли, — поспешно вмешалась я, глядя, как мелкая попятилась от Максы. Раньше бы ей быть такой осторожной! — Попрощайся с правителем, а я подойду позже.

— Ладно, — девчонка нахмурилась, соображая, и громким шепотом через весь зал спросила: — А который из них правитель? Этот вроде посерьезнее будет, но тот, — она ткнула пальцем в сторону дядюшки, — болтает много...

Я с трудом сдержала стон, но Па громко расхохотался:

— Запомни, Оли. Чем больше магик говорит, тем меньше решает.

— А, ну да... Пустая телега завсегда грохочет громче, — кивнула приبلуда и, неуклюже поклонившись в сторону Па, пошла за Максой к двери.

Взглянув на перекошенную физиономию дорогого дядюшки, я громко закашлялась, пытаюсь удержать неприличный хохот.

— Да что ты себе... — взвился родственничек, но снова вмешался Па.

— Брат, подожди меня в моем кабинете.

И сказал он это таким тоном, что я подавилась смехом, а взбешенный дядюшка без возражений вымелся из обеденного зала.

— Почему ты решила взять ученицу, Аленна? — спросил Па, едва мы остались вдвоем.

— Ты же видел, какой у нее потенциал, — буркнула я. — Надо было сделать вид, что ничего не происходит, и оставить ее в той деревушке?

— Нет. Так, конечно, не надо. Но возрождать ученичество в наше время...

— А чем наше время отличается от любого другого? — перебила я.

— Ничем, — быстро отозвался царственный родитель.

Так быстро, что я тут же пожалела о своей несдержанности: Па явно чуть не проболтался о чем-то важном, но теперь из него ничего не вытянешь. Ладно, потом из Максы вытрясу, что здесь происходит.

— Как твои дела в Академии? — сменил тему Па, и я еще раз обругала свой длинный язык: точно ведь, что-то серьезное происходит, а Аленну, как всегда, оставили в неведении!

— Нормально.

— Ты не преувеличила насчет Корпуса целителей?

— Скорей уж, преуменьшила!

— Странно. Только в прошлом году я подписал приказ на внеочередную дотацию, как раз на модернизацию этого Корпуса.

— А у меня сложилось впечатление, что там денег не видели не только в прошлом году, но и лет десять перед ним! — огрызнулась я. — Мне бы только с бухгалтерскими книгами разобраться.

— Думаешь, казначей ворует? — приподнял брови Па.

— Наверное.

— Хорошо. За книгами я пришлю. Пусть мои финансисты разбираются.

Я облегченно выдохнула. Очень хорошо. Мне меньше мороки. Но Па, оказывается, еще не закончил.

— Я рад, что ты взялась за ум. И девочка очень перспективная. Особо из виду ее не выпускай. Мало ли. Бывали неприятные случаи. Впрочем, в Академии ей ничего не грозит. Да и тебе можно будет от нее отдохнуть, отправив на какую-нибудь лекцию первокурсников. Она хоть читать-писать умеет?

— Умеет, — буркнула я, в последний момент проглотив неуверенное «вроде бы».

— Ну и отлично. Тогда можешь идти, дорогая дочь! Белый Континент не забудет твою самоотверженную работу на благо юношества...

Я молча поклонилась и поспешила прочь. Выслушивать пафосные речи я не нанималась. Не приведи Создатели заржать посреди такого монолога, часовая нотация об уважении и недопустимости обеспечена.

ГЛАВА 8

Мышеловка для кошки

Надо ли говорить, что узнать у братца, о чем умолчал Па, мне не удалось. Когда я обнаружила парочку в парке, Макс как раз выуживал мою горе-ученицу из фонтана, куда она свалилась, пытаясь нащупать дно.

Пока я сушила приبلуду, братец удрал, не прощаясь. Оглянувшись на громаду дворца, я поняла, что искать его, раз уж он сам не горит желанием общаться, мне придется до утра. Плюнув на это бесперспективное занятие, я покрепче прихватила мелочь за руку во избежание очередных неожиданностей и отправилась в порталный зал.

Полчаса спустя мы уже стояли в моем кабинете в Академии стихий.

— А почему не домой? — тут же спросила Оли.

— Правитель считает, что в Академии тебе будет лучше, — невнимательно отозвалась я, думая, куда пристроить приبلуду на ночь.

Узкий диван в спальне показался мне вполне подходящим, и духи быстро превратили его в постель.

— Я теперь здесь буду спать?

— Да. А завтра я подберу тебе лекции, которые ты сможешь посещать. Кстати, ты писать умеешь?

— Умею. И считать тоже. И...

— Замечательно. А теперь брысь в ванну и спать.

Девчонка надулась, но спорить не стала и покорно поплелась мыться. Я плюхнулась в кресло и с тоской посмотрела в темный прямоугольник окна. С утра меня опять ждут дела Академии, не говоря уже о мороке с Оли. Надо будет разобраться с ее обучением, особенно с этикетом: уж очень мне не понравились насмешливые взгляды дядюшки и его намеки на уличную оборванку. Вроде бы у чернаков на первом курсе читали правила поведения в приличном обществе. Придется посмотреть их расписание, на лекции сходить...

Поймав себя на подобных мыслях, я тихо выругалась. Как ни брыкалось мое горемычное высочество, как ни пыталось проигнорировать присутствие в Академии заклятых соседей, а вникать в их обучение таки придется.

В спальне скрипнул диван: приبلуда улеглась. Напомнив себе, что завтра надо бы еще озаботиться ее гардеробом, раз уж наличие у меня ученицы теперь не секрет, я поднялась. Спать не хотелось совершенно, но и работать не было никакого желания. Самое подходящее настроение, чтобы провести вечер в трактире.

Я натянула кожаный жилет, затянула на груди ремни парных мечей, но у портала вспомнила про приبلуду. Оставить ее тут одну? Потоптавшись у арки с минуту, мое обозленное высочество тряхнуло головой: «Ну, что может сделаться мелкой в моем кабинете, куда никто не войдет и откуда она сама выйти не сможет?! Не таскать же ее за собой в ближайшие двадцать лет?»

И все-таки что-то не давало мне спокойно шагнуть в портал. Наконец, окончательно разозлившись, я крикнула в сторону спальни:

— Я ушла, буду поздно. Постарайся ничего не натворить!

— А мне с вами можно?

— Нельзя.

— Ну и ладно, — буркнула мелкая, недовольно заскрипев диваном.

Пинками загнав на задворки сознания зашевелившуюся совесть, я вошла в портал. Десять минут спустя рассохшаяся дверь впустила меня в гудящий зал моего любимого трактира. Мимоходом поприветствовав с полдюжины смутно знакомых рыл разной степени побитости, я присела у стойки.

— Тебе как обычно, Рагетта? — спросил трактирщик.

— А разве что-то говорит об обратном?

— Мало ли, — буркнул он, бухнув на стол глиняную кружку с молодым вином.

Отвечать я не стала, с интересом наблюдая за зарождающейся в ближайшем углу дракой. Какой-то худосочный парень, внешне смахивающий на крысу, выбираясь из-за стола, толкнул изрядно пьяного наемника-мечника. Тот, не задумываясь, засветил неуклюжему юнцу пудовым кулаком. Хлыщ ласточкой улетел на соседний стол, разом лишив сидевших там и выпивки, и закуски.

— Ну вот почему, стоит тебе появиться, как обязательно начнется какая-нибудь заварушка? — проворчал трактирщик, со страдальческой миной глядя, как один из оставшихся без ужина орков разбивает глиняную кружку об голову мечника.

— Можно подумать, в мое отсутствие заварушек не случается и народ отдыхает культурно, — ухмыльнулась я.

Невезучий хлыщ тем временем пришел в себя и с завидной скоростью на карачках нырнул под ближайший стол. Убежище оказалось неудачным, минуту спустя мечник подхватил этот предмет мебели и шагнул вперед, намереваясь вырубить сразу троих противников. Съезжившуюся тушку он, разумеется, не заметил и, споткнувшись, с ревом растянулся на полу. Стол отлетел в противоположную сторону и снес с лавки мирно ужинавшую компанию гномов. Мелкая драка быстро превращалась во всеобщее побоище.

— Они опять переломают половину мебели! — взвыл Адам.

Я уклонилась от пролетающего мимо кувшина:

— И что? Все равно ты им потом это в двойном размере к оплате предъявишь.

— А толку?! — трактирщик схватился за голову. — Как их платить заставить?! Да если собрать хотя бы десятину от того, что мне должны эти мерзавцы, можно три таких таверны построить!

К драке присоединились обиженные маги, и посуды в воздухе стало на порядок больше. Не желая искушать судьбу, второй раз за день заполучить фонарь под глазом мне не хотелось, я нырнула под стойку. Секунду спустя рядом приземлился Адам, зажимая стремительно багровеющий нос.

— Кружка? — хмыкнула я.

— Кувшин!

— Тоже ничего.

— Что ничего-то?! — возмутился побитый трактирщик. — Ничего целого?!

— И это тоже, — невольно расхохоталась я. — И твой шнобель в том числе.

— Вредная ты, Рагетта, — всерьез обиделся Адам. — А вредные наемники от меня заказы не получают.

Я промолчала, в щель между досками наблюдая за потасовкой. Отвечать мне было нечего. С одной стороны, ни один наемник подзаработать не откажется, и отказаться — значит, зародить никому не нужные подозрения. С другой, тракт для моего окончательно увязшего в обязанностях высочества закрыт очень надолго. Так зачем доставлять удовольствие надутому трактирщику, выпрашивая подробности? Что бы он там ни говорил, а моей вины в нынешнем погроме в его заведении нет ни на йоту. Кстати, истинный виновник, резво перебирая всеми четырьмя конечностями, как раз вывалился за дверь. Ухмыльнувшись, я пожелала ему удачи. Отделался он, похоже, легким испугом, парой синяков и драными на неприличном месте штанами. Впрочем, все закономерно. Вообще непонятно, как этого задохлика, даже не магика, занесло в трактир, славящийся крутыми нравами на весь Питруг. Еще его счастье, что в храмовом городе даже самые безголовые рубаки не обнажают оружия. Лично я навскидку могу назвать десяток заведений на просторах Белого континента, где неуклюжего дурака прирезали бы в первые минуты потасовки. Ну или поджарили, в зависимости от того, на кого его угораздило налететь: мечника или боевого магика.

— Ты, кстати, Круппа на тракте не встречала? — прервал мои размышления трактирщик.

— Нет. Он туда, вроде, пока не собирался, — я пожала плечами. — А что?

— Значит, плакали мои денежки, — вздохнул Адам.

— Ты говори, да не заговаривайся. Крупп, конечно, балбес, каких поискать, но долги платит всегда: гномья кровь сказывается.

— И кто бы это, интересно, с покойника долги взыскивал, — огрызнулся трактирщик.

— Это как так «с покойника»?! — от неожиданности я подскочила, чувствительно приложившись макушкой о верх стойки.

— Крупп ушел на следующий день после того, как вы в последний раз разнесли мой трактир. Всю посуду перебили. Три стола на щепу разобрали. Про лавки так и говорить нечего, половина только на растопку и сгодилась...

— Да погоди ты стонать! — мое встревоженное высочество грубо оборвало поток причитаний по утраченному имуществу. — Ты про Круппа рассказывай. С чего взял, что он — покойник?!

— Так я и говорю. Ушел он с теми парнями, что тебя искали. А потом они пришли, рассказали, что он их кинул, и снова про тебя спрашивали.

— Кто меня спрашивал?! Какие парни?! Рассказывай нормально, или... — обозлившись, я зажгла на ладони маленький огненный шарик.

— Ну давай, давай, — взвыл Адам попятившись. — Еще спали мне тут все к ифитам!

— Спалю и не запыхаюсь, если говорить нормально не начнешь! — пообещала я, увеличивая густок огня до размеров большого яблока.

Трактирщик проникся и заговорил почти внятно:

— Как ты последний раз тут была, помнишь? Крупп еще набрался так, что на ногах не стоял...

— Ну помню, ближе к делу!

— Аккурат на следующий день под вечер те трое и пришли. Караван они хотели на северное плато вести. Туда, сама знаешь, охотников мало, а без магика вообще делать нечего. Вот им тебя и присоветовал кто-то. Как достаточно безбашенную... Кхм... Достаточно храбрую магичку. Меня спрашивали. Ну я им сказал как есть, что знать не знаю, где тебя носит. Мол, пусть скажут, где их искать да когда выходить планируют. А уж я тебе сообщу, если появишься вовремя.

Я молча кивнула. Пока ничего странного трактирщик мне не рассказал. Действительно, желающих идти с караваном на северное плато так просто не найдешь. Мало того что путь занимает добрых полгода, на самом плато вечная зима и монстры порой неизвестные попадают, так еще и обратная дорога приходится на самый сезон осенних гроз. А тащиться на тяжелом груженых телегах по раскисшим дорогам мимо отъевшихся за лето монстров и разбойничьих шаек — удовольствие ниже среднего. И в том, что подобным караванщикам присоветовали именно Рагетту, тоже не было ничего необычного. Дет семь назад, в очередной раз вдрызг разругавшись с Па, я несколько раз ходила с караванами именно туда, а такое не скоро забывается.

— Про себя они говорить не захотели, пожалели серебрушку за посредничество. Только спросили, кто тебя получше знает. Ну я им на Круппа и показал.

— Прямо так взял и из чистого человеколюбия, то есть бесплатно, показал? — недоверчиво хмыкнула я.

— Так я ж тогда не знал, что они бесплатно! — возмутился Адам. — Думал, потычутся туда-сюда, да все равно ко мне вернуться. Ты-то у нас девушка скрытная, где тебя искать, если не сидишь на соседнем стуле, небось, только Создатели и знают!

— А с Круппом что? — вернула я разболтавшегося толстяка к теме разговора.

— А ничего. Они посидели, выпили. И вместе ушли. Я даже плату с них не спросил, думал, раз Круппов сундучок в комнате стоит, так он вернется, тогда и расплатится. Не вернулся.

— Чтоб ты, и отпустил кого без платы? За дуру меня держишь?! — Огненный шар снова

вспыхнул на моей ладони, заставив трактирщика заговорить вдвое быстрее.

— Да не видел я, как они вышли. В погреб спустился за вином. Возвращаюсь — нету ни их, ни гнома безголового. Но Круппов сундучок...

— Это я уже поняла! Дальше!

— А нечего «дальше». Вчера они снова приходили. И опять про тебя спрашивали. А Крупп так и не вернулся.

— И с чего ты взял-то, что с ним что-то случилось? Даже не видел, как он уходил. Темнишь, шельма?!

— Что сразу «темнишь»? — испугался Адам, видимо, смотрела я совсем не добродушно. — Сегодня утром караванщик его искал — ругался. Крупп должен был с ним идти и не явился. Ты когда-нибудь слышала, чтоб Крупп на контракт плюнул? Вот то-то же.

— А северяне что говорили? Где они гнома потеряли?

— А я кто такой, чтоб спрашивать? — огрызнулся трактирщик. Он явно уже успел пожалеть, что рассказал мне о странных караванщиках. — Сказали, что он их кинул. Мол, твой дом показать обещался и не показал: удрал в переулках.

— И ты в это поверил? — рыкнула я вне себя от бешенства.

— Я к тебе в кровать не заглядывал. Откуда мне знать?

— А это тут при чем?!

— Так ты часто с Круппом по тракту ходила. Да и слышал я, как он тебя с собой на юг звал.

— Лучше бы ты слышал, куда гном с караванщиками пошел, осел длинноухий! — рявкнула я, выбираясь из-под стойки, одной искрой припечатала к стенке замахнувшегося в мою сторону лавкой грубияна и вышла на ночную улицу.

Грохот, доносившийся из трактира, стих, едва захлопнулась дверь. Похоже, хозяин таки устал еженедельно оплачивать штрафы в городской страже и разорился на артефакт звукоизоляции. Что ж, штрафы он больше не платил, но и стражников, способных утихомирить разгулявшуюся наемничью братию, обозленные соседи больше не вызывали.

Вдохнув прохладный ночной воздух, я оглядела полутемный переулок. Уличных фонарей здесь не было: не центр, и подворотни тонули в непроглядной тени. Шагнешь в такую и расквасишь нос, запнувшись о невидимый порожек. Или очнешься пару часов спустя без кошелька, украшений и большей части одежды. Или не очнешься вовсе... Оружие в Питруге не обнажали, но придушить за пару монет, да еще в таком вот переулке могли запросто. Впрочем, мне, как магичке, подобное не угрожало. Местные разбойнички редко рисковали связываться даже с простыми наемниками, что уж говорить о боевых магах.

А вот на Круппа какие-то нашлись. В то, что полугном пообещал незнакомцам показать мой дом, я не поверила ни на секунду. И дело тут вовсе не в высоких моральных качествах Круппа. Он, как и любой другой, банально не знал, где я живу. Эту тайну, вкпе со своим настоящим именем-титолом, я хранила как зеницу ока. Так куда же мерзавцы увели моего дружка? А главное, зачем?

Тихий короткий скрип вывел меня из задумчивости. Последовавший за ним шелчок заставил напрячься и моментально активировать щит. Эти звуки я ни с чем не спутаю: в десятке шагов от меня, во мраке очередной подворотни, кто-то только что натянул тетиву арбалета.

Меня ждут? Или не меня?

Не сбавляя темпа, я продолжала идти по улице. Если это ночные грабители, то тусклое голубоватое свечение щита убедит их, что намеченная добыча не съедобна от слова «совсем». Не убедило: арбалетный болт со звоном отскочил от моего горла. Это что ж за самоубийцы вздумали пролить кровь на священные камни храмового города?!

Я запустила в воздух плетение света и метнулась к ближайшей стене: если зайдут со спины, никакая магия не избавит меня от профессионально затянутой на шее удавки. В ближайшей подворотне обнаружился горбун-арбалетчик, уже накладывающий новый болт на свою игрушку. Я бросила в него обездвиживающую искру, но она погасла, едва соприкоснувшись с

одеждой. Мерзавец захрюкал и спустил тетиву. Впрочем, его попытка оказалась такой же неудачной, как и моя: болт укатился под забор, не причинив мне ни малейшего вреда.

— Ну и что дальше? — крикнула я. — Отпустили бы вы меня, пока не покалечились!

— Смотри-ка, за нас беспокоится, — ухмыльнулся горбун. — Я ж тебе говорил, Гмыря, что бабам нравлюсь, а ты не верил.

Из соседней подворотни, куда не достигали лучи моего маленького солнца, донеслось еще более мерзкое хрюканье.

— Ща, спеленаем ее и посмотрим, кто кому нравится, — послышалось сверху.

Да сколько же их тут?! Повинуясь какому-то звериному инстинкту, я отскочила в сторону. На мостовую, звякнув, упала сеть из переплетения серебристых цепей и тут же взлетела обратно.

— Шустрая, — ухмыльнулся ифитов любитель карнизов, и я едва успела увернуться от очередного падения проклятой ловушки. Она лишь чиркнула по пальцам, снова взлетая вверх, и кожу обожгло холодом так, что мое загнанное в угол высочество едва не взвыло: белое железо! Материал, полностью блокирующий магические способности! Безумно опасный и баснословно дорогой. Откуда он у ночных грабителей?!

— Долго не попрыгает, — в круг света шагнул громила со второй сеткой в руках и медленно двинулся ко мне.

С перепугу я осыпала его искрами атакующих плетений, но он даже не чихнул, прикрытый антимагической сетью. Тут мне стало не до суеверий храмового города, и я выхватила парные клинки. Прилетит с небес молния на пролитую мною кровь или нет, это еще неизвестно, а вот если меня укутают в такую вот сетку, то живой не оставят. Я уже говорила, что белый металл запрещен на континенте для всех, кроме Тайной стражи, и владение, а тем более использование его карается смертью? Таких свидетелей в живых не оставляют, будь они хоть трижды принцессами.

Я отлипла от стены, выскочив на открытое пространство, и на долю секунды разминулась с упавшей вниз сетью. Теперь ифитов верхолаз меня не достанет.

Крутить клинками, изображая из себя мастера меча, было бессмысленно. Понятно, что эти головорезы подобной демонстрации не испугаются. Единственный выход, который оставался: тянуть время и не давать загнать себя обратно в тупик, где стояла таверна. Даже в этих закоулках стража иногда появляется. Вариант вернуться в это гостеприимное заведение я даже не рассматривала. И так понятно, что открыть дверь мне никто не позволит.

Верхолаз спрыгнул на мостовую, и два мерзавца, выставив перед собой сети, медленно двинулись на меня. Горбун, злорадно хихикая из-за их спин, отправил в мою сторону еще один болт. Я отмахнулась от этого подарка клинком, перерубив металлический штырь прямо в полете. Слава Создателям, болты у разбойника были из обычного железа. Будь они из белого, тут бы призвала Аленну Бездна. Но до такого бандиты не додумались. Или, что более вероятно, хотели взять меня живой.

Я довольно успешно отгоняла негодяев минут десять, мысленно моля Создателей, чтоб послали в этот закоулок патруль, если не хотят пачкать кровью священные мостовые. Но улица оставалась пустынной. Зато шаги раздались у меня за спиной.

— А что это вы, добрые люди, одиноких девушек обижаете? — Прежде, чем я успела среагировать, к шагам добавился голос. Хрипловатый, да еще и с гадким чернакским акцентом. Но в тот момент мне показалось, что ничего прекраснее я в жизни не слышала.

— А тебе какое дело, добрый человек? — проворчал верхолаз. — Иди, куда шел, а то и тебя заодно обидим.

Я скосила глаза на нежданного защитничка. Да. Я бы на месте разбойников тоже не впечатлилась: ростом чуть выше меня, а мое высочество высоко только титулом, худосочный, как все чернаки, да еще и безоружный. И то, что он магик, как и прочие местные «переселенцы», ситуацию отнюдь не спасало. Всем известно, какие из чернаков магики. Никакие, если откровенно. Лучше бы обратно в трактир рванул за помощью, герой недоделанный.

Видимо, те же мысли посетили и грабителей, потому что они одновременно бросились на нас, а горбун рванул вверх арбалет, целя уже не в меня. Чернак вскинул руки, отправляя в полет

искру какого-то незнакомого плетения, одновременно с этим я отбила клинком болт, летевший ему в грудь. Скажи я кому, что спасла чернака, мне же не поверят...

А дальше все завертелось в безумном и совершенно непонятном водовороте. Для начала громилы с сетями вдруг заскользили на ровном месте, путаясь в собственных ногах и, грязно ругаясь, повалились на мостовую. И тут же инстинктивно, честное слово, думать, что именно делаю, времени у меня не было, я отправила в больше не прикрытого чужими спинами горбуна парализующее плетение. Силы в этот удар мое успешнее попрощаться с жизнью высочество вложило немерено, и уroda буквально впечатало в стену.

Двое громил, меж тем, уже копошились в глубокой пузырящейся луже. Откуда она взялась, было непонятно, ведь еще пять минут назад я отступала по сухой мостовой. Мерзавцы, позабыв про сети, безуспешно пытались подняться, взбивая ручищами и сапогами густую белую пену. Подавив неуместный смех, хорошо смеется тот, кто смеется живым, я выдернула из ближайшего забора штaketину и, подцепив, отшвырнула в сторону сначала одну, а потом и другую антимагические сети. И только после этого мое обозленное высочество с садистским удовольствием бросило в лужу замораживающее плетение. Оба негодяя послушно вмерзли в лед.

— Ближе не подходи — скользко, — предупредил чернак.

Но я уже и сама видела отполированные до зеркального блеска камни мостовой. Что же такое он использовал, чтоб уронить нападавших? Я кое-как подавила неуместное любопытство и с кривой усмешкой посмотрела на пленников.

— Поговорим, горемычные?

Верхолаз только злобно зыркнул в мою сторону, а второй громила, вмерзший в лед, кроме одежды, еще и кудлатой бородищей, промычал что-то невнятное, но явно очень грубое.

— Кто вас послал? — рыкнула я, раздумывая, чем бы таким их приложить побольнее.

И тут меня настигла очередная неожиданность.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос или хотя бы просто выругаться, оба бандита вдруг синхронно захрипели.

— Это еще что?! Ну-ка, прекратили спектакль! — забеспокоилась я, видя, как быстро синеют немые рожи и глаза выкатываются из орбит.

Минуту спустя в замерзшей луже лежали два трупа. Уже послужившей мне сегодня штaketиной я потыкала сначала одного, потом другого. Грязные душонки действительно отлетели в Бездну. Я призадумалась. Кто бы ни нанял этих мерзавцев, он хорошо подстраховался. Обычная фраза активировала или артефакт, или отложенное плетение и навсегда избавила громил от необходимости отвечать на неудобные вопросы.

— Смотри! — воскликнул чернак, показывая куда-то вперед.

Я подняла голову и поняла, что только что упустила последний шанс узнать, кто стоит за этим наглым покушением. Очнувшийся горбун воспользовался тем, что и я, и чернак глазели на мертвецов, и уже на большой скорости поворачивал за угол, а на плече у него болтались обе антимагические сетки.

Я глухо выругалась.

— Что им было надо?

— Ифит их знает, — я разочарованно пожала плечами и, погасив уже ненужное в рассветной серости осветительное плетение, протянула чернаку руку. — Рагетта.

— Никс.

— Чудные у вас имена.

— Нам ваши тоже чудными кажутся, — ухмыльнулся он.

— Тоже верно.

— Ладно, Рагетта, пора мне.

— Что, даже вина не выпьешь? — удивилась я, но, взглянув на розовеющий край неба, кивнула. — Да, ты прав. Поздно уже.

— Скорее рано, — снова хмыкнул он.

— Тогда в другой раз.

— Всегда рад.

— И когда будем пить за спасение невинной девы?

Похоже, меня нагнал отходняк после схватки — расставаться с веселым чернаком совершенно не хотелось.

— А как встретимся, так и будем. Я у Адама не в первый раз был и, думаю, не в последний. Это дебет с кредитом не сходятся, а человек с человеком всегда сойдется.

Я расхохоталась, а он, взмахнув рукой в знак прощанья, развернулся и быстро зашагал к центру. Отсмеявшись, мое повеселевшее высочество снова взглянуло на занимающийся рассвет и почти бегом понеслось на порталную площадь. Если я хотела поспать хоть пару часов, прежде чем снова воевать с неугомонными студиями, мне стоило поторопиться. А кто такой таинственный чернак, я все равно узнаю. И не важно, что лица его я практически не видела. Случайных людей в трактире «У наемника» не бывает. Кто-нибудь да сможет рассказать Рагетте, что за ловкий переселенец вдруг пристрастился к кислому вину Адама.

ГЛАВА 9

Сюрприз с небес

Утро началось с безумного грохота. Я подскочила с постели и, путаясь в подоле ночной сорочки, вылетела в кабинет. В камине сидело нечто, перемазанное сажей, и издавало хрюкающие звуки.

— Ты кто такой и зачем сюда влез?! — рявкнула я, на всякий случай активировав еще и щит.

— Это не я. Оно само! — тут же заявила неведомая зверушка, продолжая при этом хрюкать.

Я замотала чумной со сна головой. Что-то знакомое почудилось мне в этих словах, но что именно, я никак не могла сообразить.

— Там что-то шкрябалось. Я подумала, что птица в трубу упала. У нас в селении такое бывало. Ну и полезла посмотреть. А оно как бухнет, да как посыплется... Я честно ничего не трогала! Оно само, Аленна!

— Оли! — наконец дошло до моего одуревшего высочества.

— А я чего? Говорю же, оно само! — тут же набычилась девчонка, и я даже удивилась, что не узнала ее сразу. Наверное, свою роль сыграло то, что с постели-то я соскочила, а вот проснулась несколько позже.

Она снова хрюкнула, а потом рассмеялась в голос.

— Ну и что такого смешного в том, что ты сидишь в камине, грязная, как варан в пору брачных танцев?

— Это... — приبلуда попыталась соорудить серьезную мину, но ей не удалось, и она снова прыснула, — вы токмо на себя посмотрите...

Я скосила глаза на свое отражение в оконном стекле и едва не расхохоталась сама. Да уж... Найденыша можно понять. Не каждый день видишь всклокоченную принцессу в ночнушке и неведомо как оказавшемся на левой ноге тапке, зато с огненными шарами размером с арбуз в каждой руке. Глухо выругавшись, мое сконфуженное и даже слегка покрасневшее высочество погасило боевые плетения.

— Вот что, развеселая ты моя, — сказала я, смерив горе-ученицу тяжелым взглядом. — Судя по всему, кроме сажи, ты ничего в каминной трубе не нашла. Да и не могла найти: заслонка по случаю теплой погоды закрыта наглухо...

— Вьюшка, что ль? — перебила мелкая.

Мысленно отметив, что воспитанием приبلуды придется заняться в первую очередь, я со вздохом кивнула:

— Она самая.

— Ничего она не закрыта. Я по трубе высоко поднялась. Там ступеньки есть, потому и выпачкалась так...

— Стоп. Какие еще ступеньки?! — опешила я и, коротко взглянув на каминную цепь, поднимавшую заслонку, еще более недоуменно добавила: — И вьюшка, то есть заслонка, закрыта должна быть!

— Открыта! — упрямо фыркнула Оли. — Да вы сами посмотрите!

— Вылезай оттуда! — решительно мотнула подбородком я и, как только девчонка, оставляя на дорогом ковре черные следы, отошла в сторону, влезла в широкий зев камина.

Конечно, так привольно, как худосочная приبلуда, я себя не чувствовала. Но места все равно хватало, чтобы развернуться. Треснувшись макушкой о железную скобу, так вот какую «лесенку» имела в виду мелкая, я задрала голову и полюбовалась квадратом голубого неба далеко вверху. Заслонка — поднята. А ведь цепь оставалась в положении «закрыто». Я присмотрелась. Загадка разрешалась просто — излишек цепи был аккуратно намотан на одну из скоб-ступенек. И что бы это значило?

Отвязав цепь и получив по многострадальной голове захлопнувшейся заслонкой, я запечатала ее запирающим плетением и, отплевавшись от сажи, выбралась в кабинет.

— О, вы похожи на очень черного чернака! — воскликнула приبلуда, едва увидев мое перемазанное высочество.

— Чернаки — не черные, — машинально поправила я, продолжая гадать, кому понадобилось открывать ифитову заслонку. — Они только чуть смуглее нас.

— Да? — искренне удивилась Оли. — А учитель Ронд говорил, что чернаки черные как уголь, на голове у них рога, а сзади длинный хвост, как у крысолоков.

— Что за глупость?!

— А еще они пьют кровь невинных младенцев, чтобы стать магами, — продолжала мелочь, явно повторяя чьи-то слова.

— Еще одна глупость! — фыркнула я.

— Какие они тогда?

От ответа меня спас дух-хранитель, возникший посреди кабинета так внезапно, что я с разгону прошла сквозь него.

— Лерра ректор, — заявил он скрипучим голосом профессора Карны, — ваше присутствие необходимо в третьем корпусе общежития немедленно...

— Вот сейчас все брошу! — возмутилась я, представив, какой фурор произвела бы, действительно «немедленно» явившись на зов.

— ... ночная выходка студийцев с боевого...

Мое перемазанное сажей высочество почесало ушибленную заслонкой голову, спохватившись, что разговаривает не с вредной профессоршей, а всего лишь с посланным ею духом.

С очередным тяжелым вздохом я стяхнула с ногтя искорку плетения, позволяющего духу запомнить мои слова:

— Профессору Карне. Буду через полчаса.

— А что там случилось? — тут же спросила Оли, едва посланник исчез.

— Ифит его знает, — пожала плечами я. — Но ничего серьезного. В ином случае Карна уже ломилась бы в дверь моего кабинета лично.

— А что это за Карна?

— Да так. Одна старая, пришибленная... — тут я, наконец, посмотрела на приблуду и прикусила язык, сообразив, что ей вряд ли стоит знать мое истинное мнение о некоторых профессорах академии.

— Старая пришибленная ведьма? — закончила Оли, не дождаввшись продолжения от меня.

— Нет. Я оговорила. Старая приятная преподавательница. Все, мелочь, не морочь мне голову, она и так болит. Я в душ и пойду разбираться, что там стряслось в этом общежитии. А ты, когда я уйду, тоже вымойся.

— А надеть что? — тут же потребовала конкретики приبلуда. — Это не высохнет.

— Не надо стирать. Наденешь пока мой халат. Он в спальне у кровати. Я вернусь — разберусь.

— Хорошо. А что мне делать, пока вас нет?

— Лучше всего — ничего! — буркнула я и закрыла за собой дверь в ванную.

Полчаса спустя я, как и обещала, вошла в третий корпус общежития. Вопреки паническим посланиям Карны, ничего из ряда вон выходящего здесь не происходило. До гонга подъема оставалось еще почти полтора часа, и большинство постояльцев банально спали. «Ночная выходка студийцев, — мысленно проворчала я, передразнивая сообщение вредной профессорши. — Ну и где эта „выходка“? Судя по всему, никто ничего не слышал. Тоже мне,

„выходка“. Скорей уж, повод выдернуть из постели ненавистную Аленну на полтора часа раньше положенного».

В холле меня подждал продрогший, поскольку раннее утро выдалось довольно свежим, студиоз. Поглядывая из-под насупленных бровей, он молча привел мое недоумевающее высочество на третий, последний этаж общежития.

А там всю орали. И тон задавала, разумеется, профессор Карна, чьи визгливые вопли разносились по коридору, как рев сторожевого варана, которому прищемили воротами... В общем, что-то важное прищемили. Студиоз довел меня до единственной комнаты, дверь которой стояла нараспашку, и, так и не сказав ни слова, быстрым шагом, сильно смахивающим на бегство, удалился.

Невольно поморщившись, в небольшом помещении возмущенные рулады ненормальной профессорши и вовсе били по ушам, как пилорама, я остановилась у входа, прислонившись к косяку. Внимания на меня не обратил никто, кроме лохматого невысокого чернака с распухшим носом. Заметив мое тихо звереющее высочество, он начал подвывать и кривиться, то ли испугавшись моего присутствия, то ли демонстрируя, как ему больно.

— Довольно! — рявкнула я, так и не сумев вычленить из несвязных воплей причину какофонии.

Желаемого эффекта я добилась: меня наконец-то заметили все участники конфликта.

— Профессор Аленна, — тут же развернулась в мою сторону Карна, — ваши боевики совсем распоясались!

— Подробнее, пожалуйста.

— Они среди ночи вышли в парк, заманили в свою спальню Юрася и жестоко его избили!

— Юрась, я так понимаю, вот этот чернак с фиолетовым носом? — медленно уточнило мое оглушенное высочество, не желая задавать вертевшийся на языке вопрос: «Ну, и что?» Внутренний голос мне подсказывал, что Карне подобная реплика придется не по вкусу.

— Да! — покровительница чернаков, схватив побитого недоросля за плечо, покрутила его передо мной. — Посмотрите, как изуродовали ребенка, изверги!

Нос расквасили и фингал под глазом поставили... Это теперь называется «изуродовали»? Странно, в мою бытность студиозой мы порой друг другу руки-ноги ломали, выясняя отношения, и никто таких проблем из этого не делал. Ну полежишь пару дней в Целительском корпусе или отработаешь наказание, в зависимости от того, победил ты или проиграл. На этом вопрос был исчерпан...

— Я настаиваю на исключении! — ввинтился в мои мысли визг Карны.

— На тон ниже, профессор, — помимо воли скривилась я. — У меня нет проблем со слухом.

— Прошу прощения, — децибел в ее голосе поубавилось, но менее визгливым он от этого не стал. — Но мое возмущение...

— Профессор Карна! — Мое невеликое терпение лопнуло, как мыльный пузырь. — Вы пригласили меня сюда, чтобы поделиться своим возмущением? Если нет, то прошу прекратить истерику и отвечать на вопросы без эмоций!

— Прошу прощения, — снова повторила она, покраснев, но уже почти нормальным голосом.

— Итак. Эти молодые люди вышли ночью в парк и заманили в свою комнату чернака.

— Да! А потом...

— Подождите, профессор Карна. «Потом» меня пока что не интересует. Я хочу узнать, что этот чернак делал ночью в парке, где его «нашли и заманили». Лер студиоз? — я посмотрела на чернака, но внятного ответа не последовало. Взмахом руки заставив умолкнуть попытавшуюся вмешаться профессоршу, перевела взгляд на троицу боевиков. — Леры? Возможно, вы объясните мне происходящее?

— Я отведу пострадавшего в корпус целителей, — таки влезла защитница чернаков, приобняв «пострадавшего» за плечи.

— Вы можете идти, — кивнула я, посторонившись. — А он останется.

— Но ему надо к целителям...

— Явится туда на полчаса позже. От фонаря под глазом еще никто не умирал, — холодно парировало мое взбешенное высочество.

— Но...

— Никаких «но», профессор. Раз уж мне приходится разбираться в банальных драках между студиями, то я прекрасно справлюсь с этим без вашей помощи. Вы свободны.

Прошипев сквозь зубы что-то явно очень не лестное для лерры ректора, Карна, наконец, вымелась из комнаты, громко хлопнув дверью.

— Ну так как? Мне кто-нибудь объяснит, что вы все делали в парке среди ночи?

— Не ночью, а уже под утро, — буркнул один из проштрафившихся боевиков. — Эта скотина по крыше административного корпуса шастала, в окна девчачьего общежития заглядывала. Мы его увидели и встретили, когда он вниз спустился.

— Неправда! — тут же взвился чернак. — Я просто шел! Не по крыше!

— И куда же вы шли в такую рань? — прищурилась я.

— Э... — он слегка замялся, а потом быстро выдал ответ и с облегчением вздохнул, как человек, придумавший удачную ложь. — Книжку относил! К экзаменам готовится! Всего на одну ночь и дали!

И смотрел Юрась на меня с легко читаемым вызовом, мол, ничего от него добиться не удастся.

Уже слегка усмехаясь, я отметила, что хныкать и хвататься грязными руками за пострадавшие части лица чернак перестал, едва за Карной закрылась дверь. «Кстати, — улыбку с моей физиономии как ветром сдуло, — а в чем у этого паршивца руки?»

Я шагнула вперед и, схватив парня за ладонь, вывернула ее к свету. Мое глазастое высочество не ошиблось. Руки у чернака, как, впрочем, и физиономия, были в саже.

Ну, и что малолетний переселенец искал в трубе моего камина?!

Что бы это ни было, просто так паршивец мне об этом не расскажет. Но кто сказал, что мое любопытное высочество будет спрашивать «просто так»?

Я окинула коротким взглядом троицу боевиков:

— За наказанием явитесь ко мне в полном составе после занятий. А вы, лер чернак, пойдете со мной прямо сейчас.

— Профессор Карна сказала, что мне нужно к целителю, — тут же заныл Юрась, но я не обратила на его скулеж никакого внимания.

Покрепче прихватив переселенца повыше локтя, я повела его к выходу. Смотрелось это довольно комично, учитывая, что парень был выше на полголовы, но эстетика меня сейчас волновала в последнюю очередь. Я вообще отключилась от реальности, погрузившись в собственные мысли. А подумать было о чем. Слишком уж быстро все произошло. Оли услышала странные звуки в каминной трубе, а полчаса спустя я уже выслушивала послание от Карны. Завидная оперативность. Ведь за эти тридцать минут чернак успел выбраться из трубы, пробежаться по крыше, где его заметили боевики, спуститься вниз, подняться на третий этаж общежития, получить по физиономии, пожаловаться своему куратору... Или профессор Карна сама как-то узнала о драке? А зачем он вообще потащился в это общежитие? И, самое главное, что чернаку, ифит его пожги, понадобилось в моем камине?! Даже на попытку влезть в кабинет ректора происшествие не тянет. С одной стороны, это невозможно: магия академии не пропустит сюда незваных гостей. И плевать, как они явятся, через дверь, камин или вообще стену проломают. С другой, а зачем? Ну что какому-то чернаку может быть так важно в ректорском кабинете, чтобы пытаться туда вломиться, рискуя нажать нешуточные неприятности?!

По мере того как я приближалась к своим апартаментам, вопросов становилось все больше, а

логики в произошедшем оставалось все меньше. Да и мое невыспавшееся высочество зверело прямо на глазах. Я не я буду, если не вытрясу из негодя правду! В конце концов, сдам его в тайную канцелярию, если мои аргументы не помогут.

Первым, что сорвалось с языка, едва я переступила порог собственного кабинета, стало замысловатое ругательство. За столом в широком ректорском кресле восседала приبلуда и складывала избушку из свитков сегодняшней корреспонденции. Слава Создателям, на ней была ее амазонка, неведомо как отчищенная от сажи, а не мой халат. Представив, какие слухи поползли бы по академии, выполни мелочь мое приказание, я похолодела и снова выругалась.

Искоркой вернув помятые свитки на специальную подставку, я мотнула головой в сторону спальни:

— Посиди там. Освобожусь — позову.

Оли насупилась, но спорить не стала.

Мое вконец обозлившееся высочество плюхнулось на освободившееся место и, дождавшись, пока за девчонкой закроется дверь, смерило переминавшегося с ноги на ногу чернака тяжелым взглядом.

— Для начала скажи, кто ты такой?

— Юрась... — округлил глаза парень.

— Курс, специализация.

— Выпускной курс, специализация бытовая магия.

— Как учеба, нравится? — тоном собравшейся позавтракать змеи продолжала расспрашивать я.

— Нравится... — эхом отозвался он, не понимая, чего от меня ожидать. Впрочем, я и сама не до конца понимала.

— На крыше что делал?

— Не был я на крыше, — упрямо набычился чернак.

— А в общежитие к боевикам зачем пошел?

— Вам же профессор Карна уже объяснила, — сорвался паршивец, — заманили!

— Как?

— Э...

— Понятно, — я не стала ждать, пока чернак придумает подходящую ложь. — Вижу, поговорить со мной начистоту вы не хотите. Понимаю. Свобода выбора и все такое прочее, ваше право. Тогда поговорю я, а вы послушайте, лер Юрась. Сегодня утром меня разбудили безобразные звуки, доносившиеся из моего камина. Полчаса спустя я встречаю чернака, вымазанного в саже. Мало того, трое студюзов с курса боевиков в один голос твердят, что видели, как этот юноша бегал по крыше как раз в то время, когда мне не давали спать странные шорохи. Но юноша рассказывать мне ничего не хочет. Но я же не могу оставить без внимания попытку ворваться в апартаменты дочери правителя, храни его Создатели, не так ли? В таком случае мне не остается ничего иного, кроме как сдать этого шустрого юношу в тайную канцелярию. Так уж исторически сложилось, что именно там лучше всего умеют разговаривать с теми, кто покушается на членов правящего рода... Вы что-то хотите сказать, лер Юрась?

Бледный переселенец, как и ожидалось, сломался гораздо раньше, чем у моего обозленного высочества закончились аргументы:

— Я должен был засунуть в эту трубу артефакт.

— Какой артефакт? Кто вам его дал? — под столом я стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони, но голос не изменился ни на йоту. — Неужели такому разумному студюзу могло прийти в голову покушаться на жизнь своего ректора?

— Нет! — чернак, уже не бледный, а серый от страха, подался вперед. — Я бы не согласился покушаться! Я бы сразу в стражу побежал!

Ну, положим, про стражу он загнул, а вот на покушение и правда не пошел бы, кишка тонка... Но ночью меня пытаются убить, а утром подсунуть какой-то неизвестный артефакт. Таких совпадений не бывает! Или все-таки бывают?! Я пристально смотрела на чернака, ожидая, что еще он мне расскажет.

— Каминную трубу надо было почистить, вот я и...

— Вы же понимаете, лер Юрась, что ваша история звучит довольно бредово. С каких это пор студиозы подрабатывают трубочистами? Для этого, по крайней мере в нашей Академии, существуют духи.

— Не знаю я, что там с духами! Сторож попросил меня сунуть артефакт в камин!

— Сторож? — Я опешила. — И как он это объяснил?!

— Каминную трубу надо почистить... — упавшим голосом проговорил Юрась, уже понимая, что я ему не поверю.

Зря, кстати. Я поверила. До такого идиотского объяснения не додумался бы даже чернак.

— И где этот артефакт?

— Я его уронил. Какая-то сволочь полезла... То есть кто-то заглянул с вашей стороны, я испугался и чуть не свалился, а артефакт выронил. Спустился с крыши, а там уже боевики. Под локти меня — и к себе поволокли. Пару раз по морде съездить успели, пока профессор Карна прибежала.

— А Карна... Профессор Карна откуда там взялась?

— Да не знаю я! Ее спросите. Я вам ничего плохого сделать не хотел! Даже не подглядывал!

Мое слегка обалдевшее высочество молча переваривало полученную информацию. Самозванный трубочист еще что-то там верещал о своей невиновности, но я его уже не слушала. История, которую он мне рассказал, выглядела достаточно бредовой, чтобы оказаться правдой. Хотя Юрася наверняка надули. Он настолько слабый магик, что ему можно всучить магическую бомбу под видом безобидного артефакта, он все равно ничего не рассмотрит. Осталось только выяснить, что за артефакт собирались подсунуть, и взять за горло неизвестного сторожа. Что-то мне подсказывало, что и он не последнее звено в этой цепочке.

Я поднялась, собираясь заняться раскопками в камине, и с удивлением наткнулась взглядом на все еще что-то бормочущего чернака. Ифит, мое склерозное высочество уже успело забыть о нем! Пришлось снова опуститься в кресло.

— Вот что, лер студиоз, — веско сказала я, и он, тут же умолкнув, уставился на меня глазами преданного варана. — Даже не знаю почему, но мне хочется вам верить. Некие личности воспользовались вашей наивностью и втянули в неприятную историю. Думаю, я не буду портить вам выпускной курс и забуду об этом недоразумении. Но и вы постарайтесь сделать так, чтобы мне никто о нем не напомнил. Проще говоря, не советую делиться впечатлениями с кем бы то ни было. Если же я узнаю, что вы не умеете держать язык за зубами, то прибегну к помощи тайной канцелярии. Вам все понятно?

Юрась так быстро закивал головой, что мне показалось, что она вот-вот оторвется от тонкой шеи и мячиком поскачет по полу, продолжая при этом бормотать «да, да, конечно». Жестом отослав чернака, попытавшегося напоследок поцеловать мне руку, я добралась, наконец, до камина. И тупо уставилась в пустую топку. Совершенно пустую. Совсем. Даже ковкая подставка для дров, вмурованная в кладку, об которую я всего час назад зашибла мизинец ноги, и та отсутствовала.

— Оли! — рывкнуло мое догадливое высочество во всю силу легких.

— Это не я! — тут же отозвалась приبلуда, с опаской выглянув из спальни. — А что случилось-то?

— Ты! Ты случилась в моей жизни и превратила ее в нескончаемый сюрприз! — взвыла я. — Ты куда решетку из камина дела, чудовище?!

— А, это... — мелкая уставилась в пол. — Оно само. Я только сказала духам, чтоб все из камина убрали...

— Каким духам? — в десятый раз за последние полчаса опешила я.

— Да нечисти вашей. Вы же мне велели ничего не делать. Я и не делала. А в халате холодно было сидеть. Ну я и вспомнила, как вы нечистью командуете. Дай, думаю, попробую...

— Какой нечистью?! — мое вконец ошалевшее высочество схватилось за голову. — Тут нет никакой нечисти! Есть духи-охранители! Но они не могут тебя слушаться!

— Не знаю, — пожала плечами Оли, совершенно не впечатленная моими воплями. — Слушаются нормально. Одежку мне вот почистили, ковер вымыли. Это я только в первый раз ошиблась. Сказала «убрать все», они и убрали. Вместе с железкой. Потом я уже правильно говорила: помыть там, почистить здесь...

— Да не может такого быть! — замотала головой я. — Духи не слушаются кого попало! Только если хозяин прикажет. А хозяин в этой проклятой академии, ифиты ее заberi вместе с профессорами и студиями, я!

— А может, вы случайно приказали? У нас в селении была баба, так она во сне разговаривала. Может, и вы так же?

— Я не разговариваю во сне! — возмутилась я, уже сомневаясь в собственном душевном здравии.

— Ну тогда не знаю. А только слушаются они меня, как вас, — проворчала Оли.

— Так, — я попыталась взять себя в руки. — Давай проверим. Прикажи им что-нибудь.

— А что?

— Да что угодно. Вот. Пусть уберут на столе.

Я указала на кучу снова разлетевшихся с подставки свитков корреспонденции.

Приблуда пожала плечами и спокойно произнесла:

— Духи, уберите стол.

— Не так... — только и успело пискнуть мое невезучее высочество, когда стол просто растворился в воздухе. Книги, перья, письменный прибор, в долю секунды потеряв опору, шлепнулись на пол. А я тупо уставилась на здоровенное чернильное пятно там, где еще секунду назад стоял дубовый монстр.

Я глубоко вдохнула и медленно, очень медленно выдохнула, посчитала до пяти, потом до двадцати и, наконец, кое-как сведя буйное бешенство к тихому, стяхнула с ногтя искру призывающего плетения и процедила:

— Ковер почистить. Свитки на полку. Перья и чернильницу туда же. И поставьте сюда какой-нибудь стол.

Пока мое пыхтящее, как кипящий чайник, высочество приходило в себя, пятно медленно истаяло, письменный прибор принял первоначальный вид и вместе с потрепанной корреспонденцией спланировал на стеллаж, а перед ректорским креслом появилась простыня ученическая парта.

— Не маловат будет? — с сомнением поинтересовалась приблуда.

— Молчи уж, повелительница духов, — невольно усмехнулась я, окончательно успокаиваясь. — Пока сойдет. А там закажем мебельщикам вместе с твоей кроватью нормальный письменный стол. Кстати, духам приказывать запрещаю. Не представляю, как тебе это удастся, да еще без призывающего плетения, будет время — разберусь, но пока забудь о такой возможности. Понятно?

— Что ж тут не понять? — погрустнела мелочь, но мне было не до ее терзаний.

— Я сейчас уйду...

— Аленна, вы мне книжку со сказками обещали. Букварь-то дома остался. Скучно просто так

сидеть.

— Вот тебе книжка, — я достала из шкафа учебник по истории Белого континента. Предназначался он для первого курса чернаков, поэтому ничего сложного содержать не мог. — Это, конечно, не сказки, но где-то близко. Пока я занимаюсь делами, ты сидишь и читаешь. Вернусь — расскажешь мне, что почерпнула интересного.

— Ладно.

Я кивнула и вышла из кабинета, выбросив проблемы с мебелью из головы. Сейчас меня интересовал только ифитов сторож. Юрась к нему с предупреждением, конечно, не побежит: слишком напуган. Но негодяй может и сам поинтересоваться у чернака, как тот выполнил его поручение, и, узнав, сбежать. Что меня, разумеется, совершенно не устраивало.

Выйдя из административного корпуса, где располагались апартаменты ректора и прочих преподавателей, я покрутила головой, припоминая, где обретался сторож во время моей учебы. Пять минут спустя мое злобное высочество толкнуло дверь небольшого строения, прилепившегося справа от главных ворот академии.

Прихожая оказалась пуста, а вот в соседней комнате... вовсю орали. И тон опять задавала профессор Карна. Помотав головой в попытке избавиться от ощущения провала во времени, я решительно направилась в ту сторону с намерением заявить о своем присутствии. Но на подороги остановилась, заинтересовавшись темой беседы.

— Как ты мог впутать в свои дела ребенка! — кричала Карна. — Ты же испортишь ему все! А если эта ифитова невеста сдаст мальчика страже?!

— С чего бы? — отозвался смутно знакомый голос.

— Попытка влезть в комнаты принцессы! — взвизгнула профессорша. — Лицом мужского пола! Чернаком! В прошлом и за меньшее отправляли на плаху!

— Так то в прошлом.

— Ты же знаешь, как она ненавидит переселенцев! Что ей стоит восстановить традиции?!

— Если дело пойдет слишком далеко, — ответил мужчина, — я возьму все на себя. Не беспокойтесь, профессор. Я не больше вашего хочу, чтобы Юрась поплатился за мою ошибку. Пусть лучше эта мегера на мне отыграется.

Эта мегера, а у меня не было ни малейшего сомнения, кого так обласкали, медленно попятилась к выходу. Мегера я или ифитова невеста, но голоса запоминаю очень хорошо, даже лучше лиц. И сейчас мое туподоходящее высочество, наконец, сообразило, почему мужской голос, отвечавший Карне, показался знакомым. И встречаться с обладателем этого голоса в подобной обстановке я не хотела. Да что там «не хотела»? Категорически отказывалась! Слишком дорого могла мне обойтись эта встреча.

Выскользнув из сторожки, мое, мягко говоря, обескураженное высочество быстро зашагало обратно в административный корпус. «Мда... — подумала я с нервным смешком, — эти ворота вряд ли когда-нибудь увидят нынешнего ректора Академии стихий. Не в этой жизни. Портал. Только портал! Слава Создателям и строителям, он у меня личный и находится прямо в кабинете».

ГЛАВА 10

Баранов на шашлык не приглашают

В кабинете стояла благословенная тишина. Оли увлеченно водила пальцем по строчкам, беззвучно шевеля губами. А я битый час пыталась сосредоточиться на очередной порции утренних писем. Но вникнуть в очередные требования безутешных родителей и предписания многомудрого совета все никак не удавалось. Против воли мысли возвращались к ночному покушению, а вместе с ним и к утренним сюрпризам. И складываться в общую картину эти кусочки не хотели совершенно.

Кому нужно ловить или убивать Рагетту, обычную, ничем не примечательную наемницу? Только тому, кому известно, что она еще и принцесса. Но ведь об этом знает всего несколько человек: Па, дядюшка, Макса и Алексан. Ну может быть, еще кто-нибудь из тайной канцелярии. Откуда-то же царственный родитель узнает о приключениях Рагетты. Но ведь никто из них не желает мне смерти! Дядюшка сердит из-за ректорства, не более. Па и Максу даже в расчет принимать смешно. Алексан? Так он всех ненавидит, включая самого себя, потому что слободарец, но ведь не убийца же. Однако исход схватки в темном переулке храмового города был предрешен. Не появившись ловкий чернак с неожиданной помощью, рано или поздно те громы так спеленали бы меня в свои антиматические сети. Вряд ли мне бы удалось долго удерживать эту троицу на расстоянии, а стража появляется в таких закоулках крайне редко. Проще говоря, безымянный чернак спас мое невезучее высочество от больших неприятностей.

И как в ситуацию вписывается то, что этот «спаситель» через несколько часов руками студиоза попытался подsunуть в мой камин какой-то неизвестный артефакт? Да и свое отношение к новому ректору Академии стихий он высказал вполне доходчиво: мегера, ненавидящая всех чернаков поголовно. Да, да. Я точно знала, что не ошиблась. Мое склерозное высочество вполне может не узнать человека, виденного не раз и не два. Но голоса я запоминаю сразу и навсегда. И этот голос не стал исключением. В темном переулке мне на помощь бросился тот самый чернак, который обругал меня же в разговоре с Карной. Хрипловатый, но от этого не менее приятный баритон с едва заметными грассирующими нотками и неистребимым чернакским акцентом. Я не могла ошибиться.

Мог Никс не знать, кого спасает? Или это покушение и было затеяно с целью познакомить нас в, так сказать, неформальной обстановке? Но уж больно дорогостоящая инсценировка получается: два трупа, третий не образовался исключительно благодаря моему собственному разгильдяйству, да еще проклятые антиматические сети... И Крупш исчез слишком вовремя. Если бы не это, мы, скорее всего, вышли бы вместе. Он всегда меня провожал, если не напивался совсем уж в хлам.

Нет. Охотились именно за Аленной, а случайно или не очень вмешался в охоту Никс, мне еще предстоит выяснить. И впутывать в это дело Тайную канцелярию нельзя. Страшно даже подумать, как отреагирует Па, если моя любовь к тракту станет достоянием общественности. Может даже замуж выдать в расстроенных чувствах, с него станется.

Загудевший кристалл связи вырвал мое вконец очумевшее от бесплодных размышлений высочество из задумчивости.

— Слушаю.

— Аленна, открой ректорский портал, — раздался, как всегда, веселый голос Максы. — Папенька желает видеть бухгалтерские книги академии и отправил за ними меня.

Я щелкнула пальцами, активируя арку, и с усмешкой спросила:

— Ты не сдал главный экзамен на правителя, и тебя понизили до счетовода?

— Язва, — беззлобно ругнулся братец. — Сейчас приду, надеру уши и расскажу.

Оли, захлопнувшая книгу, как только загудел кристалл, тихо хихикнула.

— Но-но, — тут же отреагировало мое возмущенное высочество. — Еще кто кому надерет. Ты мне авторитет не роняй, государь-наследник, он у меня единственный и хрупкий, аки хрустальная туфелька.

— Хрустальную туфлю, помнится, склеила фея, подогнав под размер конкретной пятки. Иначе Золушка ее бы в жизни не натянула, — рассмеялся Макса, выходя из порталной арки. —

Привет, сестренка!

— Принц в любом случае остался не в накладе, — ухмыльнулась я, поднимаясь ему навстречу. — Здравствуй, братец.

— А разве Золушка не вышла замуж за принца потому, что ей подошла хрустальная туфелька? — вклинулась Оли. Ну никакого трепета перед членами королевской семьи! Впрочем, откуда ему взяться, если принцессу она называет «Аленна» и через раз на «ты», а принц не так давно лично выуживал ее из фонтана?

— А это тайная история, — подмигнул Макса. — Бедного принца на самом деле обманывали все кому не лень, потому что...

— Потому что он был болтливый дурак и всем растрепал, зачем нужна хрустальная туфелька! — перебила я. — Ты зачем явился, братец, сказки рассказывать или бухгалтерские книги забрать? Хотя в этих книгах, судя по всему, тоже сказки.

— Не слушай эту вредину, Оли, — расхохотался Макса, не забыв при этом отдать приказ духам: краем глаза я заметила, как исчезла стопка растрепанных отчетов.

— Это как это «не слушай»?! — делано возмутилось мое высочество, пульнув в родственничка простеньким сглазом. — Ты чему мне ребенка учишь, вредитель?! Кого ей еще слушать, как не своего учителя?

— Этого учителя, Оли, надо слушать очень избирательно, — продолжал веселиться братец, с легкостью отводя мой «подарочек» в сторону и отправляя свой. — Вот когда она учит зелья варить, тогда слушай, а когда жить, ни в коем случае!

— И чему же я такому плохому могу научить?! — фыркнула я, увернувшись от онемения и запустив в братца утиным сглазом, а следом власоростом.

— Например, не слушаться старших, — скорчил комичную гримасу Макса, принимая на мини-щит утиный сглаз. — Или швыряться в государя-наследника всякой гадостью. Это что такое было, вредина?

— А, так, ерунда, — легкомысленно махнула рукой я. — Покрякал бы минут десять, да и все.

— Ну и кто чей авторитет роняет? — с притворной строгостью уточнил братец, не замечая, что обзавелся пышной шевелюрой, густыми кустистыми бровями и частоколом ресниц на зависть всем дворцовым красавицам.

Оли уже каталась по дивану, хохоча во все горло.

— Ну что вы, ваше высочество государь-наследник! — я склонилась в глубоком реверансе, чтобы скрыть усмешку. — И в мыслях не было ничего подобного!

— Почему, когда ты начинаешь демонстрировать манеры, соответствующие твоему титулу, мне сразу хочется проверить, не написано ли у меня на спине бранное слово? — с подозрением спросил Макса, переводя недоумевающий взгляд с моей ехидной физиономии на хохочущую приبلуду. — Оли, ты же не позволишь этой ведьме издеваться над настоящим принцем. Скажи, что она сделала?

— Ну так эта ведьма как бы учитель мой, — кое-как выдавила сквозь смех мелочь, — я ей должна быть верной, разве нет?

Я слегка опешила, не зная, злиться ли на то, что Оли подтвердила мое ведьмовство, или радоваться проявлениям ее лояльности.

— Женщины, — вздохнул Макса. — Признавайся, Аленна, что ты со мной сделала? В последний раз, когда я, по твоей милости, явился на представление невест с шипастым хвостом, Па обещал лишить меня наследства, если я еще хоть раз попадусь на твои уловки. Ты же не хочешь величать государем-наследником Алекса?

— А это уже шантаж, ваше высочество. И потом, не ты ли умолял меня придумать что-нибудь, что избавило бы тебя от внимания всех этих девиц?

— Но не скорпионий хвост же! — воскликнул Макса, нервно откинув с глаз длинную челку, за последние пять минут отросшую сантиметров на двадцать. — О! А это что?!

Он резво сотворил призрачное зеркало и, опешив, уставился на свой обновленный облик.

— Аленна! — заорал он, едва вновь обрел способность говорить. — Ты бы меня еще в платье передела!

— А что? Это идея, — нежно улыбнулась я, поднимая руку, словно желая стряхнуть новую искорку.

— Только попробуй! — попятился братец, окутавшись мощным щитом. — Ты представляешь, как выскажется Па, если государь-наследник появится в подобном виде? Что за дрянь ты на меня повесила?

— Вот, Оли, — я демонстративно повернулась к хихикающей девчонке, — учись. Это плетение называется власорост. Очень хорошо помогает в битве с волосатыми пластелинами, нападающими на слабых беззащитных девушек. Одна маленькая искорка, и через несколько минут эти гады ничего не видят — челка мешает. Ну и в обыденной жизни пригождается, — я красноречиво взглянула на Максу, безуспешно пытавшегося бороться с отрастающими локонами секущим плетением.

— Аленна! — взвыл он, когда брови закрыли ему глаза. — В тюрьму отправлю! Казню! Замуж отдам!

— Ну ладно, ладно, — сжалилась я, снимая сглаз. Царственная шевелюра тут же вернулась к нормальным размерам.

— Вот ведь ведьма, — проворчал братец, с облегчением разглядывая свое отражение.

— Рассказывай, что нового дома? — Я согнала приبلуду с дивана, освобождая место брату, и красноречиво указала ей на дверь спальни. Оли не стала спорить и, прихватив книгу, ушла.

— А вот не хочу рассказывать, — фыркнул он, усаживаясь. — В другой раз не будешь на мне свои пакостные изобретения пробовать.

— А косички заплетать научиться хочешь? — ехидно ухмыльнулась я.

— Ну и кто из нас шантажист? — вздохнул Макса. — Ничего особенно нового не происходит. Па очень заинтересовался финансами академии, насел на дядюшку. Тот пока отбрыкивается, мол, деньгами не занимался, ему хватало учебной нагрузки. На середину зимы назначили большой прием. Снова будут мне невесту искать. Но, по слухам, и по твою душу охотники приедут.

— Опять?! — нахмурилось мое разом растерявшее хорошее настроение высочество. — Реконструкция левого крыла дворца закончена, и Па решил кардинально обновить правое?

— Нет, нет, — замахал руками Макса, — насколько я понял, все на добровольных началах, даже для меня. А тебя, пока ты в этом кресле, вообще заставить невозможно, знаешь же...

Полюбовавшись на мою недоуменную физиономию, братец вздохнул:

— И когда ты начнешь читать что-нибудь, кроме сборников атакующих плетений? Ректор Академии стихий своей личной жизнью распоряжается самостоятельно. Тут ему даже правитель не указ, такова традиция. Мол, только он сам волен решить, когда сможет совмещать заботы о студиях с семейной жизнью. И с кем он эту семейную жизнь намерен строить, решает тоже он. Ты думаешь, почему дядюшку до сих пор не женили? Вот поэтому. Он-то такой же носитель королевской крови, как и мы с тобой. И выдернул его Па из Академии так резво, потому что дядя Симеон вздумал жениться на черначке.

— Seriously?

— Еще как. Впрочем, Академия ему милее невесты. Теперь он клянется, что если Па вернет его сюда, то жениться не будет. Но Па пока медлит. Не верится ему в такую быструю капитуляцию. А может, хочет на зимнем приеме дядюшке невесту подобрать, чтоб уж наверняка. Не знаю, мне-то не докладывают.

— Hmm... Интересно. А вот если с ректором что-нибудь случится, что тогда делают?

— Что это с тобой должно случиться? — с подозрением сощурился Макса.

— Ничего, — я старательно улыбнулась. — Я, конечно, не в восторге от подобной обузы, но

кончать жизнь самоубийством не собираюсь. Мне чисто так, для общего развития интересно. Вот если ректор свернул себе шею, кто станет новым ректором?

— Насколько я помню, такого еще не бывало. Был случай, когда ректор заболел серьезно и умер. Тогда хранителем Академии лет на десять стал правитель, наш прадед. Магия Академии — штука хитрая, она не примет нового ректора без церемонии отказа прежнего. А мертвецу, сама понимаешь, обряды править не с руки.

— И как эту проблему решили?

— Вроде бы пришлось ждать, пока дух умершего пройдет все уровни перерождения и его можно будет призвать для обряда. Да ты бы сама почитала. Вон у тебя на полке «Полная история Академии стихий» стоит.

Я скептически посмотрела на здоровенный талмуд размером с половину столешницы.

— Не сейчас. Видишь, какая у меня мебель? Не выдержит ведь веса монументальных знаний, развалится к ифитам и мне ноги переломает.

— А что это, кстати, за мебель такая странная? У нас парты были похожие, когда я здесь учился.

— Парта и есть. Проверяю, каково студиязам за такими сидеть. Обновляю, так сказать, впечатления.

— И как результаты? — усмехнулся Макса.

— Пока в результатах три занозы, синяк на колене и вечный поиск «куда положить хоть что-нибудь». Очень неудобная конструкция. И как мы за такими учились?

— Понятно, — братец поднялся. — Ладно, засиделся я у тебя, а меня там финансы ждут.

— Так ты серьезно должен это сам проверять? — округлила глаза я.

— Ну не сам, но должен, — скривился Макса. — Па считает, что правитель должен разбираться в бухгалтерии. Вот и буду учиться на твоих книгах.

— Удачи. Там ифит ногу сломит.

— Умеешь ты утешить, — ухмыльнулся братец, ступая в портал.

Арка на мгновение вспыхнула, и я осталась в одиночестве.

Итак, бредовый вариант, что дядюшка решил угробить племянницу, дабы освободить любимое креслице, отпал сам собой. Слишком долго, муторно и ненадежно. Если я не совершу обряд отречения, то Академия не примет нового ректора. А если меня и заставят силой, то у Па и Тайной канцелярии тут же возникнет масса вопросов, когда и как я это сделала. А значит, мой дух вызывать будут обязательно, пусть и десять лет спустя, что для моего убийцы окажется фатальным.

Но кто же тогда?!

Единственный след, оставшийся в моем распоряжении — чернак-сторож и его темные делишки. А о нем мне могут рассказать только в таверне «У наемника». Вот с нее я и решила начать.

— Оли!

Приблуда высунулась из спальни и с кислой миной проговорила:

— Знаю, знаю. Вы сейчас уйдете. Мне ничего не трогать, ничего не делать и духам ничего не приказывать. Так?

Мне стало немного стыдно: девчонка же не виновата, что случайно оказалась моей ученицей, а учитель из меня, как из ифита мороженщица.

— Нет, не так, — улыбулась я, потрепав ее по вечно лохматой голове. — Сейчас ты пойдешь со мной, надо купить тебе, наконец, одежду, всякие причиндалы для письма и заказать нормальную кровать. После обеда у меня лекция, а вот вечером я уйду, и вступит в силу все то, что ты перечислила. Согласна?

— Еще бы! — подпрыгнула приبلуда, едва не уронив книгу, которую держала в руках.

На всякий случай сверившись со своим расписанием и убедившись, что ничего не перепутала и лекция у боевиков действительно после обеда, я бросила печальный взгляд на парные мечи и пошла переодеваться. Если во дворце все уже привыкли к моим кожаным нарядам разной степени потертости, то в Академии, а уж тем более на улице приходилось выглядеть хоть и эксцентричной, но принцессой. «К тому же, благодаря присутствию Оли, узнавать меня теперь будут в разы чаще», — проворчала я, застегивая замшевый жилет светло-серой амазонки, обильно украшенный драгоценностями.

Оли уже в нетерпении подпрыгивала у портала, но мне пришлось еще задержаться и отправить духа с сообщением о своем отсутствии профессору Карне. Совершенно ни к чему очередная истерика этой любительницы чернаков под дверью моего пустого кабинета, если кому-нибудь из ее подопечных в очередной раз разобьют нос.

Полчаса спустя мы вошли в удушливо благоухающую цветами лавку портнихи. Выбрала я это заведение по единственному принципу: расположение на главной площади. Сейчас за покупками отправилась принцесса, принцессы тратят деньги в соответствующих их статусу местах. Если мое высочество увидят в какой-то дешевой лавчонке, сплетни разнесутся со скоростью урагана, а Па не станет медлить с очередной нотацией.

Вокруг нас тут же засуетилась хозяйка. С трудом отбившись от настойчивых предложений сотворить для меня наряд, достойный Создательницы Идды, я перенаправила ее активность на Оли, а сама уселась в кресло в дальнем углу, не выпуская, впрочем, служительницу прекрасного из виду. И правильно сделала.

Для начала мою приبلуду обрядили в гору кружев и рюшей, так, что она стала похожа на большой именинный торт, но полностью потеряла возможность передвигаться.

— Не годится, — мотнула головой я.

— Вам не нравится цвет? — тут же подскочила молоденькая модистка с блокнотом наготове.

— Мне не нравится фасон, — отрезало мое стремительно мрачающее высочество.

— Мне тоже, — пискнула Оли. — Оно тяжелое, как коромысло с ведрами!

— Но это же последние веянья моды из столицы, — рядом материализовалась хозяйка.

— Меня не интересуют веянья моды из столицы. Я хочу, чтобы моя ученица могла резво бегать и не полоскала метры кружев в каждом котле с зельями. Видите ее амазонку? Сделайте что-то подобное...

— Но этот костюм кто-то с полным отсутствием художественного вкуса жестоко изуродовал! — всплеснула руками портниха. — К нему полагаются чудесные кружевные манжеты и жабо...

— Что я вам говорила по поводу кружев?!

— Но как можно...

— Можно только так, как хочу я, или мы немедленно уходим! — рявкнула я, приподнявшись.

Хозяйка закрутилась вокруг с удвоенной скоростью, убеждая мое капризное высочество, что все будет сделано именно так, как мне будет угодно. Я снова опустила в кресло, милостиво кивнув. Разумеется, капризный тон, громкие заявления и гнев были всего лишь игрой на публику. Но иначе с этой модной братией я разговаривать так и не научилась. Дай им волю, и они заматают тебя в несусветные одеяния, обвешают тоннами драгоценностей и назовут это орудие пытки шедевром портновского искусства. А робкие жалобы жертвы шедевра на невозможность не то что присесть без посторонней помощи, но даже толком вздохнуть, отметаются категоричным «красота требует жертв». Что красивого в бледном, полуобморочном создании, торчащем из вороха кружев, как глиста из... Кхм... В общем, что в этом красивого, я так и не поняла, и лет с пятнадцати встречала подобных художников ножниц и иголки боевыми плетениями, а мои даже праздничные наряды отличались простотой и полной немодностью. Одни говорили, что это из-за моей чрезмерной жадности, другие кивали на отсутствие вкуса. Но мне было плевать и на тех, и на других. Я предпочитала удобство всему остальному. Судя по тому, с каким облегчением Оли выпуталась из кружевного монстра, она считала так же.

Наконец, сорок минут и десяток угроз из моего угла спустя для Оли подобрали костюмы,

весьшие меньше, чем боевая броня древнего рыцаря. Пока их подгоняли по фигуре, я лениво поглядывала в большое окно. На противоположной стороне улицы вот уже полчаса маячил какой-то чернак. Он разглядывал выставленные в витрине дамские шляпки. То и дело с ним сталкивались спешащие по своим делам горожане. Но он упорно оставался на месте. «Слуга поджидает хозяев? — лениво подумала я. — Вот же тупой. Нет бы отойти за ларек с фруктами в двух шагах. И дверь шляпницы останется в поле видимости, и толкать каждые пять минут никто не будет».

Мельком взглянув на свою подопечную, я тут же забыла о глупом переселенце: модистка как раз пыталась прицепить приبلуде чуть пониже спины огромный пышный розовый бант. Подавив смех, украшение на темно-зеленой короткой юбке амазонки смотрелось по меньшей мере дико, я поднялась. Этого движения хватило, чтобы, испуганно пискнув, диверсантка уронила розовый кошмар на пол и стыдливо задвинула его ногой под возвышение, на котором стояла Оли. Вдохнув, мое чуждое прекрасному высочество вернулось на место и уже не спускало глаз с шустрых модисток ни на секунду.

Но все когда-нибудь заканчивается. Закончилась и попытка меня несчастной модными тряпками. Благодаря постоянному контролю и одергиванию излишне инициативной портнихи мне удалось получить для мелкой дюжину комплектов удобного белья и шесть амазонок. Платья мое ценящее комфорт высочество не признавало как класс. Призвав духа, я приказала доставить внушительный тюк в апартаменты Академии и поспешно вышла на свежий воздух. Оли семенила следом.

— Никогда не думала, что одеваться так сложно, — сказала она, едва за нами закрылась дверь.

— Это еще ничего, — ухмыльнулась я, — ты бы видела, как меня одевали в твоем возрасте. Так. Дальше у нас по плану мебель. Пошли искать.

— Я видела мебельщика, когда мы сюда шли, — вспомнила приبلуда. — Это на той стороне площади, почти у портала.

— Значит, нам туда, — я развернулась и почти нос к носу столкнулась с тем самым чернаком, который маячил у шляпного магазина.

— Простите, лерра, — буркнул он и с преувеличенным вниманием уставился в витрину.

Я проследила за его взглядом: военное обмундирование для офицеров. Однако. Хозяйка этого невежи выбрала шляпку и решила прикупить к ней мундир? Или чернак просто шатается по площади?

— А как мы будем выбирать кровать? На каждой надо будет лежать? — отвлекла меня Оли.

— Нет, — рассмеялась я, выбросив странного переселенца из головы. В конце концов, его поведение — проблема тех, у кого он работает, если таковые имеются. — Тебе просто покажут иллюзии, а ты выберешь, что понравится.

— Сама выберу? — радостно переспросила приبلуда.

— Сама, — кивнула я, но на всякий случай уточнила: — Только она должна занимать не больше места, чем диван, на котором ты спишь сейчас. Иначе твое ложе придется установить в коридоре.

Оли рассмеялась, и я, не задумываясь, приобняла ее за плечи. Хорошая девчонка. Пожалуй, нет ничего плохого в том, что мне досталась такая ученица. По крайней мере, она не лицемерная стерва, из тех, что пытались набиться в подружки моему высочеству во дворце.

Мебельная лавка встретила нас тишиной и приятным запахом свежей стружки. Конечно, прямо здесь никто ничего не строгал, и запах обеспечивало специальное плетение. Но мне он в любом случае нравился больше, чем удушливые ароматы модисток.

— Чем могу служить? — склонился в поклоне пожилой хозяин.

— Я хочу купить для моей ученицы детскую кровать, — ответила я и, спохватившись, добавила: — и письменный стол...

Тут мое внимание привлекло какое-то движение на улице. Там, прямо напротив входа в мебельную лавку, стоял давешний чернак.

— Угодно ли вам будет взглянуть на образцы? — позвал хозяин.

— Нет, — отозвалось мое встревоженное высочество, не отрывая глаз от преследователя, и подтолкнуло Оли вперед, — она сама выберет.

Мебельщик увел приبلуду вглубь лавки, а я, чуть сдвинувшись в сторону, чтобы не быть слишком заметной с улицы, продолжила свои наблюдения.

Вид отсюда открывался практически на всю площадь. Даже край порталной арки виднелся за памятником какому-то из моих предков. А чернак упорно маячил у постамента, разглядывая затейливую вязь каменного кружева. Поверить в его тягу к прекрасному мешало только то, что он то и дело оглядывался по сторонам, в основном в направлении мебельной лавки. С возрастающим напряжением я наблюдала за этими ужимками, уже совершенно не веря в случайность этой встречи.

Через несколько минут к моему преследователю подошел другой переселенец. Они коротко переговорили, и он, ифит его пожги, тоже оглянувшись на мебельную лавку, скрылся за постаментом.

В ладони впились сотни миниатюрных иголочек, разгоняя кровь в предчувствии схватки. Как так? Среди бела дня они решились напасть на дочь правителя? В том, что слезка как-то связана с ночным нападением и странным утренним происшествием, я уже не сомневалась. Как и в том, что на этот раз стесняться и следовать традициям не буду, а сразу пообрываю негодяям ноги. Со мной была Оли, и подвергать ее опасности, расшаркиваясь со всякими замшелыми суевериями, я не имела ни малейшего желания.

— Я выбрала! — словно почувствовав, что мое взбешенное высочество думает о ней, рядом нарисовалась мелкая.

— Отлично, — не отрывая глаз от фигуры преследователя, я заплатила озвученную сумму и, призвав духа, отправила покупки вслед за одеждой.

— Что-то случилось? — тут же почувствовала мое изменившееся настроение Оли. — Это не я! Честное слово!

— Знаю, что не ты, — хмыкнула я, крепко беря ее за руку. — А кто, мы сейчас и посмотрим.

ГЛАВА 11

Профессора, студии и прочие заговорщики

Что такое главная площадь храмового города? По сути своей, это почти квадрат с четырьмя храмами по углам, каждый из которых посвящен одному из Создателей. По трем сторонам между ними размещались дорогие лавки и таверны, а четвертую занимал небольшой сквер. Ближе к центру торчал высокий постамент с памятником кому-то из моих предков, кажется, прадеду. Четко между ним и ажурным заборчиком сквера и находилась арка портала, куда я так стремилась.

А вот сумеет ли мое встревоженное высочество там оказаться, все еще оставалось под большим вопросом. Обложили меня качественно и со знанием дела. Давешний соглядатай так и маячил под памятником, болтая с очередным соотечественником. В его полную беспечность мешало поверить только то, что он уже дважды успел взглянуть в нашу сторону с тех пор, как мы вышли из лавки мебельщика. С полдюжины чернаков собрались у кованой ограды сквера. Даже на деревьях я заметила двоих, что и вовсе не вписывалось ни в какие рамки. Слава Создателям, оружия ни у кого из них я не видела, но это слабое утешение. Чернаков было слишком много: навалятся скопом, и не поможет мне никакая магия, учитывая семенящую рядом Оли.

— А почему храмы Создателей такие разные? — вклинился в мои мысли голосок приبلуды.

— Так и сами Создатели не близнецы, — невнимательно отозвалась я, с возрастающим беспокойством наблюдая, как крупный, похожий на низкорослую гориллу чернак слева поднимает с земли какой-то мешок.

— А почему богов пять, а храмов всего четыре? — не успокаивалась мелкая.

— Потому что Создателей именно четверо, — отмахнулась я.

— А откуда тогда взялась Безымянная?

— Оли, давай я тебе как-нибудь в другой раз об этом расскажу, — до спасительного портала оставалось всего два десятка шагов, но и наши преследователи зашевелились активнее, сжимая круг.

Коротко оглянувшись, я убедилась, что и пути к отступлению ифитовы переселенцы перекрыть не забыли. Следом за нами к portalу спешили сразу трое, и в руках у них были плотно набитые чем-то мешки.

— А когда? — девчонка оставалась верна себе, тут же потребовав конкретики.

— Вечером, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

Десять шагов до портала. Похожий на гориллу чернак бросил свой мешок и рванул нам наперерез.

— Так вы же вечером уходите, — продолжала зудеть приبلуда.

— Немного задержусь.

Пять шагов. Перед порталом нарисовались два переселенца с каким-то ящиком и, с заметной неприязнью поглядывая в мою сторону, начали что-то из него вытаскивать.

— Честно? А то учитель Ронд на меня за такие вопросы только линейкой махал.

— Что ж так? — я почти не понимала девчонку, вслушиваясь в шаги за спиной и пытаюсь одновременно удержать в поле зрения компанию чернаков перед порталом и бегущую «гориллу».

Два шага. Правую руку согрело боевое плетение, наполняя ладонь пульсирующей плазмой.

— Лерра! Постойте, высокочтимая лерра! — «горилла» остановился перед нами, безуспешно пытаясь отдышаться.

Легкий щит едва заметной дымкой окутал мелкую, и я холодно посмотрела на крикуна, ожидая продолжения.

— Простите, высокочтимая лерра, — зачастил он, с опаской поглядывая на огненный шар в моей руке. — Мы только завершим объединение плетений, и вы сможете пройти.

Мое опешившее высочество молчало как рыба: этот нахал просит меня подождать, пока они закончат устанавливать свою ловушку? Он что, еще больший идиот, чем все прочие чернаки?! Ну или почти все: мне некстати вспомнился Никс. Вот уж кого никак нельзя было назвать идиотом.

— Это всего на пять минут, высокочтимая лерра! — заныл он, видя, что я не отвечаю. — Если сейчас разорвать контур, то все придется начинать сначала. А празднества начнутся уже через несколько часов. Мы просто не успеем!

— Празднества? — тупо переспросила я.

— Ну да, — растерялся «горилла». — День Пришествия...

И тут на ступенях постамента вспыхнули и замигали огоньки. Секунду спустя ограда сквера, деревья и близлежащие лавки украсились такими же. При свете дня выглядели они тускло, но ночью это должно было превратиться в потрясающее зрелище.

— Все, высокочтимая лерра, — с заметным облегчением выдохнул чернак, отступая в сторону. — Благодарю вас за терпение!

— Ух ты! — приплясывала рядом Оли, дергая мое ошалевшее высочество за руку. — День Пришествия! У нас в поселке медовые булочки всегда пекут! А здесь их делают?

— Что? — отмерла я.

— Булочки с медом.

— Наверное...

В состоянии, близком к прострации, я, волоча за собой вертящую головой приبلуду, беспрепятственно поднялась по ступеням портала.

Последний оставшийся там чернак низко поклонился, подхватив пустой мешок и отступая в сторону. Все еще ожидая какой-нибудь подлянки, я помедлила, прежде чем ступить в дымку портала, но никто и не думал на меня нападать. Глухо выругавшись, мое дрожащее от пережитого напряжения высочество погасило огненный шар и шагнуло вперед.

Кабинет встретил нас умиротворяющей тишиной. Только тут я сняла с девчонки плетение щита и с тихим смешком рухнула в кресло: «Так вот ты какая, лерра паранойя! Это же надо было приготовления к празднику с нападением перепутать. Хорошо хоть по какой-то счастливой случайности мне не пришлось в голову вызвать стражу! Макса бы до конца жизни такой конфуз вспоминал...»

Оли трещала без умолку. Краем уха вслушиваясь в рассказ о сельских гуляниях и медовых булках, я медленно приходила в себя.

К удару гонга, объявившему, что через четверть часа профессору Аленне предстоит новая встреча со студиями, я уже вполне успела отойти от мной же придуманного нападения. И даже вспомнила, что именно должна показывать боевикам на этот раз. Помянув нехорошими словами свои преподавательские обязанности, я приказала духам доставить приبلуде обед и поплелась на свою личную каторгу.

В общем, на лекцию мое победившее паранойю высочество явилось хоть и неохотно, но вовремя, навесив на физиономию равнодушное выражение номер семь, по классификации моего учителя этикета. То есть «без моего приказа ничего не происходит, что немного скучно, но закономерно». Всего их было штук двадцать от завуалированного «дождь — штука еще более неприятная, чем вы, но я же терплю», до откровенного «плевать мне на вас с самой высокой башни дворца».

Вопреки обыкновению, мой нерадивый ассистент стоял у кафедры, а не парил под потолком. Я мысленно погладила себя по голове: расчет оказался верен. В прошлый раз я «не обратила внимания» на эту шуточку, в этот — лерам студиям стало уже неинтересно.

На моем столе стоял небольшой котелок, плотно прикрытый крышкой.

— Итак, леры, с работой над замечательным зельем от насморка проблем у вас не возникло? —

поинтересовалась я и, услышав многоголосое «нет», продолжила: — В таком случае займемся его усовершенствованием. Эффект, заставивший вас чихать и кашлять в нашу прошлую встречу, достигается за счет томильских ягод. Кто сможет мне сказать, чего еще не хватает, чтобы достигнуть того результата?

Подскочил, разумеется, давешний прыщавый отличник в короткой мантии. Порывшись в памяти, я даже вспомнила его имя:

— Прошу вас, лер Буи.

Студиоз ожидаемо оттарабанил список взрывчатых веществ, глядя на меня при этом со щенячьим восторгом. Кое-как мне удалось донести до потирающих ручки боевиков, что варим мы не бомбу замедленного действия, а состав, которым можно и насморк полечить в случае чего. Методом исключения, а некоторые из предложенных веществ отличались не только взрывоопасностью, но и непомерной ядовитостью, мы добрались до разрыв-травы. Кивнув ассистенту, чтоб подал ее из холодильного шкафа, я усадила Буи, сняла крышку с котелка и с трудом сдержала возмущенный вопль: к ожидаемому мятному аромату примешивался едва заметный запах тухлых яиц.

Окинув студиозов коротким взглядом, мое скривившееся высочество быстро вычислило виновника своего конфуза. На заднем ряду ехидно ухмылялся Рус. Надо было срочно спасать ситуацию, иначе, благодаря этому паршивцу, я никогда не буду знать, что найду в очередном котелке. Лихорадочно соображая, какую дрянь подкинул в зелье мстительный студиоз, я медленно вскрыла банку с разрыв-травой: «Запах есть, а цвет не изменился... Зато зелья явно больше, чем задумывалось изначально: вряд ли Кирири стал бы наполнять котел по кромку. Но консистенция осталась густой и вязкой, значит, добавили не жидкость и не порошок, а что-то такое же».

Быстро перебрав все возможности, я остановилась на двух: полян и кровь василиска. Экстракт поляна, среагировав с компонентами зелья, вполне мог дать подобный отвратительный запах. Однако, я сильно сомневалась в том, что ифитов Рус мог знать о таких особенностях этой довольно редкой травки. Соответственно, оставалась только кровь василиска. Она обладала подходящей густотой и от природы благоухала преследующим мое невезучее высочество в последнее время ароматом тухлых яиц. А об этом-то будущий маг-боевик должен был знать не понаслышке. Оставалось всего одно маленькое «но». Ифитова кровь могла выстрелить в лицо неудачливому зельевару фонтаном отвратительной пены, если добавить что-нибудь, хоть на градус отличное по температуре. Все эти долгоописываемые размышления заняли всего несколько минут, но за это время ехидная ухмылка Руса переросла в победную улыбку. Ну-ну... Мысленно усмехнувшись, я провела пальцами по ледяной поверхности банки, которую принес из холодильного шкафа мой ассистент.

— Лер Кирири, перелейте, пожалуйста, половину зелья отдельно. Неудобно работать с полным котелком.

Надо ли говорить, что, продолжая читать лекцию о применении зелья от насморка в экстремальных условиях, я, незаметно подогрев, спокойно добавила в котелок и разрыв-траву, и томильские ягоды. Самодовольное выражение сползло с лица Руса, как некачественная краска, а уж когда мое не менее мстительное высочество пригласило его на кафедру, и вовсе сменилось заметным беспокойством.

— Лер Рус, вы так внимательно следили за моими действиями, что, вероятно, ничего не упустили? — ласково поинтересовалась я.

Похоже, мой нежный голос напугал паршивца еще сильнее, потому что ответил он мне с запинкой, предварительно прокашлявшись:

— Д-да.

— Вот и замечательно. Тогда повторите их с оставшейся половиной зелья, — радостно улыбнулась я, на всякий случай отходя к краю кафедры.

Метнув в мою сторону злой взгляд, значит, мое предусмотрительное высочество не ошиблось: мальчишка был прекрасно осведомлен о последствиях, он щедро сыпанул в котелок разрыв-траву и получил закономерный результат: его окатило вонючей пеной с ног до головы.

— Благодарю, лер Рус, — как ни в чем не бывало кивнула я. — Вы можете садиться.

Прошипев что-то нецензурное, студиоз поплелся на место. Народ от него старательно

шарахался, не желая ни замараться, ни нюхать отвратительный запах. Усевшись в стремительно опустевшем углу, он занялся чисткой. Отметив, что с бытовыми заклинаниями мальчишка справляется еще хуже меня, я ухмыльнулась и дала знак Кирри убрать на кафедре.

— Итак, лерры студии, благодаря неоценимой помощи лера Руса вы только что увидели, к чему приводят как неучтенные ингредиенты в простейшем зелье, так и незнание их свойств. Соответственно, зелье от насморка с томильскими ягодами вам придется готовить самостоятельно, под присмотром лера Кирри. А для меня к следующей лекции прошу приготовить эссе о том, что же такое попало в наш котелок и почему результаты лера Руса так разительно отличаются от моих.

К брезгливым гримасам добавились откровенно злые взгляды: ни от кого не ускользнуло, кому они обязаны двойным объемом самостоятельной работы.

Мысленно поаплодировав собственной находчивости, я одновременно с ударом гонга покинула лабораторию.

Но долго наслаждаться собственной неотразимостью мне не дали: сразу за дверью я столкнулась с профессором Карной.

— Лерра ректор, — тут же затараторила она. — Почему переселенцам не выплатили стипендию?! В городе празднество, старшие курсы могли бы отправиться туда и приобщиться к ценностям нашей культуры! А вместо этого...

— Погодите, профессор, а при чем тут я? — возмутилось мое ошарашенное таким напором высочество. — Обратитесь к казначею. Это его забота. Или вы считаете, что я должна лично выдать каждому чернаку его мелочь?

— А разве это не ваше распоряжение? — опешила Карна.

— Нет, — буркнула я, обходя защитницу чернаков. — Обратитесь к казначею.

Я, конечно, своего отношения к ифитовым переселенцам не скрываю, но и вешать на меня всех варанов не позволю. Делать мне больше нечего, как только у них стипендии отнимать! Тем более в свете того, каким образом я собираюсь избавиться от ректорского кресла. Да я им эти выплаты еще и подниму! Хотя нет. Это уже перебор...

— Но, профессор Аленна, — Карна не собиралась сдаваться так быстро. — Казначей уже два дня нет на месте. Как бедным детям получать свои деньги?

Скрипнув зубами, я призвала духа, но оказалось, что помочь мне он не может — скользкого старикашки на территории академии не было. Пообещав Карне, что разберусь, но точно не сегодня, мое вновь разозлившееся высочество строевым шагом отправилось в кабинет.

Отмахнувшись от Оли, которая трещала что-то про вечерние сказки, коротким «еще не вечер» я достала кристалл связи:

— Макса, привет! Как там дела с моими финансами?

— Ну ладно бы, она не выказывала уважения к государю-наследнику, — притворно вздохнул братец, — так она же и любви к ближайшему родственнику не демонстрирует! Я, между прочим, только полчаса, как избавился от счетоводов и надеялся хотя бы пообедать спокойно. Хотя уже ужинать пора...

— Так ты сейчас обедаешь? — ангельским тоном перебила я.

— Ага.

— А я так даже позавтракать еще не успела! — рыкнуло мое действительно оголодавшее высочество. — А как пронизательно заметил высокородный государь-наследник, пора ужинать!

— Ладно тебе, не рычи, — пошел на попятный братец. — Вор твой казначей, если, конечно, в казне Академии не завалилось тысяч триста золотом.

— Сколько? — ахнула я, припомнив сиротливо лежащие в моей кладовке мешочки, где могло быть от силы тысячи полторы.

Сообразив, что казначей, скорее всего, подался в бега в тот же день, как лишился счетных

книг, я порадовалась, что приказала духу забрать наличность из казны. Иначе, похоже, не осталось бы и этого.

— Тогда почему я не вижу здесь гвардейцев с арестным приказом?

— Скоро будут, — отмахнулся братец. — Вот поем и пойду к Па подписывать.

— Ну можешь не спешить. На территории Академии мерзавца нет.

— Как нет?! — подавился Макса. — Вот ифитово племя! Па мне голову оторвет, когда я ему об этом сообщу!

— Не оторвет. Паршивец сорвался еще два дня назад. Па о том, что я книги забрала и с какого перепугу это сделала, знал. Так что прошляпили мы все вместе, и царственный родитель не меньше нас.

— А... — с заметным облегчением протянул братец, — тогда ладно. Но докладывать все равно надо.

— Надо, — согласилась я. — Заодно доложишь ему от моего имени, что у меня тут стипендия чернакским факультетам не выплачена, да и большинство заявленных работ, на которые деньги были получены, тоже не выполнены. Ремонты там всякие, обновление инвентаря. А в наличии сейчас тысячи полторы, не больше. Так что передай, что мне нужен новый казначей. А к нему — новая казна.

— Па это не понравится...

— Это он пусть с дядюшкой разбирается. А от меня в ближайшее время вся корреспонденция будет состоять из докладов, на что еще мне требуются деньги. Так ему и передай. Начать может с Корпуса целителей. Их лаборатория на последнем издыхании, а так как я в этом вопросе разбираюсь, то на него можете уже изыскивать в казне тысяч десять по самым скромным подсчетам.

— Па это совсем не понравится, — убито повторил братец.

— Мне тоже многое не нравится, — фыркнуло мое повеселевшее высочество. Кажется, благодаря вороватому счетоводу у меня будет куда больше возможностей потоптаться по царственной бережливости.

— Умеешь ты, дорогая сестра, аппетит испортить, — проворчал Макса. — Что-то мне перехотелось обедать. Пойду докладывать.

— А нечего трескать деликатесы, когда родственники голодают, — ухмыльнулась я. — Удачи!

— Спасибо, голодающая, — буркнул братец, разрывая связь.

Я потеряла руки и, взглянув на часы, решила, что у меня вполне хватит времени поужинать, прежде чем отправляться в таверну искать информацию о своем стороже. Но у Оли на этот счет было другое мнение.

— Теперь вы расскажете мне про Создателей?

— А? — оторопело мое склерозное высочество, которое уже успело забыть об обещании, случайно данном на площади.

— Ну про Безымянную! — напомнила приبلуда, устраиваясь на диванчике и демонстрируя готовность слушать.

Мысленно выругавшись, я опустилась в кресло: данное слово — свято. Пришлось совместить поздний обед и рассказ о том, что помнилось довольно смутно: религия никогда не была моим любимым предметом обучения.

— Что тебе твой поселковый учитель-то рассказывал?

— Учитель Ронд? — махнула рукой мелкая, презрительно скривившись. — Что Бездна хотела поглотить мир, но у нее ничего не вышло, потому что пришел Создатель Маак.

— И все?

— Ну еще, что магия — это большой грех. Создатель Маак ее не любит и в последний день

бросит всех нечистых магигов в Бездну.

— Однако, — я чуть не подавилась перепелиным крылышком, которое как раз обсасывала в этот момент.

— Я же вам еще в поселке про это говорила, перед тем как вы мне грамотку дали.

— Да? — хорошо, что мое пьяное высочество тогда хоть тебя запомнило, тема разговора в моей налитой вином головушке не поместилась.

— Ага. Так вы расскажете, как взаправду дело было?

— «Как взаправду» — это только сами Создатели знают, — усмехнулась я, припоминая восторженного монаха, читавшего мне лекции по религии. — А мне в детстве так рассказывали: Единый сотворил наш мир. Он был прекрасен и юн...

— Единый?

— Нет, мир. А потом его жена...

— Мира? — снова уточнила Оли.

— Нет, Единого! И не перебивай, не то отправлю в храм слушать монахов.

— Ой, не надо! — вполне искренне испугалась приبلуда. — К нам такой в поселок как-то приезжал. Так он меня проклятой обозвал, когда я спросила.

Я слегка удивилась, откуда у девчонки такой интерес к Создателям с самого детства. Моему толстокожему высочеству набожность была чужда совершенно, как в юности, так и сейчас.

— Короче говоря, Единый создал наш мир для живых. А его жена — Бездну для мертвых. Все было хорошо, но однажды она захотела владеть обоими мирами. И убила своего мужа.

— Совсем? — ахнула Оли. — Насмерть?

— Ну уж не знаю как, но больше о Едином никто не слышал. Без своего Творца мир стал умирать, всякая злобная нечисть вышла из Бездны и уничтожала все живое на своем пути. Людей оставалось все меньше, как и пригодной для жизни земли. И тогда Создатели сжалились над смертными и спустились на землю. Они обуздали Бездну, победили Безымянную и приказали ей стеречь мир мертвых. А сами долго жили среди людей, подарили им магию, науки и научили Закону. Их дети и дети их детей рассеялись по миру. И земля вновь стала цветущей и доброй. Тогда Создатели вернулись к себе на небо и теперь смотрят оттуда на нас.

— А почему они не помогли Единому? — задумчиво спросила девчонка.

— Э... — я опешила. А действительно, почему? — Не знаю. Об этом, пожалуй, лучше спросить ученых-монахов. Я как-то не интересовалась.

— Угу, — проворчала приبلуда. — Я спрошу, а меня в тюрьму.

— Глупости! — возмутилась я. — Монахи для того и существуют, чтобы отвечать на такие вопросы!

— А тот, что к нам приезжал, говорил, что монахи — любимые дети Создателей, и они должны молиться, а не на глупые вопросы отвечать. А кто задает глупые вопросы, тот проклятый и навсегда останется в Бездне.

Я молча помотала головой. Мелочь в очередной раз загнала меня в тупик. Да что у них там происходит, в этих поселках? Мракобесие какое-то насаждается, а в храмовом городе и в ус не дуют. То чернаки оказываются похожи на ифитов, то магию грехом называют, теперь, оказывается, у Создателей любимые дети объявились. Да единственные известные потомки прародителя Никана — правящий род Грифона. Но нас никто любимыми детьми не объявлял. Наоборот, мне с детства внушали, что обязанностей у меня куда больше, чем прав, а прав — меньше, чем у обычного лавочника, именно потому, что я — потомок Создателей.

— Давай так, — сказало, наконец, мое одуревшее от «неудобных» вопросов высочество. — Ответить я тебе не могу, потому что сама не знаю. Вот про «любимых детей» — это явная чушь. Но в следующий раз, когда я пойду во дворец, то обязательно найду своего старого

учителя-монаха и задам ему твои вопросы. Если хочешь, можешь даже сама это сделать.

— Нет уж, — отказалась Оли. — Вы-то правительская дочка, с вас спрос иной. Вас линейкой не отходят.

— Хорошо, — согласилась я, решив не выяснять, при чем тут линейка.

Минут пять я молча ела, пока приبلуда о чем-то сосредоточенно размышляла. Наконец с копчеными перепелками было покончено. Я отодвинула тарелку, и одновременно с этим мелочь снова заговорила:

— А кто тогда создал чернаков, если Единый сотворил людей?

— А чернаки что, не люди? — поперхнулось очередным вопросом мое высочество. Хорошо, хоть доесть успела, не то точно подавилась бы. Да что за мысли бродят в этой лохматой голове?!

— Учитель Ронд говорил...

— Я помню, что говорил твой учитель Ронд. И чем больше я о нем узнаю, тем сильнее мне хочется свернуть ему шею! Пара сотен таких горе-учителей вполне могут спровоцировать народные бунты на пустом месте. Слава Создателям, подобных идиотов мне за время моих странствий больше не попадалось. В общем, так, мелочь. Захочешь есть — велишь принести духам, разрешаю. А с твоими вопросами про Создателей и чернаков я обязательно схожу к монаху. Но не сегодня, разумеется. А сейчас я пойду прогуляться и вернусь, скорее всего, поздно. Так что ты меня не жди — ложись спать. Хорошо?

— Хорошо. А вы мне медовую булку с праздника принесете?

— Если найду — обязательно, — пообещала я, вставая.

Четверть часа спустя я уже проталкивалась сквозь разодетую толпу на главной площади. В потертом кожаном полудоспехе с парными клинками за спиной, да еще в отсутствие мелкой меня никто не узнавал. Поэтому локтями пришлось поработать знатно. Но это не мешало думать, а именно этим я и занималась со всем усердием, кое-как выбросив из головы вопросы приبلуды о Создателях. Боги — это, конечно, интересно, но слишком крупно для маленькой меня. Тем более когда на мое почти безобидное высочество ополчился неизвестный враг и со всем старанием пытается свести в Бездну.

В сотый раз перебирая в памяти завсегдаеав таверны «У наемника» в поисках самых болтливых, я толкнула знакомую скрипучую дверь и едва не ломанулась обратно. В дальнем углу за столом сидел Никс собственной персоной и дружески беседовал с Круппом. Полугном при этом был похож на мертвеца не больше, чем пьяный монах на ифита. И как я должна это понимать? Заговор, ифит пожги таких друзей?!

ГЛАВА 12

Мнимые конкуренты и прочие вредители

С минуту полюбовавшись развеселой парочкой, увлеченно дегустирующей очередной кувшин кислого вина, я проскользнула к стойке и устроилась в самом темном углу. Судя по тому, что мне удалось попасть туда без обычного разногласного марафона приветствий, народ начал праздновать День Пришествия с самого утра и на мелкие раздражители, вроде очередного посетителя, уже не реагировал.

— Явилась, — проскрипел подошедший хозяин таверны. — А я-то надеялся, что хоть праздник пройдет без драки.

— А без меня у тебя тут тишь, гладь и прочее благолепие, — усмехнулось мое давно привыкшее к нытью трактирщика высочество.

— Ну не всегда, конечно, — вынужден был признать очевидное тот. — Но если тебя принесло — быть мордобоею. Примета верная. А уж когда с тобой еще и Крупп здесь, то половину мебели обновлять придется, как пить дать.

— Ну да. А еще Крупп сгинул где-то на тракте, — с откровенной насмешкой закинула удочку я. — Ненадежные у тебя приметы, хозяин.

— Ошибся малость, — хмыкнул Адам. — Кто ж знал, что эту чугунную башку кто-то сможет напоить до такой степени.

— Вина-то мне дашь, скотина негостеприимная? — Я не желала демонстрировать свой повышенный интерес к исчезновению наемника. А вот за кружкой в ничего не значащем разговоре со скучающим трактирщиком можно было выяснить что-нибудь интересное.

— Дам, отчего ж не дать. Должна же от тебя быть хоть какая-то польза моему заведению, а не только убытки, как от дружка твоего безголового.

— Это кто ж из моих друзей тебе так не угодил? — Я пригубила вино, не забывая при этом поглядывать в сторону столика, где продолжали бражничать полугном и чернак.

— Крупп, кто же еще-то, — скривился Адам. — Догулялся до того, что медной деньги за душой нет. Корми его теперь в долг, проглота. А жрет, как не в себя...

— Это где же он так погулял?

— А он и сам не знает где. Ушел тогда с купцами липовыми, а вернулся вот только пару часов назад. Грязный, вонючий и без полушки денег. Обещался отдать, когда с караваном сходит. Я б его погнал, так он же еще при батьке моем тут бывал — не погонишь.

— Да ты бы всех нас погнал, будь твоя воля, — хохотнула я.

— А и погнал бы! — хлопнул ладонью по стойке трактирщик. — Много с вас толку, гопота. День при деньгах, месяц на бобах.

— Но-но, — нахмурилось мое слегка оскорбившееся высочество. — Не боишься, что батька твой услышит? Он даром что от дел отошел по возрасту, поленом тебя отходить сможет.

— Вот только и терплю вас из-за батьки, — проворчал хозяин, покосившись на маленькое окошко почти под потолком.

Там, как я случайно узнала, и жил основатель моей любимой таверны, старый наемник, исчерченный шрамами, как варан чешуей. Несколько раз он спускался в зал, если очередная драка становилась слишком буйной. И одного его появления было достаточно, чтоб утихомирились самые безголовые. Старик был легендой тракта.

В другое время я бы с удовольствием расспросила трактирщика об его отце, но сейчас меня интересовали совсем другие личности.

— А кто это Круппу наливает?

— Никс, — охотно отозвался на смену неприятной темы Адам. — Раньше ходил с богатыми караванами. Но лет десять, как бросил это дело — вроде в городе приткнулся на постоянное место или женился, ифит его знает.

— Слабоват для боевика, — с сомнением бросила я.

— Так не всем же огнем направо-налево швыряться, как ты. Бытовик он. Ходил с караванами, где народ комфорт уважал.

— Ишь ты, какой комфортный.

— Зато мебель не портит, как некоторые! Жаль, редко приходит. Последние лет пять я его, почитай, и не видел. Недавно только объявился. Может, опять с караваном пойти надумал.

Я не ответила. То, что Никс появился в таверне не так давно, подтверждало мои не самые радужные подозрения. Неужели он все-таки знал, кому помогает в темном переулке? Тогда почему же ифитов чернак с такой ненавистью говорил о новом ректоре? Уж о том, кто этот самый ректор, переселенец не знать не мог!

Плюнув на бесплодные размышления, я решительно поднялась. Логика и прочее словоблудие никогда не были сильной стороной моего импульсивного высочества: дочь правителя и во дворце, и на тракте предпочитала действовать, а не думать. Не скажу, что жизнь никогда не наказывала меня за такое отношение, но я до сих пор жива, значит, что-то в этом было.

— Кувшин вина за стол к Круппу, — приказала я трактирщику и минуту спустя плюхнулась на лавку рядом с полугномом. — Примете в компанию?

— Рагетта! — обрадовался Крупп и попытался по своему обыкновению врезать мне между лопаток.

Я скользнула в сторону, и пьяный полугном, промахнувшись, смел со стола свою пустую кружку.

— Начинается! — проворчал Адам, поставив перед нами заказанный мною кувшин.

— Запиши на мой счет, — отмахнулся Крупп и снова повернулся ко мне. — Неужто надумала ехать со мной?!

Трактирщик, проворчав что-то про голодранцев с замашками принцев, отошел.

— И не мечтай, — усмехнулась я. — Привет, Никс. Похоже, звезды сошлись на том, что мне пора расплатиться за своевременную помощь.

Тот едва заметно улыбнулся уголками губ:

— Ну если звезды...

— Они самые, — энергично закивала я.

— Ах вот оно что, — насупился Крупп. — Так ты, оказывается, кан... конкру... Тьфу ты, не выговорить.

— Конкурент, — с той же легкой улыбкой подсказал Никс.

— Вот-вот. Он самый, — нахмурился полугном. — Еще и образованием давишь?

— Окстись, Крупп! — вмешалась я, заметив, как он сжимает пудовые кулаки. Только исполнения бредовых предсказаний Адама мне и не хватало. — В чем он тебе конкурент?!

— Сколько лет я его рожу черную не видал? А тут объявился. Подсел, вином угощает. И про тебя спрашивает, скотина! Я-то думал, ифитов выродок работу тебе предложить хочет, он же раньше с богатыми караванами ходил. А оно вона как, оказывается!

— Уймись, брат, — попытался успокоить разошедшегося гнома чернак, но сделал только хуже.

— Какой я тебе брат, змей заморский?! — взвился Крупп. — Невесту у меня отбивать вздумал?!

— Крупп! Ты охренел! — рявкнуло мое обозлившееся высочество.

Мало мне было матримониальных планов полугнома, так теперь о них узнала вся таверна, через месяц будет знать весь тракт. О том, что боевая магичка Рагетта не интересуется мужиками, знали все, и все давно к этому привыкли. Я даже коллекционировала слухи, почему это так. Кто-то считал, что в одной из драк мне каким-то заклинанием отшибло

женское естество. Кто-то с пеной у рта доказывал, что я давно замужем, но своего избранника тщательно скрываю. Некоторые, в том числе и Крупп, похихатывали, что Рагетта немного не в себе и ждет «великую любовь». Находились даже уникамы, шепотом намекавшие на мою нетрадиционную ориентацию. Но сия тема народу надоела еще лет пятнадцать назад. И вот, благодаря одному крикливому коротышке, она снова всплыла на поверхность.

В сердцах отвесив полугному увесистый подзатыльник, в результате чего он расколол лбом очередную кружку, я поднялась.

— Адам! Сколько с меня?

— Три сребряка, — моментально нарисовался рядом трактирщик. — А ты что, правда...

— Заткнись! — рывнуло мое вконец взбесившееся высочество.

— Понял, не дурак, — ухмыльнулся хозяин, принимая мелочь.

— Что ты понял?! — возмутилась я, но, сообразив, что криком привлекаю к идиотской ситуации еще больше внимания, заговорила тише: — Я не выхожу замуж за этого придурка!

— Поругались? — сочувственно поинтересовался Адам.

— Что?! Нет!

— Не нервничай, — попятился он. — Милые бранятся — только тешатся. Помиритесь!

— У тебя медовые булки есть? — сквозь зубы спросила я.

— Булки? Нет. А что? — опешил трактирщик.

— А где купить?!

— Н-не знаю.

Не ответив, мое взбешенное высочество, чеканя шаг, вышло на улицу. Только тут я позволила себе глухо выругаться: это ж надо было так глупо сесть в канаву!

— Не парься! — раздался за спиной хриловатый голос с чернакским акцентом.

— Если и ты начнешь мне рассказывать про несерьезность ссор между влюбленными... — с угрозой прошипела я.

— Вообще-то, я хотел сказать, что глупость, ляпнутую по пьяни, никто на трезвую голову всерьез не воспримет. Народ забудет о вашей мнимой помолвке уже к утру.

— Забудут они, как же, — проворчала я, понемногу успокаиваясь.

— Забудут, — уверено повторил он. — А ты медовые булки любишь?

Волей-неволей пришлось кивнуть.

— Тогда пошли, покажу тебе, где пекут лучшие медовые булки в храмовом городе.

— Все лавки на площади уже закрыты.

— Во-первых, — усмехнулся Никс, — на площадь мы и не пойдем. А во-вторых, мне — откроют.

Я на мгновенье замешкалась. Пойти с ним? А если он все-таки знает, кого случайно спас вчера, и сейчас приведет меня прямо в ловушку? Хотя не мне ли хотелось выяснить правду? Более подходящий случай вряд ли представится. А если таки крысоловка... ну что ж, тогда я в нее попадусь. Посмотрим, справится ли кот с такой добычей. Тем более что теперь-то я не позволю застать себя врасплох, а порт-ключ из любой точки доставит меня в академию, и антимагические сети ему не помешают.

— А пошли, — решила я. — Никогда не пробовала медовые булки храмового города.

Откровенно говоря, мое высокородное высочество вообще никакие медовые булки не пробовало и только сегодня о них услышало, но об этом спокойно улыбающемуся чернаку знать было совсем не обязательно.

— Спорим, лучше тебе не попадались, — снова улыбнулся Никс, приглашающе взмахнув рукой в сторону узкой темной улочки, уводящей в противоположном от Главной площади направлении.

— Посмотрим, — вернула улыбку я, сжимая в кулаке порт-ключ. Рисковать, что из-за моей глупой храбрости пострадает Оли, мое слегка подрастерявшее излишнюю самоуверенность высочество не хотело, а потому собиралось сделать все возможное, чтобы моя и, соответственно, ее шкурки остались в целости.

Чернак вел меня какими-то темными подворотнями и переулками, о существовании которых я даже не подозревала. Пару раз мое несдержанное высочество даже сплетало огненный шар, считая, что вот этот-то темный проулок точно станет упомянутой крысоловкой. Но очередное идеальное место для нападения мы проходили спокойно, только Никс удивленно косился на боевые плетения в моих ладонях. Приходилось с извиняющейся улыбкой блеять что-то невразумительное про дурные привычки.

— Родню мне только не пугай своими привычками, — усмехнулся он, когда я сконфуженно потушила третий огненный шар.

Причина была вполне адекватной: чернак отодвинул доску в заборе и галантно предложил мне пойти вперед. В дыру просматривалась исключительно тьма, без каких-либо вкраплений света. Даже ночное светило, как по заказу, скрылось за какой-то тучей. Кто же мог предположить, что за забором обнаружится не банда головорезов, а чистенький ухоженный дворик размером с носовой платок?

— Калитка с другой стороны, обходить — долго, — пояснил переселенец, постучав в дверь дома.

Несмотря на поздний час, открыли нам почти сразу. Скрипнуло где-то в стороне смотровое окошко, но едва гостя опознали, дверь распахнулась, и на пороге показалась молодая женщина. К моему удивлению, она не оказалась ни заспанной, ни полуодетой, как положено порядочным людям в половине четвертого утра, будь они хоть трижды переселенцы.

— Никс! — воскликнула она, обнимая чернака. — О, а кто это с тобой?

— Рагетта, — ухмыльнулся тот и, повернувшись ко мне, добавил: — А эта невоспитанная особа, забывшая представиться, — моя сестра Ниса.

— Очень приятно, — отозвалась я, все меньше понимая, что вообще вокруг меня происходит.

— Она из благородных, что ли? — тихо, с едва заметной опаской уточнила хозяйка, пропуская нас в просторную прихожую, служившую одновременно гостиной.

— Да что ты, — рассмеялся Никс. — Такая же, как мы: из простых.

Я вскинулась было как это, меня приравняли к чернакам, но вовремя успела прикусить язык.

— Мы с Рагеттой поспорили. Я пытаюсь убедить ее, что у тебя лучшие медовые булки в храмовом городе.

— Ну раз медовые булки любит, значит, из нормальных, — успокоилась Ниса и на меня посмотрела уже куда дружелюбнее. Правда, и совершенно непонятной заинтересованности в ее взгляде прибавилось. — Благородные, они плебейские радости не жалуют, тем более когда эти радости с нашей родины...

Тут уж меня перекосило окончательно. Пришлось отвернуться и с преувеличенным вниманием уставиться в стену. Благо там висели какие-то детские каракули в рамочках, иначе мой внезапный интерес к обоям вызвал бы закономерные подозрения даже у последнего идиота.

— Нравится? — хозяйка встала рядом, с гордостью любуясь примитивными картинками. — Это наша старшая рисует. Никакой магии у нее, слава Создателям, нет, а вот рисовать — любит.

— Красиво, — вынуждена была ответить я.

— Вот и я говорю, — подхватила женщина. — Глядишь, на будущий год в общину...

— Ниса! — поспешно перебил Никс. — Мы только за булками зашли. А так — поздно уже. Мне

бежать пора.

— Ах, ну да. Я-то, как мы пекарню открыли, по другим часам живу. Посиди тут немного, сейчас принесу. Муж должен был уже печь освободить. На твою долю собрать?

— А как же, — чернак снова улыбнулся.

Я только кивнула, зацепившись за странную оговорку хозяйки. Насколько мне было известно, никаких общин у чернаков на Белом континенте не существовало. Так куда же собрались отправлять через год неизвестную девчонку? И совершенно недоступная моему пониманию радость по поводу отсутствия у ребенка магических способностей тоже не лезла ни в какие ворота. Не на Черный же континент ее отвезут...

— Рагетта? — прервал мои размышления Никс, как только мы остались вдвоем. — Ты не обиделась?

— С чего бы? — с деланным равнодушием пожало плечами мое окончательно запутавшееся высочество.

— Да ладно, — недоверчиво хмыкнул он. — В тебе-то благородной крови уж точно побольше, чем в нас.

— С чего ты взял? — Я постаралась взять себя в руки.

— Так не слепой, — уже в открытую ухмыльнулся он. — Уж разницу между деревенщиной и теми, кто приучен есть ножом и вилкой, я заметить способен. Ты точно в Академии отучилась, а это сомнительное удовольствие бесплатно только для чернаков. Где, кстати: здесь, в храмовом городе, или в какой-то из местных?

От необходимости отвечать меня спасла Ниса, вернувшись в комнату с двумя промасленными бумажными пакетами. Я поблагодарила, но мыслями была очень далеко от булочки и ее изделий. За почти двадцать пять лет на тракте никто никогда не говорил мне о каких-то видимых отличиях Рагетты от прочего, в большинстве своем не слишком образованного, наемного люда. А тут какой-то чернак, которого я и видела-то всего два с половиной раза, выдает такие умозаключения. Ректорское кресло на меня так паршиво влияет, что ли? Расслабилась и воспитание ни к месту проявляю?

Распрощавшись с радушной хозяйкой, мы вышли на темную улицу. На этот раз Никс вывел меня через калитку. Ночь близилась к концу, и я уже буквально чувствовала на языке мерзкий вкус бодрящего зелья, которое мне неминуемо придется глотать через несколько часов.

— Куда тебя проводить? — спросил он.

— К ближайшему городскому порталу, — улыбнулась я, радуясь, что ифитов переселенец оставил неудобную тему в покое. — Из этих переулков мне, пожалуй, самостоятельно не выбраться.

Никс с прищуром посмотрел на меня, но говорить ничего не стал и быстро зашагал по узкому проулку. Мое в очередной раз севшее в канаву высочество даже подумать не успело, что мог бы значить этот взгляд, как мы вышли к массивной стене из тускло багровеющего в темноте полированного камня. Пока я соображала, где не так давно видела нечто подобное, стена закончилась, и передо мной появилась Главная площадь. Ифит пожги мои склерозные мозги: не узнать Первый храм Рири, пусть даже и смотрела я на него со стороны заднего двора, это надо было постараться!

— Удивляешься, что я догадался о твоём происхождении? — усмехнулся чернак. — Зря. Любой бы на моем месте догадался. Ты не узнала Торговый квартал, где живет моя сестра, а ведь туда за покупками ходит весь город.

Я промолчала. Ответить было нечего. Действительно, потрясающая небрежность с моей стороны. Оправданием этой небрежности могло послужить только то, что Храмовый город я никогда особо не любила и дальше таверны «У наемника» не забредала, а при необходимости пользовалась порталами. Подобные трущобы в столице и еще десятке городов я знала, как свои пять пальцев. Но не объяснять же это чернаку. Еще мой учитель политического этикета говорил: чем больше оправдываешься, тем меньше тебе веры. Ну вот что мне стоило сразу сказать, что в Храмовом городе я бываю редко и уж точно не живу здесь? Теперь-то поздно.

Пожалуй, в тот момент меня бы не слишком удивило, даже назови чрезмерно пронизательный переселенец мое настоящее имя и титул. Но ифитов чернак все равно нашел, как загнать мое

замороченное высочество в ступор.

— Рагетта, — он коснулся моего плеча, когда я уже поднялась по ступеням портала.

— А?

— Тебе же плевать, что я родился на Черном континенте. Я ни разу не поймал на себе или на Нисе снисходительный или брезгливый взгляд. Ты не причисляешь нас ко второму сорту, как большинство белаков.

— Мм...

Что-то многовато междометий. А ведь я никогда не жаловалась на скудость словарного запаса. Ифитов чернак! Но он, оказывается, еще не закончил, спокойным голосом вышибив из меня остатки связного мышления.

— Не мычи. Я просто хотел сказать, что мне неважно твое происхождение. Ну бастарда. И что? Не стоит по этому поводу так уж переживать. Короче, я всегда рад тебя видеть. И Ниса тоже. Заскучаешь по медовым булкам или еще зачем — заходи.

— Э...

Но Никс не стал ждать, пока мои дубовые мозги провернутся и родят адекватный ответ. Завершив свой неожиданный спич, он развернулся и почти бегом направился через площадь в сторону академии. Глухо выругавшись, я шагнула в портал.

В кабинете я бросила пакет с медовыми булками на парту, заменившую мне рабочий стол, а сама устало плюхнулась в кресло. Пора подвести итоги ночной вылазки и признать, что мое самоуверенное высочество потерпело поражение по всем фронтам.

Да. Крупп нашелся. Но я так и не выяснила, с кем он тогда пил. Зато умудрилась спровоцировать слухи о помолвке с полугномом. Никса тоже разыскивать не пришлось. Но и это не дало мне ровным счетом ничего. Я не успела задать вопросы о его работе и начальстве и вообще ни о чем. Вместо этого он познакомил меня со своей сестрой, да еще решил, что я незаконнорожденная...

Если о чем-то из моих сегодняшних «приобретений» узнает Па, мало глупой Аленне не покажется. Тут уже не замужеством, а изгнанием попахивает.

ГЛАВА 13

Ифитовы радости

Очередной день начался с довольного визга Оли и резкой боли в шее. Кое-как продрав глаза, я обнаружила причины этих событий. Вчера мое вымотавшееся высочество так и заснуло в кресле, в результате задривок задеревенел намертво. А приبلуда, проснувшись, обнаружила на столе пакет с проклятыми булками и теперь громогласно выражала свой восторг.

— Оли, — поморщилось мое высочество, поднимаясь. — Чуть потише.

— Ой, извините, — спохватилась приبلуда.

— Ничего. Все равно вставать надо... — я попыталась повернуть голову к часам на стене, но потерпела неудачу: пришлось развернуться всем корпусом, — ...было еще два часа назад.

— Я духам приказала вас не будить, — прочавкала Оли, вгрызаясь в румяную булку. — А больше ничего не было. Только бумажки появились, и в дверь кто-то стучал два раза. Потом отстали.

— Понятно, — проворчала я, окинув коротким взглядом очередную кучу корреспонденции на парте перед креслом. На вершине красовался здоровенный свиток, украшенный Большой государственной печатью: личное послание моего царственного Па. А ему-то что понадобилось, чтоб уведомлять меня так официально?

Я уже протянула руку, чтобы прояснить этот вопрос, и только тут сообразила: перед моим креслом все еще стоит та самая парта.

— Оли, — неуверенно спросила я. — Мы же вроде стол покупали?

— Ага, — кивнула мелкая, громко прихлебывая чай.

Я окончательно перестала соображать. В мебельной лавке мы точно были. Стол действительно купили, и приبلуда это подтвердила. Значит, я еще не окончательно свихнулась и что-то в моей дырявой головушке сохраняется. Но где, в таком случае, ифитова мебель?! Меня что, угораздило забыть покупку в лавке?!

— И где он? — рискнуло спросить мое в очередной раз усомнившееся в собственном душевном здоровье высочество.

— А в спальне у окна. Мне там удобнее. Да и места хватило, — как ни в чем не бывало, заявила Оли.

Я молча прошла в соседнюю комнату. И тут же все поняла. Кроме одного: что, ифит меня сожги, в последнее время творится с моей головой?! У окна стоял стол. Письменный. С двумя тумбами и полированной столешницей. Детский. Мое тупоголовое высочество за него не влезет при всем желании. Правильно. Как заказывали. Что было сказано торговцу? «Мне нужна детская кровать и стол». Нужны — получайте. Я глухо выругалась.

— Вам не нравится? — огорчилась неслышно подошедшая Оли.

— Нравится, — я взяла себя в руки и даже постаралась улыбнуться: в конце концов, приبلуда не виновата, что у нее тупая учительница.

— А чего тогда ругаетесь?

— Подумала, что надо было и себе стол купить — за партой не очень удобно. Но это не страшно: в другой раз.

— А, — успокоилась мелкая. — Я велела духам для вас чай принести. Будете?

— Буду, — усмехнулась я. — Куда ж деться?

— С булкой! — обрадовалась Оли, сунув мне в руку липкое и жирное изделие Нисы.

— С булкой, — сдалась я, хоть и не особо любила сладкую выпечку.

Минуту спустя я поняла, что ненавижу сладкую выпечку и в особенности медовые булки. Вам приходилось есть сочащуюся жиром вязкую массу, которая на вкус при этом была бы

приторно сладкой, да еще и липла к зубам качественнее, чем самый лучший клей? А мне пришлось. И называлось это непотребство «медовая булка». Немедленно выплюнуть отвратительную субстанцию прямо на ковер мне помешали только намертво слипшиеся челюсти.

— Вкуснятина, да? — улыбнулась Оли.

«И как она умудряется есть эту гадость и при этом болтать?» — невольно удивилась я.

— У нас в поселке их только на День пришествия пекут, — продолжала мелкая, не замечая, что ее горе-наставница онемела. — Да вы ешьте, не стесняйтесь. Там в пакете еще две штуки, мне столько не съесть — лопну.

«Мне и того, что в зубах, не съесть — сдохну!» — рявкнула я, к сожалению, лишь мысленно.

А приблуда заливалась певчей птицей, рассказывая, какие прекрасные эти ифитовы булки. Наконец, она сообразила, что не слышит ответа.

— Ну что же вы рот-то так набили? — округлила глаза она. — Вкусно, конечно, но ведь и подавиться можно. Да и некрасиво это. Вона, чайком запейте.

Перед носом появилась исходящая ароматным паром кружка.

— Пейте.

«Как?!» — беззвучно возопило мое оскорбленное высочество и внезапно от возмущения сумело расцепить зубы.

Взгляд метнулся по сторонам в поисках, куда бы выплюнуть то, что еще не успело продвинуться дальше горла. Но тут мне стало стыдно: Оли так радуется, угостив мое неблагодарное высочество своим любимым блюдом, а я... Сделав над собой титаническое усилие, помянув Безымянную и всех ифитов Бездны, я проглотила мерзкую субстанцию и поспешно схватила кружку, желая смыть с языка отвратительный привкус. И чуть не выругалась вслух. Чай был сладким. Нет, не так. Это был мед, слегка разведенный чаем. Мало того! По поверхности противной жидкости плавал не до конца растаявший кусок масла!

— Нравится? — гордо уточнила Оли, по-своему истолковав непередаваемое выражение высокородной физиономии. — Я специально для вас делала. Ну то есть, делали духи, но я командовала. Такой чай у нас в поселке заваривают. Правда, те, кто побогаче. Мне-то всего пару раз досталось.

— Очень вкусно.

Чтобы проглотить рвущиеся с языка эпитеты, мне потребовалось гораздо больше выдержки, чем для отвратной выпечки. Кстати, о выпечке: куда бы ее незаметно выбросить? Но приблуда словно прочитала мои мысли:

— А чего вы не едите?

— Эмм... Видишь ли... — но сказать правду не повернулся язык даже у моего толстокожего высочества. — Вчера поздно поужинала и еще не успела проголодаться. Но я сейчас по дороге на лекцию доем.

— Сегодня тоже? Так вы ж вроде вчера туда ходили.

— Куда?

— Ну на лекции это.

— На лекцию, — машинально поправила я и, выхватив из висевшего на стене расписания утренние часы, назвала первое, что попало на глаза. — Надо пойти посмотреть, как историю преподают. Давно уже собиралась, но все времени не находила.

— Понятно. А мне дальше книжку читать?

— Да. Было бы неплохо. Скоро проверю, что ты там вычитала.

— Ага. Там интересно! Я сейчас читаю, как правитель завоевал Черный континент. Только вот мне непонятно...

— Потом, все потом, — отмахнулась я, резво направляясь к двери. Только историй о Последней большой войне мне не хватало для полного счастья. — Поздно уже. Гонг вот-вот ударит. Нехорошо опаздывать.

Мое ошалевшее высочество выскочило из собственного кабинета и, не снижая скорости, зашагало по коридору. Я остановилась, миновав два поворота и спустившись этажом ниже. Воровато оглянувшись, призвала духа и, избавившись, наконец, от отвратительной выпечки, замешкалась. На лекцию к Карне зайти не помешает. Па знает, что его взявшаяся за ум дочурка возжелала проконтролировать «качество преподавания». Вдруг спросит что-нибудь. А мне и ответить нечего. Но являться к противной профессорше в мятом костюме, лохматой, да еще и с легким перегаром после вчерашних посиделок в трактире... Нет. Карна и без моей помощи придумает, какие гадости можно рассказать про нехорошую ректоршу. Эх, надо было от Олиной заботы не в коридор, а в душ удирать.

Помянув нехорошим словом собственную непредусмотрительность, я свернула в ближайший туалет, заблокировала дверь и кое-как, при помощи духов, магии и ругательств, привела себя в порядок. Удовлетворившись результатом, то есть перестав шарахаться от собственного отражения в зеркале, я пошла к чернакскому корпусу.

Лекция профессора Карны оказалась не такой уж и отвратной. Я даже сильно заскучать не успела, что регулярно случалось с моим ленивым высочеством на подобных занятиях в юности. То ли Карна действительно была неплохим преподавателем, то ли сыграло свою роль то, что горе-проверяльщица в моем лице здорово опоздала, явившись в кабинет за пятнадцать минут до завершающего гонга, не знаю. Но, несмотря на скучную тему «Развитие ремесел в каком-то замшелом веке», я не заснула и выбралась на волю, не заполучив даже слабой мигрени.

К себе я вернулась окольными путями, зайдя по дороге в корпус целителей. Результатом этого посещения стал длинный список необходимых покупок и неотложных ремонтных работ, а также дополнительные три часа моего отсутствия в кабинете. Каюсь, я надеялась, что за это время Оли успеет съесть противные булки и мне не придется выдумывать, как избавиться от щедрого угощения.

В кои-то веки моему невезучему высочеству улыбнулась удача: булок действительно больше не было. Но на этом везение и закончилось. В благостном расположении духа я со всеми удобствами развалилась в ректорском кресле, приказала охранителям доставить обед и лениво развернула первый свиток из кучи сегодняшней корреспонденции. Посмотрим, что понадобилось царственному родителю от дочурки.

Две минуты спустя я носилась по кабинету бешеным вараном, не зная, куда бежать и за что хвататься в первую очередь.

— Что случилось? — на шум из спальни высунулась Оли с книжкой в руках. — Это не я. Я вообще из...

— Да при чем тут ты? — махнуло рукой мое взбудораженное высочество, на секунду перестав наматывать круги вокруг стола. — Через час Па... То есть правитель сюда приедет.

— Ну и что? — спокойно спросила приبلуда. — Он ничего такой — не злобный.

Я вытаращилась на мелкую: как она может не понимать?! Мою ифитову вотчину решил официально посетить Па. Па! А у меня тут чернаки по каминам ползают, преподаватели неизвестно чем занимаются, парта вместо стола торчит! Сторож, и тот какой-то мутный!

Вспомнив о Никсе, я снова заметалась по кабинету. Официальный визит — это правитель со свитой и прочими признаками статуса, свора советников, всюду сующих любопытные носы, и торжественное сборище в Центральной зале! Уж я-то знаю, как это выглядит: дважды сопровождала венценосного родителя в таких вот посещениях и прекрасно помню, как бледно выглядели руководители тех заведений, которые «высочайшие посещали». Но до этого я просто не доживу. Потому что официальный визит начинается со встречи у распахнутых ворот в присутствии всего персонала. И если Па узнает, а он узнает — слухачей в его свите всегда хватало, что скажет Никс, увидев, в каком амплуа выступает наемница Рагетта... О... Свадебное платье я могу надевать уже сейчас!

Наконец, чувствительно треснувшись локтем о камин, я немного пришла в себя. Проблемы надо решать по мере их поступления. Итак. Показываться у ворот мне нельзя ни в коем случае: там меня может узнать Никс. Значит, к воротам пойдет кто-нибудь другой, а ректор... Ну уехала ректор по важному, тайному и совершенно неотложному делу. Что за дело, можно

придумать и позже. Я, разумеется, получу солидную головнойку, но она ни в какое сравнение не пойдет со свадьбой или вообще изгнанием. Главное — хорошенько спрятаться, чтобы не попасться на глаза Па: я не уверена, что магия ректорских апартаментов распространяется на правителя. И мелкую тоже спрятать, а то еще ляпнет что-нибудь.

Я глянула на часы. Пятнадцать минут с того момента, как я узнала о непрошеном визитере, уже пролетело. Если за оставшиеся три четверти часа мое тугодумное высочество не решит возникшую проблему, то с маху сядет уже не в канаву, а за свадебный стол. Я невольно поежилась: куда же девать мелкую и деться самой?!

Наиболее простой вариант — удрать порталом я отмела сразу. Мне будет просто не узнать, когда Па уберется из моей Академии и можно будет возвращаться. И тут взгляд случайно упал на стенную панель, прикрывающую вход в кладовку. Туда я еще в первый день в Академии засунула парадные портреты бывших ректоров. А, судя по толстому слою пыли и паутины, об этом закутке не знал даже дядюшка!

Я сдвинула панель и, присев, шея до сих пор не гнулась, пролезла в полумрак прохладного каменного мешка. И тут же чуть не растянулась на полу, споткнувшись о тяжелую стопку журналов о современной моде. Ифит! Совершенно забыла, что, поленившись разжигать камин, отнесла сюда оставленные дядюшкой в спальне издания.

Глухо ругаясь сквозь зубы, мое невезучее высочество встало на карачки и занялось сбором бесполезных бумажек: еще не хватало поскользнуться на такой и расшибить физиономию о каменную кладку. Сложив кривую пирамиду, я снова выбралась в кабинет.

— А про что эта книжка? — тут же спросила Оли, протягивая мне один из журналов, неведомо как вылетевший из кладовки.

— Про идиотов, которым нечем заняться, кроме как уродовать себя, — проворчала я, забирая найденное.

— А почему уродовать? — моментально потребовала уточнить приبلуда.

Лучшего момента, чтобы обсудить выверты моды, она не нашла! Глубоко вздохнув, я подавила рвущиеся с языка ругательства: мелочь не виновата, что обстоятельства загнали ее учителя в жуткий цейтнот.

— А разве такое красиво?

Я сунула Оли под нос первую попавшуюся картинку.

— Да уж... Ночью увидишь — с мертвяком попутаеться, — фыркнула мелкая. — Зато мама родная не узнает в такой красоте.

— Вот именно, — буркнула я, намереваясь забросить журнал в кладовку к собратьям, но, мельком взглянув на то, что показывала ученице, замерла.

— Чего такое? — Оли осталась верна себе, чутко отреагировав на изменение моего настроения.

— Оли! Ты гений! — воскликнула я.

— Ага. Знаю. Вы мне уже говорили, тогда, в поселке. Я помню. А чего?

— Потом! — отмахнулась я. — Сиди тихо и ничему не удивляйся.

Оли, уже привыкшая к вывертам своей ненормальной учительницы, пожала плечами и ушла в спальню. Испытав легкий приступ вины, я пообещала себе, что займусь ею всерьез, как только избавлюсь от Па, и тут же выбросила это из головы.

— Профессора Карну сюда. Немедленно! Сейчас! — приказала я призванному духу. Если память меня не обманывала, именно эта сушеная курица занимала пост моего заместителя.

Духи воспринимают приказы буквально, а ректор — полновластный хозяин в Академии стихий. Именно поэтому визжащая профессорша пять секунд спустя шлепнулась на ковер в моем кабинете, одетая лишь в расплзающиеся клочья густой пены.

Я разинула рот, собираясь извиниться, но вовремя вспомнила один из уроков своего преподавателя по политической этике: лучшая защита — нападение.

— Значит, мне доложили верно, — прошипело мое артистичное высочество, демонстрируя крайнюю степень возмущения. — В рабочее время вы занимаетесь личными делами! Теперь понятно, почему ваши рабочие обязанности в таком плачевном состоянии!

Карна опешила, сразу прекратив визг.

— У меня сейчас нет лекций.

— А больше вам заняться нечем? Например, вверенным вашей опеке отделением чернаков?

— Но... Э...

— Запомните, профессор Карна, — я подбавила угрозы в голос, — в моей Академии ваше свободное время начинается тогда, когда засыпают студии. И не раньше. Это понятно?!

— Да, — пискнула она.

— Отлично! А теперь быстро приведите себя в Порядок и организуйте у ворот сбор преподавателей для встречи правителя. Он будет у нас через тридцать две минуты.

— Но как?! — ахнула Карна. — Почему вы раньше не предупредили?!

— Хотела проверить, как вы умеете справляться с неожиданностями. Пока вижу, что никак. Полторы минуты из тридцати двух уже прошли. Вы правителя в таком виде собираетесь встречать?!

Она пискнула что-то невразумительное и вновь исчезла, подхваченная духами-охранителями. Нет... Все-таки как неудобно получилось. Хотя спесь с нее слетела моментально, и то хлеб. Выбросив из головы неудачливую профессоршу — что-то мне подсказывало, что с задачей она справится, — я шагнула в портал.

Так называемая лавка красоты на главной площади, где продавалась всевозможная, порой совершенно несуразная косметика, не видела такого переполоха со дня своего основания. Вполне закономерно. Когда еще к ним вламывалась взлохмаченная принцесса и, бросив на прилавок журнал мод трехлетней давности, безапелляционно заявляла:

— Хочу вот так! И побыстрее!

— Но так уже не делают, — попыталась возразить хозяйка.

— Если так сделаю я, — фыркнуло мое поглядывающее на часы высочество, демонстрируя знак королевской семьи, — начнут снова!

Хозяйка оказалась сообразительной. Впрочем, иной она, каждый день общаясь с капризными клиентками, и быть не могла, иначе давно бы разорилась. Вокруг нежданной посетительницы закрутились помощницы, взвился в воздух хоровод разноцветных искр, и на какое-то время меня скрыло облако пудры.

Перевоплощение заняло минут десять стремительно убегающего сквозь пальцы времени, но оно того стоило. Что там мать, видевшая дочурку еще пускающим пузырьки младенцем — я сама себя не узнала. Из зеркала на меня смотрело нечто. На голове полуметровая прическа из серии «баран перед стрижкой», обильно утыканная иллюзорными драгоценностями. Физиономия украсилась маской из толстого слоя крема и пудры, поверх которых ловкие помощницы нарисовали новое лицо: тонкие в ниточку брови, огромные глазищи, ресницы, больше всего напоминающие поселковый часток. Довершали картину зелено-голубые губы под новый цвет волос. Я даже удивилась, как можно всего за десять минут так изуродовать в общем-то вполне приличную внешность. Мое рискованное высочество стало похоже одновременно на балаганного шута и утопленницу недельной давности.

— Нравится? — с некоторым сомнением спросила хозяйка.

— Очень, — с энтузиазмом отозвалась я, бросая на столик золотую монету.

А уж как Па понравится... А главное, он сказать ничего не сможет: вполне официальная дворцовая мода, хоть и трехлетней давности. Направляясь к дворцовому portalу, я злорадно хихикала уже в открытую. О том, как поглядывали на меня горожане, лучше умолчать.

— А вас стража правителя не казнит прямо там? — только и сказала Оли, увидев мой новый образ.

— С чего бы? — я натянула парадную ректорскую мантию и теперь судорожно вспоминала, куда засунула древний амулет, врученный мне Па вместе с назначением на пост.

— Решат еще, что на него упырь бросился.

— Не решат, — ухмыльнулась я, выживая разлапистую висюльку из угла, куда она улетела пару дней назад, и в темпе очищая ее от паутины.

Улыбка быстро исчезла, сменившись гримасой боли, как только мое забывчивое высочество вздумало оглянуться на часы: шея болела невыносимо. «Ладно, переживу. В конце концов, „взгляд прямо перед собой поверх голов“ всегда считался признаком то ли аристократизма, то ли спеси. Мне в этой ситуации подойдет любой», — решила я, надевая через голову тяжеленную цепь амулета.

— Ну как, выгляжу я ректором самой лучшей академии магии на Белом континенте?

— Угу, — скептически пробормотала приبلуда и ушла в спальню.

Объяснять девчонке, что мое разрисованное высочество ведет себя так вовсе не потому, что скоропостижно сошло с ума, времени не было, и я, отложив разговоры на потом, поспешила к главным воротам Академии стихий.

Высокородный родитель не заставил себя ждать. Кавалькада из двух десятков всадников на отборных скаковых ящерах появилась, едва я успела отдышаться. Слегка присев в реверансе, но не опуская головы, я приветствовала спешившегося дорогого гостя. Па только кивнул, как и полагалось по регламенту, и пошел вдоль ряда преподавателей. Зато спрыгнувший с ящера секундой позже Макса не отказался от возможности подшутить над любимой сестричкой.

— Твоя царственная осанка выше всяких похвал, — шепнул он мне на ухо, пока мы важно вышагивали следом за коронованным родичем. — Долго тренировалась?

— Ты не поверишь: полночи, — сказала я чистую правду. Разумеется, он не поверил.

— Тебе сообщение о визите только утром прислали, врушка. Па хотел проверить, как ты умеешь реагировать на неожиданности.

— Это у нас семейное, — буркнула я, припомнив, что сама говорила Карне всего полчаса назад.

Братец умолк, пытаясь понять, что я имею в виду и не насмехаюсь ли часом. Процессия неожиданно остановилась на полдороге: Па решил побеседовать с Первым целителем. «Ага, — мысленно усмехнулось мое предусмотрительное высочество. — Выяснешь, что госпожа ректор успела сделать в связи с плачевным положением Целительского корпуса? Давай! А я тебе еще и в письменном виде потом подкину информацию».

И тут краем уха я уловила тихий шепот:

— Ишь как вырядилась, — с нескрываемой злобой прошипел женский голос. — Когда она в библиотеку приходила, вроде попроще выглядела.

— Так не в одеждах же дело, — отозвался мужской. — А в отношении. Посмотри, как она смотрит — даже голову не повернет. Как будто тут никого, кроме правителя, и нет. Ну может, еще того парня рядом с ней. Заносчивая стерва!

— Это Максиан, — просветила невежу девушка. — Государь-наследник и старший сын правителя. Стыдно этого не знать, Никс.

«Никс?! Так это ифитов сторож только что обозвал меня заносчивой стервой?!» — обида, всколыхнувшаяся в душе, удивила меня саму. Скосив глаза, я узнала его собеседницу — черначка-библиотекарша, предлагавшая мне какой-то эльфийский роман, жадно разглядывала Максу.

— И вообще, он такой милый...

— Парень как парень, — проворчал Никс.

— Да что ты понимаешь?

— Уж побольше твоего. Например, что они оба нас даже за людей не считают. Особенно она!

Я-то уже решил, что делать, а тебя разве не предупредили, что это порождение Бездны хочет...

Па закончил разговор и двинулся к Административному корпусу. Макса ткнул меня локтем под ребра, и я, отмерев, пошла следом, так и не узнав, что же такое ужасное хочу.

Усилием воли заставив себя не думать о мерзавце-стороже, мое обозленное высочество вернулось к более важным вопросам, чем какой-то болтливый чернак. Но беспокоилась я зря. Ничего нового Па мне не сообщил. Даже когда мы остались втроем в ректорском кабинете, он только одобрительно посмотрел на парту, заменившую мой рабочий стол, и сказал:

— Как испытания?

— Отвратительно, — скривилась я, вовремя вспомнив, что именно наплела по этому поводу Максе. — Работать невозможно. Так что в ближайшее время жди от меня запрос на дотацию по поводу мебели.

— А можно не в ближайшее? — настал черед Па кривиться. — Одна модернизация Целительского корпуса обойдется...

— Разве это мои проблемы? — вздернула брови я. — Не ты ли, когда отправил меня сюда, говорил о «всемерной помощи и поддержке»?

«И чего это я жаловалась на свою память? — мимолетно удивилась я, пока Па переваривал собственную цитату. — Соображаю отлично, и с памятью порядок. Вон как папочка умылся, когда я ему его же слова припомнила!»

— И все-таки воздержись от замены всего и сразу, — наконец, выдавил из себя он.

— Попробую, — с деланным сожалением улыбнулось мое обнаглевшее высочество, — но тут столько недоработок, так много не хватает. Вот, например...

— А почему ты так странно выглядишь? — поспешно перебил Па. — Нет, я, конечно, одобряю приличный вид, ты меня очень порадовала.

— Этот образ добавляет мне солидности на официальных мероприятиях, — не моргнув глазом, заявила я и, не меняя тона, начала рассказывать о том, как мне полезен нынешний вид.

Мое разошедшееся высочество говорило минут сорок. Я рассказывала о необходимости производить впечатление на профессоров, многие из которых в десять раз старше меня, о психологических аспектах и ограничениях высокого положения, о теории и практике влияния на волю собеседника. Ифитовы кишки, какую ахинею я только не включила в этот монолог, вспомнив даже проповеди дворцового монаха о роли, отводимой правящему роду Создателями.

Глаза царственного родителя, несмотря на его тренированное столетиями правления самообладание, раскрывались все шире, а брови неуклонно ползли вверх. Макса, тот вообще вытаращился на меня, как чернак, узревший Создателя в деревенском сортире. Па явно понимал, что ему вливают в уши полную чушь, но выделить, где именно эта чушь проявляется, не мог: логика моей речи была неоспорима. С тем же успехом я, пожалуй, смогла бы, не сходя с места, логически доказать, что Создателей не четверо, а семь, как, впрочем, и то, что их вообще не существует.

Па сдался на сорок шестой минуте. Напустив на себя деловой вид, он поднялся:

— Прости, дорогая дочь, но государственные дела не ждут. Я вижу, что ты трудишься на благо Белого континента с полной отдачей. Вряд ли я смогу посещать тебя часто, но всегда готов помочь. Для этого достаточно предоставить в Совет аргументированный доклад...

— Конечно, папочка, — с ангельской улыбкой подтвердила я, понимая, что победила и Па теперь в Академию палкой не загонишь. — Я еще подумала, что надо разобраться с форменной одеждой студиозов, а кроме того, библиотека...

Па позорно бежал, оставив братца мне на растерзание.

— Только не надо про библиотеку! — взмолился Макса, едва за царственным родителем закрылась дверь.

— Я тебе сейчас про канализацию расскажу, — с угрозой прошипела я. — Со всеми подробностями узнаешь, насколько она изношена. А потом в Совет доклад отправлю. И в

качестве аргумента укажу, что государю-наследнику уже все доложила!

— Не надо!

— А если не надо, то в другой раз, если Па втемяшится в голову устроить мне сюрприз, ты меня заранее предупредишь!

— Да я сам поздно узнал! — отбивался братец.

— Ну уж точно раньше меня, предатель!

— Хорошо, хорошо! — сдался он.

— Не соблаговолит ли его высочество государь-наследник сопроводить меня вниз? Я должна проводить его величество правителя, — напыщенно проговорила я, и уже нормальным тоном добавила: — Там вроде труба сбор играет. Похоже, Па хочет удрать побыстрее.

— Я бы тоже удрал после того, что ты тут наговорила, — поморщился Макса, пропуская мое ехидно ухмыляющееся высочество в коридор. — Как можно с таким серьезным лицом целый час нести невероятную и в то же время совершенно правдоподобную ерунду? Я минут через десять вообще перестал понимать, о чем речь. Долго тренировалась?

— Ты не поверишь, — усмехнулась я. — Экспромт.

— Не поверю, — качнул головой братец. — Скажи еще, что твоя внезапно появившаяся королевская осанка — тоже экспромт. Складывалось впечатление, что ты ради этой встречи лом проглотила. Это ж надо, ни на полсантиметра голову не склонить за все время! Такие фигуры Создателям в храмах рисуют, — тут он поежился и добавил: — Впрочем, лица тоже. Такое чувство, что рядом со мной статуя идет.

В этот момент мы подошли к кортежу, и разговор затих сам по себе. Па уже был в седле, похлопывая по холке темно-зеленого ящера, явно недовольного тем, что ему не дают сорваться с места. Макса вскочил в седло, и царственный родитель, вскинув вверх сжатый кулак, громко выкрикнул ритуальные слова одобрения:

— Мое дитя!

— Королевское дитя! — подхватило полсотни глоток.

Я слегка поклонилась, принимая похвалу. А в дальнем углу двора Никс что-то втолковывал глупой библиотекарьше, оживленно жестикулируя. И единственный взгляд, который он бросил в мою сторону, был совсем не добрым.

ГЛАВА 14

За двумя студиями погонишься — ни одного не поймаешь

Я открыла глаза и поняла, что выспалась. Впервые за последние дни выспалась на славу. Вчера, вымотавшись до предела, я завалилась в постель, заставив себя только избавиться от ректорской мантии вкупе с тяжеленным амулетом и принять душ. Отключилось мое вымученное высочество, похоже, еще раньше, чем голова коснулась подушки.

За окном было еще темно. В углу тихо сопела в своей новой кровати Оли. Я потянулась и, стараясь не шуметь, выбралась из-под одеяла.

Полчаса спустя я уже сидела за своей партой и разбирала вчерашнюю корреспонденцию. Большая часть, как обычно, была ни о чем. А вот одно из писем меня заинтересовало. Мать просила, чтобы ее сына перевели в третью группу обеспечения ввиду тяжелого материального положения семьи. Мое опешившее высочество совсем не аристократично почесало в затылке. Когда я была студией, никаких специальных «групп обеспечения» у нас не было. Все получали одинаковую форму и ели обычные обеды в столовой. Даже дети правителя не имели никаких послаблений. Считалось, что мы не должны выделяться, ибо в Академии все равны. А теперь вот оно как: все равны, но кое-кто равнее. Неудивительно, что бюджет трещит по швам, а на ремонт денег и вовсе не остается. Тут мне вспомнилась короткая потертая рабочая мантия Буи с выпускного потока боевиков, и я снова полезла в затылок. Мое затурканное письмами высочество явно не улавливало какой-то нюанс.

Отложив письмо о группе обеспечения в сторону, я решила для начала пообщаться с кастеляном, а уж потом отвечать, и взяла следующее послание. Но в нем, как и во всем десятке оставшихся, никаких сюрпризов не оказалось. Те же ставшие уже привычными сказки о героях и несколько резюме преподавателей. Я не нуждалась ни в тех, ни в других и безжалостно отправляла бумаги на архивную полку, отвечая короткими отписками.

Разделавшись со всей пачкой, мое удовлетворенное плодотворной работой высочество откинулось на спинку стула. Но низкая столешница тут же впиалась ребром мне в колени, вернув меня с небес на землю: не далее как через несколько часов тут появится новая куча бесполезной бумаги, ее придется снова читать.

Помянув нехорошим словом дармоедов, которые вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, пишут письма, взялась за чернакский план лекций, пытаюсь решить, какие подойдут для Оли. И только тут до меня дошло, что я даже не представляю, умеет ли девчонка прилично писать, не говоря уже о чем-то большем. А это значило, что ее прежде, чем отправлять на какие-то лекции, надо отвести во дворец к наставнику моих младших братьев.

Выругавшись сквозь зубы, я приказала духу-охранителю принести завтрак и достала расписание своих занятий с боевиками. В этом году им идти на выпускной контроль, а вопросы по зельеварению туда включали всегда. Если мои первые студии в полном составе провалят экзамены из-за незнания моего же предмета, смеяться над незадачливой ректоршей будет вся Академия. И не важно, что я не собираюсь задерживаться в этом кресле. Мое заносчивое высочество так воспитали: если уж что-то делаешь — делай это лучше всех.

Никаких иллюзий по поводу объема знаний моих боевиков я не питала. Как показал первый же урок, они были минимальны, если вообще были. Но это надо было наглядно продемонстрировать и самим лерам студиям, наверняка считающим, что «паршивое зельеварение» они подучат в ночь перед контролем. И я знала, как это сделать.

Решив, что размышлений на сегодня достаточно и пора действовать, мое сытое высочество выбралось из-за парты, посадив очередной синяк на колено, и отправилось к кастеляну.

Старик встретил начальницу не то чтобы неприветливо, но и не радостно:

— Что вам угодно, лерра ректор?

— Расскажите мне о группах обеспечения, — попросила я, не желая сразу «давить авторитетом». — Это нововведение прошло мимо меня.

— Нововведение? — слегка удивился кастелян. — Ему уже лет десять, этому нововведению.

— И все-таки расскажите.

Старик бросил на меня недоверчивый взгляд и молча скрылся за стеллажами. Опешив, я даже

не нашлась, что сказать на такую наглость. И это спасло меня от нового конфуза: оказывается, дедуля ходил за толстой папкой, которую и положил передо мной несколько минут спустя.

— Пожалуйте, — он выудил слегка пожелтевшую по краям бумагу.

«Ввиду тяжелого материального положения...» — выхватил взгляд первую строчку, написанную витиеватым почерком с завитушками. Это что еще такое?!

Я вчиталась в текст и окончательно перестала понимать, что происходит в этой ифитовой академии. Оказывается, десять лет назад казначей написал приказ о том, что учащиеся обязаны оплачивать не только свое обучение, но и форму, пользование учебниками и расходными материалами, услуги целителей из Больничного корпуса и даже питание в столовой. Мало того, студиям разделили на три группы обеспечения: самые бедные платили меньше, но и получали всякое старье в минимальном объеме, а кое-что не получали вовсе. Поверх этого бреда дядюшкиной рукой было размашисто написано «Одобрять». Прикинув, какая сумма набежала за десять лет, даже если все студии платили по минимуму, я сжала кулаки.

— Это я забираю, — прошипело мое взбешенное высочество, складывая бумагу. — Вернуть прежний порядок немедленно!

— Мне нужна официальная... — начал было кастелян, с опаской поглядывая в мою сторону.

Не отвечая, я подтянула к себе стопку серой дешевой бумаги и быстро набросала несколько строчек: «С сего дня группы обеспечения отменяются. Износившуюся форму заменить немедленно. Кормить всех одинаково. Ректор Академии стихий Аленна Четырнадцатое поколение Первой династии».

— Так устроит?

— Да, — выдал из себя старик.

— Отлично.

Хлопнув дверью, я вылетела в коридор. Ничего себе приработок придумал хитрый казнокрад! Но дядюшка!.. Этот-то старый ловелас куда смотрел?! Худосочная черначка весь мир заслонила?!

Добравшись до своего кабинета, я схватилась за кристалл связи и тут поняла, что не знаю, кого вызывать. Поиском беглого казначея давно занимается Тайная канцелярия. Но моя бумага бросает тень на члена семьи правителя. Надо ли тамошним следователям знать, каким идиотом оказался мой дядюшка? Опять бежать к Па и продемонстрировать, что без его царственной помощи я ни на что не способна? Ну уж нет... Успокоившись, я аккуратно разгладила бумажку и заперла в потайном отделении стеллажа. Пусть только дорогой дядя попробует обругать какие-нибудь мои действия или назвать меня молоденькой дурочкой. Живо увидит, каким дураком может быть он сам.

Ехидно усмехаясь, я подошла к окну. По главной аллее сломя голову неся какой-то парень, судя по мантии — чернак. «У них же сейчас лекции, — удивленно подумала я, присматриваясь. — Кто-то из преподавателей послал? Духов-охранителей не хватает?» То и дело оглядываясь, студия миновал административный корпус и свернул к воротам. Однако.

Заинтересовавшись, я вытянула шею, стараясь не потерять парня из виду. Через минуту он скрылся в домике сторожа.

Я выскочила из кабинета. Ярость, отступившая было, когда я решила пока не показывать Па скандальный приказ, вспыхнула с новой силой. Явиться бы сейчас этому ифитову чернаку, и пусть он объяснит, что за дела у него с переселенцами-студиями, ради которых они удирают с лекций. Но как раз этого-то мое запутавшееся в двойной жизни высочество себе позволить и не могло. Чернак не должен был узнать во мне Рагетту. Пришлось смирить собственное нетерпение и затаиться в кустах недалеко от сторожки. Какой бы дорогой ни пошел обратно прогульщик — меня он не минует.

Время шло, а студия не появлялся. Я успела заскучать, а потом и вовсе разнервничалась. Если паршивец как-то, хоть и непонятно как, умудрился проскочить мимо, я опять ничего не узнаю. «Ифит бы забрал всю эту банду переселенцев!» — сквозь зубы выругалась я и тут же прикусила язык: за спиной что-то зашуршало.

— Ты это слышал?

«Ба! Да это же лер Рус собственной персоной, — едва не расхохоталась я. — Еще один прогульщик».

— Ничего я не слышал, — буркнул в ответ смутно знакомый голос, похоже, тоже кто-то с выпускного потока боевиков. — Какого идиота понесет в эти кусты?

— Мы же тут, — резонно подметил Рус.

— Я до сих пор не понимаю зачем, — недовольно проворчал его товарищ. — Удрать с бытовой магии — это хорошо. Неохота в такую жару париться за партой, тем более что старый пьяница Кор все равно не заметит наше отсутствие. Но лезть в дурацкие кусты...

«Нет, — усмехнувшись, подумала я, — кусты как раз очень даже хорошие. Еде еще лерра ректор сможет узнать столько интересного? Тот же Кор при встрече произвел на меня самое благоприятное впечатление. Я даже не собиралась соваться на его лекции. А он, оказывается, иногда студиезов пересчитать не способен!»

— Тут нас не подслушают, — продолжал Рус.

— Какие тайны...

— Сердечные. Ноксан, ты мне друг или как?

— Ну друг, — с едва заметной опаской отозвался тот. — Но если опять надо признаваться в каком-нибудь скандале, то мимо. На мне еще за прошлый раз предупреждение висит. Отец меня убьет, если я вылечу из Академии.

— Не вылетишь. Потому что о тебе никто и не узнает. А я в долгу не останусь.

— Посмотрим.

— Все очень просто. Я решил жениться, — с пафосом возвестил Рус.

Я прямо-таки воочию увидела, как он приосанился при этих словах, выпятив грудь, и сразу практически потеряла интерес к разговору. Юношеские влюбленности мое толстокожее высочество никогда не воспринимало всерьез. Надо признать, они вообще прошли мимо меня. За тем, как мои сокурсники влюблялись, расставались и страдали напоказ, я с недоумением наблюдала со стороны. Разве что однажды отправила в Целительский корпус очень уж наглого сердцееда с факультета бытовиков. Он, бедолага, не знал, что очередная брошенная и активно обсуждаемая пассия дружила со мной. Впрочем, и впоследствии меня миновала горькая участь влюбленной дуры, о чем я ничуть не жалела.

В этот момент распахнулась дверь сторожки, и на пороге показался ожидаемый прогульщик. Да не один, а в сопровождении Никса. Я пригнула голову: не дай Создатели, заметят. Но чернаки не смотрели в мою сторону, зато мое глазастое высочество с удивлением узнало в собеседнике привратника любителя каминных труб Юрася.

Они спокойно беседовали, а мое нетерпеливое высочество старательно напрягало слух, пытаясь расслышать разговор. Но вместо этого до меня долетело собственное имя, и совсем не с той стороны, откуда ожидалось.

— Да. Аленна. А что? Она — дочь правителя. Представляешь, какую я сделаю карьеру? Кроме того, внешне вполне ничего. По крайней мере, мне не придется создавать иллюзии, исполняя супружеский долг, — вещал Рус, о котором мое склерозное высочество уже благополучно успело забыть.

Сообразив, на ком он собрался жениться, я едва не расхохоталась. Хохот выдал бы мое присутствие. Пытаясь подавить его, мое невыдержанное высочество мало того что прохлопало продолжение монолога нахального студиеза, так еще и Никс с Юрасем прогулочным шагом двинулись по аллее.

Беззвучно ругаясь последними словами, я сидела на земле, пытаюсь слиться с кустами и не упустить из виду ифитову парочку. А за спиной продолжали переговариваться боевики, и их разговор становился все более интересным.

— Ну может быть, — с сомнением отозвался на какую-то, опять прослушанную мной фразу Руса Ноксан. — А ты проверку на совместимость прошел?

— Да это ерунда. Просто традиционная формальность, чтоб вежливо отсеивать неподходящих. По происхождению там или с паршивой репутацией. Мне отец сказал.

«Много твой отец знает! — невольно подумала я. — Если бы все было так просто...»

В действительности, чисто теоретически, войти в семью правителя мог любой. Достаточно пройти Контроль совместимости у древнейшего артефакта Белого континента и добиться взаимности избранника. Говорят, что артефакт оставили правителям сами Создатели, когда уходили в Горный мир. Однако одно маленькое «но» не оставляло камня на камне от подобной вседозволенности. Королевский дар. Он передавался из поколения в поколение только с подходящим супругом. Случится ли такое с претендентом, и определял Контроль на совместимость. Когда Па открыл мне эту тайну в день пятидесятилетия, то сказал, что артефакт одобряет примерно одного из десяти тысяч проходящих к нему людей. Учитывая, что каких-нибудь чернаков или безграмотных крестьян к нему не приводят, выбор остается довольно узким: о любви мечтать не приходится...

Увлечись грустными воспоминаниями, я опять чуть не пропустила все события вокруг. Во-первых, парочка боевиков все-таки договорилась, хотя мое рассеянное высочество и прослушало до чего, но финал разговора уловило. И сказать, что я обалдела, значит сильно приуменьшить.

— Хорошо. Договорились, — решительно припечатал Ноксан. — Но что, если она сама не захочет? Тогда все твои планы — болтовня. Все-таки Аленна старше тебя лет на тридцать, если не больше.

— Плевать! — Рус просто дышал самоуверенностью. — Возраст — ерунда. Я потерплю. Моя матушка отца на пятьдесят шесть лет старше, и ничего, живут. Так даже лучше. Больше меня ценить будет, молодого и красивого.

— А может, ты ей не понравишься, — ехидно приспустил приятеля собеседник. — Такой молодой и красивый.

— Глупости! Понравиться любой проще простого. Женщины любят сексуальных и властных самцов, которые их самих ни в грош не ставят. Раз Аленна до сих пор не замужем, значит, пока никто не посмел вести себя с ней именно так, как девицам нравится. А я не побоюсь, и она стечет в мои руки, как масло с ножа. Говорят, прежний ректор на черначке женится, и ничего. Чем я хуже? Хоть крестьянка, хоть принцесса — все равно баба останется бабой.

— Ладно. Но твой план опасен. Я слышал, что ректор Аленна — боевик, наш факультет заканчивала. А ну как навалает этим...

— Ага. Боевик, как же, — насмешливо перебил Рус. — То-то она у нас зельеварение читает. Вранье!

Только смутное осознание, что высунуться — значит познакомить Никса с моей второй ипостасью, заставило мое взбешенное высочество усидеть на месте. С Русом и его идиотскими планами я могу разобраться и позже. А вот чем занимаются чернаки, надо выяснять здесь и сейчас. Другого шанса может и не представиться. Кстати, где они? Аллея была пуста, а Никс как раз входил в привратническую.

За спиной зашелестели кусты: боевики убралась на параллельную аллею. Разрываясь между желанием немедленно надавать по наглой физиономии Русу, из-за которого упустила Юрася, и попыткой догнать чернака, я вскочила и завертела головой. Никого. Плюнув на исчезнувшего чернака, я ломанулась сквозь кусты на другую сторону.

Когда мое сквернословящее высочество выбралось на дорожку, боевики как раз скрывались за поворотом. С трудом заставив себя соблюдать хоть какие-то приличия, я быстрым шагом, сильно смахивающим на бег, отправилась следом. Возле учебного корпуса я почти нагнала парочку, но, случайно взглянув в сторону, заметила Юрася, открывающего дверь в соседнем здании. Резко развернувшись на девянносто градусов, я бросилась туда, уже не заботясь о приличествующей званию ректора степенности.

В холле шустрого чернака не оказалось, и я, сверившись с расписанием на первом этаже, побежала в кабинет, где проходили занятия у его курса. Вела эту лекцию, что меня совершенно не удивило, профессор Карна. Вот пусть она и объяснит мне, где бродят ее студии!

Не объяснила. Первым, кого я увидела, войдя, и оказался Юрась. Потный и запыхавшийся, он

сидел в первом ряду и старательно делал вид, что не замечает, кто пришел. Он даже голову не повернул, так старался. А решительное выражение на лице Карны подсказало моему взбешенному высочеству, что объяснений мне не дожидаться.

Я так же молча вышла вон, проклиная свою щепетильность. Ну вот что мне мешало убавить ифитову переселенцу прыткости каким-нибудь парализующим плетением, коих я знала с полсотни?!

В соседний корпус выяснять, почему по аллеям в учебное время болтаются боевики, я, поразмыслив, вообще не пошла. Не надо быть провидцем, чтобы догадаться, что там мое в очередной раз севшее в канаву высочество ждет аналогичная ситуация плюс двусмысленные взгляды Руса.

Ругаясь сквозь зубы и распугивая злобным бормотанием случайных духов-охранителей, я отправилась к себе. Как же теперь узнать, зачем Юрась бегал к Никсу и что за пакость опять задумал Рус?!

ГЛАВА 15

Если все идет по плану, значит, что-то осталось незамеченным

Несколько дней пронесли мимо меня с безумной скоростью: прибыли присланные царственным папенькой и Советом ремонтники и все необходимое для Целительского корпуса. Поначалу я даже обрадовалась подобной оперативности. Все-таки нести ответственность за три сотни недоученных магов, собранных на небольшой территории, удовольствие ниже среднего. Моему затурканному высочеству одной Оли хватало с головой для регулярных выбросов адреналина. Но отвечать за три сотни недорослей и при этом знать, что в случае чего целители не смогут исправить ничего сложнее простого перелома, это вообще экстрим. Особенно если упомянутый перелом обеспечил кусок штукатурки, свалившийся с потолка больничной палаты.

Поэтому, когда в ворота Академии стихий въехали запряженные тягловыми ящерами тяжелогруженные подводы с новыми инструментами, травами и прочим инвентарем, я едва не захлопала в ладоши. Но ликование быстро сменилось глухим раздражением и хронической усталостью. Какие там ночные посиделки в трактире и детективные истории чернакских заговоров? За пределами тесного мирка штукатурки, кранов, половых досок, краски, складских стеллажей и канализационных труб мир для моего измордованного прозой жизни высочества превратился в смутный серый мираж. Остатка сил только и хватало на утренний разбор корреспонденции и ликвидацию последствий буйного гения Оли.

Особенно последнее выматывало меня до состояния валящегося в постель безмозглого овоща. Список «не трогай», «не магия», «не пробуй» и прочих «не», читаемый девчонке по утрам, вырос до чудовищных размеров, но каждый вечер меня поджидал новый сюрприз. И при этом Оли умудрялась не нарушить ни один из озвученных запретов. За ту кошмарную неделю, что длился ремонт, обуреваемая скукой приبلуда дважды чуть не сожгла мой кабинет, залила кладовку этажом ниже и оживила все деревья в парке. О массовом пробуждении покойников на близлежащем кладбище я думать отказывалась категорически. Потому что как раз тем вечером в Академии Оли ничего не натворила. А уважительное, все-таки добропорядочные граждане, хоть и мертвые, упокоение мертвецов никогда не было моей сильной стороной.

В довершение моего ожившего кошмара мне то и дело приходилось шастать по разным надобностям у ворот на виду у Никса. Поэтому всю неделю я появлялась за пределами кабинета исключительно в образе «лерра ректор — дочь правителя». А это значило толстый слой краски на физиономии, высоченную прическу, от которой к вечеру разламывалась голова, попугайскую ректорскую мантию и три кило золота в виде проклятого амулета на многострадальной шее.

Удивительно, как в таком режиме я умудрилась ничего не забыть, не дать ушлым работникам себя облапошить и даже не только читать лекции дорогим боевикам, но и время от времени обламывать не в меру разошедшегося Руса.

Именно поэтому я с такой счастливой улыбкой смотрела из окна кабинета, как мастера и уже пустые подводы выезжают за ворота. Последний бой, тот самый, который особенно трудный, завершился безоговорочной победой моего закаленного ремонт высочества. Я приняла работу и заплатила именно ту сумму, что стояла в первоначальном договоре. Попытки бригадира накинуть цену ввиду сложных условий не увенчались успехом. А то, что двое из его работников за последнюю неделю обзавелись развесистыми рогами, а один — пушистым хвостом, их личные проблемы. Мастер попытался было угрожать мне иском за моральный ущерб, но, увидев примерный счет за услуги целителей, избавили-то его работников от дополнений здесь же, в Академии, сдулся.

— Оли! — позвала я, убедившись, что ворота за последней подводой заперты.

— Я ничего не делала, — сунулась в дверь мелочь.

— Зря. Могла бы почитать книгу.

— А что толку читать, если вы ничего не разрешаете пробовать.

— Рога, выросшие у парочки маляров после твоей последней пробы, пилили часа четыре, — слегка нахмурилась я.

— Так откуда же мне было знать, что они за стенкой крутятся? — возмутилась приبلуда. — Тут-то ничего не ремонтировали. Я контен... Кон-цен-три-ро-валась, вот. И на урода этого

рогатого, — Оли показала на одну из голов моего собрания — смотрела. Так в книжке было написано, которую вы мне дали...

— Да помню я все! — отмахнулась я.

Пострадавшие маляры, кстати, присматривали, что бы такое стащить. Но так уж совпало, что сразу обзавелись рогами. А на следующий день уже мое обозленное высочество приделало другому воришке хвост. Среди работничков пошли слухи, что все имущество Академии зачаровано, и попытки что-нибудь стащить прекратились. И слава Создателям! Следить еще и за чужими карманами мне бы не удалось. А так, даже стройматериалы никто не тащил.

— А чего тогда звали? — напомнила о своем присутствии приبلуда.

— Вечером пойдем во дворец, поэтому...

— Честно?! — перебила Оли, заплясав вокруг. — Ура! Надоело тут сидеть!

— Да погоди ты, — рассмеялась я. — Дослушай сперва. Пока я с боевиками воевать буду, выбери нормальную одежду, волосы причеши. Я хочу тебя своему учителю представить.

— У вас тоже был учитель?

— Конечно.

— А я думала, вы тут учились.

— Ага. С самого рождения, — хмыкнуло мое ехидное высочество.

— А, ну да, — сообразила Оли, тоже рассмеявшись.

— В общем, постарайся ничего не натворить в мое отсутствие и выглядеть достойно...

— А достойно — это как?

Я, поморщившись, глянула на извазюканную в яичном желтке с обеда физиономию мелкой:

— Желтые разводы на лице точно лишние, например.

— Ой, — покраснела Оли, мельком взглянув в зеркало.

— Договорились?

— Ага!

— Ну вот и отлично. А мне пора в ифитову колыбель.

— Куда?! — опешила приبلуда, и я сообразила, что случайно произнесла последнюю фразу вслух.

— К боевикам на лекцию пора, — поправилось мое ухмыляющееся высочество.

Оли кивнула и убежала умываться. А я действительно отправилась к боевикам.

Ифитова колыбель бурлила, как перекипевший котел. Студии сбились в две группы и злобно смотрели друг на друга. Мой любезный ассистент снова парил под потолком, но чуть в стороне, как будто его просто мимоходом прибрали, чтобы не путался под ногами. И как сие понимать? Это и есть задуманная Русом пакость?

— Что здесь происходит? — громко спросила я.

Ответить мне, разумеется, никто не потрудился, но под моим тяжелым взглядом студии разошлись по местам. И то хлеб...

— Лер Кири, — маленькой искоркой деактивирующего плетения я вернула горе-помощника на пол. — Студии успели сдать результаты своей самостоятельной работы?

— К сожалению, нет, профессор Алenna, — с заискивающей улыбкой отозвался тот, поправляя перекосившуюся рабочую мантию.

— Леры? — вопросительный взгляд снова переполз на молодежь.

Студиозы зашевелились, доставая фиалы с зельями. Развернув протянутый мне Кири свиток со списком, кто и что должен был варить, я дождалась, пока ассистент соберет фиалы. Первый же состав, попавшийся мне на глаза, мог быть чем угодно, только не заданным Уничтожителем запахов. Потому как, едва пробка покинула узкое горлышко, на всю лабораторию завоняло тухлыми яйцами.

— Думаю, комментарии излишни, — проворчало мое скривившееся высочество, заставив распахнуться сразу все окна. — Не засчитано. Что у нас тут еще? Эликсир кошачьего глаза... — я потрясла бутылочку, наполненную фиолетовым песком. — К вашему сведению, он должен быть жидким. А это безобразие годится только на то, чтоб засыпать глаза врагам.

— Он в осадок выпал! — пискнул кто-то с последнего ряда, судя по всему, создатель порошка.

— С эликсиром кошачьего глаза подобные казусы не случаются. Вы сварили что-то другое, чему наука пока названия не придумала. Не засчитано, — покачала головой я и взяла следующий флакон. — Зелье обесцвечивания, яркого розового цвета. Насколько мне известно, в оригинале фигурирует бледно-голубой. Не засчитано. Что у нас тут еще? Маскировочный дым, не желающий не только дымиться, но и покидать фиал. Не засчитано. Аромат лесных цветов, благоухающий помойкой. Не засчитано. Зелье от запора, по консистенции напоминающее застывший цемент. Это наглядная демонстрация того, что случится в кишках пациента, буде он рискнет воспользоваться вашей помощью? Не засчитано. А вот это безобразие я даже открывать не буду...

— Почему?! — возмутился очередной горе-зельевар.

— Не привыкла, чтобы зелья подмигивали мне из бутылок. Откуда там взялся глаз?

— Эмм...

— Не засчитано.

С язвительными комментариями мое тихо закипающее высочество перебрало все фиалы. Только три или четыре с натяжкой можно было бы признать годными. Да и то, глотнуть я бы рискнула только зелье, сваренное Буи. Правда, содержимое еще одного фиала не принесло бы вреда здоровью: ушлый студиоз, вычитав, что необходимый состав внешне ничем не отличается от обычной воды, просто наполнил емкость в ближайшей умывальне.

— Плохо, леры, — с наигранной грустью констатировала я. — Очень плохо. У меня создается впечатление, что вы вообще ничего не умеете, и...

— Умеем! — выкрикнул кто-то с заднего ряда, похоже, Рус.

— И что же вы умеете? — усмехнулась я. — Прежде, чем ответить, вспомните, что меня интересует зельеварение.

— Много чего. Это просто неудачно совпало, — отозвался тот.

— Серьезно? Ну что ж. Тогда проверим. На ближайшем занятии проведем пробный Контроль...

Студиозы загудели, как рассерженный улей. Впрочем, агрессия была направлена не на меня. Злобных взглядов и парочки увесистых многообещающих кулаков удостоился Рус.

— Леры, успокойтесь! — скрывая удовлетворение за легкой улыбкой, вмешалась я. — Контроль будет пробным. Но все обязаны на нем присутствовать. Вопросы?

— А если кто-то заболит?

— Срочно заболевших буду лечить лично и с особой жестокостью, то есть ими же сваренными зельями.

— А у меня день рожденья будет! Именинникам скидку сделаете?

— Могу скинуть пару баллов, — кивнуло мое злопамятное высочество студиозу, из-за творения которого в лаборатории до сих пор чувствовался запах тухлых яиц.

— А если я буду сексуально утомлен? — это уже Рус, ифиты бы его забрали.

— Будете писать левой рукой, — с деланным спокойствием пожала плечами я.

Хохот, прокатившийся по комнате, едва не заглушил звук завершающего гонга. Поднявшись, мое с трудом удерживающее на лице равнодушное выражение высочество вымелось в коридор. До чего же глуп этот студиоз! Даже если бы я поставила себе основной целью унижить Руса в глазах сокурсников, и то мне не удалось бы загнать его так глубоко, как он постоянно ныряет сам благодаря своим попыткам острить.

Оли уже ждала меня под дверью кабинета, приплясывая от нетерпения:

— Идем?

— Погоди, торопыга! — усмехнулась я. — Дай хоть в душ сходить. Я вся пропахла неудачными опытами боевиков.

— Хорошо. Но вы же недолго, да?

Рассмеявшись, я отправилась в ванную. Закончите ремонт, заплатите за него столько, сколько и планировали, прогоните осточертевших мастеров и вездесущий запах краски, а потом встаньте в тишине под теплый душ. Тогда вы познаете настоящее счастье. Впрочем, мне для полного погружения в негу не хватало именно тишины. Оли то и дело совала голову в дверь и нетерпеливо вопрошала:

— Уже выходите, да?

После пятого «нет» желание нежиться в теплой воде пропало окончательно, и я завернула кран.

До дворца мы добрались без приключений. Оли вела себя в высшей мере осмотрительно. Даже неудобные вопросы, вроде «а почему тот дядечка держит под руку одну тетечку, а смотрит на другую?», приبلуда задавала шепотом, предварительно оглядевшись по сторонам. Впрочем, смотрелось это не менее комично, учитывая, что шепот ее разносился на десяток метров вокруг, а на объект своего интереса она показывала пальцем. Но девчонка старалась, а потому я не видела причин для строгого одергивания. Да и придворные прихлебалы давно привыкли к прямолинейной, плюющей на этикет Аленне, а потому и от моей ученицы не ожидали приличного в их понятии поведения.

Если бы я знала, что во дворце сегодня очередное сборище, то, пожалуй, отложила бы визит, но, уже явившись, не захотела возвращаться не солоно хлебавши. Обнаружив своего старого учителя в зале, где играли в карты, я бесцеремонно утащила его в свои покои и представила Оли.

— Гляньте быстренько, что она умеет, а чему ее еще надо научить. Или ей вообще придется на первый чернакский поток идти, с буквами знакомиться?

Но учитель не оценил мою поспешность.

— Как была трещоткой, так и осталась, — проворчал он. — Все б тебе сейчас и сразу. А лучше еще вчера. Академические знания — это не фокусы ваши магические. Тут время нужно! Плетения, чтоб определить, умеет ли человек считать, еще не придумали. Ясно?

— Ясно, — с кислой миной кивнуло мое смущенное высочество, вновь почувствовав себя десятилетней девчонкой. Но грубить старому учителю не возникло ни малейшего желания. Он, несмотря на то, что уродился слабодарцем, умел заставить себя уважать.

— Завтра приведешь ее на занятия к братишкам твоим безголовым. А я пока подумаю, как проверить да что.

Представив, сколько всего придется доделывать ночью, если лерра ректор будет отсутствовать полдня, я чуть не взвыла. Но учитель правильно понял причину, перекосившую мою физиономию.

— Дел много?

— Угу.

— Не «угу». А «да, лер наставник», — поправил он по привычке. — Впрочем, о чем это я? Ах да. Можешь оставить свою ученицу у меня. Сам с ней разберусь и тебе сообщу... Как ее зовут-то?

— Оли, — вклинилась мелкая. — Только я лучше с Аленной буду!

— Оли, — кивнул учитель. — Не беспокойся, верну я тебя твоей горе-наставнице в целости и сохранности уже завтра. Мне и двух шалунов на мою старую голову с лихвой хватает. Когда я за тремя смотреть мог, то был на полвека моложе. Впрочем, о чем это я? Ах да... У меня оставить. Внук мой сейчас в академии, так что в его комнате она и переночует. Согласна, Аленна?

— Согласна.

Можно подумать, у меня был выбор. Отпускать мелкую далеко от себя не хотелось. Особенно зная, какие она порой подкидывает сюрпризы. Но других вариантов все равно не было, и я подавила внезапно проснувшийся собственнический инстинкт.

Кроме того, еще одно соображение заставило мое заработавшееся высочество согласиться. Я давненько не была в таверне «У наемника». И лучший случай, чтобы расслабиться, не думая, что может натворить оставленная без присмотра приبلуда, мне вряд ли представится. Заодно можно выяснить, появляется ли там Никс регулярно или явился в тот вечер, когда на меня напали, исключительно ради моего подвыпившего высочества.

Непривычная тишина, царящая в кабинете в отсутствие Оли, давила на уши. «Надо же, оказывается, мое самодостаточное высочество умудрилось привязаться к мелкой прибуде», — с легким удивлением подумала я, убирая на полку последний на сегодня прочитанный свиток.

Тихий стук в дверь прервал попытки разобраться в собственных ощущениях. На пороге показался мой негодный ассистент:

— Профессор Аленна? У вас найдется несколько минут?

— Если бы их не было, я бы вас не пустила, лер Кирри. Что опять натворили боевики?

— Ничего. Просто я...

— А что тогда случилось? — нетерпеливо спросила я. Над камином соблазнительно поблескивали парные клинки, и, если бы не этот мямля, Рагетта была бы уже на пути в таверну. Осознание такого простого факта не добавило мне добродушия.

— Я по личному вопросу...

— Слушаю! — поторопило мое никогда не отличавшееся излишней терпеливостью высочество.

— Аленна! — собрался с духом Кирри. — Вы ведь позволите мне называть вас так?

Опешив, я попыталась сообразить, как бы повежливее отказать, но ассистент принял молчание за согласие и заговорил уже куда смелее:

— Аленна! Я обещал вам доказать, что достоин вашего внимания! Но это трудно сделать в окружении всех этих невоспитанных студюозов!

— Э... Простите, но я не совсем понимаю.

— Я мечтаю сделать вашу жизнь похожей на эльфийский роман! — выдохнул он.

— Что? — нить разговора окончательно ускользнула от моего понимания. Перед глазами замелькали кадры из единственной книги подобного содержания, о которой я хоть что-то знала. Той самой, что настойчиво предлагала глупая библиотекарша. Меня передернуло. — Не думаю, что...

— Дайте мне шанс, Аленна! — с воодушевлением перебил Кирри. — Я подарю вам все звезды небесные! Ветер споет нам песнь любви, когда я усыплю наше ложе лепестками роз и...

— Кирри Лоен! — рявкнула я, сообразив, что он несет. — Уймись, или мне в ближайшее время понадобится новый ассистент!

— О! Вы, как всегда, правы! Любовь к простому ученому осудят аристократы! Но это можно обойти! Сделайте меня своим заместителем! Все увидят мощь моего разума, и тогда никто не посмеет оспорить ваш выбор! — болван в мгновение ока рухнул на колени и попытался схватить меня за руку, мне едва удалось увернуться.

— Заместителем? Вы с одним курсом боевиков никак не разберетесь! — не выдержало мое

возмущенное высочество.

— Я стану таким, каким вы желаете меня видеть! Вы так прекрасны, что я теряю голову! Я готов положить к вашим ногам весь мир, но если вы не ответите на мою любовь, сакура расцветет без меня! Сжальтесь, нимфа!

«Ишь, ты, шпарит как по писаному! Кто бы мог подумать, глядя на этого заморыша, что он такой пылкий... — невольно усмехнулась я, и тут же растеряла всю веселость, — ...и шустрый!»

Воспользовавшись тем, что мое растяпистое высочество в очередной раз отвлеклось на праздные мысли, Кирри ловко обнял меня за ноги и уткнулся лицом в колени:

— Прекраснейшая! Божественная!

— Да что вам, в конце концов, от меня надо?! — заорала я, отпрыгнув на безопасное расстояние. Чтобы вывернуться из крепкого захвата, пришлось вспомнить навыки боевого магика и изобразить волчок с подскоком на полтора метра. Слава Создателям, потолки в ректорском кабинете достаточно высокие. Силы едва хватило, а ведь этот прием не раз помогал мне покинуть недружественные объятия всякого рода гигантских змей. Похоже, встречаются ассистенты поназойливее некоторых монстров.

— Нимфа... — Кирри недоуменно уставился на пустое кольцо собственных рук, но быстро сориентировался и развернулся в мою сторону: — Богиня!

Тут мое одуревшее высочество наконец вспомнило, что подготовка боевого магика включает в себя не только акробатические номера. Маленькая искорка, и Лоен замер, скованный парализующим плетением.

— Вот теперь коротко и по сути: какие демоны вас обуяли?! — рыкнула я.

— Демон страсти, божественная! Я смотрел на вас влюбленными глазами, но вы не замечали мои взгляды! Я приносил прекрасные цветы к дверям вашего дома, но вы сожгли мое подношение! Я схожу с ума от любви, но вы холодны, как лед!..

Услыхав о цветах, я припомнила веник, заткнутый в ворота моего особняка, и кивнула собственным мыслям: «Теперь понятно, кто оказывал мне знаки внимания, а мое-то бессердечное высочество погрешило на ночных воров. Бедные воришки».

— Нимфа! — взвыл Кирри, заметив этот кивок. — Вы согласны?!

— На что это? — вынырнув из воспоминаний, уточнила я.

— Пойти со мной под сень ночного неба, и каждая звезда расскажет вам, как сильно я люблю вас!

— Нет. Не согласна. Но если вы немедленно уберетесь отсюда, то, так и быть, я забуду о вашем безрассудном поведении.

— Но нимфа...

— Вон отсюда!!! — рявкнуло мое растерявшее остатки аристократического воспитания высочество, сбрасывая с ладони целый вихрь разноцветных искр.

Кирри как ветром сдуло. Я рухнула в кресло, чувствуя, как подрагивают пальцы. Давненько никому не удавалось меня так разозлить!

Способность трезво мыслить я обрела только через полчаса и всерьез задумалась над тем, где искать нового ассистента. Если этот свихнулся настолько, что уже под ворота моего дома цветочки подкладывает, как какой-нибудь влюбленный студийоз, то скандал не за горами. Дворцовым сплетникам только дай повод почесать языки насчет «неудачной дочери правителя».

За дверью послышалась какая-то возня. Я распахнула створку, готовая прибить любого, кому в очередной раз понадобилась среди ночи. Под ноги мне упал неряшливый букет роз. Я с трудом сдержала рвущийся из горла звериный рык. Пнув злополучный веник ногой в кабинет, мое взбешенное высочество вернулось обратно и призвало духа-охранителя: «Уволю прямо сейчас идиота!»

Но мое послание с приказом явиться немедленно Кирри Лоен просто проигнорировал. Подождав четверть часа и дойдя до точки кипения, я отправилась к нему сама, прихватив двух духов-охранителей: если Кирри вздумает упираться, будет кому вышвырнуть его вон. Не все же в этой ифитовой Академии мне делать лично.

Подталкиваемая яростью, я, не дождавшись ответа на стук, просто вошла в скромные апартаменты Лоена, воспользовавшись тем, что запертых дверей для ректора в Академии не существовало. Но моего теперь уже гарантированно бывшего ассистента в небольшой гостиной не оказалось. Мало того, его вообще не было в отведенных ему комнатах.

Размышляя, куда он мог отправиться в такой час, я оглядела маленькую спальню и наткнулась взглядом на смутно знакомую книгу в изголовье кровати. Я подошла ближе и с возрастающим удивлением узнала толстенный, богато оформленный фолиант: эльфийский роман, который мне так настойчиво предлагала черначка-библиотекарша. Значит, кого-то ей все-таки удалось соблазнить несусветным чтивом. Несколько закладок, торчащих в разные стороны, доказывали, что книгу действительно внимательно читали, а не установили в качестве еще одного предмета мебели. Кто бы мог подумать, что подобное произведение может увлечь мужчину.

Любопытство всегда было движущей силой моего недалёковидного высочества. Под первой закладкой нашелся очерченный красным карандашом абзац. «Я подарю вам все звезды небесные! Ветер споет нам песнь любви, когда я усыплю наше ложе лепестками роз и укрою вас пологом неги!.. — быстро прочитала я и пролистнула дальше, начиная догадываться, откуда растут ноги у внезапно проявившегося красноречия Кирри. — Я смотрел на вас влюбленными глазами, но вы не замечали мои взгляды! Я схожу с ума от любви, но вы холодны, как лед!»

Не сдержавшись, я расхохоталась:

— А если вернуться на пару глав назад, то там безутешный влюбленный таскает охапки роз на порог жестокой возлюбленной!

И тут меня словно окатили ледяной водой: откуда ничтожный ассистент мог знать, где живет дочь правителя?! Подобная информация доступна только членам семьи. Ну может быть, еще кому-то из высших чинов Тайной канцелярии. Но уж никак не рядовому работнику Академии стихий.

Мне снова резко захотелось немедленно увидеть любвеобильного помощничка. Наплевав на воспоминания о конфузе с Карной, я приказала духам-охранителям доставить Кирри немедленно. К моему удивлению, через несколько минут выяснилось, что Лоена на территории Академии нет.

Я вслух обругала свои заржавевшие мозги: ну что мне стоило заметить странность с букетом еще во время разговора. Но исправить результат собственной невнимательности уже не представлялось возможным, и пришлось ни с чем возвращаться в опостылевший ректорский кабинет.

Пометавшись из угла в угол, мое обозленное высочество слегка успокоилось. Выяснить, откуда подобные знания у Лоена, можно будет и завтра. А вот еще один вечер без беспокойства за Оли мне выдаться не скоро. Поэтому надо с толком воспользоваться этим.

Выбросив из головы наглого ассистента, я надела кожаный жилет и застегнула на груди ремни парных мечей. Портал, повинувшись активирующему плетению, засветился клубящейся дымкой. Десять минут спустя Рагетта толкнула знакомую дверь любимого трактира.

Как и в прошлый раз, первыми, кого я увидела, оказались полугном и Никс. Но драться они не собирались, синхронно отсалютовав мне винными кружками в знак приветствия. Я махнула рукой Адаму и села на лавку рядом с чернаком.

— Давненько тебя не было! — Крупп мгновенно наполнил пустую кружку, не дожидаясь, пока трактирщик доставит заказанный мной кувшин.

— Мне прошлого раза надолго хватило, — с намеком проворчала я, делая первый глоток.

Вино горчило невыносимо. Похоже, оба собутыльника качественно сели на мель, раз пьют подобную гадость. Подавив желание выплюнуть угощение, мое скривившееся высочество титаническим усилием протолкнуло отвратительный напиток в горло.

— Да не парься ты! — взмахнул рукой полугном. Моей спины рядом не оказалось, и ему пришлось удовольствоваться столешницей. — Мы уже все обсудили, ошибки признали и неприятностей больше не доставим. Между собой поборемся за внимание прекрасной дамы! Я ему нос расквасил, он мне фингал поставил, так что пока один-один.

Я вопросительно взглянула на Никса. Тот ответил извиняющейся улыбкой и слегка пожал плечами:

— Ничего такого. Шутки шутим.

Мое слишком легковое высочество успокоилось, и тут он тихо выдохнул мне в ухо:

— Но я намерен побороться за тебя всерьез.

Я поперхнулась очередным глотком вина и, скрывая смущение, прокашлявшись, буркнула:

— Ну что за дрянь вы пьете?!

— Извини. На что хватило, то и пьем, — развел руками Крупп. — Я последний заработок на юг отправил. Сад у меня там разбивают. Мать присматривает. Красивый сад будет...

Крупная, словно вырубленная топором из цельного куска каменного дерева физиономия полугнома расплылась в мечтательной улыбке. Припомнив, что уважаемая матушка приятеля — чистокровная троллиха трехметрового роста, я мгновенно поверила, что сад будет прекрасен: попробуй, схалтурь под таким начальником.

— А я пока в подвешенном состоянии. Вот и не шикаю, — дополнил объяснения приятеля Никс. — Но если б знал, что ты придешь, заказал бы что-нибудь получше.

— А откуда такое неудачное состояние? — уточнила я, наконец припомнив основную причину своего появления в таверне.

— Да так, — уклончиво отозвался он. — Попал в неприятную ситуацию и, похоже, придется срочно вспоминать старые навыки наемника.

— Баба ему в хозяева досталась, — вмешался Крупп, разливая принесенное трактирщиком вино по кружкам. — Подлая да хитрая. Вот он и мечется.

«Это я-то подлая?!» — чуть не завопило на весь зал мое оскорбленное высочество, но вовремя прикусило язык. К счастью, Никс ничего не заметил, ухлопав все свое внимание на гневные взгляды в сторону полугнома.

— Что уставился, брат? Сам же рассказывал, какая она заносчивая стерва, — как ни в чем не бывало бросил тот и снова посмотрел на меня. — Поменялось начальство, вот он сразу и повис. Знаешь, небось, как аристократишки таких, как Никс, «любят»...

— Крупп! — не выдержал чернак.

— А чего сразу Крупп-то? — ухмыльнулся полугном. Только сейчас я заметила, что пьян он куда сильнее, чем мне казалось, в отличие от Никса. — Договаривались же, чтоб девушка сама выбрала. Вот я и показываю товар лицом, так сказать. Ты, конечно, меня помоложе будешь. И посимпатичнее, хотя это уже на любителя. Зато со мной ее жизнь постабильнее ждет. Все-таки дом свой, виноградник, хозяйство заведем...

— А это тоже на любителя, Крупп, — зло ухмыльнулась я. Дружба дружбой, но за такие разговоры приятелю хотелось врезать. Желательно, с ноги. — Я, знаешь ли, как-то не мечтала встретить старость в перепелятнике с лопатой для навоза наперевес.

Никс, который последние пару минут сидел, сжав кулаки так, что побелели костяшки, немного расслабился. Зато обиделся Крупп.

— Лучше уж в перепелятнике, чем в канаве, — проворчал он. — А ты, с твоей любовью к приключениям, и до канавы не доживешь, помяни мое слово.

— Крупп! Ты охренел! — взорвался чернак.

«Эй, это моя реплика!» — мысленно возмутилась я, но вслух сказала совсем другое:

— Что-то тебя в последнее время заносить стало, Крупп.

— А может, я от любви с ума сошел, — огрызнулся полугном.

— Второго чокнутого мне точно не надо.

— А кто первый? — тут же заинтересовался тот и, шатаясь, поднялся на ноги. — Слышь, Никс! У нас тут еще один конкурент нарисовался! Может, поделим ее по дням недели, и дело с концом?

— Крупп, ты охренел! — рявкнули мы с Никсом в один голос, и полугном, получив одновременно два удара, улетел в угол зала.

— Рагетта! — заорал Адам, поспешно выбираясь из-за стойки.

Потирая разбитые костяшки, я подошла и склонилась над кряхтящим приятелем.

— Проспись. Иначе договоришься сегодня до кровавых соплей.

— Прости. Шутка... Была... Неудачной, — проскрипел он. Если я била в челюсть, то чернак оказался умнее и впечатал каблук пьянчуге поддых.

— Не шути так больше, — с угрозой прошипело мое обозленное высочество.

Не предшествуй идиотской выходке Круппа не менее глупые приставания Кири, я, может быть, и сдержалась бы. В конце концов, я не первый год знаю несдержанного на язык полугнома, и порой он отмачивал шуточки и похлеще. Но на сегодня мой невеликий запас терпения уже истощился.

— Ты права, я пьян, — тихо проговорил наемник, с трудом поднимаясь. Одной рукой он поглаживал на глазах лиловеющую скулу, другой — растирал солнечное сплетение: похоже, Никс тоже оказался не из терпеливых. — Ты завтра придешь? Мне надо с тобой поговорить. Без этого.

Полугном кивнул на Никса. Я задумалась. С одной стороны, видеть трепача так скоро желания не возникало. С другой — почти двадцать лет дружбы так просто на помойку не выбросишь, да и говорил он более чем серьезно. Мало ли, вдруг заметил какие-то странности в чернаке. Мне бы не повредил более критический взгляд. А то мое недалёновидное высочество, несмотря на открытую ненависть Никса к несчастной Аленне, проникается к нему все большим интересом.

— И как я это устрою? Последнее время вы не расстаетесь.

— Не доверяем друг другу, — хмыкнул Крупп. — Приходи часам к десяти. Никсу раньше двенадцати с его каторги не вырваться: гримза узнает — сгноит.

Это «не доверяем друг другу» и стало последней крошкой на весах. Я молча кивнула.

— Тогда я пойду просплюсь, — громко возвестил Крупп, незаметно подмигивая; — А то прибьет меня невеста за пьяный язык — и мужем побыть не успею.

Я покачала головой, глядя, как он, покачиваясь, поднимается по лестнице. На этот раз Крупп превзошел сам себя. Хорошо, хоть удалось уладить его выходку без громогласного скандала и драки. И все-таки, пока я шла обратно к нашему столу, меня не покидало ощущение, что я что-то упускаю в этой идиотской ситуации.

— Рагетта? — Никс мигом заметил перемену в моем настроении. — Ты почему притихла? Что тебе этот пень узловатый наговорил?!

— Да так, ничего, — ушла от ответа я. — Лучше расскажи, что у тебя за проблемы с хозяйкой.

— Да зачем тебе эти дразги? — скривился чернак.

— Ну может, помочь смогу, — ляпнуло мое импульсивное высочество первое, что пришло в голову. И тут же спохватившись, добавило: — Я на тракте давно, знакомых много.

— Знакомых на тракте и у меня полно, — махнул рукой Никс. — Без малого четверть века пыль месил. Было время познакомиться. Но ты же теперь не отстанешь? Женское любопытство непобедимо, ифит бы пожег болтливую Круппа!

«Женское коварство», — мысленно поправила я и состроила обиженную гримасу. Чернака

хватило ровно на три минуты:

— Ладно. Хотя ничего особенного в этой истории нет. С нами такое сплошь и рядом происходит. Хотя мы-то разве виноваты, что нас забирают из дома, как какой-то скот?!

Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Я раньше ходил по тракту с караванами, как ты. Ну может быть, и не совсем так, специализация другая. Но один нюанс хлебнул бочонком. Сама знаешь, как некоторые караванщики относятся к боевикам-женщинам. С выходцами с Черного континента примерно то же самое. И плевать, боевики мы или бытовики. Но зарабатывал по сравнению с соотечественниками неплохо. Сестренке, опять же, помогал. Она разрешение на свою булочную только недавно получила. Как-то сопровождали одного вельможу. Видно, ему понравилось, и он замолвил за меня словечко. Так я стал привратником в Академии стихий.

Никс испытующе посмотрел на меня, выжидая реакцию. Обычно наемники презрительно относились к молодым «оседлым», считая их трусами. Но я держала себя в руках, поэтому на лице не дрогнул ни один мускул.

— Так я и думал, — вдруг улыбнулся чернак. — Но думал-то думал, а все равно боялся.

— В смысле? — не выдержало мое нетерпеливое высочество, и так с трудом сдерживаясь, чтобы не подтолкнуть плавный рассказ к интересующей меня части.

— Ты другая, — тихо отозвался Никс, опуская голову. — Не брезгуешь тем, что я чернак, не смеешься, что ушел с тракта молодым. Ты не судишь людей, не узнав их. Это дорогого стоит. Особенно в моем случае.

Его губы искривила болезненная ухмылка, и я вдруг ужаснулась. Каково это, изо дня в день чувствовать пренебрежение, ловить на себе брезгливые взгляды. Просто потому, что ты не родной этой земле. И тут же отвесила себе мысленную оплеуху: «Окстись, идиотка! Это же чернак. Чернак! Неудивительно, что их недолюбливают, после такой-то войны! Я и сама стараюсь держаться от них подальше!»

«Да неужели? — ехидно парировал внутренний голос. — Прямо, подальше и от всех?»

«Ну, хорошо, — вынуждено было признать мое запутавшееся высочество. — Никс — исключение. Но только ради того, чтоб выяснить, что он против меня имеет!»

«А с каких пор тебя волнует мнение какого-то чернака о твоём высокородном высочестве?»

— Рагетта? — слава Создателям, Никс прервал этот молчаливый спор.

— Прости. Все нормально.

— Нормально, ага... — недоверчиво повторил он. — Я же вижу, что ты мне сочувствуешь. Может, даже жалеешь? Не надо.

Я не нашлась, что ответить. И подтвердить, и опровергнуть его предположение было бы глупо. Но Никс не ждал ответа. Он заговорил, снова уставившись в столешницу.

— Короче говоря, я почти десять лет проработал в этой Академии. А недавно там сменился ректор. Теперь всем заведует дочка нашего правителя. Молодая, взбалмошная и чернаков ненавидит сильнее, чем монах Безымянную. Вот и жду, когда она ко мне явится. А может, и не снизойдет. Просто приказ об увольнении придет. Девушку, которая в библиотеке работает, уже до истерики довела...

— Но ведь не уволила же? — ляпнула я и тут же прикусила свой длинный язык. Но чернак ничего не заметил.

— За этим дело не станет. Наверное, это не такая быстрая процедура, как ей бы хотелось. Из всех профессоров нормально к чернакам относится только один. То есть одна. А ведь там дети! Эх!.. — Он махнул рукой. — Извини. Пожалуй, я пьян сильнее, чем мне казалось: вывалил тебе на голову свои проблемы, дурак. Правильно Ниса говорит, не умею я за девушками ухаживать.

Я молчала. Казалось бы, все просто и понятно: слава ненавистницы чернаков летит впереди меня, да еще и преувеличенная в разы досужими сплетниками. Отсюда и беспокойство Никса, и его ненависть: не хочет покидать теплое место в одном городе с сестрой. А Юрась действительно только помогает ему с хозяйственными делами, практикуется так. Задавать

какие-то наводящие вопросы явно не стоило. Кто знает, насколько в действительности пьян Никс? А ну как удивится странному интересу случайной знакомой? Да и нужно ли это вообще? Все ведь объяснилось, все хорошо? Но странное чувство дежавю упорно не желало покидать мою дурную голову. Как и с Круппом, я что-то упускала, не замечала какую-то решающую мелочь.

— Мне пора, — отвлек меня от размышлений чернак. — Не хочу давать лишний повод. Ты остаешься?

— Да нет, — рассеянно пожало плечами мое окончательно запутавшееся высочество. — Мне, пожалуй, тоже пора.

Мы вышли на улицу.

— Опять к порталу?

— Ага, — кивнула я, судорожно размышляя, что отвечать, когда он спросит, где Рагетта, собственно, живет.

Он не спросил. Просто взял меня под руку и повел по ночной улице. Стук каблучков отзывался эхом в темных подворотнях. Только этот звук и нарушал тишину. Я была благодарна Никсу за молчание: слишком много мыслей теснилось в голове. Пытаясь разобраться в противоречивых предположениях и чувствах, мое растяпистое высочество даже не заметило, как оказалось перед городским порталом. Очнулась я, только когда чернак остановился.

— Когда ты снова придешь в трактир?

— Не знаю, Никс. Как получится.

— Я буду ждать, — улыбнувшись, отозвался он и вдруг резко притянул меня к себе, сминая губы настойчивым поцелуем.

Целовали мое не больно-то целомудренное высочество и раньше, к тому же гораздо более умело и изысканно. Но только от поцелуя Никса закружилась голова, а кожа моментально покрылась мурашками. Мы оторвались друг от друга, лишь когда в легких закончился воздух.

— Никс! Ты охренел! — просипело мое ошарашенное высочество, едва обретя способность связно мыслить.

— Я знаю, — тяжело дыша, ответил он. — Считаю, что это игра. Я рискнул и сделал свой ход. Твоя очередь.

Не дожидаясь, пока я соображу, что ответить, Никс развернулся и зашагал в сторону академии. А я осталась тупо стоять посреди площади, пытаюсь унять дрожь в коленях: «Игра?! Ход?! Кто-то тут точно охренел! Надеюсь, что только ифитов чернак!»

ГЛАВА 16

Планы, они такие... планы

Я поймала себя на том, что в пятый раз перечитываю короткое послание и не понимаю его смысла. Мое невысказанное высочество весьма неаристократично выругалось и отшвырнуло свиток. День не задался с самого утра. Хотя если совсем точно, то еще с ночи.

Вернувшись из таверны, я так и этак прокручивала в гудящей голове вечерние события, пытаюсь сообразить, что же мне в них так не нравилось. Но ничего, кроме внезапно обуявшей всех и сразу любви ко мне, бедной, не находила. Да и это оставалось некорректным. Любовь-то «проснулась» у каждого отдельно, лишь обострение выпало на один вечер.

То ли события никак не были связаны, то ли сосредоточиться мешали постоянно вклинивающиеся в мысли воспоминания о поцелуе Никса, но я так ни до чего и не додумалась. Заснуть мне удалось только под утро.

Полтора часа спустя меня разбудил дух-охранитель с посланием от профессора Карны. Оказалось, что мой ассистент, видимо, испугавшись своей вчерашней настойчивости, исчез. Выпускной курс боевиков, оставшись без присмотра в лаборатории, превратил ее в полигон. Слава Создателям, шкафы с ингредиентами им открыть не удалось, но они прекрасно обошлись подручными средствами.

Зачинщиком, разумеется, оказался Рус. Пообещав, что еще одна такая выходка, и Контроль ему проходить не придется — вылетит из Академии раньше, я отправила весь поток в загоны ящеров — широкая лопата для навоза всегда считалась хорошим воспитательным средством.

А в кабинете меня уже ждала гора писем, поурочные планы, требующие утверждения, и остывший, слегка подсохший завтрак.

Естественно, добродушия моему никогда не отличавшемуся излишним смирением высочеству все это не добавило. Поэтому, когда в дверь постучали, мое приглашение войти прозвучало, как пожелание немедленно отправиться в Бездну. К сожалению, посетитель оказался не из пугливых. Впрочем, я всегда подозревала, что инстинкт самосохранения профессора Карны заканчивается там, где начинается забота о ее любезных чернаках.

— Профессор Аленна, мне необходимо с вами поговорить!

— Слушаю вас, — буркнула я.

— Вы провели ремонт в Целительском корпусе!

— Вы и это поставите мне в вину? Я нарушила таким образом права чернаков? — язвительно вздернуло брови мое слегка ошарашенное такой претензией высочество.

— Что? Нет, — Карна, одержимая собственными идеями, плохо воспринимала юмор. Хотя она и в нормальном состоянии его не воспринимала. — Чернакское общежитие тоже требует ремонта! Там ситуация вдвое хуже!

С минуту я молчала. Наверняка полоумная любительница чернаков жутко преувеличивает и все далеко не так плачевно, как она пытается показать. Но, с другой стороны, новоиспеченная ректорша в моем лице до этого момента так и не нашла времени пройтись по навязанной вотчине и увидеть все своими глазами. А то небольшое, что я таки видела, не просто требовало ремонта, оно кричало о капитальном восстановлении, грозя начать заваливаться немедленно. И потом, любой ремонт — это деньги, а я же собиралась в короткие сроки основательно растряссти папочкин кошелек, разумеется, исключительно на благо родной Академии!

— Подготовьте доклад. Потом приду и посмотрю. И если потребность в ремонте действительно существует, мы его сделаем. Но имейте в виду, профессор Карна, контролировать мастеров будете вы лично. И не приведи Создатели, они украдут хоть одно полено. Кроме того, распланируйте работы так, чтобы воспользоваться практикой, которая начнется через неделю. Тогда младшие курсы смогут жить в комнатах тех, кто уедет.

Любительница чернаков стояла, разинув рот. «А ты хотела, чтобы госпожа ректор опять лично гоняла каждого каменщика? — насмешливо подумало мое ехидное высочество, глядя на ее ошарашенную физиономию. — Нет уж, фигурки. Сама заварила зелье, сама его и пей». Тут Карна, наконец, обрела дар речи, и выяснилось, что я в очередной раз поспешила с выводами.

— Так вы согласны? — неверяще переспросила она.

— Разумеется, я согласна, — с легким раздражением отозвалось мое пристыженное высочество. — Жду ваш доклад.

— Эмм... А...

— Что-то еще?

— В общем, да, — решила Карна. — Вы же уволили своего ассистента?

— Да. Я вам утром об этом говорила. И?

— Вам нужен новый.

— А что, у вас есть кого предложить? — заинтересовалось мое разом переставшее злиться высочество. «Новый» мне был не просто нужен, а очень-очень нужен: ассистент профессора зельеварения проводит практические работы, а это семьдесят процентов занятий. Если мне придется выполнять его обязанности, то я вообще перестану что-либо успевать.

— Есть очень хороший мальчик. Ну как, мальчик... Чуть старше вас. В свое время с отличием закончил полный курс зельеварения в нашей Академии. До сих пор работал по специальности, так что навыки не растерял, но сейчас случайно остался без...

— Замечательно. Когда он сможет приступить к работе?

— Только он... — замялась Карна.

— Что? Слабодарец? Косой? Одноногий? Это неважно, те зелья, что изучают боевики, особой магической силы не требуют.

— Он переселенец! — собравшись с силами, выдохнула профессорша.

— Ах переселенец, — мигом поумерила энтузиазм я и задумалась: только тупого чернака в ассистентах мне и не хватало. Хотя работал же на этой должности идиот Кирри. Ни ума, ни авторитета у студиязов... Вряд ли чернак сумеет сделать хуже: некуда. «А еще, ты не судишь людей, не узнав их», — ехидно добавил внутренний голос, напомнив о мнении Никса. Я же действительно не сужу! Вот и представился случай доказать это самой себе на практике.

Карна обеспокоенно следила за моими размышлениями.

— Переселенец или нет — дело десятое, — сказала, наконец, я. — Но справится ли он с моими боевиками? Пригласите его сюда. Я поговорю с ним, попробуем, посмотрим.

— Так вы согласны? — в очередной раз ошарашенно лягнула Карна.

— Я согласна посмотреть на него завтра утром. Скажем, в десять. Но если он путает траву каруницу с камнем карун, то ему придется искать другое место работы.

Покровительница всех черпаков на свете внимательно рассматривала мое безмятежно улыбающееся высочество.

— Еще что-нибудь? — не выдержала я.

— Нет. Это все...

— Тогда хватит меня разглядывать, как монах ифита!

— Простите, — поклонилась Карна и, окинув меня очередным непонятым взглядом, наконец вымелась в коридор.

«Ну и пусть будет чернак, — подумала я, сломав печать на очередном свитке. — Лишь бы дело свое знал. Тот же Никс — отличный бытовик, иначе не смог бы ходить с караванами: неумеги на тракте не выживают. Даже те, кто по должности не обязан сталкиваться лицом к лицу со всевозможными монстрами. Во-первых, сталкиваться все равно приходится, а во вторых — бесполезного тупицу очень скоро просто перестают брать в караваны. А Никс говорил про двадцать пять лет!»

Едва я закончила с корреспонденцией, как дух-охранитель доставил послание от моего наставника. Вздохнув: вот и еще один день ушел в никуда, заполненный незаметной и

бесполезной работой, я отправилась во дворец царственного Па.

В учебные комнаты младших братьев я вошла в приподнятом настроении. Кто бы мог подумать, что мое толстокожее высочество за такой короткий срок так крепко привяжется к мелкой приبلуде: всего-то вечер ее не видела, а уже успела соскучиться!

Но мелочь обратила на меня внимания не больше, чем на пролетевшее по небу облачко, на миг прикрывшее светило. Она махнула мне рукой и куда-то унеслась в сопровождении обоих моих братьев.

— Она нашла общий язык с твоими братьями, — усмехнулся наставник.

— Да, я заметила.

— Не ревнуй.

— Да кто ревнует-то, — возмутилась я. Могла бы хоть поздороваться нормально, ученица так называемая.

Наставник спорить не стал, лишь понимающе усмехнулся.

— Не ревную я! — повысило голос мое слегка покрасневшее высочество.

— Вот и хорошо. Тогда ты не будешь против, если девочка задержится тут на...

— Что?!

— А вот то самое. Не знаю, кто учил ее грамоте. Надеюсь, что не ты. Но читает она с трудом не от скудости ума, а потому, что три буквы алфавита никогда не видела.

— Это как? — опешила я.

— Мракобес, числящийся наставником в их поселении, объявил эти буквы проклятыми. Якобы из них состоит формула, призывающая в мир живых Безымянную, — покачал головой наставник, покривившись. — И эту ценную информацию Оли выяснила случайно, обнаружив в записке, оброненной какой-то проезжей магичкой, непонятные кракозьябры.

Сообразив, о какой магичке говорила мелкая, я обрадовалась: смотри-ка, не забыла приبلуда о моих наставлениях по поводу нашего знакомства.

— Девочка перерисовала их на грифельную доску и показала учителю. А тот отходил ее линейкой за богохульство! — продолжал между тем наставник. — Имей в виду, Алenna, я этого так не оставлю и буду просить твоего отца отправить контролера в этот поселок. Не сам же поселковый монах додумался до такой ереси!

Мое ошарашенное высочество смогло только кивнуть. Какие, однако, интересные дела творятся в провинции: то чернаки оказываются монстрами с рогами и хвостами, то теперь вот буквы проклятыми объявили. А потом мы удивляемся, что возникают странные секты, объявляющие грехом саму магию!

— В общем, к твоему отцу я пойду, скорее всего, завтра. Сегодня он принимает какое-то посольство троллей в Питруге. И Оли возьму с собой. Так что пока она задержится тут.

— Хорошо, — я не нашла причины возразить. — И пусть заодно расскажет Па, какими им представляли чернаков. Ему это будет интересно.

— А что, и тут сказки?

— Еще какие, — кивнуло мое задумавшееся высочество, и, встряхнувшись, добавило: — Оли мне ждать, я так понимаю, бессмысленно.

— Пожалуй, — согласился наставник. — У них сейчас вечерняя пауза. Раньше начала занятия не появятся.

— Ну хорошо, — взглянув на часы и убедившись, что до начала упомянутого занятия еще долго, я поднялась. — Тогда вернусь в Академию. Там всегда есть чем заняться.

— Как тебе на новой должности? — наставник тоже встал, провожая меня к двери.

— Суетно, — честно ответила я, выходя из комнаты.

Вернувшись в Академию, я поняла, что ничего путного уже сделать не успею и лучше сразу отправляться в таверну. Мое слегка перетрусившее высочество категорически не желало встречаться сегодня с Никсом. Я так и не решила, как относиться к нашему поцелую, от которого подкашивались ноги, к своим странным ощущениям, а главное, к его заявлению про игру. Что он имел в виду? Этого я не знала и не ощущала уверенности, что хочу узнать.

Еще раз взглянув на часы и убедившись, что до появления в таверне Никса как минимум три часа, я шагнула в портал. Пятнадцать минут спустя знакомая обшарпанная дверь впустила меня в пропахший дрянным вином и перегаром зал.

Крупп, как всегда, восседал за угловым столом в компании пузатого кувшина и выщербленной кружки. Кивнув Адаму на безмолвный вопрос о выпивке для меня, я пошла прямо туда.

— Ты рано, — ухмыльнулся полугном, отсалютовав мне полной кружкой. — Любопытство замучило?

— Просто освободилась раньше, — пожала плечами я. — А ты, смотрю, почти трезвый. Утроба взбунтовалась?

— Ты язва, — беззлобно ругнулся наемник. — Моя утроба бочку вина переварит и не булькнет. И вообще, может, я так от любви страдаю, что и вино в глотку не лезет. Такое объяснение в твою хорошенькую головку не пришло?

— Тебе вино в глотку не полезло? — недоверчиво хмыкнуло мое язвительное высочество. — От неразделенной любви? Ага-ага. А еще добрые Создатели спускаются с небес на день солнцестояния и исполняют желания послушных деток.

— Как есть язва, — мотнул головой Крупп. — Наемники, по-твоему, на высокие чувства не способны?

— Способны, а как же. Чем больше платят, тем выше чувства. Верность там всякая, любовь к командиру, безрассудная храбрость просыпаются и крепнут прямо на глазах при виде жирного контракта!

— Сразу видно наемного народа дочурку, — расхохотался полугном.

— А ты нежную незабудку ждал? Так это ты зря. Незабудка мутировала, отрастила ядовитые шипы и зубастую пасть. Пыль на тракте, она такая... Хитрая очень.

— Ладно, незабудка зубастая, — Крупп подлил мне вина и, посерьезнев, спросил: — Значит, в любовь мою ты не веришь?

— Не верю, брат. Очень уж внезапно она тебя обуяла.

— А может, я много-много лет признаться боялся, как в бабских романах пишут.

Я даже не посчитала нужным ответить.

— И замуж за меня ты не хочешь ни в какую?

— Не хочу, — спокойно кивнула я.

— А понарошку? — хитро улыбнулся наемник.

— Это еще как? — опешило мое обалдевшее высочество, едва не подавившись очередным глотком вина.

Но Крупп не спешил отвечать, хмуро глядя куда-то мне за спину. Оглянуться я не успела: причина внезапной немоты наемника нежно погладила меня по плечу.

— Рагетта! Ты все-таки пришла!

— Никс... — протянула я.

— Я сейчас! — воскликнул он, не замечая совсем не восторженные выражения на наших с Круппом лицах. — Весь вечер бегал, в глотке пересохло. И есть хочу, как василиск после зимней спячки!

— Ты же говорил, что он раньше двенадцати не появляется, — прошипела я, едва чернак отошел.

— Не появлялся, — Крупп развел руками. — Может, та стервозная бабенка его таки уволила сегодня?

Я промолчала. Во-первых, с миской мясного рагу вернулся Никс. А во-вторых, уж я-то точно знала, что «стервозная бабенка» чернака не уволила и даже пока не собиралась.

— Ладно, братцы, — поднялся Крупп, — пойду я... переоденусь. Надо мне еще кой-куда сбегать. Увидимся.

Он ушел, а я осталась за столом, не находя причин тоже убраться. Мало того что Никс плюхнулся на лавку, зажав меня в углу, так еще и не хотелось мне уходить. Вот совсем не хотелось, и все. Не успело мое слегка пришибленное высочество задуматься над этим феноменом, как мимо прошел Крупп. Если он и переоделся, то в точную копию своего засаленного кожаного жилета. Даже пятна от вина находились на своих местах. Прощаясь, он пожал мне руку, незаметно оставив в ладони какой-то комочек. Я, не глядя, сунула записку, а это могла быть только записка, в карман и улыбнулась как раз расправившемуся с мясным рагу Никсу.

— Пойдем куда-нибудь? — предложил он, отодвигая миску.

— Куда?

— Хочу показать тебе один уголок.

Все мои подозрения взвились, как скаковой варан, слышавший боевой рог. Засада?

— Не беспокойся, — ободряюще улыбнулся чернак, неверно истолковав выражение моего лица. — Уроды вроде тех, благодаря которым мы с тобой познакомились, там не водятся — слишком близко к кварталу аристократов.

— И что нам там делать? — на остатках осторожности продолжала сомневаться я.

— Пойдем со мной и увидишь. Ну же, не бойся.

— Я боюсь?! — взвилось мое оскорбленное высочество, мигом забывая о чувстве самосохранения. — Я, если ты забыл, боевая магичка, между прочим!

— Согласна?

— Еще бы. Но если там будет скучно...

— Не будет, — уверенно мотнул головой Никс. — По пути только к Нисе заскочим.

— Хорошо, — сдалась я под напором дара убеждения ифитова чернака и собственного любопытства. — Только недолго. У меня сегодня не так много времени.

— Как скажешь, моя принцесса, — слегка поклонился он.

По дороге к булочной Нисы мы молчали. Никс загадочно улыбался, а я нервно гадала, случайно ли он назвал меня принцессой, или это часть той самой игры, о которой он говорил в прошлый раз.

В булочной мы задержались ровно на пять минут. Точнее, возле нее: Никс вошел, а я осталась ждать у ворот. Обрато он вернулся так быстро, что я даже не успела запустить слухача, чтобы узнать, зачем мы вообще сюда явились. А дальше все завертелось с безумной скоростью и совершенно не так, как я предполагала.

Начнем с того, что вместо темного закоулка Никс привел меня на главную площадь храмового города. Пока мое ошарашенное высочество озиралось, пытаясь придумать, какого ифита тут понадобилось чернаку и не решил ли он предложить мне помолиться перед смертью, вихрь слабо мерцающих искр оторвал мою зазевавшуюся тушку от мостовой. Я и пискнуть не успела, как обнаружила, что сижу на крутом скате алой крыши храма Рири, мертвой хваткой вцепившись в какое-то архитектурное излишество. Рядом устроился Никс, заботливо обнимая меня за плечи.

— Совсем забыл спросить: ты высоты не боишься?

— Не боюсь, — с трудом подавив пляшущие на кончике языка ругательства, отозвалась я и принялась один за другим отдирать непослушные пальцы от каких-то кованых завитушек.

— Смотри, как красиво, — повел рукой чернак.

— Где? — брякнула я: с крыши храма Рири открывался замечательный вид на... на парадный парк питругской резиденции правителя. Ифит пожги этого проклятого чернака, что за намеки?!

Я недоуменно проследила за его взглядом: ничего необычного, всего лишь очередной прием. Судя по тому, что всю эту суматоху развели именно в Питруге, а не в столице, принимают представителей какой-нибудь малой народности, вроде гномов или русалов. Хотя наставник что-то говорил про посольство троллей. Возможно, это именно они. Отсюда такие подробности не разберешь. Наверняка днем вся эта толпа приносила жертвы в каждом из храмов, как положено по протоколу. Немного раньше Па сказал одну из навязших в зубах речей о дружбе народов, дарованной нам Создателями. А теперь вся компания, минус Па и его приближенные, напивается за казенный счет. И если мы просидим на крыше до утра, то сможем полюбоваться, как служители собирают упившиеся туши по всему парку.

— Отсюда они похожи на разноцветных бабочек, — тихо проговорил Никс, рассматривая цветастую суету, ярко освещенную большими светляками. — Можно просто смотреть и не думать, какие сволочи большинство из них. Хочешь принять участие в веселье?

— Эмм... — в очередной раз оторопела я. — Что я там не видала?

— Да, — тепло улыбнулся чернак. — Я и забыл, что ты из благородных. Тебя, наверное, приводили посмотреть на такие сборища. Неудивительно, что моя идея не вызвала энтузиазма. Сомневаюсь, что на бастарду смотрели благосклоннее, чем на чернака. Но я предлагаю присоединиться немного по-другому. Без презрительных гримас всей этой братии. Пусть они послужат фоном нашему личному празднику. Смотри, что я прихватил!

Он достал из пакета, которым разжился в булочной, оплетенную соломой бутылку.

— Зд-здорово, — выдавила из себя я, увидев, как следом за стаканами появляются те самые медовые булочки.

— Я знал, что тебе понравится! Медовых булочек вкуснее, чем у Нисы, я еще не пробовал. А ты умеешь их печь?

— Нет, — буркнула я, принимая угощение.

— Ничего. Я попрошу Нису, она тебя научит. Всякая уважающая себя девушка должна уметь печь медовые булочки!

— Это что еще за... — возмущенно начала я, но Никс со смехом перебил.

— Шучу! — воскликнул он, поднимая руки. — Это Ниса так говорит. А мне все равно, умеешь ты их готовить или нет. Ты вообще можешь не приближаться к печи. В конце концов, я — бытовик не из последних, нас этому учат. Но, согласись, хорошо уметь делать такую вкуснятину. Не всегда же рядом окажемся Ниса или я.

— Зато пекарская печь размером с полдома, разумеется, постоянно под рукой, — съязвила я. — Что ж себя не побаловать, да?

Чернак расхохотался.

А мне было не до смеха. Мое старательно улыбающееся высочество судорожно искало подходящий момент, чтобы незаметно уронить ифитову булочку с крыши. Но, как назло, Никс не отводил от меня глаз, словно забыв, что приволок сюда новую подружку, дабы полюбоваться торжествами в парке правителя.

— Ты ешь, не экономь, — подбодрил он, заметив, что моя булочка не тронута. — У меня еще есть.

Укусить это? Ну уж нет, слишком хорошо мое брезгливое высочество помнило свою последнюю и единственную попытку попробовать простонародное лакомство. Я не отрывала глаз от чернака, надеясь, что тот отвернется. Но он по-своему понял мой взгляд. Мягко забрал у меня стакан и притянул к себе.

«Ну, что ж, если по-другому от мерзкого угощения не избавиться...» — обреченно подумала я, ногой аккуратно столкнув промасленный пакет вниз. Это была последняя связная мысль. А потом меня снова захлестнула сладкая нега, которую будил своими поцелуями Никс. Перед глазами закружился безумный хоровод из звезд, ярких одежд аристократов, танцующих

далеко внизу, и алых всполохов черепицы, на которой мы сидели. А теплые мягкие губы Никса нежно ласкали мою кожу, заставляя забыть, кто мы и где находимся.

Надо ли говорить, что в ректорский кабинет я вернулась гораздо позже, чем рассчитывала, уставшая, как тягловый варан, ничего не понимающая и безумно счастливая? Только перед сном я вспомнила о таинственной записке Круппа. Да и то лишь потому, что она вывалилась из кармана, когда мое витающее в розовых облаках высочество стало раздеваться. Насвистывая что-то веселенькое, я развернула смятый обрывок бумаги. Полугном расщедрился только на одну кривую строчку. Но, прочитав ее, я рухнула в кресло, как марионетка, которой в разгар танца вдруг обрезали все ниточки: «Вот как это понимать? Привет, реальность?!»

ГЛАВА 17

Без меня меня... продали?!

Поспать мне так и не удалось. Сон не шел, а в голове постоянно вертелись странная записка Круппа: «Прежде, чем связываться с чернаком, поговори со мной. Я дам больше». Вот как мне было это понимать? На ум приходили самые разные предположения: от совершенно невинных до откровенно безумных. И ни одно из них не казалось мне достаточно достоверным.

Хотелось немедленно отправиться в таверну и вытрясти из полугнома правду. Но я понимала, что уходить среди бела дня из Академии не лучшая идея. Да и сам наемник вряд ли сидит за кружкой вина круглые сутки. Не разыскивать же его по всему городу.

На явившегося по приглашению профессора Карны кандидата на место ассистента мое взбудораженное высочество едва взглянуло. Я бы и вовсе выставила его вон до лучших времен. Но сегодня после обеда боевиков ждали очередные практические занятия по зельеварению, и что-то подсказывало мне, что в таком состоянии моему мечущемуся от бешенства к меланхолии и обратно высочеству лучше не подходить к котлу.

Чернак, имя которого я забыла сразу же после того, как он представился, заметно удивился, на третьей минуте разговора получив в руки план занятий боевиков.

— Если к финальному гонгу мне не придется нестись сломя голову к вам на помощь, все, включая вас, останутся живы, а лаборатория цела, то на испытательный срок вы приняты, — заявила я. — Если же все вышеперечисленное не случится в ближайший месяц, бессрочный контракт — ваш. Дух-охранитель покажет вам ваши комнаты и лабораторию.

Мое раздраженное высочество нетерпеливо щелкнуло пальцами, и рядом с ошалевшим переселенцем появилась серая дымка, смутно напоминающая очертаниями человека.

— Что-то еще? — поторопила я, заметив, что чернак топчется на месте вместо того, чтобы уходить.

— Так просто? — неверяще выдохнул он. — Раньше меня о родственниках до седьмого колена и то расспросить не ленились!

— Кто работать собирается? Вы или ваши родственники? Меня интересуют только ваши профессиональные качества как преподавателя. Справитесь с боевиками — будете работать в Академии стихий. Точка.

Чернак молча поклонился и вышел за дверь. Я же недовольно фыркнула себе под нос: «О родственниках он мне рассказывать собрался! Идиот!»

Несмотря на нелестную характеристику, которой я проводила нового ассистента, до конца занятий меня так и не позвали в лабораторию. Мало того, под вечер мое окончательно вымотавшееся от бесполезных размышлений высочество имело удовольствие наблюдать из окна, как по аллеям парка прогуливается профессор Карна в сопровождении этого товарища. Я даже не поспешила на плетение, увеличивающее остроту зрения. Чернак возбужденно размахивал руками, что-то рассказывая, а сушенная вобла недоверчиво покачивала аккуратной прилизанной прической. Не иначе как меня обсуждали, сплетники.

Взглянув на часы, я решила, что мучиться от неизвестности дальше не имеет смысла. Занятия закончены. Закинув за спину парные мечи, я шагнула в портал. В кабинете остался призванный мной дух-охранитель. Он должен был сообщать возможным посетителям, что лерра ректор отправилась по неотложным делам и решение всех возникших вопросов переносится на утро.

Таверна, как всегда, встретила меня гулом и запахом кислого вина. Едва кивнув на пяток прозвучавших приветствий, мое отбросившее излишние политесы высочество прошагало прямо в угол, где сидел полугном, радостно махавший в мою сторону грязной лапицей.

— Ну! — рыкнула я вместо приветствия.

— Для начала могла бы и поздороваться, — ухмыльнулся Крупп.

— А я не уверена, что желаю тебе здоровья, — огрызнулась я.

— Ну вот... Я по мере сил пекусь о ее благополучии, а она...

Мое взбешенное высочество повело рукой, заставив осыпаться серой пылью глиняную кружку полугнома.

— Понял! — подскочил тот, уронив уцелевшую ручку. — Пошли наверх. Поговорим без лишних ушей.

Мы поднялись. Заметив краем глаза спешащего к нашему углу Адама, возмущенно размахивающего толстыми короткими ручками, я бросила на стол мелкую монету и пошла вслед за гномом.

Маленькая комнатка под самой крышей воняла перегаром и еще чем-то неуловимо знакомым, но от этого не менее противным. Крупп резво смахнул с колченогого стула гору грязных носков и прочего белья и затолкал ее ногой под кровать:

— Прошу прощения: уборка.

— Вонять от этого меньше не стало, — буркнула я, опираясь плечом о косяк. Садиться на поверхность, где еще секунду назад валялись гномовы подштанники, не хотелось.

— Вонять? — Крупп удивленно принюхался. — Ах, это!

Он подхватил тарелку с какими-то объедками и выставил в коридор:

— Адам, скотина, тухлые яйца на завтрак подсунул. А я эту неделю замotalся, все руки не доходили выбросить.

— Скажи лучше, забухался, — проворчало мое скривившееся высочество. Что-то в последнее время большинство моих неприятностей начинается именно с запаха тухлых яиц.

— Ну не без того, — хмыкнул полугном, развалившись на кровати.

— Ближе к делу!

— Вот это по-нашему! — неведомо чему обрадовался Крупп. — Тебе тридцать процентов.

— Тридцать процентов чего? — с притворной нежностью поинтересовалась я. — Тридцать процентов твоих долгов? Или тридцать процентов грязных тряпок под этим лежбищем? Так я не претендую.

— Золота, язва, — заржал полугном. — Золота! Три тысячи звонких блестящих желтеньких монеток. Аванс, так и быть, причислю к своей доле.

— Благодетель...

— Сорок, — повысил Крупп, — и заметь: никакого супружеского долга. Мне вообще девушки нравятся покрупнее. Типа матушки. Лет через десять разбежимся, мол, бесплодные. И все. Гуляй с кем хочешь. Зато четыре тыщонки в кармане. На тракте столько и за полвека не заработать!

— Ифитов наемник! — я зажгла на ладони огненный шар. — Тебя поджарить, чтоб ты нормально заговорил?!

— Да что ты бесишься?! — слегка забеспокоился полугном. — Согласен на пятьдесят! Все по-братски! Аванс только тоже из обеих долей вычтем!

— Аванс, который ты уже успел потратить? Какое щедрое предложение.

— Я тебе со своей доли отдам!

— Крупп... — я отлипла от косяка и остановилась прямо перед наемником. — Или ты мне сейчас подробно рассказываешь, кто и за что предложил тебе кучу денег, или деньги тебе больше не понадобятся.

— А, так вот ты о чем! — успокоился полугном. — А я-то решил, что ты еще больше долю хочешь! Нет тут никакого секрета, раз мы с тобой партнеры теперь...

— Об этом мы пока не договорились.

— Договоримся, — уверенно отмахнулся Крупп. — Как иначе, когда столько золота на кону?

- Рассказывай! — окончательно потеряло терпение мое взбешенное высочество.
- Родственнички твои подсуетились, — фыркнул наемник.
- Кто?! — опешила я.
- Ну кто именно, это тебе виднее. А я так понимаю, что либо папаша о старых грешках вспомнил, либо братец забеспокоился, что наследство на сторону пойдет.
- Мои вытаращенные глаза едва не вылезли из орбит: что за бред?!
- Ну чего пялишься? Знаю я, что ты бастарда. Сказал он мне. И чего? Да там, в зале, треть наемников такие же, только о них папаша забыли сразу после зачатия. А тебя вот отчего-то помнят. Может, у тебя и мамаша была из благородных?
- Угу, — ляпнула я, пытаюсь понять, как попала в этот театр абсурда.
- Тогда понятно. Никакой «подлой» крови в жилах. По закону можешь на наследство претендовать. Только это по закону. А по жизни, прибьют тебя, едва высунешься. Не любят аристократы наследство делить. Твои-то родственнички явно не из последних, раз таких денег не пожалели, чтоб проблему миром решить, — полугном задумчиво пожевал губами. — Убить стало бы дешевле. Намного.
- Убить не получилось.
- Значит, плохо старались. Любого можно убить.
- Крупп, тебе за что заплатили, скотина?! — снова обозлилась я.
- Чтоб я на тебе женился.
- Так... — забыв про брезгливость, я плюхнулась на колченогий стул.
- Имея в мужьях парня из подлого сословия, да еще и полукровку, ни на какое наследство ты претендовать не сможешь. От тебя пытаются тихо и вежливо откупиться, детка, — пояснил Крупп. — Мой тебе совет: берем деньги и уматываем в закат.
- Рассказывай подробно, — потребовало мое наконец зашевелившее извилинами высочество.
- Да нечего рассказывать, — пожал плечами полугном. — Пару недель назад подсел ко мне мужичок. Морду он под капюшоном прятал. Ну так здесь многие делают — ничего необычного. Только этот не из ночного народа был, и не из наемного тоже.
- С чего ты взял? — прищурилась я.
- Руки. Слишком чистые для ночного и слишком нежные для наемника. А на пальце кольцо с крупным бриллиантом — не для простых людей украшенице. В общем, он спросил, правда ли, что я с тобой знаком. Я подтвердил. Ты на тракте девушка не последняя. Тобой караванчики часто интересуются...
- Дальше, — мое не первый год топтавшее пыль высочество и без похвалы гнома знало о своей репутации у караванчиков.
- Он рассказал мне, что ты бастарда и семья очень хочет устроить твоё будущее. Мол, нехорошо, когда дитяtko, хоть и незаконное, шею под когти подставляет. А ты ж девушка самостоятельная и помощь от семейства принимать не хочешь, вот они с другой стороны и зашли. Я, понятное дело, тебе об этом рассказывать не должен, а просто почтового духа отправлю, когда дело выгорит. И денежку получить. Пятьдесят монет он мне задатком выдал. Наверняка всех перепелок в одну клеть не сажали — не один я такой... жених. Но я тебе больше всех отсыплю, не сомневайся!
- «Да... Не один ты, Крупп. Еще был мой сбежавший ассистент Кирри. Возможно, глупый студия Рус. Хотя этим вряд ли озвучили сказку о бесхозной бастарде. И Никс... — в груди шевельнулось что-то острое. — Он считает, что я бастарда. Но и принцессой ифитов чернак меня тоже называл! Так, стоп. О Никсе я подумаю в другой раз!»
- Чего молчишь? — забеспокоился полугном.
- Да вот думаю, тебя лично прибить или оставить это удовольствие своим родственничкам?

— Это как? — опешил полугном.

— Я не бастарда, — с кривой улыбкой отозвалось мое почти успокоившееся высочество. — И не безродная наемница. Вот тут тебя не обманули.

— А кто? — вытаращил глаза наемник.

— Если я тебе об этом скажу, придется действительно тебя убить. Как в эльфийском романе, — ухмыльнулась я. — Просто поверь. Женившись на мне, ты не дожил бы и до первой брачной ночи, продажная твоя шкура. Так что радуйся, что на подобную глупость я не способна. А теперь помолчи — мне надо подумать.

Главная загадка разрешилась: я узнала причину любовного поветрия, поразившего моих знакомых. Осталось найти виновника и примерно наказать. Несмотря на внешнее легкомыслие, своей честью мое безбашенное высочество всегда дорожило. А неизвестный покушался именно на честь. Принцесса, увлеченная полукровкой или чернаком... Такие фортели могла себе позволить Рагетта. И Па прекрасно о них знал. Целибата от своих детей он не требовал, закрывая глаза на мелкие грешки. И я, хоть и дочь, а не сын, исключением не была. Но царственный родитель не замечал мои кратковременные интрижки до тех пор, пока никому не приходило в голову, что нахальная наемница-магичка Рагетта и эксцентричная принцесса-зельевар Аленна — одна и та же девица.

А теперь представим, что такая связь стала достоянием общественности... Бррр... В лучшем случае меня выдадут замуж за послушного, мало-мальски подходящего для передачи королевского дара аристократа и ушлют в отдаленную провинцию без права отлучаться из семейного гнездышка и тюрьмы по совместительству. В худшем — по-тихому отлучат от рода, а недельку спустя на мою бедовую голову упадет кирпич. Разумеется, совершенно случайно.

«Кому же так сильно досаждало мое присутствие? — я потеряла нюющие виски. — Конкуренцы-наемники? Были у меня недоброжелатели, но для подобной многоходовки слишком тупые. Да и денег такими огромными суммами у них отродясь не водилось. Кто-то из них скорей уж попытался бы сунуть мне кинжал под ребро. Дворцовыми интригами я не интересовалась. Да и не знал никто во дворце о второй жизни принцессы Аленны. Хотя... Кое-кто все-таки знал!»

Я развернулась к Круппу, только сейчас заметив, что уже битый час расхаживаю по тесной комнатухе, а наемник с ногами забился на кровать, пытаясь сделать как можно незаметнее.

— Ты чего?

— У тебя руки горели! — прошептал Крупп.

— Это плетение такое, — с деланным равнодушием отмахнулась я. — Сосредоточиться помогает.

Полугном недоверчиво осмотрел мои пальцы, но, не найдя другого объяснения, вынужден был принять мое. «Вот так и попадают, забывшись, — отругала я себя. — Слава Создателям, суть королевского дара держится в секрете! А то бы Крупп моментально понял, кто перед ним тут вышагивает».

— Куда ты должен был отправить почтового духа? — спросила я, готовая услышать слово «столица». Именно там в последнее время обретался разлюбезный дядюшка Симеон, недовольный моим назначением на пост ректора, желающий вернуться в насиженное кресло к драгоценной невесте-черначке и, как и прочие мои ближайшие родственнички, прекрасно осведомленный о двойной жизни племянницы! Кроме того, кольцо с большим голубым брюликом он носил не снимая, сколько я его помнила, и мог банально забыть снять.

— На север. В провинцию Локхар, — спокойно ответил Крупп, не подозревая, что только что в хлам разбил все мои выкладки.

Упомянутая провинция находилась в самом дальнем от столицы конце Белого континента: полузабытый ифитов угол, о котором помнили только редкие караванщики, ходившие на северные плато троллей, сборщики налогов да королевские детки, которым географию страны в головы вбивали намертво. Кто ждал известий от купленных поклонничков? Кого дядюшка мог посвятить в свой подлый план?! Об этом стоило подумать в более спокойной обстановке.

— Забудь о сделке, — посоветовала я, выходя. — Тебе никто никогда ничего подобного не предлагал.

— Да уж понял, — проворчал Крупп мрачно. — А если он вернется?

— Ты его впервые видишь.

Полугном кивнул, и я, тут же забыв о нем, отправилась в Академию.

ГЛАВА 18

Каков учитель — таков и ученик. А ученица еще хуже

По пути к городскому порталу я отметала все мысли, сосредоточившись на переставлении ног. Слишком многое вокруг напоминало о Никсе и наших прогулках. Если бы кто-нибудь увидел меня на площади тогда, то решил бы, что у девицы серьезные проблемы со здоровьем: я шла вперед, а смотрела при этом влево. Объяснялся этот выверт просто. Мое оскорбленное в лучших чувствах высочество старательно не замечало алую громаду храма Рири. Наконец, серая дымка портала впустила меня в тихую прохладу ректорского кабинета.

А там всю... Нет, не орали. Там всю воняло! Для разнообразия смердело не тухлыми яйцами, а паленой шерстью. Да что за рок такой преследует мое невезучее высочество в последнее время?!

Я искоркой распахнула окна и огляделась в поисках источника отвратительного запаха. Долго разыскивать не пришлось: прямо посреди парты, заменявшей мой рабочий стол, красовалось здоровенное выжженное пятно. Присмотревшись, я узнала обломки артефакта связи, и тут же сообразила, что пахло не паленым. Пахло неприятностями, крупными неприятностями на одну царственную пятую точку. Рядом с выгоревшим пятном аккуратной пирамидкой лежали несколько слегка закопченных свитков с личными печатями моего дорого Па.

Не буду врать, руки, пока я раскрывала первое попавшееся послание, у меня подрагивали. Я ожидала чего угодно: от приказа отправляться под стражу до сообщения, что к королевскому роду мое бывшее высочество больше не принадлежит. Но Па только нетерпеливо требовал явиться пред его очи. Решив, что дожидаться еще одного послания было бы верхом глупости, потерявший терпение родитель вместо свитка вполне мог прислать стражу, я шагнула в портал.

Дворец гудел, как встревоженный улей. Прислуга и лизоблюды из свиты правителя носились как ужаленные, едва успевая кивнуть дочери своего сюзерена. Впрочем, кивали не все, а только те, от кого я не успевала увернуться. Остальные с выпученными глазами и перекошенными лицами проносились мимо.

— Явилась наконец?! — приветствовал меня Па. — По каким таким важным делам ты по ночам бродишь?

— Интересовалась безопасностью ночных улиц Питруга, — ляпнуло мое распахнувшееся высочество первое, что пришло в голову. Царственные брови ошарашенно поползли вверх.

— Даже знать не хочу, зачем тебе это понадобилось, — буркнул Па, совладав с самовольничающей мимикой. — Лучше скажи мне, где ты взяла это чудовище?!

— Мм...

«Чудовище? О ком он? О Круппе? Или о Никсе?!» — заметались в голове панические мысли.

— Не мычи! — снова начал заводиться царственный родитель. — Тебя разговаривать учили лучшие наставники Белого континента! Я, конечно, знал, что моя безголовая дочурка способна на многое! Но такое?!

— Эээ...

— Когда ты обрушила левое крыло дворца, лишь бы не выходить замуж, тебе, монстр ты безответственный, было уже за тридцать!

— Оу...

«А при чем тут это?!» — невольно возмущилась я, не рискуя, впрочем, облечь законное возмущение в слова.

— Ты членораздельно говорить способна?! — рявкнул, вконец обозлившись, Па. — Я, разумеется, слышал расхожую фразу, что каждый ученик должен стремиться превзойти своего учителя. Но не таким же способом, ифиты сожри вас обеих!

«Ученик? Обеих? Да что тут вообще происходит?!»

— Ты спрашиваешь, что тут происходит?! — зарычал правитель, нервным жестом сдвинув

мешающую корону на затылок, и я поняла, что случайно произнесла последнюю фразу вслух. — Твоя ученица тут происходит!

— Оли? — опешило мое окончательно запутавшееся высочество.

— Оли! Стояла себе правительская резиденция, ничего, кроме редкого косметического ремонта, не требуя, семь тысяч лет. Но нет! Кое-кому перемен хочется! Сначала моя драгоценная дочурка обрушила левое крыло, так, что его восстанавливали три года. А теперь ее достойная ученица развалила правое! Да так, что восстановлению оно и вовсе не подлежит! Чему ты ее учишь, засранка малолетняя?! Чем вам мой дворец не нравится?!

— Оли развалила правое крыло дворца? — тупо переспросила я.

— Да!

Тут чувство самосохранения на пару со здравым смыслом покинули мое недальновидное высочество. Потому что я плюхнулась на пустующий царский трон, ибо Па в процессе выволочки расхаживал по залу, и расхохоталась.

В дверь тихо постучали. Царственный родитель искоркой смахнул мое икающее от смеха высочество с трона и резво пристроился на законное место. Даже корону поправить не забыл.

На пороге появился парень из дворцовой охраны:

— Ваше величество, вы желали узнать, когда ученые закончат.

— И? — поторопил правитель.

— Они закончили.

— Спасибо, вы можете идти, — ровным тоном отозвался Па, но я заметила, как он на мигновение завел глаза к потолку. Стражник вышел, а царственный родитель покосился в мою сторону. — Видишь, какие кадры попадают. А тут еще ты изгаляешься.

— Что там за дела с учеными? — я поспешила перевести разговор на нейтральную тему.

— А вот сейчас и узнаем. Пошли.

Он открыл неприметную панель, и мы вошли в узкий каменный коридор. Па щелкнул пальцами, и под низким потолком засветились тусклые светлячки.

— О как, — я сделала вид, что впервые вижу этот потайной ход, но царственный родитель только насмешливо хмыкнул.

— Тут не только осветительные плетения стоят. Оповещающие тоже есть. Активные вы с Максианом замораживать научились отменно, а вот пассивные — не заметили. Тебе по пальцам перечислить, сколько раз ты тут шастала?

— Эмм... — смутилось мое пойманное на горячем высочество.

— Ладно. Не о вас, разгильдяях, сейчас речь, — усмехнулся Па. — А о твоей достойной ученице. Хотя и младшие братья вашей безответственной романтики нахвататься успели!

— Но что все-таки произошло? — рискнула спросить я.

— А, в общем, ничего неожиданного, если учесть, что без присмотра разгуливали твоя ученица и братья. У них была пауза перед вечерними занятиями. Они мирно гуляли в парке. И случайно обрушили правое крыло дворца. Слава Создателям, мы им уже лет десять не пользуемся и там никого не было.

— Да как так?!

— А вот это как раз самое интересное, — посерьезнел Па. — Шел Малый Совет. Тут грохот, окна вылетают, и туча пыли. Все щитами обвесились. Я, грешным делом, подумал, что чернаки как-то через океан прямо в столицу перебрались. Они в последнее время что-то воду мутят. В общем, пыль разогнали, смотрим — правого крыла как не бывало. Только гряда камня и фасадные стены торчат.

— Однако, — присвистнула я.

— Вот тебе и «однако». Стража побежала искать диверсантов и через пять минут привела: мол, диверсанты сами сдались. Твоя ученица и младшие принцы. И самое интересное, знаешь что? Они ее спинами закрывают: это мы виноваты. А она из-за них выскакивает: нет, я, но оно само.

Я невольно усмехнулась, услышав знакомое «оно само» в исполнении Па.

— Смеешься? А мне вот смеяться перехотелось, когда два моих сына в один голос заявили, что казнить твою Оли я не могу, потому что «он на ней женится».

— Кто? — опешило мое споткнувшееся на ровном месте высочество.

— Любой из твоих братьев, — покачал головой Па, стащив с головы постоянно задевающую низкий потолок корону, и сунул ее под мышку. — Они передрались прямо в зале Малого совета.

— Однако...

— Опять «однако», — проворчал царственный родитель. — Нахваталась от простонародья...

— А с Оли-то что?

— Ничего с твоей Оли. Мне только свары из-за девушки в семье и не хватало. Пришлось рассказать мальчикам раньше времени о королевском Даре. Вроде бы, поняли. Твоя ученица, конечно, из-за истинного наставничества теперь завидной невестой стала. Пожалуй, самой завидной после тебя. Больше-то девиц в семье правителя не водится. Но вряд ли она сможет пережить передачу Дара.

Я молчала. О том, что Оли, хоть и по незнанию, обменявшись со мной обетом, вошла в род, я уже знала. Почитала как-то на досуге толстую книгу о наставничестве, подsunутую папенькой. А вот о подходящих женихах для нее я как-то не задумывалась. Да и рано было об этом думать. Приблуде еще и четверти века нет. И королевский Дар... Вряд ли он передан вместе с капелькой крови. Тогда хотя бы один член нашего семейства за многие тысячелетия получит шанс создать семью по любви, а не по велению проклятого артефакта...

— Ну что примолкла? — прервал Па мои размышления. — Очень хочется верить, что ты сейчас осознаешь всю глубину своего падения и решаешь, как стать примерной принцессой и лучшим наставником Белого континента за всю его историю. Но что-то мне подсказывает, что твои мысли в лучшем случае просто витают очень далеко от моих проблем.

— Тоже мне, проблема, — фыркнула я. — Сам же говорил, семь тысяч лет нормального ремонта не было. Вот и результат. Оно бы само через год-другой развалилось. И без помощи детей...

— Ну конечно, — проворчал Па. — Кто бы сомневался, что тут ты проблемы не увидишь. Сама хороша. Но что ты скажешь на это?

С этими словами царственный родитель потянул за какой-то рычаг, и казавшаяся нерушимой стена со скрежетом отъехала в сторону. Только сейчас я сообразила, что даже не заметила, как мы свернули в незнакомый мне коридор, разительно отличавшийся от потайных ходов дворца. Оковы лохмотья паутины, истлевшие гобелены на стенах и толстый слой вездесущей пыли. «Оригинально, — успела подумать я, выбираясь вслед за родителем из узкого лаза. — Мое растяпистое высочество в очередной раз прохлопало ушами, или мне специально высочайшим решением отвели глаза?»

— Где это мы?

— В подвале под правым крылом, — буркнул Па, нахлобучив на голову пыльную корону.

Я окинула коротким взглядом обширный зал, скупо освещенный редкими светляками. Кстати, совершенно пустой, если не считать пыль и паутину.

— И зачем мы здесь?

— Вот за этим, — он указал на противоположную стену. Точнее, то, что недавно было стеной, а теперь представляло собой бесформенную грудку камня.

Разумеется, мое любопытное высочество тут же сунуло туда нос: большая, некогда, судя по обломкам артефактов, хорошая лаборатория зельевара, засыпанная ровным слоем мелкой

каменной крошки. У одного из столов сгрудились несколько мужчин в серых хламидах ученых. Кто-то из них заметил моего дорогого папочку и бросился навстречу, едва не сшибив меня с ног.

— Осторожнее, — поморщился Па. — Выяснили?

— С большой долей вероятности, — зачастил торопыга, — мы можем сказать, что существует несколько предположений, но одно из них более вероятно...

— Короче, — прервал правитель.

— Это оно само.

Я с трудом сдержала неуместный смех, рассмотрев, как перекосило венценосную физиономию. Впрочем, злобную гримасу углядело не только мое легкомысленное высочество. Шустрый ученый, мигом прекратив изображать светило околдовских наук наконец заговорил нормально.

— Сработало незарегистрированное плетение. Схему действия мы там набросали, но это не так интересно. Вот что оно защищало. Нестандартный артефакт. Ничего похожего никто не создавал. Принцип действия, как у водяного насоса, только для Силы. С дальностью мы пока не разобрались: большинство стабилизирующих кристаллов разрушено, но не более чем метров двадцать.

Он говорил и дальше, но, отчаявшись что-то понять в мешанине незнакомых терминов, я перестала слушать. Это пусть Па понимает. В конце концов, артефакщик — он, а не мое погрязшее в занудном зельеварении высочество. Общую суть я уловила: какой-то идиот устроил нелегальную артефакторию в подвале, за что и поплатился, когда сюда влезли детки. Кстати, надо будет выяснять, зачем они сюда влезли, и запретить Оли самовольно...

Задумавшись над формулировкой очередного запрета, я лениво обвела взглядом полуразрушенное помещение.

— А котлы зачем? — долетел до меня голос Па.

— Не знаю, ваше величество. Возможно, неизвестный мастер готовил какие-то зелья...

— Какие?

— Это не моя специализация, ваше величество. Я не зельевар, — заблеял ученый, окончательно растеряв солидность.

Я быстро попятилась к пролому, через который мы вошли. Или мое высочество совсем не знает дорогого родителя, или необходимого специалиста он найдет очень...

— Аленна! — прокатился под потрескавшимися сводами царственный рык.

«Эх, почти успела», — со вздохом я убрала ногу из пролома и подошла к Па.

— Как думаешь, что тут могли варить? — он окинул меня подозрительным взглядом и встал так, чтобы оказаться между мной и выходом.

— Зелья? — попыталась пошутить я.

— Какие?

— Да любые! — фыркнуло мое все еще надеющееся отбиться от внеочередного задания высочество. — Освежающий эликсир, например. Или зелье от насморка.

— Сразу в трех котлах? — скептически поморщился Па. — Выясни поточнее.

Я скривилась, но, осознав, что шансы удрать катастрофически стремятся к нулю, покорно пошла к котлам. К счастью, шкафы с ингредиентами не пострадали, и разобраться, что же такое намешано в засыпанных щебенкой чугунинах, сложности не представляло.

Ага... Это я так думала, когда, зевая, замешивала простейший разлагающий концентрат. Часа через два мое обозленное высочество начисто забыло, что уже почти сутки остается без сна. А к утру из моей гудящей головы вылетело и собственное имя.

— Ну как? — раздался смутно знакомый голос у меня за спиной, когда я, наконец, потушила

горелку под маленьким котелком, где вскипела точная копия уничтоженного завалом зелья.

— Гениально! — выдохнуло мое увлекшееся высочество, даже не обернувшись, любуясь перламутровыми переливами жидкости. — Раньше такое никому и в голову не приходило! Использовать связующую силу алекота одновременно с экстрактом клей-травы и ликосьена! Вытяжки из крови грабожника и...

— Аленна! — повысил голос Па.

Я подняла на него мутные глаза:

— А?

— Что это за зелье?

— Это... У него нет названия. Я никогда такого раньше не видела.

— Аленна, — царственный родитель заговорил нежно, словно с умственно отсталой, — скажи папочке, что делает это зелье с тем, кто его выпьет?

— Вряд ли его пьют. Разве что самоубийцы, — я тряхнула головой, кое-как приходя в себя, и присела на край стола. — Это жидкое белое железо.

— В смысле?! — опешил Па.

— Окуни в эту дрянь любой предмет, и он покроется тончайшей пленкой, которая не пропустит никакие проявления Силы. А некоторые составляющие позаботятся о том, чтобы сия пленочка не имела ни малейшего отверстия.

— И много его надо?

— Моего котелка хватит, чтоб превратить эту комнату в камеру из белого железа, — поежилось мое внезапно вспомнившее недавние ночные приключения высочество. Как раз сетью из такого неприятного материала меня и пытались спеленать ночные разбойники.

Па смерил тяжелым взглядом три здоровенных котла, которые я откопала, соскребая со стенок остатки зелья, и нервно дернул подбородком:

— Боевики чтоб тут дежурили неотлучно. Болтуны будут проводить дальнейшие научные изыскания в уютных каменоломнях на тролльем плато. Все ясно? — Один из научных громко икнул. Удовлетворившись таким ответом, царственный родитель снова повернулся ко мне. — Пошли.

Выбирались мы тем же запущенным низким коридором. Пару раз зубцы короны противно скрежетнули по каменному своду. Но Па, задумавшись, этого даже не заметил.

— А как-нибудь по-другому пройти нельзя? — рискнула нарушить тишину я, в очередной раз передернувшись от отвратительного скрежета.

— Есть вентиляционный лаз, которым пробрались дети, — хмыкнул правитель. — Если ты предпочитаешь передвигаться ползком...

— Да нет, — желание ползать по тесным шахтам прошло у меня еще лет тридцать назад вместе с юношескими прыщами. — И так сойдет. Только корону сними — поцарапаешь.

Па сунул неудобный головной убор под мышку, предварительно смахнув с главного брильянта собранную с потолка паутину.

— Всем-то эта жестянка покоя не дает, — проворчал он.

— А я не о короне беспокоилась, — огрызнулось мое невыспавшееся высочество. — Ты ею казенный потолок поцарапал.

— Потолок... — буркнул Па. — Не о потолке надо сейчас думать! Не о потолке!

Нотки пафоса, проскользнувшие в его голосе, как обычно, разбудили мое ехидство:

— Вот! Все так говорят и ремонт по семь тысяч лет не делают! А когда камни за шиворот посыплются — поздно будет думать!

— Уж лучше бы камни, — не принял шутку он и, остановившись, посмотрел мне в глаза. — Ты, я вижу, не понимаешь, чем это все пахнет.

— Пылью, — чихнула я, случайно сдув свисающие между нами лохмотья паутины прямо ему в лицо.

— Заговором! — рявкнул Па, отплевываясь.

— Да ну... — отмахнулось мое легкомысленное высочество. — Кто-то из прислуги возомнил себя великим зельеваром и устроил нелегальную лабораторию в пустом подвале. А у него случайно получился гениальный состав. Вспомни, как я сама камнежорку сварила, за которую мне потом ифитово звание прилепили?! Мне тогда всего пятнадцать было!

— Ты — королевская дочь, учившаяся зельеварению с детства! — отмахнулся Па. — Лучшие учителя вдавливали в твою упрямую голову свойства веществ и трав. А этот твой самоучка откуда взялся?! Где набрал недешевых, между прочим, ингредиентов? Еще и такого же гениального артефактора где-то нашел, да?

— Па! Это паранойя! — тоже повысила голос я. — Против чего заговариваться?! Кто?! Чушь это!

— Хорошо, если так, — правитель внезапно сник, опустив плечи, и снова зашагал по коридору, но уже медленно, едва не шаркая по загаженному каменному полу.

— Па? — позвало мое ошарашенное таким резким перепадом высочество.

— Дети влезли по вентиляционной шахте, — тихо заговорил он, не останавливаясь. — Охранное плетение, стоявшее там, должно было снести им головы, а вместо этого врезалось в стену. Тот, кто его поставил, сил не пожалел: тряхнуло знатно, сама видела, но не подумал о детях. Расчет строился на рост взрослого человека. Окажись малышня чуть повыше, и стало бы у меня на трех наследников меньше.

— Почему на трех? — не подумав, ляпнула я.

— А ты так и не прочитала книгу об ученичестве?! — моментально завелся Па.

— Я читала. Наверное, еще не дошла до...

— До ручки ты еще не дошла! — рявкнул царственный родитель. — Все остальные значимые вершины непредусмотрительности и глупости моя драгоценная дочь уже покорила! Истинное ученичество, дубина! Истинное! Оно потому так и зовется, что относится к истинным, нерасторжимым обетам, данным нам Создателями! Принимая наставничество, ты взяла на себя ответственность за жизнь этой девочки! Если она погибнет до совершеннолетия, то и ты отправишься в Бездну следом за ней!

Что-либо отвечать я не рискнула, и мы в молчании вернулись в малый кабинет. А там вовсе... Нет, это уже наваждение какое-то! Почему, если я куда-то возвращаюсь, там или воняет, как на скотобойне, или кто-то ломится в дверь, как глухой мастодонт?

— Проходной двор... — буркнул Па, снимая блокирующее плетение.

— Ваше... — буквально ввалившийся через внезапно распахнувшуюся дверь стражник недоуменно повел головой, увидев перед собой пустой трон. Па кашлянул.

Служивый маг развернулся на сто восемьдесят градусов:

— В-ваше... — задыхаясь начал он.

— Что за вопли?! — царственный родитель, как всегда, не вовремя включил «правителя». — Вы забыли, с кем разговариваете?!

«Зря он так, — успела подумать я, глядя, как посетитель опускается на одно колено, следуя регламенту внеочередного доклада царствующей персоне. — Ведь явно же что-то срочное...»

— Ваше величество, позвольте мне говорить.

— Вот, так-то лучше, — проворчал Па, поправляя корону, и медленно прошел к трону. Усевшись, он благосклонно кивнул. — Слушаю вас.

— Ваше величество. Лишь неусыпная тревога заставила меня нарушить ваши думы о благе государства, — нараспев заговорил служилый маг, и я моментально перестала его слышать.

Иммунитет к долгим заунывным речам мое нетерпеливое высочество выработало еще раньше, чем научилось толком говорить само. Сначала будут нудные восхваления мудрейшего венценосного слушателя, потом самоуничижительная тирада, и лишь после это рассказчик доберется до сути сообщения. Судя по тому, как быстро сориентировался посетитель, при дворе он находился не первое десятилетие и науку молоть языком в соответствии с нормами этикета постиг в совершенстве.

— Что?! — царственный рев вырвал меня из дремотного состояния, заставив, дико озираясь, подскочить на месте.

— Тридцать семь минут назад ваши младшие сыновья вошли под своды зала Создателей в сопровождении своей избранницы...

Сонливость в очередной раз покинула мое расслабившееся было высочество.

— Зачем, во имя Бездны, их туда пустили?! — зарычал Па.

— Кто я такой, чтобы становиться на пути принца? — склонил голову служивый-маг.

Но правитель уже и сам понял, что сморозил откровенную глупость. Дверь зала Создателей открывается сама, когда к ней подходит отпрыск королевского рода. Именно там стоит древний артефакт: две полусферы из неизвестного материала. Алая принимает ладони принца, белая — его избранницы. И если белая изменит цвет хотя бы на розовый, значит, девушка достаточно сильная и сможет передать королевский Дар потомкам. Но чаще всего сфера остается неизменной, и очередная неудачница в слезах уходит из зала, проклиная ненавистный артефакт. Знали бы все эти дуры, как проклинаем его мы. Королевский Дар... Благословение и проклятье рода правителя. В минуты опасности любой из нас, кроме, разве что, редких слабодарцев, может перекинуться в чудовищного огненного ифита, практически неуязвимого монстра. Отличный сюрприз для какого-нибудь убийцы, учитывая, что эта тайна не выходит за пределы семьи. Многие тысячелетия ни один переворот или заговор против семьи не увенчался успехом благодаря Дару. И проклятью. Никто из нас не может выбрать супруга по любви...

— Да что ж, ифиты тебя пожги, ты сразу не сказал?! — снова ввинтился в мои грустные мысли вопль царственного родителя, и я увидела, как Па бодрым аллюром несется к выходу.

— Что там случилось? — тихо спросила я служивого мага.

— Детки пришли в зал узнать, кто из них женится на вашей ученице, — едва заметно улыбнувшись, ответил он.

— Что?! — моментально проснулось мое замечтавшееся высочество. — Оли?!

— Да.

Выругавшись так, что у служилого мага глаза полезли на лоб, я понеслась следом за Па.

В зал Создателей мое взмыленное высочество влетело на две минуты позже, но застало лишь финал пьесы абсурда. Царственный родитель как раз держал в каждой руке по не менее царственному уху, зажав многострадальную корону между коленями. Оли стояла чуть дальше:

— Так мы же ничего не делали. Просто посмотрели. Даже не сломалось ничего, — успокоительно, как маленькому, объясняла она, отчего Па багровел прямо на глазах.

— С вами, юная лерра, позже пообщается ваша наставница, — кое-как сохраняя видимое спокойствие, проговорил взбешенный папаша. — А пока... Все трое марш отсюда! И упаси вас Создатели, если вы еще хоть что-нибудь натворите!

Передав притихших детишек на попечение стражи, Па внимательно осмотрел небольшой зал. Даже за постамент с артефактом зачем-то заглянул. С возрастающим удивлением я наблюдала за странными приготовлениями. А уж когда царственный родитель собственноручно запер толстую двустворчатую дверь, да еще и не пожалел блокирующее плетение для верности, мое полусонное высочество и вовсе перестало ориентироваться в мире. Этот проклятый день когда-нибудь закончится?!

— О нашем разговоре никто не должен знать, — тихо проговорил Па, усевшись прямо на

ступени постамента.

Ничего более подходящего для комфортного отдыха вокруг не наблюдалось, и я покорно пристроилась рядом на холодных камнях:

— Какие тайны... А можно, ты посвятишь меня в них, когда я хоть немного посплю?

Вопреки моим ожиданиям царственный родитель не обозлился. Даже голос не повысил, не говоря уже о том, чтобы вытолкать неупутевую дочь взащей, на что я, собственно, рассчитывала.

— Ты не понимаешь, — он покачал головой. — Впрочем, в этом есть и моя вина. Тебя никогда не учили всерьез искусству интриги на таком высоком уровне.

Я возмущенно вскинулась: «Ничего себе „не учили“! Да в моем плане занятий эта ифитова „Интрига“ через день стояла. И на любом другом предмете могли вернуть какой-нибудь сюрприз из этой области, чтобы мое заучившееся высочество не расслаблялось!»

Но Па не заметил мои ужимки. Все так же устало глядя прямо перед собой, он продолжал:

— Меня тоже можно понять. Кто бы мог подумать, что тебе это понадобится, да еще в подобной ситуации.

— Да о чем мы вообще? — не выдержала я. — Если об управлении Академией стихий, то там я прекрасно обхожусь без таких фундаментальных знаний.

— Да при чем тут Академия? — отмахнулся Па. — Там ты прекрасно справляешься. Я даже не ожидал. Пожалуй, слишком успешно. И это обходится казне не так уж дешево.

— Так в чем дело? — уточнило мое мысленно потирающее ручки высочество: план растрясти прижимистого правителя, похоже, действовал именно так, как задумано.

— Кто-то из твоих старших братьев устал ждать вот эту жестянку, — мрачно выдал Па, помахав у меня перед носом короной.

— В каком смысле? — опешила я.

— В последнее время то тут, то там происходят странные события. Внешне они никак не связаны между собой. Но общая картина тревожит меня уже давно. Суди сама. Неизвестно откуда выплывает странный культ о греховности силы. У него вроде бы нет проповедников, нет храмов... Но он ширится среди черни, как моровое поветрие! Почему — непонятно. Ведь большинство простолюдинов и сами владеют хотя бы слабой силой. Уже двенадцать лет Тайная канцелярия пытается разобраться, кто распространяет эту ересь, но безрезультатно.

— Да быть такого не может, — не поверила я.

— Я тоже так думал. Но, оказывается, вполне. Даже под сывороткой правды мы слышим только: «слыхал на рынке», «соседка рассказала» и прочее в том же духе. Единственное, что удалось выяснить: еретики ожидают прихода Безымянной. Но какого ифита ее должно принести в мир живых и почему пользоваться магическими силами грех — неизвестно! Но разве чернь будет задаваться такими вопросами? Нет. Просто нарастает глухое недовольство правительством: маги грешные правят, потому и неурожай случился, кладбище разупокоилось, и у бабки Марыськи перепелка бескрылая вылупилась.

— Оригинально, — ухмыльнулось мое позабавленное последней «виной» греховных мажиков высочество.

Но Па даже не улыбнулся:

— Еще оригинальнее поведение местных чернаков. Если лет двадцать назад большинство из них было благодарно Белому континенту за спасение от костра на родине, то теперь бродят слухи, что мы таким образом набираем себе чуть ли не рабов! А что детей, привезенных с Черного континента, полностью содержит казна, давая им возможность устроиться в новой жизни — это никому не интересно. Сколько у тебя чернаков в Академии? Никто из них не платит за обучение, да еще и стипендию получают. Да местные простолюдины о таком и мечтать не смеют. Но нет! «Нас используют! Нам позволяют работать только на черной работе! Не дают выбиться в люди!» Я, что ли, виноват в том, что способностей у них, как слез у ифита?! — царственный родитель совсем не аристократично сплюнул. — Организовали какую-то общину в предгорье. Мол, там живут наши потомки, которые магии не знают.

Государство в государстве!

— Так зачем было разрешать? — покачала головой я, вспомнив, как Ниса обмолвилась о такой общине.

— Можно подумать, они разрешение спрашивали, — буркнул Па. — Тайная канцелярия ушами прохлопала. Когда мне об этом... Непотребстве доложили, там уже почти пятьсот душ населения сидело. В основном молодежь и дети. Предлагаешь сжечь их вместе с домами?

— Ну... Так круто не стоит, — поежилось мое впечатлительное высочество, представив эту картину.

— А они ничего иного и не ожидали. Когда туда специальный чиновник приехал, позапирались в домах и оралы: «Жгите, убийцы!» Откуда такие мысли?!

— Много ли надо? — пожала плечами я. — Парочка истеричных идиотов, стадный инстинкт, и паника в действии.

— А слухи, что по моему приказу сожгли несколько тысяч переселенцев, тоже истерички распространяют? — невесело усмехнулся Па. — Причем сразу во всех концах континента...

— И все равно. Это неприятно, но на заговор не тянет.

— Только это, может быть, и не тянет. Но остальное. Внезапно зашевелились чернаки за океаном. Соглядатаи в один голос докладывают о приготовлениях к войне. Поселковые школы для простолюдинов приходят в упадок. Скоро и просто грамотных будет сложно отыскать. А одаренных так и вовсе давно уже никто, кроме наемников, не ищет. А уж чему там учат — полный мрак: проклятые буквы, чернаки в виде ифитов и прочее мракобесие. Я после того, как с твоей ученицей поговорил, поинтересовался. Это не единичный случай. Почти везде так.

Правитель зло стукнул короной по каменной ступени, на которой сидел.

— То есть некто, успешно оставаясь в тени, разжигает вражду между переселенцами и простолюдинами, — медленно проговорила я.

— Да. При этом из чернаков, похоже, собираются сделать маленькую, но очень злую личную армию.

— Очень злую и очень бесполезную, — хохотнуло мое развеселившееся высочество. — Да этих недомагиков любой боевой маг сотню раскидает и даже резерв не особо потревожит.

— А с твоим зельем белого железа? — мрачно уточнил Па, и я осеклась. — Вот-вот. Мы слишком привыкли полагаться на магию. А если наша магия окажется недейственной?

— Ну... боевики и холодным оружием неплохо владеют, в отличие от чернаков, — неуверенно возразила я: не больно-то помогли мне мечи в схожей ситуации.

— Я сказал «наша магия». А что, если у заговорщиков с магией будет все в порядке?

— У чернаков? Это невозможно.

— Тот артефакт, который мы нашли сегодня благодаря детям. Он способен отобрать Силу у одного магика и передать другому. Донор, скорее всего, умрет, но вряд ли заговорщиков это беспокоит.

— Кто?

— В разгромленной лаборатории мы нашли люк в потолке и остатки незарегистрированной порталной арки, — тихо сказал Па. — Вспомни, чьи покои над этим подвалом.

— Да там уже лет десять никто не живет, — махнула рукой я. — С тех пор как Алек окончательно сбрендил и...

— Вот именно.

— Нет, — я замотала головой. — Алексан, конечно, засранец, но заговор — это перебор! И кто бы ему такой артефакт собрал?! Еще зелье — ладно, поверю. Там много Силы не надо. Но артефакт...

— Максиан всегда радовал учителей по артефакторике.

— Макса?! А ему это зачем?! Он же и так государь-наследник!

— Возможно, он устал ждать. — Па отпихнул корону в сторону. — Бывали в нашей истории подобные прецеденты. Ведь только от ближайших родственников Королевский Дар — плохая защита. А в том подвале нашли его рабочую одежду.

— Ага, конечно! — обозлилась я. — А зелье, может, я сварила?! Тоже чего-нибудь жду?!

— Нет. Зелье сварила не ты. Уж прости, но я не мог оставить тебя на новой должности без присмотра. Поэтому мне постоянно докладывали о твоих действиях. В последнее время ты не отлучалась надолго из Академии и не покидала храмовый город. На заговоры у тебя просто не было времени.

— Ну спасибо за доверие, — ернически поклонилось мое оскорбленное слезкой высочество.

— Не за что, — Па не обратил на язвительный тон никакого внимания.

— А у Максы, значит, времени на заговоры хватает?!

— Зря злишься. Можно подумать, мне нравится мысль, что мои сыновья планируют переворот. Но ничего «не заметить» я не могу. Создатели не благоволят узурпаторам. Ни одно из таких правлений не было ни долгим, ни счастливым. Самые крупные моровые поветрия и природные катастрофы как раз происходили именно в такие годы. Максиан сейчас с посольством троллей в храмовом городе. Когда он вернется, ему придется поговорить со мной под сывороткой правды. Если же он не вернется... Тогда и необходимости в разговоре не будет, — царственный родитель устало сгорбился.

Сейчас он выглядел глубоким, уставшим от жизни стариком. Мое возмущение и решимость немедленно рассказать о бредовых подозрениях брату таяли прямо на глазах.

— В общем, ситуацию ты теперь знаешь. В случае чего будешь действовать по обстоятельствам, — снова заговорил Па. — Что касается твоей ученицы...

— С Оли я сама разберусь.

— Да дослушай ты! Девочку мы поселим в твоих бывших покоях, как только ты уберешь оттуда пакостные следы своего увлечения монстрами. Учиться она будет с твоими братьями. Все равно у тебя нет времени разъяснить ей тонкости этикета или грамматики.

— Я думала отправлять ее на лекции начальных курсов переселенцев.

— Глупости! — отмахнулся Па. — Там все в слишком сокращенном виде. Для будущей принцессы этого совершенно недостаточно.

— Какой еще принцессы? — вытаращилось мое в очередной раз потерявшее нить разговора высочество.

— Мальчики возжелали на ней жениться. Возможно, в будущем кто-то из них это и сделает.

— Не говоря уже о мутном происхождении... Но, судя по их разочарованным лицам, когда они отсюда выходили, Оли не годится в жены ни одному из них, — непонимающе замотала головой я.

— Я застал последнюю «проверку» — хмыкнул Па. — Действительно. Подходит слабо. Артефакт едва порозовел... Только не Оли мальчишкам. А они ей...

— В смысле? — тупо переспросила я.

— Детишки перепутали сферы. Оли сунула руки на сторону королевского рода, и ничего не изменилось.

— И что?

— Когда ты уже начнешь интересоваться особенностями собственного рода, — вздохнул Па.

Нахлобучив изрядно поцарапанную корону, он поднялся на ноги и искоркой распахнул дверь. Статный стражник, повинувшись царственному жесту, вошел в зал.

— Там на алой сфере какое-то пятно. Сотрите его, — приказал Па.

Если служилого мага и удивил странный приказ, то он ничем этого не показал и спокойно провел ладонью по сфере, которая тут же посерела под его пальцами.

— Чисто.

— Благодарю, — едва заметно кивнул правитель и многозначительно посмотрел на меня.

Поняв по моему ошарашенному лицу, что демонстрация ни о чем мне не говорит, он покачал головой:

— Закончим разговор в кабинете.

Я не стала спорить и пошла за ним, судорожно размышляя, как спасти приبلуду, если она умудрилась как-то сломать главную реликвию Белого континента.

В полном молчании мы вернулись в рабочий кабинет Па. Разогнав уже собравшуюся перед дверью толпу придворных одним движением бровей, царственный родитель кивнул на кресло.

— Очень хочется надеяться, что тупость, каковую ты сейчас проявляешь, результат бессонной ночи, а не врожденное качество, — проворчал он, сунув корону в ящик стола. — Так и не поняла?

Я помотала головой.

— Артефакт не изменил цвет.

— Обет наставничества, — пожала плечами я. — Сам же говорил, что Оли теперь член королевского рода.

— Артефакт оценивает не принадлежность к роду правителя. А силу королевского Дара. И, судя по тому, что под руками моих сыновей вторая сфера едва изменила цвет, он считает, что они слабоваты для Дара твоей ученицы. У Максиана королевский Дар проявился гораздо сильнее, чем у братьев. С первенцами такое часто бывает. Я уже почти отчаялся найти для него супругу, и тут такой подарок Создателей. Так что, возможно, Оли — будущая жена государя-наследника. Но даже если ему жена, ввиду нынешней ситуации, и не понадобится, я все равно не могу отпустить в никуда девочку с такой способностью.

— Но откуда у простой крестьянской сироты королевский Дар?! — наконец обрела способность говорить я.

— Откуда мне знать. Возможно, шутка Создателей — ответ на мои молитвы. Возможно, не такая уж простая сиротка тебе встретилась. Мы обязательно в этом разберемся. Но сначала — заговор. Гонца к Александру в его Создателями проклятый Локхар я уже послал...

— Куда? — смутно знакомое название пинком вышибло меня из хоровода мыслей о странностях Оли.

— В Локхар. Он уже давно не отвечает по кристаллу связи. Ему, видите ли, религиозные убеждения не позволяют, — раздраженно проворчал Па. — Похоже, скоро выяснится, что это за убеждения такие...

Он еще долго бормотал себе под нос, костеря еретические культы и зарвавшихся детей, но я его уже не слышала. Только теперь у моего глупого высочества открылись глаза. Все свои беды я, не задумываясь, приписала дядюшке, помня о его желании вернуться в академию. И совершенно забыла о том, кто откровенно ненавидел меня с самого детства. Вот кто ждал в Локхаре известий от подкупленных поклонников — драгоценный братец Алексан!

ГЛАВА 19

Противодействие заговорам в теории

Действие последней проглоченной порции Бодрящего зелья закончилось в тот момент, когда я, оставив Па ворчать в одиночестве, вышла в пустынный коридор подземного яруса дворца. Тело моментально отказалось выполнять мои требования: глаза закрывались сами собой, ноги заплетались, выписывая невообразимые кренделя. Остатками стремительно скользящего в пучину сна сознания я понимала, что свалиться посреди коридора — не лучшая идея, и упрямо тащила себя вперед. Но единственное, на что меняхватило после сумасшедшего дня, это доползти до первой попавшейся комнаты, в которой нашлась запирающаяся изнутри дверь. Там я попросту рухнула на что-то достаточно длинное, чтобхватило места вытянуть ноги, и отрубилась.

— А может, не надо? — чей-то тихий шепот отразился многократным эхом. — До... До... До...

— Так ждут ее давно, — с сомнением возразил другой голос. — Но... Но... Но...

— Ну так и скажем им, где искать. Делов-то. То... То...

— Боишься, да? Да... Да...

— Нет! — возмущенно возразил первый.

Какофония шелестящих «да-нет» заставила меня проснуться окончательно. Я попыталась потянуться и чувствительно приложилась одновременно обоими локтями обо что-то твердое. Зашипев от боли, мое недовольное высочество резко село на своем неудобном ложе и, наконец, продрало припухшие со сна глаза. И чуть не заорало от ужаса.

Как меня занесло в эту тесную комнатку, сильно смахивающую на тюремную камеру?! Стены из массивного, грубо отесанного камня. Ни одного даже самого маленького окна. А из мебели только узкая жесткая лежанка, где я, собственно, и сидела. Опустив глаза, мое перепуганное высочество нервно захихикало. Неудобная кровать оказалась... гробом!

Чувствуя, как подступает настоящая паника, я резво выскочила из проклятого ящика и чуть не упала, запнувшись о прислоненную к нему крышку. «Только гвоздей не хватает, — мелькнула в голове идиотская мысль, — и можно хоронить!»

— А, ну все, — снова раздался откуда-то сверху бестелесный, искаженный эхом голос.

Я завертела чумной со сна головой, только сейчас заметив четыре высокие неподвижные фигуры по углам. Скучный свет слабенького магического светляка под потолком выхватывал из тени только силуэты. Но и их хватало, чтобы почувствовать невольное уважение. Да я любому из них в прыжку пояса носом ткнусь. Да и то, если на цыпочки встану! Тролли?!

— Что вам надо?! — рявкнула я и активировала щит, вовремя вспомнив, что как-никак боевой маг и способна за себя постоять.

— Тебя уже там обыскались, Аленна, — с готовностью отозвался призрачный голос, идущий, казалось, со всех сторон сразу.

— Где это «там»? — уточнила я, не понимая, кто из присутствующих со мной заговорил.

— Наверху, — отозвался невидимый собеседник.

— Там? — мое ошалевшее высочество ткнуло пальцем в сторону потолка.

— Ну да.

— А вы кто?

— А что, не узнала? — вдруг развеселился невидимка. — Создатели мы!

— Создатели? — опешила я.

«Голос из ниоткуда... Четыре фигуры... Четыре Создателя... — тяжело заворочались мысли в гудящей голове. — Когда же я умереть-то успела?»

— Молчи! Нашел, где Создателем представиться! — воскликнул высокий девичий голосок. —

Тут же алтарь Безымянной. А ну как она услышит?!

«Создательница Рири? Или Идда?! — судорожно думала я, но какие-то знакомые нотки в бесплотных голосах мешали мне окончательно поверить в собственную смерть. — И какой еще, к ифитовой матери, „алтарь Безымянной“ они поминают? У хозяйки Бездны нет ни храмов, ни алтарей. Разве что простонародье так называет погребальные подесты знати. Погребальные подесты...»

Последняя мысль обожгла не хуже плети, и я шарахнулась от гроба, на который оперлась в задумчивости: «Неужели я таки умудрилась умереть и не заметить как?! Более приличной смерти для дочери правителя у Создателей, Безымянную им в печенку, не нашлось?!»

В ответ за крамольные мысли на мою бедовую голову свалился мелкий камушек и, отскочив от щита, упал под ноги. «Это предупреждение такое?» — чуть было не ляпнула я, но не успела.

— Ой! Оно само! — донеслось сверху.

— Оли?! — заорала я, не зная, смеяться мне или беситься.

— Ага. Мы тут. Только оно само...

— Само, само, — таки расхохоталась я, убирая щит. — Где это мы?

— Мы — у слухового окошка. А вы зачем-то на алтарь Безымянной спать легли. Вас там, наверху, уже несколько часов ищут.

— А ты-то как меня нашла? — поинтересовалась я.

— В книжке вашей прочитала, как наставники учеников...

— Ладно, об этом потом. С тобой, я так понимаю, братишки мои ненаглядные, которым, как и тебе, Па, то есть правитель, велел вести себя пайньками? Быстро возвращайтесь обратно, пока еще вас не потеряли!

— Зануда! — заворчал кто-то из братьев, и я даже удивилась, что не узнала его сразу. — Мы ее спасаем, а она...

Мне на голову снова посыпались камушки. Прикрываясь руками, я отскочила в сторону — щита-то уже не было, и досталось мне чувствительно.

— Полегче, спасатели!

— Ну ее! Пошли отсюда, — обиделся второй братец, и новая порция камешков забарабанила по полу.

Камнепад прекратился. Чуть позже стихли и гулкие шаги. Не дождавшись ответа на тихий отклик, я убедилась, что детишки действительно ушли, и смачно, хоть и приглушенно, выругалась. Это ж надо было уснуть в покойницкой!

Я плюнула в сторону гроба, долженствующего напоминать действующему правителю о мимолетности земной жизни, и вышла в пустынный коридор нижнего яруса. Объясняться с Па и рассказывать, где мое блудное высочество соизволило выспаться, не хотелось совершенно, но и доказывать чуть позже непричастность к заговору тоже не улыбалось. Выбрав золотую середину, я отправила к коронованному родителю духа-охранителя с сообщением, что отдохнула, а теперь возвращаюсь на рабочее место, и активировала портал-ключ ректорских покоев.

«Как все-таки хорошо работают мозги, когда им позволить выспаться», — ехидно прокомментировал внутренний голос.

В очередной раз ругнувшись, я плюхнулась за обгоревшую парту, сообщила духам о своем возвращении и приказала принести поздний обед. Неумение четко формулировать приказы и просчитывать свои действия чуть дальше, чем на три минуты вперед, в очередной раз сыграло с моим невезучим высочеством дурную шутку. И даже не одну.

Обед мне доставили из столовой Академии: тарелку мутной водички с одиноким кусочком мяса какой-то птицы. Именно птицы — звери обычно перьями не покрыты. При виде такого изобилия мое миглом забывшее про жгучий голод высочество решило ограничиться десертом и заглянуло под салфетку. Но, кроме ложки, там ничего не нашлось. Десерт явился несколько

минут спустя, окончательно испортив мне аппетит на ближайшие часы:

— Лерра ректор! — в кабинете появилась профессор Карна. — С возвращением!

— Благодарю, — криво улыбнувшись, я щелкнула пальцами, убирая нетронутую тарелку.

Карна проводила взглядом уплывшую посудину:

— Ваш запрет на доставку обедов из города меня приятно удивил. Наконец-то бедные ребята-переселенцы перестали чувствовать себя изгоями в столовой. Теперь всем приходится есть одно и то же. Но отпрыски благородных семейств, разумеется, недовольны.

— В ближайшее время разберусь и с кухней, — вынуждена была ответить я. Подобный побочный эффект отмены «групп обеспечения» мое замороченное странными нововведениями высочество не предусмотрело. — А пока желающие могут питаться по вечерам в городе, если их что-то не устраивает.

— Всецело вас поддерживаю! — воскликнула она, заставив меня неверяще сморгнуть: Карна, и поддерживает мои начинания?! В горах передохли все тролли?! — У вас ко мне какие-то вопросы?

— Нет, — недоуменно покачала головой я, не понимая, откуда такая предупредительность.

— Слава Создателям! — выдохнула посетительница, окончательно загнав меня в ступор: что вообще происходит?!

— В каком смысле?

— Ах нет, — Карна заметно смутилась и отвела взгляд. — Просто к слову пришлось. Я вот по какому вопросу.

На столе передо мной оказался увесистый свиток.

— Что это?

— Доклад по поводу необходимости ремонта в общежитии переселенцев, — гордо вздернула подбородок профессор.

Припомнив убористый бисерный почерк профессорши и оценив объемы свитка, я не рискнула тронуть удерживающее плетение:

— Хорошо. Просмотрю в ближайшее время.

— Я вам больше не нужна?

«Что это? Карна мне поклонилась? Действительно, нормально поклонилась? В горах сдохло что-то гораздо более вонючее, чем тролли. Хоть я и не представляю, что бы это могло быть», — мое потерявшее дар речи высочество смогло только кивнуть.

Профессор Карна с заметным облегчением на худосочной физиономии наконец убралась восвояси.

«Ну, и что это было?» — совершенно не аристократично почесала в затылке я. Но на захлопнувшейся створке двери, на которую пялилось мое оторопевшее высочество, ответа не наблюдалось. Пришлось оставить странное поведение профессора истории на ее совести и приниматься за ежедневную рутину.

Рутины хватало: свитки почты и учебных планов завалили большую часть стола. Но сосредоточиться на работе не удавалось. В голове роился хаос разрозненных мыслей. Поймав себя на том, что в пятый раз перечитываю короткое письмо и никак не могу понять, что от меня хотят, я отодвинула бумаги.

Заговор... Что я знала о заговорах? Да ничего. Официальная история, которую мне преподавали наставники во дворце, а потом и в Академии, сообщала лишь о редких попытках переворота, организованных зарвавшейся знатью. Разумеется, все они потерпели громкое фиаско, виновные понесли заслуженное наказание, справедливость восторжествовала... Все по законам патриотизма и верноподданнических настроений. А вот о существовании нетерпеливых наследников среди своих предков я впервые услышала от Па несколько часов назад. И, судя по тому, с какой горечью он говорил о последствиях, эти как раз увенчались

успехом. Ну по крайней мере в той их части, которая касалась захвата короны. Но чтобы чем-то подобным занялся Макса?! Бред!

Не усидев на месте, я вскочила и заметалась по комнате: «Макса — заговорщик? Да он о том, что однажды придется принять корону, думает исключительно с ужасом. Как Па вообще мог себе подобное вообразить?!»

Суматошные мысли налетали одна на другую, путались, сплетаясь в совсем уж невнятный клубок. Наконец, вдоволь набегавшись по кабинету, мое ошалевшее высочество запнулось о край истоптанного на пять лет вперед ковра и едва не растянулось на полу. Это слегка привело меня в чувство, и я снова обрела способность нормально мыслить.

Но первая попытка внести ясность провалилась еще на старте: от моего кристалла связи, после проявления родительской нетерпеливости, осталось только выжженное пятно на столешнице. Глухо выругавшись, как же не вовремя проклятая безделушка приказала долго жить, я снова задумалась: «Что бы ни вообразил себе Па, а Макса точно никакой не заговорщик. Все это происки проклятого Алека. Только его извращенный ум мог родить такую подлую комбинацию. И главное, туда прекрасно вписывалось и то, что пытались повернуть со мной. Точнее, в моем случае все было гораздо проще. Долго ли натянуть на морду капюшон и покрутить перед носом у Круппа перстнем, похожим на дядюшкин? Наверняка хитроштаный братец и остальным купленным женишкам, пока всякие сказки рассказывал, приметное колечко настойчиво демонстрировал. И ведь как хитро придумал, паскудник. Даже если кто-то из них вдруг расскажет мне о подоплеке своей внезапно вспыхнувшей страсти, обвинять-то я буду все равно бывшего ректора. Как, собственно, и получилось, когда разговорился Крупп».

Придя к такому выводу, мое обозленное высочество решительно потянуло к себе ремни парных мечей: «Это ты папочке нашему коронованному будешь заговорщиков подсовывать. У него профдеформация цветет буйным цветом, с ним это может прокатить. А со мной, братишка-врунишка, номер не пройдет! И с Максой тоже! Очень кстати, что государь-наследник сейчас общается с посольством троллей в Питруге, — не придется возвращаться в столицу».

С такими мыслями я шагнула в портал. Благо доступ у меня, как у королевской дочери, был ко всем порталным аркам Белого континента, кроме, разве что, незарегистрированных. Но в Малом дворце — Питругской резиденции правителя царила тишина. Ни суетливых слуг, ни бродящих или хотя бы храпящих в коридорах вечно пьяных троллей, никого... Словно перепелки склевали и свиту принца, и горное посольство.

Призвав местного духа-охранителя и в очередной раз пожалев, что эти создания не могут разговаривать, я приказала отвести себя к управляющему.

Пожилой магик в ночном халате и колпаке перепугался до полусмерти, узрев возле своей кровати девицу в боевом доспехе с мечами за спиной. Сообразив, что в очередной раз упустила из виду такую малость, как время отхода ко сну законопослушных граждан, я кое-как успокоила бедолагу.

Уразумев, что к нему явилась не убийца, а всего лишь дочь правителя, он немного успокоился, зато начал заикаться:

— Чем могу служить, в-ваше высочество?

— Где мой брат?

— Его высочество г-государь-наследник изволит ох-охотиться с лерами из посольства.

— Где?

— Там же, где и всегда. В Зеленой за-заимке.

— Спасибо, — кивнула я, одновременно стряхивая с ногтя маленькую искорку сонного плетения.

Магик плюхнулся на кровать, откуда его так бесцеремонно выдернули всего несколько минут назад, и захрапел. Хорошая штука эти сонные плетения, помогают избежать неудобных вопросов. Впрочем, именно это плетение я слегка усовершенствовала еще в бытность свою студиозой. Теперь управляющий проснется утром в твердой уверенности, что мое посещение ему приснилось. Конечно, любой менталист исправит эту неточность за пару секунд. Но для этого необходимо присутствие самого менталиста, а привычку проверять свои сны на

достоверность обычные магии пока не завели. Пусть лучше грешит на ночные кошмары. Ну не нужно мне сейчас, чтобы Па узнал, как дочурка в очередной раз наплевала на его запреты. Еще меня в заговорщики запишет сгоряча.

Обезопасившись таким образом от последствий возможного служебного рвения, я спокойно вернулась в порталный зал, а оттуда на главную площадь. Общественные загоны, где квартировал мой ездовой ящер, пока хозяйка кисла в ненавистной академии, размещались на окраине. Туда я и побежала, прикинув, что успею добраться до Зеленой заимки, переговорить с братом и к утру вернуться в ректорское кресло. Конечно, мне опять придется наглотаться бодрящего зелья, чтобы не заснуть прямо на лекции у боевиков, но зато никто не заметит моего отсутствия, значит, и Па о нем не доложат. А Макса узнает о подлых интригах нашего негодного родственничка и подготовится к разговору с правителем. Да и в какую-нибудь ловушку не попадет. Мне что-то настойчиво подсказывало, что только одеждой государя-наследника в качестве доказательства его участия мерзавец Алек не ограничится. Но теперь Макса сможет защититься. Как говорится, кто предупрежден — тот вооружен.

ГЛАВА 20

Противодействие заговорам на практике

План был безупречен. Подкачалось, как всегда, исполнение. Впрочем, а когда у моего безголового высочества получалось по-другому?

Увлечшись размышлениями о высоком, я порысила к загонам, совершенно упустив из виду, что кратчайшая дорога туда проходит мимо Главных ворот Академии стихий. Кроме нее существовал еще как минимум десяток обходных, длиннее на сотню метров, зато в разы безопаснее для моего склерозного высочества. Уточнить, какой путь я выбрала, думаю, излишне. И дошло до меня, чем грозит чрезмерная торопливость, только когда над ухом громыхнул знакомый голос:

— Рагетта! — сильные руки подхватили мою царственную тушку и непочтительно закружили посреди улицы. — Слава Создателям, ты нашлась!

— Никс... — обреченно выдохнула я. — И ведь не хотела же отношения выяснять...

— Что выяснять? — насторожился чернак, мигом вернув меня на мостовую. — Ты о чем, принцесса?

— Судя по твоей последней фразе, ты прекрасно понимаешь «о чем», — фыркнула я, поправляя перекосившиеся ремни.

— Не понимаю, — покачал головой он.

В темных глазах чернака было столько искреннего недоумения, что я бы поаплодировала его актерскому таланту, если бы не желание расквасить лживую физиономию. Огненный сгусток возник в ладони сам собой, я даже не успела понять, когда завязала плетение.

— Все ты понимаешь! Легких денег захотел? Не ты один. Вполне логичное желание. Только не за мой счет! Ясно тебе?!

Последние слова я прошипела ему в лицо, невероятным усилием воли заставив себя скомкать готовое сорваться с пальцев плетение. В конце улицы появилась шумная компания студиозов — вечерние гуляки возвращались в альма-матер.

— Рагетта? Что случилось? — Никс схватил меня за руку, не позволяя уйти.

— А что могло случиться между мной и тобой?! Разве между нами может быть хоть что-то общее?!

— Вспомнила, кто я? — его глаза заледенели.

— Узнала, кто ты, — рыкнула я, наконец вырвав свои пальцы из железной хватки переселенца.

— И кто же? — холодно отозвался он, продолжая сверлить мое обозленное высочество пристальным взглядом.

— Продажная шкура!

Чернак отшатнулся, будто его ударили, но мне было не до оскорбленного чернакского самолюбия. Я развернулась на каблуках и, слегка наклонив голову, чтобы не привлекать внимания приблизившейся компании развеселых студиозов, отправилась в сторону загонов. Никс, вынужденный проверять допуски, за мной броситься не смог. Впрочем, уверенности, что никуда он не бросится, мне было не занимать. Я ясно дала понять, что знаю о его афере, а значит, ловить ловкому переселенцу было нечего.

Казалось бы — самое время выбросить негодя из головы и заняться семейными проблемами. Но вместо этого мое взбешенное высочество всю дорогу выдумывало нелестные эпитеты для наглого чернака. Только в загонах, когда ко мне подвели моего ящера, я кое-как вернула мысли в нужное русло: «Надо предупредить Макс. Это гораздо важнее всяких там горе-любовников!»

Решение было здоровое, правильное... Только отчего же так тупо саднило где-то в груди, пока я раз за разом повторяла эти слова, выезжая из города?

Скаковой варан, сразу от городских ворот взяв хороший темп, мерно взрывал когтями

утоптанную тысячами ног дорогу. Дождей давно не было, и каждый прыжок ящера поднимал тучу пыли. Но кашлять и чихать было некому. Северные ворота не пользовались популярностью. Торговые телеги тут не пропускали, а редких паломников и одиноких всадников в такой поздний час не нашлось.

Так никого и не встретив по дороге, я за полтора часа добралась до Зеленой заимки. И, не сдержавшись, с облегчением выдохнула: здесь все было так, как и ожидалось.

Первая трехметровая пьяная туша попала мне сразу у широко распахнутых ворот. Из караулки неслась разухабистая песня под аккомпанемент тролльего рычания — стражники, похоже, тоже решили внести посильный вклад в развитие добрососедских отношений. «Хорошо же охраняют государя-наследника и важных послов. Будь я заговорщиком, от такого обширного выбора заложников глаза бы разбежались», — мелькнула в голове шальная мысль. Я перепрыгнула храпящего тролля, потянув за собой варана. Но ящер дернул за повод, заупрямившись: храпящая благоухающая перегаром туша, перегородившая путь, ему не понравилась. Пришлось вернуться и привязать рептилию прямо к воротам. Уговаривать упряма у меня не было ни малейшего желания. Да и задерживаться я не планировала.

Зеленую заимку — небольшой трехэтажный особняк в королевских охотничьих угодьях — мое не раз занимавшееся посольствами высочество знало не хуже собственной пятерни, как, впрочем, и нравы этих самых посольств. Поэтому первым делом я заглянула в большой зал, но нашла там только пыльные чучела и мало чем отличающихся от них пьяных троллей. Не обнаружив брата среди спящих, потащилась на третий этаж в его личные покои, по пути открывая все двери подряд. Но, к моему удивлению, Макс нигде не было. Вообще никого не было, кроме спящих тел разной степени потрепанности. Окинув коротким взглядом пустую спальню и глухо выругавшись, я сделала то, с чего следовало начать — призвала духовоохранителей и приказала доставить хоть кого-то трезвого из прислуги.

Толстячок-управляющий с бабьим визгом шлепнулся на ковер минуту спустя.

— Ваше высочество, — узнав меня, он вскочил на ноги, как мячик, и отвесил самый низкий поклон, какой только позволяло жирное брюхо. — Чем могу служить?

— Где мой брат?

— После торжественного ужина в честь удачной охоты слуги сопроводили государя-наследника в его покои для отдыха... — приосанившись, заговорил управляющий.

Хмыкнув, я красноречиво обвела рукой пустую комнату:

— Короче.

— И все, — сдулся тот.

— В каком смысле «все»? — опешила я.

— Мы сопроводили и были высочайше посланы... Эмм... Его высочество велел не беспокоить.

— Вы что, не знаете, где сейчас государь-наследник?! Да что у вас тут творится? Как вы посмели оставить его без охраны во время... — я осеклась, сообразив, что едва не проболталась, и закончила совсем не так, как собиралась. — Во время посольских мероприятий!

Бледный толстяк, то и дело утирая взмокшую физиономию большим клетчатый платком, покаянно кивал на каждое мое слово, но не говорил ничего толкового. Кое-как я вычленила из его невразумительного бляенья более-менее связную историю. Оказывается, часа полтора назад Макса, никому ничего не объясняя, вскочил на своего варана и умчался по северной дороге.

Знаком отпустив управляющего, я плюхнулась в первое попавшееся кресло и задумалась. Куда могло среди ночи унести моего царственного брата? Даже на похмелье наплевал, так торопился. Ничего, кроме того, что Макса узнал о заговоре и рванул в столицу, в голову не приходило. «Ну и хорошо, — решила я, поднимаясь. — Тем лучше. Меня он не видел, о событиях узнал как-то иначе. А значит, наказ царственного родителя ничего не рассказывать я не нарушила. Па убедится, что Макса к заговору не имеет никакого отношения, обуздает свою паранойю и займется, наконец, обнаглевшим Алексаном. Под шумок можно будет и про подставных женихов рассказать, которых тот мне подсунул. Кстати, а зачем, собственно?»

Размышляя над этим внезапно возникшим вопросом, я спустилась во двор и, вскочив на

варана, поехала к городу. Ящер шел мерной рысью. Дорога здесь была одна, заблудиться мне не грозило. Поэтому вялым мыслям ничто не мешало.

Если Алек зарится на трон, то я-то ему не помеха. Никогда не было правителя-женщины. И вряд ли будет. В очереди на корону я стою на самом последнем месте. Сперва законные сыновья ныне здравствующего правителя с полноценным Даром. А их, так, между делом, трое. Потом слабодарцы, то есть Алексан. И только если его тоже не будет, встанет вопрос, кому на голову нахлобучить корону, мне или какому-нибудь дальнему родственнику мужского пола. Причем я буду брыкаться всеми конечностями. Не иначе как негодный братец попросту решил подстраховаться. И перепелке понятно, что уж я-то точно не поверю в заговор Максиана и подниму шум. Глупо, конечно. Но Алек никогда не отличался умом и сообразительностью. Надо будет поинтересоваться, что он себе навоображал, когда его арестуют. Вот будет встреча!

Неожиданная мысль обожгла тяжелой плетью, и я резко натянула поводья. Варан остановился, едва не выкинув мою царственную тушку в пыль. «Встреча! А почему я Макс у не встретила?! Дорога-то тут одна. И если он рванул к Па доказывать свою невиновность, то должен был отправиться к телепорту в храмовом городе. Это самый близкий путь. Так почему я его не встретила?!»

Ругаясь последними словами, я развернула варана и четверть часа спустя уже трясла толстяка-управляющего в Заимке.

— В какую сторону он поехал?!

— По северной дороге...

— Я знаю, что по северной, — рывкнуло мое взбешенное высочество. — Она здесь одна. В какую сторону?!

Окончательно перепугавшийся чиновник смог только громко икнуть и махнуть рукой, указывая направление. Я выпустила из рук расшитый золотом воротник и плюхнулась в кресло. Макс уехал в противоположную от города сторону. Туда, где часов на десять пути не было ни одного телепорта.

— Уверен?!

— Да... Я сам видел.

Я выругалась совсем уж неподобающе: Алексан меня опередил. Неизвестно, что он наплел Макс у и как выманил его из заимки в одиночестве, но ничем хорошим эта поездка для государя-наследника закончиться не могла. В этом я была уверена.

— Как давно он уехал? — отрывисто спросила я, лихорадочно пытаюсь сообразить, как спасти ситуацию.

— Часа два...

— Точнее!

Перепуганный чиновник взглянул на часы:

— Я его видел два часа пятнадцать минут назад у ворот. Его высочество Максиан на своем скаковом ящере пронесся мимо меня. Лицо я не видел, но варан его высочества никого, кроме хозяина, к себе не подпустит.

— Понятно. Болтать не смей!

— Как можно... — заблеял толстяк, но я его уже не слушала, опрометью бросившись к лестнице.

Варан Максы — мощный боевой ящер. Мой — мельче, зато куда резвее. «Если брат не свернет с дороги, а сворачивать тут некуда, к утру его удастся догнать, — решила я. — Вот только в Академию вовремя вернуться точно не успею. Ну и ифиты с ней!»

Расчет оправдался. Даже не к утру, а гораздо раньше с небольшой возвышенности я увидела далеко впереди одинокого всадника. Его варан шел спокойно. Путешественник никуда не спешил.

Приблизившись на полет стрелы, я узнала приметную масть ящера и крикнула:

— Макса! Стой!

Всадник обернулся и вдруг, стегнув рептилию поводьями, рванулся вперед.

— Макса?! — на мгновение опешила я и, тут же обозлившись, пнула варана: врешь, братец, не уйдешь!

Мой ящер, хоть и слегка подустал, быстро нагонял собрата-тяжеловеса. Максиан больше не оглядывался, но упорно подгонял своего. Но помогало это мало: расстояние между нами сокращалось на глазах.

— Макса! — снова закричала я, отплевываясь от поднятой пыли. — Стой! Или я тебя сброшу!

На мои вопли братец обратил еще меньше внимания, чем в первый раз. Выругавшись и в очередной раз глотнув пыли, я бросила вперед плетение воздушной волны. Честно говоря, мое задохшееся высочество рассчитывало всего лишь очистить воздух. Не атаковать же одного из лучших магов Белого континента простеньким плетением. Но неожиданно-негаданно удар достиг цели. Варан кувыркнулся, сбрасывая седока и обрушиваясь на него сверху. Завопив, на этот раз от ужаса, я бросилась вперед. «Какое наказание предусмотрено за убийство государя-наследника?» — пронеслась в голове бредовая мысль, пока я бежала к лежавшему в пыли магику.

Ящер Максиана как ни в чем не бывало поднялся на лапы и меланхолично поплелся к обочине. На шее у него висел яркий амулет подчинения. Понимая, что с таким украшением рептилия не нападет, хоть режь ее на куски, я рухнула на колени возле тела и перевернула его лицом вверх.

— Жив? — мое перепуганное высочество откинуло капюшон плаща с королевскими вензелями и едва снова не разоралось: это был не Макса. — Ты кто?

Незнакомый чернак застонал и попытался отползти в сторону. Я отступила и зажгла на ладони огненный шар.

— Кто ты?

— Никто, — прохрипел переселенец, сплевывая кровь с разбитых губ. Ящер его таки не придавил, а вот физиономией к дороге незнакомец приложился изрядно. — Еду себе спокойно по своим делам, никого не трогаю.

— На варане государя-наследника и в его плаще? — с сарказмом протянула я.

— Не знаю никакого наследника. Плащ я купил. И ящерицу эту проклятую тоже.

— Да?.. — неуместное веселье, вызванное тем, что под тушу ящера с моей легкой руки угодил не Макса, ушло так же быстро, как и появилось. — Можно, конечно, вызвать сюда стражу. И пусть они разбираются, где ты такие покупки сделал. Но у меня очень мало времени. Поэтому ты мне сам все расскажешь, или я тебя быстро порежу на ленточки.

Я щелкнула пальцами, и чернак вскрикнул, разом лишившись обеих подметок.

— Ноги надо мыть чаще, — скривилось мое брезгливое высочество. — Палачи, знаешь ли, обычно с ног начинают. Зачем портить им настроение отвратительным запахом несвежих носков? Надевая на свою поганую тушку плащ наследника, мог бы и подготовиться к такому развитию событий. Будешь говорить, мерзавец, или избавить тебя от носков вместе с ногами? Палачи не обидятся. Им еще руки останутся.

Переселенец проникся. Еще минуту назад смуглая физиономия посерела:

— Я все скажу, если вы меня не тронете!

— Не тронуть, говоришь... — протянула я, взглянув на порозовевшую линию горизонта. Время утекало сквозь пальцы с безумной скоростью. — Хорошо. Я тебя не трону.

— Клянись! — осмелел чернак.

Я скрипнула зубами, но спорить не стала. Не до споров мне было в этот момент.

— Клянусь Даром, что ни мое оружие, ни моя магия не причинят тебе вреда, если ты будешь говорить правду.

Переселенец с облегчением выдохнул и, наконец, заговорил.

— Я взял варана в загонах в Зеленой Заимке. И плащ там же...

— В загонах? — холодно уточнила я, с трудом сдерживаясь.

— Ну да. Мне его дали вместе с амулетом подчинения для варана.

— Кто дал?

— Они. Те, кто увез Максиана.

— Я обещала не трогать тебя лично, — с угрозой прошипела я, так потерев терпение. — Но не вызывать сюда стражу я не обещала!

— Да рассказываю я, — засуетился чернак, — рассказываю. Они забрали принца еще вечером. Он пьяный был, без шума спеленали. Аккуратненько. Хозяину он зачем-то целым и невредимым понадобился. Черным ходом вынесли и на торговой телеге повезли.

— Куда?!

— Не знаю! Мне никто не рассказывал! Я просто работаю... Работал... в загонах! Варан Максиана меня знает! Никто другой не смог бы надеть на него амулет подчинения! Я должен был подождать несколько часов и изобразить принца. Выехать так, чтоб прислуга увидела. Мол, принц сам куда-то ускакал! Я не хотел! У них моя жена и сын! Что я мог сделать?!

— Пойти в стражу? — холодно предположила я.

— У них моя семья! Понимаете, вы?! — взвизгнул переселенец.

— А Максиан — моя семья. И чья семья важнее?!

— Я не хотел! — чернак снова стал отползать спиной вперед. — Вы обещали меня не трогать!

— Обещала, значит, не трону. Я — не трону, а он? — мое взбешенное высочество кивнуло на ящера государя-наследника, безучастно стоявшего в двух шагах.

Переселенец заскулил, в ужасе глядя то на меня, то на огромную рептилию.

— Куда они повезли Максиана? Зачем?! Ну хоть что-то ты слышал?!

— Они говорили что-то про главного заговорщика! Мол, когда его найдут мертвым, вопросов и сомнений не останется! Что Хозяин очень умный, раз придумал такой отличный план, и что зря они сразу в него не поверили! И что Хозяина все держат за дурачка, а он еще покажет магикам, где ифиты зимуют! Все! Потом они уехали, и я больше ничего не слышал! Ничего!

Чернак заикался, размазывал по лицу слезы вперемешку с кровью из разбитого при падении носа, но я видела, что он не лжет. Слишком испуган, чтобы что-то выдумывать.

— Кто такой Хозяин?

— Я не знаю. Никто не знает. Он верховный жрец Безымянной. Она сама избрала его на служение. Предначальная богиня вернется и заберет греховную магию! А он наведет порядок на двух континентах! И белаки больше не будут душить чернаков!

— Да кто вас душит, идиоты? — отмахнулась я, лихорадочно сопоставляя известные мне факты.

Алексан оказался куда умнее, чем думало мое витающее в облаках высочество. Во дворце правителя уже давно ходили слухи о том, что он окончательно сбрендил и увлекся еретическим учением о греховности Силы. Да я и сама посмеивалась, когда слышала об этом. Очень удобно считать греховным то, чего у тебя и так нет, то есть Силу. А разлюбезный братец, оказывается, пошел куда дальше и решил всех переделать по своему образу и подобию. Верховный жрец Безымянной... Надо же такое придумать! Ларчик-слабодарчик! Ну погоди, я тебе устрою торжественное жертвоприношение и второе пришествие Создателей в одном флаконе!

Я снова посмотрела на лежащего в пыли чернака, решая, как поступить.

— Что ты должен был сделать с ящером?

— Зарезать, — переселенец облизал пересохшие губы. — Он слишком приметный.

— А потом?

— Вернуться в Заимку.

— Понятно. Прибить бы тебя...

— Вы обещали! — опять запаниковал чернак.

«И из таких вот братец Алексан собрал свою армию? — я сплюнула. — Все-таки он идиот. И Макса не лучше. Это до какой степени надо было напиться, чтобы не заметить, что тебя похищают? Впрочем, когда он проспится, легко превратит горе-похитителей в головешки. Королевский Дар — это не плетения, где со связанными руками ты почти бессилен. Ифита никакие веревки не сдержат».

— Поднимайся, — чернак кое-как встал на ноги, и я стряхнула с ногтя маленькую, едва заметную искорку. — На тебе маячок. Если вздумаешь рассказать кому-то о нашей встрече или не выполнить мой приказ, стража появится минут через пять. Это понятно?

— Д-да...

— Возьмешь варанов и поедешь в ближайший город, — продолжала распоряжаться я. — Оттуда телепортом в Питруг. Да не трясись ты! Мой ящер смирный! Доберешься и будешь ждать меня завтра в десять часов вечера у задней стены храма Рири. А потом катись на все четыре стороны. Хоть к своим хозяевам. Главное, о нашей встрече ни слова.

— Но ваше плетение, — забеспокоился чернак. — Если его увидят...

— Его никто не увидит. Впрочем, в твоих интересах не маячить на глазах у вашего великого лжеца... То есть жреца, разумеется.

— Да я его не видел ни разу!

— Это твои проблемы, — качнула головой я. — Но сохрани тебя Создатели не явиться к храму...

— Я приду!

— Вот и хорошо. Плащ, кстати, снимай. Тебе он не по чину.

Переселенец торопливо расстегнул фибулу, едва не уронив иглу в пыль, и, скомкав, сунул плащ Максиана мне в руки. Потом он с опаской боком обошел мое нетерпеливо постукивающее ногой высочество и резво вскочил на спину варана. Похоже, все нынешние мечты чернака исчерпывались желанием оказаться от меня как можно дальше.

Я поднялась на холм и какое-то время следила за быстро удаляющимся всадником. «Наверняка пожалею потом, что не прибила его сегодня, — сплюнула я. — Ладно... Он не воин, а я не убийца».

С такими мыслями мое вымотавшееся высочество активировало порт-ключ в ректорский кабинет.

ГЛАВА 21

Старые знакомые и новые проблемы

Нежданно-негаданно раннее возвращение позволило мне несколько часов поспать. Поэтому Карну, ворвавшуюся в кабинет, едва ударил утренний гонг, я встретила вполне благодушно.

— Было бы неплохо, если бы вы давали мне время хотя бы одеться...

— Лерра ректор! — профессор дышала с трудом, будто только что взбежала по лестнице. — Я знаю, вы давно хотите меня уволить.

— Эмм... — мое оторопевшее высочество вытаращилось на посетительницу.

— Увольняйте! — воскликнула Карна, и мне на мгновение почудилось, что она сейчас рванет платье на груди с криком: «Бей, угнетатель!»

Я помотала головой в попытке избавиться от неуместных фантазий и осторожно проговорила:

— Что произошло, профессор?

— Я совершила должностное преступление, и нет мне прощения! — с пафосом, достойным моего царственного папочки, ответила она.

Я внимательно присмотрелась и даже принялась: ничем не пахнет, зрачки не расширены, значит, никаких зелий с интересными свойствами эта особа не употребляла. Странно...

— А подробнее? — пришлось напомнить о своем присутствии: профессор Карна стояла молча и трагически заламывала руки, глядя куда-то вверх моей головы.

— Я надеялась обойтись своими силами, — невпопад отозвалась посетительница. — Думала, мы успеем ее вернуть... Это моя вина! Я не уследила...

— Да о чем, собственно, речь?! — рявкнуло мое потерявшее остатки терпения высочество.

— Не о чем, а о ком, — поправила меня зануда, но ее глаза наконец приобрели осмысленное выражение. — Пропала Лайана. Студiosa с выпускного потока.

— Черначка? — переспросила я, пытаюсь вспомнить, где уже слышала это имя.

— Что? Да. Она из переселенцев. Видите ли, она с вашим дядюшкой...

— Да. Я помню. Невеста... И?

— Она пропала позавчера...

— А почему вы мне об этом сообщили только сейчас? — ляпнула я, нахмурившись, и сразу прикусила язык: «Сейчас мне опять расскажут, как я была не права, отменив утренние совещания преподавателей!»

Но Карна в очередной раз меня удивила: «экая» через слово, с длинными паузами она кое-как ввела меня в курс дела.

Оказалось, что пока я выслушивала во дворце откровения Па и отсыпалась в покойнице, Лайана не явилась на лекции. Делала она это уже не впервые, оставаясь в общежитии, то сказавшись больной, а то еще под каким-то надуманным предлогом. Поэтому забеспокоились только к вечеру, когда она не появилась не только в учебных лабораториях, но и в столовой. Сначала ее пытались разыскать собственными силами, не сообщая мне. Подпись потеряшки в списке студиязов оставалась зеленой, значит, она была жива, но поиски успехом не увенчались. Девчонку словно перепелки склевали.

— Видите ли, — бляяла прошттрафившаяся профессорша. — Девочка немного возгордилась, когда лер Симеон...

— Немножко?! — не выдержав, перебила я. — Вы, я вижу, давно в курсе этих отношений? Вот уж не думала, что в Академии стихий поощряется...

— Что вы! Конечно, не поощряется. Я лично разговаривала с девочкой, и даже с ректором... То есть с бывшим ректором. Но лер Симеон заверил меня, что все серьезно, и я...

— Ну что «вы»?! Seriously там у них или нет, это их проблемы. Но никакого «особого статуса» отсюда появиться не должно.

— Лерра ректор, я все понимаю. Теперь понимаю... Но тогда я подумала, что если у них все сладится... Это был бы такой невероятный шаг к признанию переселенцев равными! Представьте, ведь если у брата правителя жена — черначка, кто бы посмел душисть...

— И кто их, позвольте спросить, «душит»?! — прошипела я, прервав незапланированную проповедь на полуслове. — Кто виноват, что у чернаков сил — перепелки наплакали?! Подавайте жалобы на Создателей! Это они сделали нас такими, какие мы есть!

— Простите, лерра ректор, — пошла на попятный Карна. — Я вовсе не это имела в виду.

— Разумеется, — с сарказмом протянуло мое обозленное высочество. — И что? Девчонка сбежала к дядюшке, а он отказывается возвращать беглую студиозу?

— В том то и дело, что нет. Я разговаривала с лером Симеоном. Девочка там не появлялась. И он вообще не знал, что она куда-то собирается. Мало того, у них была договоренность, что Лайана должна доучиться, а потом уже все остальное.

— Так... «Остальное» меня не интересует, — я припомнила болтливую беглянку, елозившую костлявым задом по моим простыням. — А что говорят соседки по комнате, подруги? Не может быть, чтобы она ни с кем не поделилась своими планами!

— Она поделилась. Всем, кому можно и нельзя, рассказала о том, что отправляется к жениху. — Карна скривилась, будто укусила лимон. — Но это ложь!

— Откуда такая уверенность?

— Симеон же сказал, что к нему она не приходила. Кроме того... — Профессор глубоко вздохнула, будто перед прыжком в холодную воду. — Ее несколько раз видели в городе в обществе сомнительных типов. По моей просьбе навели справки: эти мер... кхм... Нехорошие леры принадлежат к культуре Безымянной. Я, конечно, поговорила с девочкой. Казалось, она все поняла... И тут такое. Мы выяснили, что эти леры пропали из города одновременно с ней.

— Кто это «мы»? — уточнила я, просто ради того, чтобы что-нибудь сказать. Все подозрения о роли дядюшки в моих, да и не только в моих, неприятностях снова проснулись.

— Мне помогал Никс, наш сторож, — опустила голову Карна, — ну и ваш новый ассистент. Они сами чернаки и прекрасно понимают, какую глупость совершила девочка.

Глупость... Я бы выразилась иначе. Этим побегом ненормальная девчонка свела все свои карьерные возможности в будущем к выбору между поломойкой в таверне и чернорабочей на полях. Чернака без диплома Академии даже разносчицей в таверну никто не возьмет! Дуреха решила, что образование будущей невестке правителя, или кем она там себя вообразила, ни к чему?

— А что дядюшка? — сказала я после долгого молчания.

— Он сказал, что будет сам ее искать. А мне при... Меня попросил, чтобы я скрыла от вас ее ошибку.

— Замечательно! Почему я ожидала что-нибудь подобное? И что же сподвигло вас на признание?

— Вы хороший магик, лерра ректор! — выпалила Карна, заставив меня в очередной раз вытаращиться. — И к переселенцам относитесь по справедливости! Симеон ошибался, когда говорил, что свою должность вы используете во вред им!

— Оригинально, — протянуло мое ошарашенное высочество, не зная, как реагировать. — И что же вы хотите от меня? Чтобы я не спешила с отчислением?

— Нет. Все гораздо хуже! Когда я стала настаивать, лер Симеон... Он признался мне, что получил письмо с угрозами! Если он будет пытаться искать девочку, то ее убьют! Найдите девочку!

— Эмм... Я? Это вы дверью ошиблись, Карна. И зданием, кстати, тоже. Стража расположена не здесь!

— Да при чем тут Стража?! — отмахнулась профессорша. — Амулет! Он поможет!

— Амулет? — Я снова засомневалась в душевном здравии посетительницы. — Повторяю. С артефактами, помогающими в розысках пропавших без вести, я работать не умею. Это задача магов из Стражи. Как, впрочем, и поиски вымогателей.

— Ваш амулет. Амулет ректора Академии стихий, — она вытащила из рукава и положила передо мной тонкую, но явно очень древнюю книжицу. Скорее, даже блокнот. — Это Книга Основателей. Там все подробно описано. Она передается от ректора к ректору вот уже несколько тысячелетий!

— От ректора к ректору? — я недоверчиво посмотрела на истертый кожаный переплет. — Тогда почему она у вас?

— Симеон... Лер Симеон попросил меня сохранить Книгу. Он считал, что вы будете вредить переселенцам. И я с ним согласилась. Тогда согласилась. А теперь понимаю, что он не прав! Возьмите. Эта реликвия ваша по праву. Вы истинная хозяйка Академии стихий...

— Вот только не надо пафоса, — скривилась я, подтянув облезлую реликвию поближе. — У меня на него аллергия. И грубая лесть тоже не к месту.

— Простите. Я вовсе не имела в виду...

— Мне неинтересно, что вы имели в виду, профессор, — холодно процедило мое в очередной раз почувствовавшее себя одураченным высочество. — Я вижу, что за моей спиной вы и бывший ректор устроили какой-то идиотский заговор. Чем я вам так не угодила?

— Я пыталась защитить своих студиозов! — гордо вздернула подбородок Карна. — Я виновата и готова понести заслуженную кару...

— Я же просила избегать пафоса. Оставьте меня.

— А Лайана?

— Хорошо. Посмотрю, что можно сделать, — скрипнув зубами, сказала я.

— Я в вас не ошиблась, лерра ректор! — поклонилась Карна, выходя.

С трудом удержавшись от плевка в закрывшуюся за ифитовой любительницей чернаков дверь, я повертела в руках перетянутый простой кожаной застежкой блокнот. «Книга Основателей! Какое счастье. Вот только его-то и не хватало именно сейчас. Мало мне было исчезновения Максы и заговора против короны, теперь еще и пропавшая дура-студиоза, и заговор против меня лично! — не усидев на месте, я поднялась и начала расхаживать по кабинету. — Рассказать, что ли, все Па, и пусть Тайная канцелярия вкупе со Стражей разбираются? В конце концов, им за это деньги платят!»

Я сбросила с кресла какую-то черную тряпку и плюхнулась на кожаные подушки. Потом спохватилась, что так непочтительно мое нервное высочество обошлось с любимым плащом государя-наследника, и подняла его. Все еще взвешивая возможные варианты, я машинально складывала тяжелую ткань, и тут мое внимание привлекло небольшое серебристое пятно. «Макса расстроится. Он любил этот плащ», — мелькнуло в голове. И вдруг до меня дошло, что именно я старательно колупаю ногтем. Засохшее зелье белого железа! Не так давно сварив его самостоятельно, ошибиться не могло даже мое склерозное высочество. Тот же голубоватый отлив, гладкая структура и неприятное покалывание в пальцах при касании!

— Ифит! — заорала я, отбрасывая тряпку подальше.

Никакой опасности маленькое пятнышко не представляло, но мне, как и любому магику, внушала ужас сама мысль о том, против чего Дар бессилён. «И как эта дрянь только попала на плащ государя-наследника?! — пробормотала я, и тут же сама себе ответила. — Похищение, вот как! Ифиты!»

Я снова заметалась по кабинету. Вспомнились рассказы лже-Максиана о главном заговорщике, предназначенном на убой. Не о Максе ли говорили ифитовы похитители?!

Так или иначе, но после четверти часа беготни обращаться к Па мне расхотелось окончательно. Вряд ли негодяй Алек таким диким способом пригласил государя-наследника попить чаю. И дядюшка не зря затаился... Наверняка его шантажируют жизнью невесты. Как бы мое язвительное высочество ни насмеялось над возможностью такого союза, дядюшка

что-то в костлявой черначке нашел, раз не побоялся переругаться из-за нее с царственным братом.

Вот только от понимания всего этого легче не становилось. Просто сидеть и ждать развития событий я не могла. Но и что, собственно, делать — не знала. Сунуться наобум, разворошить ифитово гнездо, свернуть свою многострадальную шейку, а заодно и брата угробить очень не хотелось. Взгляд упал на странную книжицу, принесенную Карной: «Интересно, что бы сказали леры Основатели по поводу тех проблем, с которыми приходится бороться горекторше в моем лице?»

Я расстегнула ремешок и открыла древнюю книгу. Полтора часа спустя даже заговор против короны и пропавший брат отступили на второй план. В мозгу осталась единственная мысль, казалось, поселившаяся там навечно: «За что ж ты меня так ненавидишь, дядюшка?!»

Книга Основателей... Всего-то два десятка страниц, но каких! При желании я могла моментально узнать местоположение любого студюоза или преподавателя и тратить на сон не более трех часов в сутки, и при этом не глотать литрами бодрящее зелье. Вот он, ифитов секрет работоспособности и всеведенья ректоров: один тяжеленный кусок древнего золота плюс маленькое простое плетение. Мало того, даже деактивированный амулет на моей шее резко улучшал способности. То-то я удивлялась своему внезапно проснувшемуся красноречию во время визита дорогого Па! Правда, ко всем этим бонусам прилагался один весомый минус — работала побрякушка только на территории Академии стихий.

— Теперь понятно, почему дядюшка так не хотел отсюда выметаться, — проворчала я, надевая толстую цепь. — С такими способностями как минимум гением себя можно почувствовать. Неудивительно, что ифитов Сенюшка был уверен в моем быстром и позорном фиаско. Иначе и быть не могло, раз он лишил меня такого подспорья, скотина!

Активирующее плетение не отличалось зрелищностью. Невзрачная искорка скользнула по крупному камню в центре амулета, и он на мгновение засветился теплым зеленоватым светом. Зато в голове у меня сразу прояснилось. Будто спала я не несколько часов, а всю ночь, да еще и утро прихватила.

— Теперь проверим на практике... — я повела рукой, создавая на полу трехмерную карту Белого континента, как было описано в Книге Основателей. — Где гуляет наша пропавшая невеста?

Тусклый огонек засветился далеко на севере. Увеличив изображение, мое в очередной раз обалдевшее высочество глухо выругалось. Лайана, костлявая невеста моего жадного дядюшки, находилась в замке под названием Локхар! Да что ж меня прямо преследует это ифитово логово Алекса?!

Но амулет Основателей работал. Наверное, именно благодаря ему я не стала бегать по кабинету, собирая локтями все углы, а села и задумалась.

Варианта предполагалось всего два. Либо девчонку действительно похитили, чтобы шантажировать дядюшку, и неважно, каким способом это сделали, обманули или сунули в мешок. Либо дядюшка спелся с Алеком, хоть мне в это и не верится. Конечно, как выяснилось, бывший ректор пакостил мне по мере сил. Одна запрятанная Книга Основателей чего стоила. Да и лже-влюбленных вполне мог вдохновлять тоже он. Видимо, желание вернуться в привычное кресло к любимой черначке и ощущению всемогущества, дарованному амулетом, оказалось непреодолимым. Но это все как-то мелко... Плохо сочетается с рискованным заговором против короны и похищением государя-наследника.

Впрочем, проверить проще простого. Я даже удивилась, что мне пришло в голову такое элементарное и безопасное решение вместо моих обычных зубодробильных комбинаций. Не иначе как амулет постарался. Надо всего лишь посетить столицу и выяснить, где обретается мой разлюбленный родственничек. Если его во дворце правителя нет, то спрашивать, кто заговорщик, излишне.

Но едва мое такое благоразумное под действием амулета высочество шагнуло к portalу, как в дверь тихонько постучали.

— Входите! — буркнула я, возвращаясь за стол.

— Здравствуйте, лерра ректор, — на пороге появился мой новый ассистент.

Амулет работал и здесь. Мне не пришлось хмуриться, судорожно вспоминая, кого это

принесло. Вопреки обыкновению, я узнала посетителя сразу.

— Здравствуйте. Вам все-таки потребовалась моя помощь? Что натворили боевики на этот раз? Разгромили лабораторию или опять кого-нибудь перекрасили?

— Нет, — он слегка поклонился. — Все в порядке. Я просто хотел узнать, как готовить лабораторию для пробного Контроля. Вы не оставили никаких распоряжений, и я...

— Ах, Контроль, — у моего склерозного высочества что-то неприятно екнуло в груди: поинтересоваться, на какой день выпадает обещанный студиязам «следующий раз», я не удосужилась. — Когда мы его планируем?

— Через два часа, — как ни в чем не бывало отозвался этот... этот... ассистент, ифиты его забори вместе со всей академией.

— Ничего особенного не надо. Котелки и стандартный набор ингредиентов, — выдавила я, кое-как переварив эту новость.

— Хорошо, лерра ректор. Спасибо, — ответил чернак и, снова поклонившись, вышел.

Я же с огромным удовольствием швырнула в закрывшуюся за ним дверь первое, что нащупала на столе. Им оказался толстый свиток доклада Карны о ремонте. Слава Создателям, хоть сворачивающее плетение выдержало. Ну вот за что мне это? Да еще все сразу! Заговор, паранойя Па, похищение Максы, подлые игры дядюшки, Контроль этот ифитов. Все? Или еще что-нибудь забыла? «Твои несостоявшиеся поклонники и разбитое чернаком сердце, — ехидно напомнил внутренний голос. — А Контроль ты сама придумала».

Посчитав, что спорить с самой собой глупо, я шагнула в портал.

Дворец встретил меня мерным гулом и спокойствием. Придворные лизоблюды, как обычно, метались по коридорам, изображая невероятную занятость государственными делами. Боевики торчали на своих постах в расслабленных позах, подбираясь, лишь завидев на горизонте мою царственную тушку. Из самых темных углов, скрытых от посторонних глаз, доносился женский смех. В общем, все было как всегда, и о существовании заговора ничто не напоминало. Я даже грешным делом подумала, что заговор, возможно, уже раскрыт, виновные наказаны, а Макса спокойно обедает с Па... Ага... Размечталась. Не иначе как отсутствие амулета сказывается — снова начинаю принимать желаемое за действительное, как с Никсом. «Так, а вот о нем думать не надо!» — одернула я себя и ускорила шаг.

Ноги сами привели меня в учебную комнату. Тихонько приоткрыв дверь, я увидела, как Оли, высунув от избытка старания кончик языка, выводит на грифельной доске какие-то закорючки. Буквы в этих кракозябрах мне опознать не удалось при всем желании.

Наставник, заметив мою любопытную физиономию, недовольно нахмурился, а секунду спустя дверь захлопнулась, едва не прищемив мне нос. Действительно, как я могла забыть, что учитель терпеть не может, когда прерывают занятия.

Пожав плечами — главное, Оли я видела, и у нее все в порядке, — мое успокоенное высочество отправилось на поиски Па. Но и тут ждала неудача. Стража меня попросту не пустила:

— Его величество приказал никого не пропускать.

— Что, даже меня? — опешила я.

— Никого, — развел руками боевик. — Разве что если чернаки континент атакуют. Атаковали?

— Насколько мне известно, пока нет, — вынуждена была признать я. — А где мой дядюшка, вы не знаете?

— Так там же. С братом заседают со вчерашнего дня. Только на обед и сон прерываются. Дела государственные!

Стражник гордо приподнял подбородок, будто именно он тут государственными делами и занимается.

Я кивнула и отошла. Отловив по дороге к порталу еще несколько слуг, мое недоверчивое высочество убедилось, что разлюбезный дядюшка не покидал дворец уже как минимум неделю.

— Так я и знала, что это не он, — проворчала я, деактивируя портал в своем кабинете. — Только зря время потратила.

Настроение было преотвратное. Мало того что меня снедало беспокойство за Макс, так еще то и дело всплывали воспоминания о Никсе. А уж о нем-то я думать категорически отказывалась. Как ни крути, а придется отправляться в этот Создателями проклятый Локхар и разбираться на месте, что там творится. Что-то, наверное, плодотворно влияющий на умственные способности амулет, мне подсказывало, что там я найду ответы на многие вопросы. Вот только как добраться до этого захолустья, откуда до ближайшего портала ночь пути хорошей рысью, и при этом обставить все так, чтобы отсутствие горе-ректора никто не заметил? А то еще запишет Па под горячую руку и непослушную дочурку в заговорщики. Доказывай потом палачам, что не ифит. А в обители королевских палачей, столичной тюрьме, мое любопытное высочество как-то в юности побывало в рамках обзорной экскурсии для венценосных недорослей. Наносить повторный визит не тянуло до сих пор, несмотря на то что один из мастеров, предварительно вытерев окровавленную руку о заляпанный бурыми пятнами фартук, угостил «бледненькую принцесску» конфеткой.

От подобных воспоминаний меня передернуло, а настроение испортилось еще больше. Поэтому удар гонга, призывающий меня в лабораторию к боевикам, я восприняла почти с радостью: хоть как-то отвлечься.

«Ну, держитесь, леры студии! Контроль идет! Кто не подготовился — сам виноват!»

ГЛАВА 22

Репетиция фиаско и план победы

«А новый ассистент очень даже ничего, — подумала я, входя в лабораторию. — В любом случае лучше предыдущего».

Разница была налицо. Студิโอзы чинно сидели на местах. Никто не парил под потолком и не танцевал на столах. Даже к аккуратно разложенным рядом с котелками ингредиентам никто не тянул шаловливые ручонки. Скорее наоборот, в их сторону поглядывали с такой же опаской, как и на меня.

— Замечательно. Как вы этого добились? — тихо спросило мое слегка удивленное высочество.

— Торопыги несколько раз получили не опасные, но весьма болезненные ожоги, — едва заметно усмехнулся чернак и немного обеспокоенно добавил: — Вы не одобряете такие методы?

— Очень даже одобряю, — ухмыльнулась я, и несколько студиозов, внимательно прислушивавшихся к нашему разговору, разочарованно отвернулись.

В полной тишине мое довольное высочество уселось за стол на возвышении.

— Как вы помните, сегодня я обещала вам провести пробный Контроль, — начала я, быстро припоминая, как подобные Контроли проходили в моей юности. — Именно этим мы с вами сейчас и займемся. Сумки, учебники, домашние задания по прочим предметам и вообще все, что не относится к теме нашего занятия, прошу вынести в коридор. Духи-охранители присмотрят за вашими вещами.

С недовольными минами студиозы потянулись к выходу. Я спокойно дождалась, пока в обозримом пространстве не останется ничего лишнего, и продолжила:

— Уверена, все вы весьма достойно подготовились...

Разноголосый утвердительный гул стал мне ответом, и я снова ухмыльнулась: «Знаем мы, как вы готовились. Впрочем, я тоже не просто так побывала в своей домашней лаборатории, прежде чем идти сюда. Так что посмотрим, кто кого...»

— Отлично. Как вам известно, на Контроле пристально следят за, скажем так, честностью испытуемых. Разумеется, мы поступим так же. Сейчас мой уважаемый ассистент пройдет по рядам и соберет все шпаргалки и прочие лишние клочки бумаги. Писать вам не придется. Не стесняемся, леры, выкладываем. Вам же будет лучше.

Мой недвусмысленный намек соизволили понять только двое: Буи и худощавый паренек с последнего ряда. Отчаянно краснея, они отдали две длинные бумажные ленты, исписанные бисерным почерком, и несколько акустических горошин, наверняка, с записями лекций.

— Что, все? — притворно удивилась я, доставая из кармана первую бутылочку с прихваченным из дома зельем. — Даже ни одного учебника? Напоминаю, что испорченные учебники придется оплачивать из своего кармана.

Это подействовало лучше: четыре толстых фолианта отправились в коридор следом за сумками. Интересно, как их владельцы собирались туда подглядывать? Надеялись, что я куда-нибудь ушлю помощника и засну?

— Ну что ж, если это все, тогда... — мое злобное высочество выдернуло пробку из бутылки. Лаборатория мгновенно наполнилась густым серым дымом, который, впрочем, развеялся за полминуты. Даже удивиться никто толком не успел, то ли привыкли уже к выкрутасам своего профессора, то ли, что более вероятно, просто не знали, как реагировать.

С ласковой улыбкой я обвела взглядом ошарашенно переглядывающихся боевиков.

— И что это было? — первым, как обычно, не выдержал Рус.

— Не приемлю шпаргалки у себя на Контроле, — все еще улыбаясь, отозвалась я.

— Да нет у нас... — начал было возмущаться недалекий студиоз, но неожиданно сунул руку в карман и яростно поскреб бедро.

То есть, это для него неожиданно. А для моего ехидного высочества очень даже ожидаемо. Кому, как не мне, знать, что у весьма летучего зелья для очистки воздуха от пыли есть один весьма неприятный побочный эффект, из-за которого его, собственно, никто и не использует. Состав мгновенно растворяет все виды бумаги, преобразуя ее в довольно ядреный чесоточный порошок. С ехидной усмешкой я наблюдала за стаей почесывающихся обезьян, еще недавно бывших студиями-боевиками.

— Спокойно, леры, спокойно. Это всего лишь легкий зуд. Проходит бесследно минут за десять. Ну почти бесследно. Продолжим. Как и на любом Контроле, будет три задания. Вам придется сварить зелье, рассказать мне, почему оно варится так, а не иначе, ну и ответить на дополнительный вопрос по пройденному материалу. Но Контроль пробный, поэтому я слегка облегчу вам задачу. Не так давно у вас было самостоятельное задание. Результаты его я видела, и они неутешительные. Думаю, после такого фиаско все вы разобрались, как надо было варить эти зелья. Вот их вы сейчас и сварите.

Судя по перекошенным лицам, работу над ошибками сделали не все. Далеко не все...

— Ну что же вы, леры. Начинайте. И попрошу тишины. Никаких подсказок, акустических горошин и прочего.

Я откупорила очередной фиал.

— А что это? — снова высунулся было Рус и испуганно умолк: его голос громыхнул на всю лабораторию храмовым гонгом.

— Усилитель звуков, — пророкотала я.

Больше вопросов не последовало. И так многие между почесываниями разных частей тела начали ковыряться в ушах.

Мое удовлетворенное высочество откинулось на спинку стула. Студии наконец занялись котелками. К вытяжке медленно потянулись струйки разноцветного пара.

Разумеется, не обошлось и без эксцессов. Один идиот все-таки сунул в ухо акустическую горошину, после чего вся лаборатория вынуждена была выслушать список ингредиентов его зелья. Идиоту я Контроль не засчитала и, назначив отработку в загонах, отправила в Целительское крыло лечить лопнувшую барабанную перепонку. Парочку любителей схитрить вывел на чистую воду мой ассистент. Один из них очень внимательно и безуспешно разглядывал столешницу, по которой ловкий чернак перед этим прошелся чистящим плетением. А второй печально созерцал водворившийся у меня на столе пузырек с зельем абсолютной памяти, судя по стандартной пробке, купленный в городе.

Еще один горе-зельевар вылетел из лаборатории в те же загон для ящеров, когда моего носа достиг аромат тухлых яиц: уничтожитель запахов с прошлого раза он варить так и не научился.

Сорок минут спустя я пошла по рядам, заглядывая в котелки. Второй этап Контроля отпал сам собой: мое брезгливое высочество не желало знать, как можно добиться таких результатов. Универсальный растворитель намертво присох к стенкам котелка. Над противомоскитным составом вились мошки и прочие насекомые со всей округи. От эликсира, улучшающего зрение, глаза начинали слезиться за два метра от котелка. Несчастное зелье от насморка превратили в оружие массового поражения: котелок плевался раскаленными сгустками в разные стороны, хотя огонь под ним давно погасили.

А бодрящее зелье... Нет, бодрости оно действительно добавляло, но на этом его сходство с оригиналом заканчивалось. По крайней мере, до сих пор я ни разу не видела, чтоб это зелье выбиралось из котелка и ползало по полу, норовя тяпнуть за пятку. Хотя, надо отдать ему должное, гонялось это создание исключительно за хозяином.

Даже Буи, на которого я возлагала основные надежды и даже заготовила для него специальное задание, умудрился накосячить в самом конце. Его пятновыводитель уничтожал не только пятно, но и то, на чем оно было.

Полюбовавшись на полтора десятка таких составов, я поняла, что настоящий Контроль станет самым грандиозным событием за всю историю Академии стихий. Еще никогда раньше боевики не проваливали испытания в полном составе.

Кое-как разогнав дым и уничтожив особо ядовитые шедевры, я села на место.

— Леры студюзы, откройте великую тайну. Как вам удавалось проходить испытания по зельеварению на межкурсовых Контролях?

Студиозы заговорили все одновременно, и вычленив из этого гама отдельные фразы было невозможно.

— Прекратили базар! — рявкнуло мое обозленное высочество. — Буи. Объяснитесь.

— Там было гораздо проще, профессор Аленна, — отозвался тот. — Учебником можно было пользоваться при подготовке к ответу. А зелье мы перед испытаниями варили и приносили уже готовое, кому какое выпало.

— У вас что, на всех испытаниях так? — оторопела я.

— Нет, конечно, — покачал головой Буи. — Но профессор Симеон говорил, что зельеварение боевикам ни к чему, и поэтому он нас сильно не нагружает.

Мы с ассистентом обменялись одинаково ошалелыми взглядами.

— Но позвольте... А другие профессора разве не видели, что у вас отсутствует даже тот минимум знаний, который требует нынешняя укороченная программа?

— А мы и не сдавали никогда при других, — как ни в чем не бывало выдал студюоз. — Профессор Симеон очень много работал и испытания назначал тогда, когда у него время было. Сам принимал...

— А... Ммм... — на какое-то мгновение я разучилась говорить.

Зато моему ассистенту речь не изменила. Взглядом спросив моего разрешения и дождавшись кивка, он поднялся на кафедру.

— Леры студюзы. Думаю, все читали вывешенное в Главном зале расписание Контролей этого года...

Ну, студюзы, может, и читали, а мое загнанное высочество так даже и не видело это расписание, как, в общем-то, и сам упомянутый зал. Впрочем, судя по лицам некоторых студюозов, не я одна.

— Но мне кажется, не все из вас обратили внимание на две строчки мелким шрифтом в самом низу, — продолжал между тем ассистент.

«Очень интересно, что там такое мелким шрифтом, о чем даже ректор не знает. А парень становится все более полезным, кстати. Надо будет все-таки выяснить, как его зовут», — подумала я, наострив уши.

— Для тех, кто не заметил, уточню. В этом году на выпускном Контроле будет присутствовать представитель Совета...

Дальнейшие его слова заглушил целый шквал выкриков. Похоже, на приписку внимание не обратил никто. Хотя и времени на пристальное изучение у студюозов пока не было. Как оказалось, объявление появилось только сегодня утром, и пробегающий мимо народ интересовался в основном датами собственных испытаний, а не читал здоровенный пергамент сверху донизу.

Боевики злились, что-то обсуждали между собой, но я их не останавливала. Все мои силы уходило на то, чтобы «удержать лицо» и не показать меру собственного ужаса. Это будет грандиозное фиаско. Мое личное фиаско. Потому что именно я преподаю этим мордоротам то самое зельеварение, благодаря которому в этом году в Академии стихий не будет выпуска боевиков. Мой первый выпуск в полном составе провалит выпускной Контроль на моем предмете. Потому что невозможно научить за полгода тому, на что отводилось пять лет.

И плевать, что потом дядюшка огреbet от царственного брата за свою «занятость» и нововведения. Об этом узнают всего несколько магиков из ближайшего окружения правителя. А вот о моем громком провале будут знать все! Я невольно поежилась и поманила ассистента.

— Вы сами видели, на что они способны.

— Ни на что, — кивнул чернак.

— Программа, конечно, сейчас куцая, но и там хватит с головой. Составьте план занятий с учетом того, что они не знают ничего. Минус теория, больше практики. Пусть варят, варят и еще раз варят. Попробуем научить их хоть чему-нибудь. Я добавлю в расписание дополнительные часы. Рассчитывайте на три... Нет, четыре практических занятия в неделю.

— Пустые головы приходится заполнять хоть чем-то, — философски заметил ассистент.

— «Хоть чем-то» меня не устраивает, — фыркнула я.

— А это уже как получится, — едва заметно улыбнулся он, и я невольно ответила на улыбку.

По крайней мере, он не лебезит передо мной, как его предшественник, и разбирается в том, чему учит студия. Что ж, хоть с ассистентом мне наконец-то повезло.

Ударил гонг, и мое слегка пришибленное новостями высочество вымелось в коридор.

Остаток дня пришлось угробить на разбор корреспонденции и прочие бумажки, собравшиеся за последние дни и жаждавшие ректорского внимания. Кое-как разобрал гору свитков только к вечеру, я взглянула на часы и активировала портал. Чернак с моими варанами должен был уже ждать на площади. Да и желудок поскуливал, напоминая, что я в очередной раз пропустила и обед, и ужин.

Площадь встретила мое изголодавшееся высочество запахом сдобы и жареных на углях ребрышек. Живот громко заурчал. Выругавшись и пообещав оторвать лже-Максе голову, если тот опоздает хоть на минуту, я пошла к условленному месту. Но репрессии не понадобились. Чернак уже ждал меня с двумя варанами на поводу. Не здороваясь, он сунул кожаные ремни мне в руки и мгновенно исчез в толпе. Что ж, будем надеяться, что у него хватит ума больше не впутаться в такую авантюру, как заговор.

Быстро доставив варанов в загон своего питругского особняка под опеку духов-охранителей, я снова вернулась на площадь. Но ужинать здесь же в одном из пафосных и дорогих ресторанов не захотелось. Слишком велик был риск нарваться на какого-нибудь знакомого аристократа и волей-неволей изображать культурную принцессу, микроскопическими кусочками поедая безумно отвратное, зато очень дорогое и модное блюдо. Но и тащиться на окраину в таверну «У наемника» тоже не хотелось. Что-то мне подсказывало, что Никс так просто не отступится, а очередная разборка с ним вряд ли полезна для пищеварения. Да и наедине с собой я всегда предпочитала оставаться честной: сумел зацепить меня лживый чернак, крепко зацепить, и даже просто вспоминать о нем было больно.

Кое-как отогнав мысли о Никсе, я развернулась и быстрым шагом направилась к выходу с площади. Там, на параллельной улице, недалеко от академии была небольшая, но вполне приличная таверна, где мне уж точно не грозили нежелательные встречи.

По мере приближения к вожделенному ужину настроение улучшалось прямо на глазах. Свернув в узкий переулок, последнее, что отделяло меня от таверны, я начала насвистывать что-то веселое: «Окорок, Рагетта идет к тебе!»

Даже высокий, закутанный в плащ по самые брови незнакомец, внезапно выскочивший на дорогу, не сбил радостный настрой. Продолжая насвистывать, я шагнула в сторону, намереваясь его обойти.

— А ну стой! — рявкнул он и попытался меня схватить.

Я увернулась и отступила к стене, краем глаза отмечая, как из ближайшей подворотни вынырнули еще трое. «Ну, вот что им стоило дать мне спокойно поужинать?!» — мелькнула в голове бредовая мысль. Выругавшись, мое обозленное высочество выхватило из-за спины парные мечи.

Ржавое подобие сабли в руках первого нападавшего переломилось от первого же удара, и он с руганью отскочил, доставая длинный кинжал. Остальные участники праздника подходили не спеша, уверенно беря меня в клещи. Но, как ни странно, сети из белого железа не появлялись. С возрастающим удивлением я наблюдала, как заговорщики, выставив перед собой металлолом, который они ошибочно считали оружием, подпихивают друг друга локтями. «Это что еще за танцы? — лихорадочно соображало мое воспользовавшееся короткой передышкой высочество. — Кого-то ждут?»

Применять магию, кроме щитовой, я и не пыталась, прекрасно помнила, как мои попытки насмешили бандитов в прошлый раз, и полагалась исключительно на парные мечи. С ними я

управлялась недурно, в отличие от этих гопников. «Эх, жаль, так и не узнала, что за плетение применил тогда Никс, — царापнуло запоздалое сожаление. — Впрочем, попробуем симпровизировать».

Пользуясь тем, что бандиты все еще стояли на расстоянии, я подкинула верх один из мечей и сбросила с ногтя ярко-голубую искру замораживающего плетения. Мгновение, и оружие снова у меня в руках, а в радиусе десяти метров, кроме маленького пяточка, занятого моей царственной тушкой, мостовая покрылась тонким слоем льда. Разбойники как раз закончили совещаться, а точнее, глухо переругиваться, и двинулись вперед. Ехидно ухмыляясь, я ждала. Шаг, другой, и вот уже самый смелый и шустрый, или правильнее будет сказать, самый тупой, поскользнулся и начал заваливаться на соседа.

Несколько секунд вся эта шушера балансировала, цепляясь друг за друга, а потом с руганью повалилась на мостовую. Но на этом комедия не закончилась. Почти одновременно откуда-то сверху раздался громкий возглас, заглушивший ляг ржавого железа о булыжник:

— Я спасу тебя, малышка!

Вытаращив глаза, я увидела, как надо мной, картинно вскинув вверх руку со светящимся мечом, пролетает какой-то мужчина и приземляется точно между моим обалдевшим высочеством и кучей копошащихся тел. Голос показался мне знакомым, но затянутое темными тучами небо шансов на быстрое узнавание не оставило.

— Не бойся — со мной ты... — попытался продолжить он, но в это мгновение его ноги разъехались, и странный спаситель шлепнулся на пятую точку. — Уй!!!

Попытка встать успехом не увенчалась. Как и две последующие. Горе-грабители оказались умнее и, побросав ржавые сабли и мечи, расползались в разные стороны прямо на четвереньках, а кое-кто и по-пластунски. Достигнув не замороженной плетением части улицы, они вскакивали и бодро уносились в темноту. Правда, один так торопился, что подняться забыл и удирал, резво перебирая всеми четырьмя конечностями. Впрочем, на скорости передвижения это не отразилось, и он исчез одновременно с подельниками.

А я, согнувшись от безудержного хохота, наблюдала, как копошится неудавшийся герой. Однажды ему почти удалось подняться, но он умудрился наступить себе на полу плаща и грохнулся снова, громко и визгливо выругавшись.

И тут тучи разошлись, и я наконец поняла, почему его голос показался мне знакомым.

— Лер Рус, — прохрипело мое чуть не задохнувшееся от смеха высочество, — ежедневные отработки в загонах ящеров до самого выпуска!

— А-э... — промычал студиоз, упираясь в мостовую руками. Богато изукрашенный самоцветами меч, больше похожий на игрушку, чем на оружие, он давно бросил.

— Ползите в Академию, лер студиоз. И передайте леру Ноксану, что у него такое же наказание. Первая отработка прямо сегодня, — напутствовала я его и, пустив перед собой легкую огненную волну, растопившую лед, отправилась наконец в таверну ужинать.

Блеснувшая за спиной вспышка доказала мне, что Рус вспомнил в конце концов, что он как-никак боевой маг. «Значит, все-таки не отшиб остатки мозгов о булыжники мостовой», — хохотнула я, сворачивая за угол.

Все еще ухмыляясь, мое развеселившееся высочество заказало плотный ужин и в ожидании первого блюда припомнило случайно подслушанный в кустах разговор. «Так вот как этот властный недогерой собирался произвести на меня впечатление. Долго же они выслеживали намеченную жертву. Вроде и до этого моментов для подобного нападения хватало. Хотя... Это маргиналам хватало, а Рус-то ночевать обязан в Академии, на лекциях появляться опять же приходится. Вот и ждал самозванный спаситель подходящего случая...»

Снова расхохотавшись и заслужив тем самым несколько недовольных взглядов, я выбросила из головы недалекого студиоза и занялась восхитительным салатом из перепелиных яиц.

Вернувшись в Академию, мое многое передумавшее за время ужина высочество первым делом достало чистый лист пергамента и быстро записало проблемы. Список получился впечатляющим как по длине, так и по глобальности. Полюбовавшись им несколько минут, я глухо выругалась и с сомнением покосилась на лежавший рядом амулет Основателей. Дело в том, что я всегда старалась полагаться на свои силы и к различным «усилителям» вроде

специальных зелий или артефактов относилась с некоторым предубеждением. Во-первых, к подобному подспорью быстро привыкаешь. А во-вторых, недолго и уверовать в собственные всемогущество и непогрешимость. А такое никого до добра не доводило.

Покочебавшись еще с минуту, я все-таки взялась за толстую золотую цепь: слишком многое стояло на кону, чтобы позволить себе хоть какую-то ошибку.

Амулет заработал почти сразу. Ну или послужил спусковым крючком для застопорившихся мозгов.

Для начала я кардинально проредила список проблем, вычеркнув все то, что не требовало немедленного решения. Ремонт чернакского общежития, наведение порядка в меню столовой и прочие мелочи могли подождать до лучших времен. Немного подумав, мое скрипнувшее зубами высочество причислило к мелочам и проблемы на личном фронте. А точнее, Никса, которого никак не удавалось выбросить из головы, несмотря на все мои усилия.

Дальше я занялась проблемами, которые можно и нужно переложить на чужие плечи, вроде плана занятий по сельеварению для боевиков, каковым уже должен был заниматься мой ассистент, и поисков нового надзирателя для чернакского общежития взамен исчезнувшего вместе с Лайаной, чем предстояло заняться профессору Карне.

Так, злобно черкая пером, оставляя коротенькие пометки и кляксы, я сократила список до трех пунктов: заговор против короны, похищение Максы и исчезновение глупой невесты дядюшки. Выругавшись, вычеркнула и заговор — пусть им занимаются Тайная канцелярия и Па. Лишь бы меня с братом не впутывали.

Оставались Макса и пропавшая черначка. В принципе можно было плюнуть и на нее: приказ об отчислении составить недолго. Но что-то не давало мне просто вымарать этот пункт. Может быть, действовал амулет Основателей. А может, обещание, данное Карне. Отложив решение на потом, я уставилась на последнюю строчку — похищение моего брата. Вот эту проблему надо было решать безотлагательно. Немедленно. Вчера! Но как... мое нервничающее высочество не имело ни малейшего представления.

Сжав стремительно наливающимися свинцовой тяжестью виски, я заставила себя подавить желание кого-нибудь убить, в идеале Алекса, и думать логически.

Первое решение, явившееся в мою бедовую черепушку, оказалось самым простым и, на мой взгляд, самым рискованным. Я могла попросту явиться к Па, рассказать ему все, что знаю о похищении, и молиться Создателям, чтобы Тайная канцелярия успела вовремя, чтобы похитители не убили заложника от безысходности, чтобы царственный родитель сгоряча не записал в заговорщицы и непослушную дочь, нарушившую все его приказы... В конечном итоге, насчитав еще полтора десятка таких «чтобы», мое впечатлительное высочество поежилось и отложило признание правителю на самый крайний случай. Я слишком грешна, чтобы Создатели по моим молитвам явили столько милостей сразу.

Можно было бы кого-нибудь отправить в Локхар на помощь Максе. Но кому можно доверить такое важное поручение, да еще и раскрыть попутно полдюжины государственных тайн, я так и не придумала.

И наконец, был третий вариант, который нравился мне куда сильнее всех остальных: самой отправиться в Локхар, разобраться, что там творится, и по-тихому вытащить братца. У этого плана был только один недостаток. Проклятый Локхар располагался на краю мироздания, куда за пару часов не доберешься. Только дорога туда заняла бы как минимум день, да ведь и в самом замке можно застрять на неопределенный срок. Едва же в Академии стихий заметят отсутствие ректора, а заметят очень быстро, учитывая, сколько баранов, то есть посетителей, ломится в дверь моего кабинета ежедневно, об этом доложат Па. Ну а дальше будет все, как в первом пункте: молитвы Создателям и бесчисленные «чтобы». И самое главное, скорее всего, стража, посланная Па, перехватит меня гораздо раньше, чем мое непослушное высочество доберется до Локхара. Не устраивать же игру в догонялки через полконтинента.

«Ифиты бы пожгли этот Локхар! — в сердцах выругалась я. — Почему всякие заговорщики и сектанты всегда выбирают такие медвежьи углы?!»

И тут до меня наконец дошло, почему мне так не хотелось вычеркивать пункт про черначку. Не удержавшись, я вскочила и зашагала из угла в угол по кабинету. «Мне нужно в Локхар. Макса, скорее всего, там. Вряд ли на Белом континенте одновременно завелось две группы заговорщиков. Там же, если верить амулету, и пропавшая черначка. Так что мешает решать обе проблемы одновременно?! Карна хочет без шума вернуть дурочку обратно и ради такого

случая скроет мое отсутствие в Академии от кого угодно! И мне не придется раскрывать никакие государственные тайны!»

Захваченная гениальной идеей, я едва не приказала духам привести профессора истории в мой кабинет немедленно, но, взглянув на часы, вовремя спохватилась. Только в ночном одеянии я эту сушеную воблу еще не наблюдала. Побродив по комнате минут десять, мое нетерпеливое высочество пришло к выводу, что все к лучшему.

«С утра можно будет ответить на самые ранние письма и показаться кому-нибудь на глаза, так сказать, обозначить собственное наличие. Потом договориться с Карной и порталом выметаться в путь. Заодно и с Крупном переговорю. Возьму его с собой. Он подождет за стенами, а мне какая-никакая страховка на случай непредвиденных обстоятельств», — решила я наконец и, быстро приняв душ, легла в постель: завтра мне понадобятся и силы, и бодрость, и свежая голова, кстати, тоже.

ГЛАВА 23

Чернаки оптом и в розницу

В надежде выспаться на несколько дней вперед я не стала снимать перед сном амулет Основателей. Утром результат был налицо. Точнее, на лице: ифитова побрякушка отпечаталась на щеке всеми своими завитушками. Глухо выругавшись, я потрогала пальцем красные разводы: «Хороша. Кто увидит — решит, что я жертва неудачного эксперимента, распахавшего мне полфизиономии».

К счастью, эта маленькая неприятность имела и полезные последствия. Она напомнила мне о возможности вляпаться в гораздо большую. Ведь не лично же Алексан следил за ненавистой сестричкой. Мало ли, кто из его подручных может знать меня в лицо. Было бы крайне неприятно нарваться на такого вот знатока в логове заговорщиков.

Мысленно похвалив себя за предусмотрительность, я внесла в свои планы еще один пункт: после разговора с Крупном заскочить к какому-нибудь мастеру иллюзий и выбрать подходящую личину. «Кстати, и парные мечи придется оставить в Академии, — мелькнула грустная мысль. — Еще не хватало, чтобы меня опознали по ним».

Быстро закинув в рот какие-то подзасохшие пироги, доставленные духами-охранителями в качестве завтрака, и ответив на десяток утренних писем, я сверилась с планом занятий и отправилась на лекцию профессора Карны, которая вот-вот должна была закончиться. Разумеется, можно было вызвать любительницу чернаков к себе, но мне хотелось, чтобы мое ректорское высочество увидело как можно больше народу.

Если профессор Карна и удивилась внезапному появлению в лектории непосредственного начальства, то ничем этого не показала. Впрочем, я и не хотела привлекать особое внимание: ректор в наличии, многие видели, а большего и не требовалось. Поэтому, кроме приветствия настороженно поглядывающим в мою сторону юным чернакам, не произнесла ни слова, чинно просидев в углу и волей-неволей основательно освежив свои знания о правлении пятого по счету прадеда. Однако ее невозмутимости хватило ровно до конца лекции.

— Что-то случилось, профессор Аленна? — обеспокоенно спросила она, едва за последним переселенцем захлопнулась дверь.

— Пока нет, — отозвалась я, на всякий случай активировав плетение белого шума: любопытные уши мне были ни к чему. — Я обдумала ситуацию с Лайаной.

— Вы решили ее отчислить, — упавшим голосом констатировала Карна. — Правильно. Что для вас будущее переселенки...

— А еще вместо вина я пью кровь чернакских младенцев. Утром, в обед и вечером, — с легким раздражением перебила я. — Не надо считать меня таким уж монстром, профессор. Где по официальной версии наша беглая невеста сейчас?

— В Целительском крыле. Неудачная попытка выполнить домашнее задание по зельеварению.

— Далось вам это зельеварение, — неприятно удивилась я. — Хорошо. Но «болеть» долго она не может. Следовательно, надо вернуть ее в Академию. Иначе лжецами окажетесь вы с Главным целителем и я заодно, раз не заметила подобную аферу под собственным носом.

— Простите, профессор Аленна. Ничего лучшего мне в голову не пришло, а Главный целитель мой старинный друг, вот мы и...

— Теперь поздно каяться. Надо вернуть девчонку обратно, и желательно, не привлекая внимания Стражи и Тайной канцелярии. У вас есть на примете кто-нибудь, кого можно было бы за ней послать? И кого она послушается, разумеется?

— Может быть, Никса, нашего сторожа? — предложила Карна.

— Вы считаете, что его Лайана послушает?

— Скорее всего, нет, — подумав, профессор покачала головой, а потом, глубоко вздохнув, словно набираясь храбрости, выпалила: — А вас послушает!

— Меня? — притворно удивилась я.

— Да, вас! — горячо закивала Карна. — Вы — ректор, дочь правителя, да еще и будущая родственница!

Последним аргументом мое расслабившееся высочество чуть не подавилось, но кое-как смолчало.

— А как мы объясним уже мое отсутствие в Академии? — пробарабанив по столешнице какой-то бравурный марш, спросила я. — Сомневаюсь, что правителю...

— А кто ему сообщит? — перебила Карна, заметно приободрившись. — Вы и так не больно-то часто появляетесь на людях. Это не упрек!

— А письма? — уточнило мое выбирающее подходящий для согласия момент высочество. — На них ведь надо отвечать.

— Это могу делать я. Только оставьте духам-охранителям указание переправлять почту мне. Я же ваш заместитель, это моя обязанность.

«Да что ж вы сразу не сказали?!» — едва не заорала я, но Карне хватило моей перекошенной физиономии.

— Вы ничего не говорили, и я думала, вам не нужна помощь, — быстро начала оправдываться она.

— Дядюшка? — хмуро перебила я.

Вместо ответа профессор Карна пристыженно отвела глаза:

— Мне очень жаль...

Мое обозленное высочество только зубами закрипело. Очень хотелось послать эту сушеную воблу вместе с ее безголовой черначкой к ифитам и хлопнуть дверью. Но по понятным причинам я этого не сделала.

— Хорошо. Об этом потом. Чтобы добраться до Локхара, найти Лайану и вернуться с ней обратно, мне понадобится как минимум три дня. Рассчитывайте на это. Но если возникнут непредвиденные обстоятельства, поездка может и затянуться.

— Вы так великодушны, Аленна, — на глазах любительницы чернаков блеснули самые настоящие слезы, и я на мгновение стала противна самой себе: знала бы она, где лежат истоки моего великодушия. Впрочем, неуместный приступ самобичевания быстро прошел. Не ради собственной выгоды я тут крутилась, как ифит на льдине. Да и сама Карна тоже хороша.

Обговорив мелкие детали, мы расстались, довольные друг другом. Вернувшись в кабинет, я погладила висящий на груди амулет Основателей: пока все шло по плану. С легким сожалением убрав такую полезную побрякушку в ящик стола, мое постепенно обретающее уверенность в удачном исходе своей аферы высочество отдало последние распоряжения духам-охранителям и шагнуло в портал.

Сорок минут спустя я уже стояла у двери в каморку Круппа в таверне «У наемника». Полугном оказался на месте и как раз завтракал, заливая похмелье кислым вином. Но на этом отпущенная мне на сегодня Создателями удача закончилась. Выслушав сказочку о том, что мне необходимо выяснить, кто натравил на бедную меня корыстных ухажеров, Крупп помочь отказался наотрез.

— Я пока еще жить хочу, — заявил он, обгрызая баранью ногу. — Домик на юге, опять же, ждет. Я его для себя строил, а не для наследников. Которыми, кстати, пока не обзавелся. А соваться в разборки аристократов — самому себе смертный приговор готовить. Извини, Рагетта. В Локхар я не поеду и тебе не советую. Ты бы вообще затаилась. Сходи с караваном или в охрану к кому-нибудь подрядись на окраине. В общем, скройся.

— К себе на юга уже не приглашаешь? — криво улыбнулась я.

— Извини, — Круп развел руками, ткнув бараньей костью в близкую стену. — Лет через пять милости прошу. А пока — скройся. Я и сам так сделаю. Сегодня уезжаю. Ты меня случайно застала.

Он отвел глаза и умолк, сосредоточенно отколупывая от жирного хряща налипшую штукатурку.

— Ровной дороги.

— И тебе, — буркнул полугном, не отрываясь от своего занятия.

Не видя смысла продолжать бесполезные уговоры, мое разочарованное высочество поднялось и пошло к выходу.

— Рагетта! — окликнул он меня у самой двери. — Тебе деньги нужны? Полсотни могу подкинуть.

— Нет, — качнула головой я и вышла.

Попытка подстраховаться провалилась, но, подумав, я решила, что оно и к лучшему. Меньше народу — меньше следов и, следовательно, меньше шансов попасться. Подбадривая себя таким образом, я дошла домой и, с некоторым сожалением сменив любимое оружие на мечи попроще, открыла последний выпуск «Кто есть кто в Питруге». Подобные рекламные книжонки бесплатно разносили по всем домам в квартале аристократов каждый год. Правда, я ими никогда не интересовалась и, если бы не помощь домашних духов-охранителей, в жизни бы не нашла.

Искало мое наивное высочество мага-иллюзиониста и отводило на это нехитрое действие всего несколько минут. А зря. Поначалу, обнаружив, что нужный раздел занимает целых шесть страниц, я обрадовалась, но через несколько минут радость уступила место черной меланхолии. Все эти шесть страниц занимала длинная рекламная статья о хорошо знакомом мне магике. Впрочем, не только мне. Этот кадр не стеснялся расхваливать собственные достижения на каждом углу и однажды даже побывал во дворце моего Па.

Дело было в сезон дождей, поэтому мое не любившее грязь и слякоть во всех проявлениях высочество как раз обреталось дома. По такому случаю царственный родитель устроил очередной отбор женихов, топорно замаскированный под праздник по поводу выздоровления любимого кота. Поскольку вернулась в отчий дом я, как всегда, без предупреждения и ненадолго, то на организацию этого фарса времени оставалось мало. Замороженный распорядитель, не вникая в подробности, нанял для украшения залов и увеселения гостей самого многообещающего иллюзиониста. Обещал он и в самом деле много и гостей повеселил изрядно. Так, в начале бала белые розы со стен банально истаяли. Этого бы никто не заметил, но горе-иллюзионист решил оперативно восстановить декорацию. В результате его попыток по полу запрыгали бесчисленные лягушки. Кое-кто из высокопоставленных танцоров сразу превратился в низко сидящего, а то и в низко лежащего. А уж сколько дам картинно попадало в обмороки, история умалчивает. Развлекательные иллюзии криворукому магику не удалась совсем. По крайней мере, не думаю, что он в самом деле хотел осыпать гостей кухонными отходами и устроить нашествие мерзко визжащих нетопырей-крикунов на ночной парк. Апофеозом праздника стал момент, когда Па заметил приветственный транспарант, висящий четко над тронем. Некоторые буквы испарились, и огромное полотнище гласило: «Достали!». Почему-то Па решил, что это моих рук дело, и долго гонялся за мной по дворцу после того, как гости разъехались.

Вспомнив об этом, я захихикала, но смех быстро увял. Как ни крути, но иллюзионист мне был необходим. И желательно такой, чтоб его плетения не слетели в самый неподходящий момент. Я уже решила было поискать нужного специалиста по дороге, но тут взгляд упал на скромное серое объявление в самом низу страницы — оказалось, в Питруге все-таки был еще один иллюзионист.

Указанную в книге улицу я разыскала с большим трудом. Ею оказался короткий в три дома тупик на границе торгового квартала. Справа от нужной двери располагался заколоченный салон художественного пирсинга для ящеров, слева — трактир самого низкого пошиба. Отогнав закономерные сомнения, иллюзии — развлечение для богатых, а здесь такими и не пахло, я привязала ящера к каменной тумбе у входа и постучала в обшарпанную дверь. «По крайней мере, тут уж точно никто не знает в лицо дочь правителя», — утешила я себя.

— Вам кого? — открывшая черначка смерила мое задумавшееся высочество подозрительным взглядом.

— Я к мастеру.

— Какому еще мастеру?

«Если тут всех клиентов так встречают, то облезлая дверь и тяжелый дух нищеты меня больше не удивляют. Впрочем, может быть, магик переехал?»

— К мастеру-иллюзионисту. Или я ошиблась адресом?

Черначка не удостоила меня ответом. Развернувшись, она крикнула куда-то в потолок:

— Ар! К тебе!

Дверь осталась стоять нараспашку, но входить меня никто не приглашал, и я задержалась на пороге, ощущая все усиливающееся желание уйти. Профессионалы своего дела просто не могут так жить!

— Вы ко мне? — тихий голос вывел меня из задумчивости.

— К вам, если вы — магик-иллюзионист, — удивленно ответила я щуплому чернаку примерно моих лет, зябко кутающемуся в изношенную тужурку.

— Да, это я. Прошу за мной.

Я не пошевелилась. Тратить время на очередного шарлатана у меня не было ни малейшего желания, а никем иным парень быть не мог. Масштабные иллюзии требуют серьезных затрат Силы. Такого резерва у чернака просто не могло быть от природы.

— Мне нужна долговременная иллюзия.

— Вот! — вмешалась снова появившаяся в полутемном коридоре черначка. — Я тебе говорила, что никому твои придумки не нужны! Работать шел бы, дармоед! Тебе трактирщик предлагал по вечерам народ разалекать?

— Рина, я уже объяснял тебе...

— Работать ты не хочешь! Вот все твои причины! — моментально завелась злобная тетка.

Я молча развернулась и стала отвязывать варана.

— Лерра! Подождите! — рванул за мной хозяин. — Я могу сделать долговременную иллюзию! На любой срок, какой вы захотите!

— Да неужели? Прежде чем дурить кому-то голову, поинтересовались бы предметом, раз уж в Академии плохо слушали преподавателей. На такие иллюзии нужно много Силы. Вам просто резерва не хватит сразу влить такое количество.

— Я использую не свои силы, а ваши, — тихо проговорил чернак.

Мое обалдевшее от подобной наглости высочество чуть рот не разинуло.

— Это невозможно, — холодно проговорила я, в последний момент вспомнив, что как-никак принцесса, и удержав рвущуюся с языка ругань. — Слава Создателям, магии еще не научились отбирать чужую Силу.

«А те, кто научился — далеко», — добавила я мысленно, вскочив на ящера. Но чернак не дал мне уехать.

— Я и не отбираю! — воскликнул он, схватив варана за повод и рискуя остаться без пальцев. — Я просто не буду создавать искусственный резерв для подпитки иллюзии, а привяжу плетение к вашему!

— Вы такое можете?

— Да! — с заметной гордостью подтвердил он. — Это моя находка! Раньше так никто не делал!

Я замешкалась. С одной стороны, в чернакские изобретения в области иллюзий, да еще такие, верилось с огромным трудом, если не сказать, вообще не верилось. Тратить на пустышку время, которое и так убегало с безумной скоростью, как песок сквозь пальцы, очень не хотелось. Но с другой... Если он все-таки говорит правду...

— Хорошо, пошли, — решила я.

Чернак сказал правду. Особо не раздумывая, я выбрала образ его крикливой супруги, а потом с медленно отвисающей челюстью наблюдала, как линии плетения иллюзии напитываются моей силой и становятся почти неотличимыми от линий ауры. Такого мое много повидавшее высочество, само проходившее под личиной целый год во время обучения в Академии, еще не

видело никогда. Больше не нужны были регулярные подпитки, на которые мне приходилось ежемесячно отправляться во дворец в бытность мою студиозой. Да и сама иллюзия больше не смотрелась в истинном зрении инородным телом. Конечно, истинное зрение доступно далеко не всем, да и учиться ему долго, но кто сказал, что таких умников не найдется в логове Алехсана? А теперь я могла не опасаться даже их.

Щедро расплатившись и взяв с мастера обещание никуда не уезжать и дожидаться моего повторного визита, я двинулась на выход.

— Лерра! — запоздало окликнул он, похоже, тоже слегка ошалев от суммы, полученной за услуги. — Ключевое слово!

— Мммм...?

— Иллюзия бессрочная, чтобы от нее быстро избавиться, нужно вплести ключевое слово. Когда оно прозвучит — иллюзия спадет. Ну или вы можете прийти ко мне, когда вам надоест этот облик.

— Нет уж, давайте ваше слово, — отозвалась я, представив, как доказываю Страже, что я — дочь правителя.

— Ваше слово, — слегка улыбнулся чернак.

— Гдырх, — ляпнула я непонятно откуда всплывшую в голове абракадабру. Уж такое-то точно никому не придет в голову выдать в моем присутствии.

Переселенец вздрогнул, но искорку плетения сбросил и, поклонившись, сказал:

— Готово.

Я кивнула и бодро порысила к выходу. Уж в таком-то обличье узнать меня невозможно — самое то, чтобы навестить Локхар. И побыстрее. Время поджимало все сильнее. Не сможет же Карна скрывать мое отсутствие неделю!

Все шло по плану, и тем не менее две ошибки на тот момент я уже совершила. Первая проявилась почти сразу. Мое погорячившееся высочество, выбирая личину, совершенно не подумало о том, как будут смотреть на проезжающую мимо черначку в доспехе, да еще верхом на породистом боевом варане. Меня даже попытались арестовать, решив, что ящера я украла. Слава Создателям, старший в отряде оказался достаточно сильным магом, чтобы увидеть привязку рептилии к хозяйке. Мысленно осенив себя святым кругом, я поспешила покинуть Питруг. В следующем демонстрирующем служебное рвение патруле могло и не оказаться такого продвинутого командира. И сидеть мне тогда в застенке до утра в ожидании штатного ментала, а потом полдня доказывать собственную благонадежность.

Вторую ошибку я заметила, только сообразив, что до темноты остается от силы часа полтора, а мое высочество бодро скачет через лес, и до ближайшего, хоть и последнего из нужных, портала еще ехать и ехать.

— Ну где были мои мозги?! — взвыла я, глядя на стремительно темнеющее небо.

Вопрос вполне закономерный, учитывая, что время на дорогу мое безголовое высочество рассчитало по порталам, совершенно упустив из виду их особенности. Далеко не у каждой порталной арки хватит мощности на перемещение ящера весом в полтонны. Столкнувшись с этим в первом же городке, я машинально изменила маршрут, не подумав, что он стал длиннее как минимум вдвое!

Конечно, как дочь правителя, я могла на любой портал стянуть энергию всех окрестных и отправиться хоть к ифиту на хвост. Для этого надо было всего лишь оставить каплю моей крови на арке. Ага... Проще уж сразу отправить Папочке письмо, куда и зачем скачет его своевольная дочурка, и подождать боевиков из Тайной канцелярии в ближайшей таверне!

Сплюнув, я съехала с дороги: по ночам одиночки на тракте не появлялись. Впрочем, мелкие отряды и караваны следовали их примеру. И даже мое торопливое высочество не пренебрегало этим правилом с тех пор, как на моих глазах ночная гарча сорвала со спины варана дюжего наемника-тролля, а минуту спустя в пыль упала его мумия. Меня спасло только то, что в тот момент над моей пустой головой нависала длинная ветка.

Собирая в сгущающихся сумерках хворост для костра, я вспоминала порталную сетку Белого континента. Но возможностей как-то сократить путь не было. Разве что прямо из Питруга

отправиться в главный город северной провинции, на окраине которой и притулился Локхар. Но, во-первых, оттуда до проклятого Локхара я добиралась бы еще дольше, а во вторых, в том, что сообщение с мятежным замком еще не взяли под контроль, я сильно сомневалась. Если, перемещаясь короткими скачками, разделенными пешими переходами, я еще могла избежать пристального внимания Тайной канцелярии, то прямой перенос уж точно бы их заинтересовал.

Костер разгорелся быстро. Пристроившись рядом на расстеленном плаще, я нанизала на тонкий прут кусочки холодного окорока, прихваченного в последнем поселке, и закрепила над огнем.

И тут где-то за границей освещенного пламенем костра круга со стороны тракта хрустнула сухая ветка. «Расслабилась!» — мелькнуло в голове, а в ладони уже плясал сгусток раскаленной плазмы. Охранный контур я, разумеется, поставила сразу, как собрала хворост, но мало ли на свете монстров, которым такая защита на два удара лапой?!

— Ровной дороги и чистого неба! — донеслось из темноты, но гасить плетение я не спешила.

На тракте и без монстров хватало опасностей. Да и вообще, правильно как-то сказал бывший хозяин трактира «У наемника»: «Самый опасный монстр — человек». Он знал, о чем говорил — самые страшные шрамы на его покореженном теле оставили как раз люди.

— И тебе ровной дороги! — отозвалась я, впервые услышав собственный новый голос, пока ругалась со стражниками, как-то не до того было. Ну и гадость! — С чем пришел?

— С миром, — отозвался поздний гость и шагнул в круг света.

Я резко выдохнула и забыла вдохнуть. В трех метрах от меня стоял Никс. Пока мое оторопевшее высочество глупо шлепало губами, чернак присел с другой стороны костра и произнес что-то непонятное. Судя по отрывистым рубленым звукам, говорил он по-чернакски, но я-то этого языка знать не знала. Меня, в отличие от Максы и Алексана, ему не учили.

— Совсем маленькой с Черного континента уехала? — с сочувствием проговорил Никс, по-своему поняв мое молчание.

— Угу, — буркнула я, кое-как совладав со сжавшимся горлом.

Мысли метались, как стая взбесившихся варанов. Прогнать незваного соседа я не могла. Не гонят на тракте одиноких путников по ночам. Разве уж гость совсем распоясался, но и то это считалось очень дурной приметой. Но и сидеть вот так рядом... Создатели! За что вы так со мной?!

— Не бойся, не обижу, — мягко улыбнулся чернак, видя, что я продолжаю молчать. — Не рассчитал, думал, успею до города, а тут ящер захромал.

— Прямо тут и захромал? — не удержалось мое язвительное высочество.

Чернак не обиделся:

— Нет. Это я, болван, решил скостить путь. Тут тракт петлю делает, знаешь, небось. А я через осыпь поехал. Ну и... — он развел руками.

— Ясно.

Про изгиб дороги, обходящий старые каменистые осыпи, я прекрасно знала, но при всей своей торопливости riskовать переломать варану ноги, а заодно и себе шею не стала и туда не сунулась. Чернак оказался более рискованным. Или торопился больше? Неужели узнал, что проклятая ректорша испарилась из Академии и мчится доложить об этом хозяину?

— Если я тебе мешаю... — начал было Никс, наконец, правильно поняв мою угрюмую мину, но у моего высочества на этот счет мнение уже изменилось.

— Не мешаешь, — перебила я. — Есть хочешь? Угощайся.

Я сняла прут с поджарившимися кусками мяса и разломала его пополам. Чернак чиниться не стал и угощение принял. А взамен над костром появился котелок, в который он мгновенно натянул воды из воздуха. Пока мы доели мясо, на весь лес уже пахло ароматным травяным чаем.

— Долг платежом красен, — улыбнулся Никс, зачерпнув жестяной кружкой кипящее варево и искоркой остудив его до приемлемой температуры.

Я пригубила напиток, одновременно принюхиваясь. Как бы мое упрямое высочество ни отбрыкивалось от зельеварения, но учили меня на совесть, и уж такие простенькие настои я могла разложить на составляющие по одному запаху. Но ничего вредного или опасного в этом вареве не было.

Когда кружка опустела, я уже окончательно успокоилась и даже решила, как действовать дальше. Никс меня не узнал, да и не мог узнать. Глупо было бы этим не воспользоваться. Мое подлое высочество и воспользовалось, старательно не обращая внимания, как саднит глубоко в груди.

Допивая отвар, я с преувеличенным вниманием вглядывалась в темноту за спиной чернака. В какой-то момент мои усилия увенчались успехом, и Никс обернулся. Этого мгновенья мне хватило, чтоб бросить в кружку щепотку серой пыли из кисета за поясом.

Когда он снова посмотрел в мою сторону, я как ни в чем не бывало протянула ему пустую кружку. Ну почти пустую. Но кто в темноте заметит налипший на влажные стенки порошок? Никс не заметил.

— Что там? — спросил он, зачерпывая настой для себя.

— Показалось, наверное, — пожала плечами я, отчего-то чувствуя себя последней сволочью. Даже захотелось вскочить и вышибить кружку из рук чернака. Но я была принцессой. Меня с детства учили подавлять эмоции и прочие вредоносные порывы. Поэтому мое невозмутимое высочество спокойно смотрело, как переселенец пьет.

— Как меня от тепла разморило, — потянулся Никс, выплеснув в кусты остатки настоя.

— Бывает, — усмехнулась я. — А что тебя по тракту носит?

— Это раньше носило, — хохотнул чернак. — Теперь я оседлый. Ну пока оседлый.

Он немного нахмурился. Похоже, последняя мысль ему не понравилась.

— А что так?

— Раньше я наемником был. Ходил с караванами по тракту. А потом... — плавная речь прервалась. Никс тряхнул головой, пытаясь прогнать навевшую моими травами сонливость. Но этот сбор в свое время не зря так понравился Тайной канцелярии. — В общем, помогли мне, устроился на постоянное место. В Академию стихий в Питруге. Вот уж не думал, что после учебы туда вернусь... Только, как оказалось, ненадолго.

— Надоело? — подначила я.

— Мне-то нет, а вот я надоел, — хмыкнул Никс. — Начальство сменилось, и кончилась моя спокойная жизнь. Такая стерва...

— Почему это стерва?! — не сдержалась я.

— Не потому, что женщина, ты не думай! — спохватился Никс, опять по-своему и в очередной раз неправильно истолковав мои слова. — Она из белаков. Ну знаешь... Из тех, у кого родословная длиннее тракта и самомнение выше неба. Ты же тоже из наемников. Должна была с такими сталкиваться. Для них слова «чернак» и «дурак» — синонимы.

Скрипнув зубами, я сменила тему. Выслушивать о себе гадости мне не хотелось от слова совсем.

— Так тебя уволили?

— Пока нет, но за этим дело не станет.

— А что ж ты на тракте тогда забыл? — наигранно-равнодушно поинтересовалось мое затаившее дыхание высочество.

— Да тут такое дело...

— Какое? — поторопила я, не дождавшись продолжения.

— Девушку ищу, — буркнул чернак и умолк.

— Ну нашел. Вот она я, что дальше?

Но очередная попытка не увенчалась успехом. Никс захлопнул открывшийся было для ответа рот и, завернувшись в плащ, лег ногами к костру:

— Прости. Что-то я заболтался, а ехать еще далеко. Надо отдохнуть.

Говорить, что я удивилась, стало бы сильным преуменьшением. Мое замороченное высочество слетело в откровенный ступор. Да той дозы порошка болтливости, что я ему скормила, хватило бы, чтобы разговорить десяток министров. Противиться действию невзрачной серой пыли было очень сложно, мне ли этого не знать? Ведь подобные штуки я, вопреки приказам и запретам Па, испытывала именно на себе. Так вот. Сама я, зная, что проглотила и каково действие, смогла сопротивляться этой ифитовой смеси раз на пятый, и то с переменным успехом. Раздумывая, есть ли у чернаков врожденный иммунитет к одному из компонентов или это Никс такой экстремально сильный духом уникам, я тоже улеглась.

С необычной сдержанности чернака мысли плавно переползли на собственные планы. Мало того что мне на голову свалился Никс, явно стремившийся туда же, куда ехало мое непредусмотрительное высочество, так еще и вопрос, как попасть в мятежный замок, снова встал во всей красе. Раньше-то я думала покрутиться вокруг, выбрать подходящий момент и наврать охране на воротах что-нибудь про послание Круппа. Наверняка Алексан с нетерпением ждет известий от купленных для сестрички женишков. Но теперь меня все больше терзали сомнения. Да и как отделаться от Никса? Если он узнает меня в замке, мне не жить.

ГЛАВА 24

Что попугачику скормишь, в то и вяпаешься

Проснулась я, вопреки обыкновению, с первыми лучами светила. Впрочем, тому было вполне обыденное объяснение. Варан, которого я из-за вчерашних сюрпризов забыла покормить, выдернул зубами сумку у меня из-под головы, пытаюсь добраться до остатков окорока. Шлепнув нахальную рептилию, забывшую, что представители ее породы могут не есть неделями, по морде, мое отбившее затылок высочество поднялось на ноги.

Сборы не заняли много времени, и четверть часа спустя варан уже нес меня по тракту к ближайшему городку, где была порталная арка. Разумеется, Никс ехал рядом. Рассчитывать, что его путь лежит в противоположную сторону, было бы слишком оптимистично. Не с моим счастьем, как говорится.

— Извини, — минут через сорок чернак все-таки заговорил. Наверное, головная боль, побочный эффект от применения порошка болтливости, пошла на спад. — Я даже не назвался вчера. Я — Никс.

— Да ты вчера вообще какой-то убитый был, — отозвалось мое уже давно решившее, как вести себя с незванным попугачиком, высочество.

— Угу, точно. Вечер как в тумане. Видно, пока ехал, еще держался, а тут догнало все сразу.

— Бывает, — кивнула я.

— А как тебя зовут? — продолжал чернак с каким-то странным выражением на лице.

— Рина.

— Рина... Показалось, что я тебя где-то видел, да, видно, ошибся.

— Может, и видел, — пожало плечами мое моментально покрывшееся холодным потом высочество. — На тракте с кем только не сталкиваешься.

— Это да. Ты с караванами ходишь?

— Нет. Я курьер.

— А... Извини, что спросил.

— Да ладно. Я не по работе сейчас. По личному.

Я помолчала, делая вид, что раздумываю, стоит ли что-то рассказывать первому встречному. Конечно, все это было игрой. И да. Я сама себе была противна, разыгрывая сценку из разряда «несчастливая девушка доверяется незнакомцу». Но других вариантов мое вдоволь поломавшее мозги высочество не видело. Да и первоначальный план представиться посланницей Круппа, по зрелому размышлению, не выдерживал никакой критики. Ну приеду. Ну скажу, что я от полугнома. И что? В лучшем случае меня проведут к Александру, тот выслушает мое насквозь лживое сообщение, а потом курьера отправят обратно. А в худшем — просто не пустят.

— Брат у меня есть, — заговорила я наконец. — Младший. Его лет через пять после меня забрали. Он в девушку влюбился со своего курса. А она сбежала из Академии.

— О! — воскликнул чернак.

Впрочем, сыграть достаточную степень удивления он не смог. Знал же прекрасно про удавшуюся девчонку, сам ее искал, пока Карна ко мне с повинной не явилась.

— Угу. Вот такая дура. А тут у них слухи пошли, что она не сама сбежала, а похитили ее. И держат на севере, в Локхаре. Как по мне — глупость несусветная! Но брат-то у меня один. Очень расстроился. Я и пообещала сгоряча, что съезжу, проверю. Вот, еду теперь. Накостыляют мне там по шее, тем дело и кончится.

Я вздохнула, сумрачно глядя на показавшийся на горизонте городок. Всем своим видом мое актерствующее высочество изображало досаду, а на самом деле, затаив дыхание, ждало, что ответит Никс. Начни он отговаривать меня от посещения Локхара, значит, точно завяз в заговоре по самую маковку. А если предложит помочь, то... Впрочем, существовала еще небольшая вероятность, что, предлагая помощь, он попытается заманить излишне

любопытную девицу в ловушку. Но уж это-то ему точно не удастся. Я, конечно, не умею, подобно менталам, на «раз» отличать ложь от правды, но желаю мне добра или смерти, разберусь. Как и любой член королевской семьи, кроме, разве что, слабодарца Алека. Нас этому учили. Вопросы выживаемости, знаете ли...

— Знаешь, я тебе помогу. В благодарность за ночлег и вообще... За порядочность.

— В смысле? — неподдельно опешила я.

— Я вчера вырубился, даже охранку не активировал. Ничего. Но ты меня убить не попыталась, даже не ограбила, — усмехнулся чернак.

— Ну и мысли у тебя, — фыркнула я.

— Уж какие есть. Я же видел, что тебе мое появление поперек горла. Но не прогнала и с утра дождалась, пока я глаза продеру, не бросила. Хорошие дела должны вознаграждаться.

Я не нашлась что ответить. Зато мыслей появилось, хоть отбавляй. И все очень мало соответствовали высокому званию принцессы: «Вот почему этот ифитов чернак вечно ждет от меня какой-нибудь гадости?! То чернаков я ненавижу, то спящих граблю!»

— В общем, я тоже в Локхар еду. Мне... Хотя это не важно. Но меня там знают и пропустят. Ну и тебя вместе со мной. Одной бы тебе точно шею намылили. Порядки строгие.

— Спасибо, — отозвалась я, в очередной раз почувствовав себя помесью жабы со слизняком.

«Там мой брат! — пришлось напомнить взбунтовавшейся совести о печальной реальности. — А Никс, как бы по-доброму он себя сейчас ни вел, не так давно волочился за мной в надежде на хороший заработок! И вообще, неизвестно еще, зачем он сам едет в этот ифитов Локхар и почему его там знают!»

— А зачем туда тебе? — рискнула спросить я.

— Да так, — уклончиво ответил чернак, явно думая о чем-то своем. — Надо встретиться кое-с кем.

Дальше мы ехали молча. Так же молча прошли через телепорт и снова сменили булыжную мостовую на пыль тракта. Никс то и дело клевал носом, потом подскакивал и, приподнявшись, оглядывал тракт. Постепенно сонные периоды становились все длиннее, и в какой-то момент он чуть не свалился с варана. Я едва успела подпереть плечом заваливающееся набок тело. Но и тогда чернак не проснулся, навалившись на меня всем весом.

— Эй! — подпихнув его, я случайно коснулась ладонью пальцев Никса.

И едва не обожглась! Чернак полыхал жаром, словно плавильная печь.

Кое-как, больше при помощи ругани и грубой силы, чем магии, я переместила бесчувственное тело в слегка подмороженную траву у обочины. Вот что, ифит пожги мое невезучее высочество, случилось с моим неожиданным попутчиком?!

Попытки привести чернака в чувство подручными средствами вроде пощечин и ледяной воды успехом не увенчались. Отвесив мысленную оплеуху уже себе, мое не к месту запаниковавшее высочество слегка опомнилось. Даже моих скромных познаний в целительстве хватило, чтобы понять — в нынешнем плачевном состоянии Никса виновата именно я. То-то он накануне так странно среагировал на мой порошок. Не в повышенной сопротивляемости было дело, а в индивидуальной непереносимости. Впрочем, возможно, эта непереносимость распространялась на всех чернаков, но в данный момент меня заботил только этот один, внезапно оказавшийся у меня на руках в совершенно беспомощном состоянии.

Ругая последними словами и Никса за его упорное нежелание мирно исчезнуть из моей жизни, и себя за излишнее любопытство, я устроила чуть глубже в лесу лежанку из срезанных веток. Уложив чернака, которого уже бил озноб, я укутала его в оба наши плаща, а сверху набросила согревающее плетение. В сумке нашлось простейшее общеукрепляющее зелье, прихваченное на всякий случай для Максы. Им я и напоила трясущегося в лихорадке попутчика. Настой подействовал, и Никс затих, хоть и не пришел в сознание.

Костер из промерзлых сучьев разгорался медленно и неохотно, а я сидела рядом и пыталась понять, что же мне делать дальше. Ну не целитель я. Да, мое много лет угробившее на зельеварение высочество знало полсотни всевозможных настоев и отваров, которые могли бы

сбить жар. Несколько из них, пожалуй, можно было бы сварить прямо тут, побродив по округе и собрав подмороженные травы. Но я боялась. Мало ли, на что еще может неправильно среагировать чернак. Еще угроблю его от горячего желания срочно исправить собственные ошибки!

Я с тоской посмотрела в сторону тракта. Никс вырубился ровно на середине дороги между городком, откуда мы выехали сегодня утром, и замком Локхар. И везти его в таком состоянии в любую сторону было невозможно. Разве что перекинуть через холку ящера, как мешок с репой, и привязать удерживающим плетением. Но тогда уж милосерднее было бы его просто убить прямо тут или оставить на обед лесным монстрам, потому что в таком состоянии он не сможет защититься даже от мелкой северной крысы размером с ладонь.

А в мятежном замке проклятый Алексан удерживал моего брата, и только Создатели знают, что сейчас происходило с ним. Как принцесса и дочь правителя, мое верноподданное высочество должно было плюнуть на какого-то безродного переселенца и мчаться на помощь государю-наследнику. Но я вот уже который час продолжала сидеть у костра посреди леса и смотреть в бледное, покрытое мелкими бисеринками пота лицо Никса. Чернака, который ненавидел меня в одном облике и пытался использовать в другом. Чернака, которому, возможно, в ближайшем будущем уготована плаха за участие в заговоре. Чернака, которого я любила...

Испугавшись направления собственных мыслей, я подскочила и закружила по маленькой полянке стоянки. Угомонилось мое в очередной раз распахивавшееся высочество, только случайно наступив на кончик хвоста варану Никса и с трудом увернувшись от клацнувших в миллиметре от моего бедра зубов.

Я выругалась, ощущая непреодолимое желание побиться дурной головой о ствол ближайшего дерева, и тут у меня за спиной прозвучал хриплый голос Никса:

— Рина?

— Никс! — Я резво развернулась на сто восемьдесят градусов и подскочила к лежанке.

— Где это мы?

— На полпути к Локхару.

— А... — он красноречиво обвел рукой поляну.

— Ты отключился, — с кривой улыбкой пояснило мое пристыженное высочество. — Пришлось остановиться.

— Так вот где оно меня догнало... — пробормотал чернак.

— Что догнало? — насторожилась я.

— Да я тогда на осыпи и сам головой приложился. Думал, ничего, но вчера весь вечер как пьяный, и сегодня башка трещала. Как из города выехали, помню, а дальше — провал. Это ты меня сюда?..

— А кто еще? — буркнула я. Знал бы он, что за осыпь нашлась на его голову.

— Надо ехать, — чернак с трудом сел. — Ночью ворота в Локхар запирают, а ночевать в этом лесу нельзя.

— А ты доедешь? — с сомнением спросила я, глядя на уже не бледную, а какую-то серую физиономию переселенца.

— Если жить хочу, доеду. И тебе из-за моей глупости погибать ни к чему.

— Так сразу и погибать, — хмыкнула я.

— Такие, как ты, не предают, — покачал головой Никс. — Когда упал, не бросила и потом не бросишь. А ночь в этом лесу...

— Что я, думаешь, ночных лесов не видела? — возмутилось мое оскорбленное высочество.

— Таких не видела. Тут недалеко гнезда гарчей. По ночам их личинки по лесу ползают.

— Ифитова Бездна, — невольно ахнула я.

— Вот тебе и Бездна, — невесело ухмыльнулся чернак, кое-как утвердившись на подрагивающих от слабости ногах.

Как мы добирались до Локхара — отдельная песня. Точнее, даже не песня, стон. Никс то и дело норовил свалиться с варана в пыль. Мне приходилось не только править двумя рептилиями и уворачиваться от зубов его варана, недовольного близостью чужака, но и поддерживать чернака, не давая ему упасть. В конце концов я заставила его сесть перед собой, а злобного ящера на длинном поводке потащила следом. В какой-то мере стало легче, теперь я не рисковала лишиться парочки пальцев каждые десять минут. Зато Никс навалился на меня, как на спинку кресла, всем своим немаленьким весом. Одно хорошо — мой варан носил магическую привязку, слушался меня беспрекословно и не пытался откусить кусочек от дополнительного седока.

Увидев перед собой высокие ворота мятежного замка с гостеприимно распахнутой калиткой, я испытала ни с чем не сравнимое облегчение. И только тут мое безголовое высочество сообразило: Никс без сознания, поручиться за незваную гостью некому. А ну как его сейчас заберут внутрь, а меня вышвырнут обратно в лес, к личинкам гарчей?!

Никто никуда меня не вышвырнул. Да и строгостей, обещанных Никсом, я тоже не заметила. Стражники сидели у ворот на каком-то бревне даже без кольчуг, а оружие вообще было навалено неопрятной кучей в стороне.

— Проходи! — лениво махнул рукой один из горе-охранников.

Удивившись, я-то думала, замок готовится к осаде, а тут тишь да гладь, мое вымотанное высочество, дернув за повод заупрямившегося было ящера Никса, наконец оказалось в относительной безопасности.

Лениво перебрасываясь шутками про какого-то монаха, который вдруг обзавелся подружкой, двое из охранников избавили меня от мешка по имени Никс и потащили его в сторону главного здания. Что интересно, говорили они по-белакски. Видимо, не я одна не знала «родной» язык.

Выглянувший из приземистых ворот ящеровод споро накинул на шею нашим рептилиям амулеты подчинения и увел их в прохладную темноту загона. Мое замороченное высочество только и успело сдернуть походные сумки.

— Эй, тебе что, особое приглашение надо? — один из тащивших Никса парней обернулся и увидел, что я тупо торчу посреди двора. — Топай давай!

Я не заставила просить себя дважды и послушно поплелась за гостеприимными хозяевами, все больше удивляясь их беспечности. Да в тех сумках, что сейчас болтались у меня на плечах, можно было пронести хоть адскую машинку, не оставляющую от замка камня на камне, хоть бутылку яда на всех его обитателей! Но меня даже не обыскали.

— Что с ним? — спросил тот же разговорчивый охранник, свалив Никса в узкой комнатухе на набитый соломой большой тюфяк.

— Ифит его знает, — пожала плечами я. Не говорить же, что мое безголовое высочество накормило чернака травой. — Свалился по дороге. Вот, привезла.

— А куда тебе деваться, ясно, что привезла, — хохотнул болтун. — Ладно, сиди. Сейчас костоправа пришлю.

Минут тридцать спустя действительно явился настоящий костоправ. Назвать это чудовище целителем у меня язык не повернулся.

Пригибая голову и все равно то и дело стучаясь о низкий потолок, огромный, заросший шерстью мужик мгновенно заполнил собой невеликое пространство нашей коморки. Тронув чернака толстыми волосатыми пальцами, он кивнул и гулко пророкотал:

— Жар.

«Какая пронизательность. А мы и не знали!» — язвительно подумала я, но вслух сказала совсем другое. Даже голову скромно опустила, чтобы этот монстр не рассмотрел брезгливое выражение на моей физиономии:

— А делать-то что?

— Ну чего... Сходи на кухню, таз возьми. Вода в колодце. Ветошь тебе какую-нибудь тоже кухарки дадут. И вперед. Ведро, ежели приспичит, тут имеется.

— Полы помыть? — опешила я.

— Ежели хочешь, можешь и помыть, — хохотнул так называемый целитель. — Но лучше мужика своего оботри. Может, жар и сгонишь.

— Лучше бы зелье... — осторожно предложила я.

— Где ж я на вас, голодранцев, зельев напасусь? — фыркнул мужик. — Зелья, они денег стоят. Есть у тебя деньги?

Мое ошалевшее высочество замешкалось. Деньги-то у меня были. Но светить кошельком, полным золотых монет, на глазах у этого чудовища вряд ли было разумно. Кроме того, на нормального целителя этот амбал походил еще меньше, чем я на приличную принцессу. Что за зелье он может предложить? Вытяжку из перепелиного гуано? Или настойку на веревке висельника? Что только не называли лекарством в глухих отдаленных поселках.

— Денег нет, — покачала головой я, — но, может, я сама сварю?

— А ты умеешь? — с сомнением покосился на меня костоправ.

Вместо ответа я вытянула вперед руку и усилием воли заставила проявиться татуировку на запястье — скромную змейку, зависшую над котелком. Такие получали все, кто окончил курс зельеварения в Академии стихий, своеобразный диплом, который невозможно подделать. И то, что Контроли я проходила экстерном, параллельно зарабатывая синяки и шишки на выпускных испытаниях боевиков, роли не играло. Основной проблемой было заставить проявиться только Печать зельеваров, оставив вне поля видимости все остальные. А их у меня на руках было с дюжину, начиная от диплома боевиков и заканчивая знаком «Лучший Зельевар Белого Континента». До сих пор помню, как брыкалась, пытаюсь отвертеться от последнего. Предчувствия работали, не иначе!

Местный целитель уважительно присвистнул.

— Ну пошли, образованная. Пуцу тебя к себе. Там и сварись. Да побольше. Зима на носу, скоро полгарнизона соплями обвесится, а у меня запасов, как снега у ифита на хвосте. Давненько из города не привозили.

— А?.. — я кивнула на Никса.

— Пришлю девку с кухни, приглядит, — отмахнулся костоправ, и я послушно последовала за ним.

Монстроподобный целитель вел меня на удивление малолюдными коридорами. По дороге он отловил какую-то девицу и отправил ее «присмотреть больного». А мое запутавшееся в собственных желаниях и долгах высочество машинально переставляло ноги, думая о своем. С одной стороны, план выполнен на «отлично»: я попала в замок и даже чувствовала себя относительно свободно. С другой — громоздящиеся одно на другое ложь и выдумки пугали до икоты. Никсу я сказала, что зарабатываю курьерскими перевозками. А идущему впереди костоправу пришлось показать Печать зельеваров. Мало того, я совершенно не представляю, какие зелья надо варить для чернаков с их странными реакциями, чего зельевар-черначка не знать не может. И в довершение моей грандиозной невезучести я чем дальше, тем глубже увязала в заботах о Никсе, а теперь еще и вместо поисков брата собиралась варить лечебные зелья для гнезда заговорщиков!

Впрочем, насчет брата и заговорщиков мое успешнее слегка осмотреться высочество уже сильно засомневалось. Слишком спокойно, даже беспечно вели себя окружающие. Так не бывает, когда в застенках сидит похищенный государь-наследник, а где-нибудь в подвалах проводятся мрачные служения еретического культа. Неужели меня угораздило ошибиться, и Алек прячет брата вовсе не здесь?!

— Пришли, — он распахнул низкую дверь, втокнул меня в пропахшую травами комнату и вошел следом. — Котел в углу, трава и корни всякие в кладовке. За лето бабы натаскали, а варить — некому. Нашего зельевара еще по весне гарчи сожрали, пил много.

— Что сварить? — осторожно уточнила я. А ну как намешаю что-нибудь стандартно-

простяцкое, а для чернаков это чистый яд.

— Как что? — удивился местный целитель и, сдернув с полки большую, почти пустую бутылку, сунул мне под нос. — Такое сможешь?

Я принялась. Обычный противостудный отвар.

— Конечно.

— А чего тогда ломаешься? — проворчал громила.

— Просто уточнила, — делано-равнодушно пожало плечами мое перестраховавшееся высочество.

— Ничего тут особенного не надо. Вот, на полках все то, чем я пользуюсь.

Быстро сварив требуемое, я отлила немного зелья для Никса. Мирно продремавший последние полчаса в углу костоправ тут же сунул нос в котелок:

— Недурно. Молодец. Иди, напои своего хахаля и возвращайся. Поговорим.

Проглотив рвущиеся с языка протесты по поводу хахаля, я кивнула и вымелась из логова костоправа. За время, проведенное у котелка, вопросов только прибавилось. Например, на полках у целителя стояло множество бутылок, в большинстве своем пустых. Но этикетки-то остались. И прочитать их труда не составило. Все эти зелья я прекрасно знала и готовила еще в детстве на практических занятиях. Но самое интересное, что в них присутствовали все составляющие моего порошка болтливости. По одному, по два, но все. А ведь содержимым этих бутылок лечили как раз местных, в большинстве своем выходцев с Черного континента! А это значило, что мне в очередной раз «повезло», и Никс продемонстрировал индивидуальную непереносимость из разряда «один на миллион»!

За время моего отсутствия в камерке ничего не изменилось. Худенькая черначка клевала носом на колченогом табурете у тюфяка, где лежал Никс. Он так и не пришел в сознание, а жар, казалось, стал еще сильнее. Передав сонной сиделке приказ целителя, я с грехом пополам напоила чернака свежесваренным. Девушка, пообещав принести что-нибудь мне на ужин, побежала предупредить свою начальницу, что не вернется сегодня на кухню.

Воспользовавшись ее отсутствием, я вытащила из-за пояса фиал с бодрящим зельем — ночь обещала быть долгой. Настойка подействовала, как всегда, мгновенно, и в голове у меня сразу прояснилось. А вот на Никса мое варево не повлияло совсем. Смочив ветошь водой, я отерла сухое, пышущее жаром лицо. От прикосновения холодной тряпки чернак застонал, но не очнулся. «Да что же с тобой такое? — думало мое вредоносное высочество, машинально поглаживая горячую ладонь. — Как же я умудрилась тебя так...» Прошло минут пятнадцать, потом полчаса, а жар и не думал спадать.

Вот тут я забеспокоилась уже всерьез. Сваренное мной зелье приводило температуру в норму за считанные минуты всегда. Но сейчас оно не действовало совершенно. Мои ладони стали влажными от пота, а где-то на границе сознания замаячила откровенная паника. Вспомнив, что в прошлый раз чернаку немного полегчало после общеукрепляющего, я снова накапала в кружку этот настой. Но свозь плотно сжатые губы Никса вряд ли просочилась хотя бы половина.

Глухо выругавшись, мое перепуганное высочество заметалось по тесной камерке. Первая мысль — позвать целителя — вызвала только истеричный смешок. Пробовали уже. Чернак застонал, и я рухнула на колени у сучковатой лежанки, прижимая к губам горячие пальцы Никса: «Ну, что с тобой?! Что?!» Слезы сами собой поползли по щекам. Но рядом не было никого, кто мог бы ответить на этот вопрос, и я, ифитов лучший зельевар, способный сварить любое лекарство, оказалась совершенно беспомощной и бесполезной.

От таких мыслей я чуть не взвыла. И взвыла бы наверняка, но меня отвлек странный, едва различимый запах, исходящий от пальцев Никса, которые мое разнывшееся высочество так старательно поливало слезами. Висморкавшись, слезы и сопли никогда не появляются по отдельности, я бросила мокрую ветошь в стоявшее в углу ведро и снова принялась.

Запах был. Странный, очень слабый, но он мне не померещился. Мало того, он был мне знаком. Выругавшись одновременно от неожиданности и ужаса, я вытащила из-за голенища небольшой кинжал и полоснула по ладони чернака. Настороживший меня запах сразу стал резким и раздражающим, а показавшаяся кровь была почти черной.

— Ты чего делаешь, дура?! — раздалось от двери.

— Жертву Безымянной приношу, не видишь, что ли, — огрызнулась я, увидев рядом наконец вернувшуюся кухонную девицу.

— Как есть дура! — всплеснула руками она.

— Угу, — пробурчало мое действительно чувствующее себя идиоткой высочество. Тоже мне, лучший зельевар! Не узнать один из самых распространенных ядов замедленного действия — это надо было постараться. Целительству меня, конечно, никто особо не учил. Но вот яды и противоядия занимали львиную долю моего учебного времени. Как и последствия их применения.

Пока я перематывала порезанную ладонь Никса оторванной от собственной рубахи полосой, черначка суетилась вокруг, без умолку болтая:

— Кто ж так жертвы Безымянной приносит? Вот уж бестолковая! Зачем ей живая кровь?! Ты что, никогда жреца не слушала? Ах да! Ты же впервые тут. А Никс тебе не рассказал? Хотя раз не знаешь, значит, не успел. Кстати, а как ты его окрутила? Ни у кого не получалось. А он в тебя влюбился, да? А почему?

— Тихо! — рывкнула я, когда голова окончательно пошла кругом от десятков разнообразных вопросов.

— Ну расскажи, как Никса окрутила? — заканючила девица. — Наши все от любопытства помирают. Знаешь, как его у нас кличут?

— Ну? — буркнула я.

— Монх! — радостно выдала болтунья.

Я опешила. Вот уж последняя кличка, какая пришла бы мне в голову.

— Да-да! — девица, заметив мое удивление, быстро-быстро закивала. — Так расскажешь? А я тебе взамен расскажу, как правильно жертвы Безымянной приносить. А то будешь ты на недельной проповеди дура дурой стоять!

Недалекая кухарка собралась поболтать, а я хотела срочно попасть в лабораторию, чтобы сварить противоядие. Слава Создателям, ингредиенты простейшие и должны были найтись у местного целителя. Но и упускать возможность выяснить, что происходит в ифитовом замке и как мне вообще себя тут вести, было крайне глупо.

— Вот что, — сказала я, перевязав мною же нанесенную рану. — Мне целитель сказал к нему прийти, как тебя предупреду. Вот вернусь, и поболтаем, хорошо? Тебе все равно тут сидеть, пока я у него. Так целитель велел.

— Да, — протянула девчонка, усаживаясь. — Целитель Агря шутить не любит. Иди побыстрее. Я тебя здесь подожду.

— Подождешь, куда ж ты денешься, — проворчала я себе под нос, выходя.

Костоправ все еще сидел в лаборатории.

— Долго ты! — недовольно заявил он. — Ладно. Дело вот какое. Ты, похоже, без работы, раз тебя сюда занесло. А у меня работа есть. Про зельевара нашего ты уже слыхала. Замок большой, народу прорва, до города день пути. А как зима начнется, и того больше. Смекаешь?

Я честно замотала головой.

— Зельеваром будешь тут работать. Работенка не бей лежачего.

Мое опять обалдевшее от такой простоты в мятежном замке высочество красноречиво обвело взглядом десятки пустых бутылей.

— Да это ерунда, — махнул рукой костоправ. — Потихоньку наваришь. Главное — противостудное и общеукрепляющее. Я все болячки ими лечу.

— И помогает? — кое-как выдавила из себя я.

— Да, вроде, никто не жалуется, — ухмыльнулся он.

«Ну да. Покойники вообще народ молчаливый», — подумала я, пораженная подобным непрофессионализмом.

— Да ты не тушуйся, — так называемый целитель, по-своему поняв мое молчание, принялся уговаривать. — Народ здесь хороший. Работы немного. Ну раз в неделю на проповеди в честь Безымянной постоять, а остальное время живем, как у Создателей в ладонях.

— А хозяин? — закинула удочку я.

— Дурачок, что ль?

— Дурачок?

— А как его назвать еще-то? Токмо и знает, что в своей башне сидеть да книжки заумные читать. Мы его только раз в неделю и видим. На проповеди. А так он нам не докучает. Главное, к нему в башню не лезть.

— Осерчает?

— Убьет, — развел огромными руками костоправ. — Года три назад от любопытной девицы только мокрое пятно осталось. Полюбовницей ему стать решила, дуреха. Вошла в башню незваная, а там как жажнет. Немного крови натекло из-под двери, и все. Нет девки. Да ты не бойся. Тебе-то туда не надо. Да и хахаль у тебя есть. Гляди ж ты, сподобился. А я уж думал, он того, не мужик совсем.

— Кто? — вытаращила глаза я.

— Никс твой. Ну так что, согласна?

— Ладно, — волей-неволей согласилось мое загнанное в угол высочество. Откажешь такому — сама не заметишь, как за ворота вылетишь. А покидать этот гостеприимный замок я пока не собиралась.

— Отлично, — костоправ радостно хлопнул меня по плечу, заставив присесть. — Иди тогда спать, завтра и начнешь!

— Я бы лучше сегодня, — скромно потупилось мое плотоядно поглядывающее на шкаф с ингредиентами высочество.

— Не бойсь, конкурентов нет, — ухмыльнулся так называемый целитель. — Хотя как хочешь. Тогда общеукрепляющего свари. Совсем народ лечить нечем. А я спать пойду.

Он смачно потянулся и вышел за дверь, оставив меня с котелком. «Вот тебе и строгости мятежного замка, — подумала я, споро выбирая нужные для противоядия травы. — А если я им сейчас отравы наварю на весь замок?!»

К счастью, в углу нашелся маленький котелок, и я, заварив в большом основу для общеукрепляющего, занялась противоядием. В какой-то момент мое зевающее высочество перепугалось, не обнаружив в шкафу порошок торцового камня, но при ближайшем рассмотрении мешочек все же нашелся в самом дальнем и темном углу.

Примерно через час, перелив зелье для Никса в маленький фиал и уничтожив остатки, я выскользнула в коридор. Замок спал. Редкие светляки не справлялись с освещением коридоров, и углы тонули в непроглядной тьме. Набив парочку новых синяков благодаря не замеченным вовремя ступенькам, мое замороченное высочество наконец добралось до каморки, которую делило с Никсом.

Девица, имя которой я так и не удосужилась узнать, мирно дремала, откинувшись на стену. Осторожно переступив ее вытянутые ноги, я опустилась на колени возле лежанки.

— Вот... Капельку. Теперь еще одну. Молодец, — шептала я, каплю за каплей вливая целительную горечь в когда-то такие нежные, а теперь сухие и потрескавшиеся губы. Никс застонал, в беспамятстве пытаясь отвернуться. — Нет, нельзя. Тебе надо это выпить. Тогда будет легче...

— А что ты делаешь? — звонко брякнуло над ухом.

От неожиданности мое ставшее в последнее время чрезмерно нервным высочество подскочило и чуть не выронило пузырек.

— Лекарство.

— Общеукрепляющее? Или простудное? Целитель Агря всех этим потчует.

— Ты тихо говорить умеешь? — обозлилась я.

— Извини, Рагетта.

На этот раз я таки уронила фиал, слава Создателям, уже пустой, и медленно обернулась:

— Рагетта?

— Никс бредил, тебя звал. А чего?

— Да ничего, — медленно выдохнула я, скомкав готовое сорваться с пальцев боевое плетение за спиной. — Только меня зовут Рина.

— Ой! — охнула болтунья, зажав рот ладошкой. — А она кто?

— А я откуда знаю. Может, мать или сестра.

— А если полюбовница? — не унималась девчонка.

— Вот очнется, спрошу, — отмахнулась я, мысленно добавив: «Главное, чтоб очнулся...» — Ты мне, помнится, про недельную проповедь рассказать обещала.

— А! Ну да, — болтунья тут же переключилась на новую тему. Похоже, удерживать в голове две мысли одновременно она была не способна. — Завтра вечером все соберутся на площадке перед замком. Я за тобой зайду. Потом из башни спустится хозяин. Немножко поговорит. Это можно не слушать. Как всегда, какие мы ненужные нужны и все такое.

— В каком смысле, — опешила я.

— Там услышишь. Он очень заумно говорит — мне не запомнить. А потом он призовет малую Бездну, и все должны будут отдать дары Безымянной.

— Какие дары?

— А любые, — захихикала девчонка. — Вон ветошка грязная в ведре валяется — самое оно.

— Ветошка? — у меня окончательно перестали работать мозги. — Сопливая тряпка — дар хозяйке Бездны?!

— Нетребовательная богиня, да? Эти ведра везде стоят. Специально дары собираем. В общем, завтра увидишь. Заодно можешь попросить Безымянную, чтоб не забирала Никса. Кстати, а как ты его окрутила-то?

— Да, как-то...

— Рассказывай! Обещала же! Как вы познакомились?

— Он меня от разбойников спас, — лягнуло мое все еще не способное связно мыслить высочество и, только посмотрев на восхищенно-предвкушающее выражение на худенькой мордашке собеседницы, сообразило, что именно сказало.

— Ну рассказывай же, — поторопила болтунья, и я поняла, что теперь она с меня живой не слезет.

— Да нечего рассказывать. Ночью шла, а меня ограбить решили. Окружили, как водится. А тут Никс появился. Ну и уронил их всех сразу, и мы ушли. Конец истории.

— И ничего не конец! А потом что было?

— Да ничего не было, — отбрыкивалась я, проклиная собственный длинный язык. — Посидели в таверне, вина выпили. И все.

— Вредина, — проворчала девчонка и тут же, повеселев, снова спросила: — А вы с ним того?..

— Чего того?

— Ну какой из него мужик?

— Хороший, наверное, раз трех бандитов...

— Да что ж ты такая непонятливая?! — перебила болтунья. — Любовник он какой? Хороший, нет? У нас тетки поговаривают, что Никс и не мужик вовсе!

— А тебе не кажется, что тебя это не касается? — прошипела я. — Если мы вместе, значит, меня все устраивает, нет?

— Ой, какие мы стеснительные! Глупо. Все равно скоро все будут знать, как у вас с ним. Здесь все друг про друга все знают. Ничего не скроешь. Вот я про тебя знаю, что ты у нас зельеваром останешься.

— Однако, — протянула я, откровенно удивившись подобной оперативности.

— Вот так! — гордо вздернула носик сплетница. — Так расскажешь?

— Нет.

— Зануда. Ну и сиди тут с ним сама, а я спать пойду.

Я только плечами пожала. Все равно девчонка уже выболтала мне все, что могла знать интересного. А несмолкаемая трескотня над ухом раздражала. Да и проверять при ней, как выглядит кровь Никса после противоядия, не хотелось. Обидевшись, девчонка ушла. Дождавшись, пока в коридоре стихнет стук деревянных подошв, я снова присела на край лежанки и осторожно размотала тряпицу. Ранка уже подсохла, и мне пришлось аккуратно подцепить край кончиком кинжала. Показались алые капли, и мое сразу успокоившееся высочество облегченно выдохнуло. Слава Создателям, мои скрипучие мозги сработали хоть и с опозданием, но не с критичным. Кровь была совершенно нормальной и уже не пахла смертельным ядом. Да и сам Никс выглядел куда лучше, чем час назад. Он гораздо легче дышал, а жар, так пугавший меня в последнее время, почти прошел.

«Завтра похожу по замку, — подумала я, сворачиваясь на краю лежанки рядом с чернаком. — Может, пойму, где могут держать Максу. Если он вообще здесь. Главное, чтобы Никс, очнувшись, не возмутился, что его вдруг женили на едва знакомой девице. Впрочем, после такой болезни он еще минимум сутки проспип...»

ГЛАВА 25

Сюрприз на сюрпризе и сюрпризом погоняет

Проснулась я мгновенно, как от толчка. Или даже не «как», а действительно от него. Никс спал, по-хозяйски закинув на меня руку. «Видел бы это Па», — ухмыльнулось мое язвительное высочество, осторожно выбираясь на свободу. Чернак не проснулся.

Так и не вспомнив, когда же вчера успела снять ремни с мечами и обувь, я натянула валявшиеся на полу сапоги и тихонько выбралась в коридор. Поднывающий желудок напомнил, что уже больше суток не видел ничего съестного. Пришлось отправляться на поиски кухни.

Но плутать каменными коридорами мне не дали. За первым же поворотом мое беззвучно выругавшееся высочество столкнулось с давешней любопытной девицей.

— А я за тобой! — радостно воскликнула она. — У нас замковые едят на кухне.

— Замковые?

— Ну да. Те, что в замке живут и работают. А страже еду в казарму таскают, — она свернула в узкий переход, скрытый за облезлым гобеленом. — Ты наш зельевар — замковая.

— А Никс? — для порядка поинтересовалась я, стараясь запомнить путь, которым меня вели.

— Ифит его знает. Вроде, в замке всегда ел, когда приезжал. Но он обычно к проповеди появлялся. А там день или два, и уезжал.

— И часто он так?

— Ревнуешь? — засмеялась болтунья. — Рагетта эта тебе покоя не дает.

— Есть немного, — улыбнулась я, хотя думала совсем о другом. Если Никс появлялся в мятежном замке только в те дни, когда братец выбирается из своей башни, значит, приезжал он именно к нему. Но зачем? Судя по таинственности, которой окружил себя братец, ответ на этот вопрос сможет дать только сам Никс. Ну и Алексан. Но что-то мне подсказывало, что сделать это откажутся оба.

— А вы давно знакомы? — невпопад поинтересовалась девица.

— Пару месяцев.

— Как раз последние пару месяцев он тут не был.

— Кто?

— Да Никс твой! Какая же ты бестолковая!

— Извини. Так есть хочется, что голова не работает, — соврала я.

— Пришли уже, — усмехнулась болтливая проводница. — Тетка Лягва тебе похлебки нальет. А потом я тебя по замку проведу. Покажу, где чего, ну и куда соваться нельзя.

— Хорошо, — кивнула я. Завтрак и экскурсия по замку, пусть даже в сопровождении местной сплетницы, как нельзя отвечали моим планам и желаниям.

Похлебка оказалась вполне съедобной, или же просто показалась таковой моему оголодавшему высочеству, но закончилась она очень быстро. Не успела я отложить ложку, как поджидавшая у двери черначка подцепила меня под локоток и потащила из кухни. Я подозревала, что за ее энтузиазмом скрывается надежда все-таки выпытать подробности интимной жизни Никса, и не ошиблась. Очередной разговор-допрос начался, едва за нами закрылась дверь.

— Как спалось?

— Отлично. Спала как бревно, — отозвалась я, пытаюсь пресечь попытки в зародыше.

— Это хорошо, — разочарованно протянула она. — Ну ладно, смотри. Вон там слева — башня хозяина. Туда не заходи никогда. Вообще.

— Да поняла уж. А башня слева тоже табу?

— Не-ет! — расхохоталась она. — Это местная помойка.

— Э... — опешила я, разглядывая округлую, слегка обветшавшую стену без единого проема до высоты второго этажа.

— Там снизу есть проход, прямо из главного здания. Я тебе потом покажу. Туда уже много лет весь хлам сносят. Чего там только нет: мебель ломаная, тряпки старые, ржавый доспех. Крыша-то у этой башни давно рухнула. Да и потолок провалился. Тетка Лягва мне рассказывала, что когда хозяин сюда приехал, велел весь хлам убрать. Ну его прямо из окна и свалили в эту башню.

Промычав что-то невразумительное, я попыталась представить себе башню, которую превратили в огромный мусорный бак. Хороший «хозяин» получился из моего негодного брата. Даже не поинтересоваться, что, собственно, происходит в его вотчине... А туда же. Корону ему подавай! Сначала с собственным замком бы разобрался! Прислуга здесь явно не любила утруждаться и упрощала себе жизнь всеми возможными способами.

Кстати, о прислуге. Кое-какие изменения все-таки присутствовали. Стража, хоть и продолжала рассиживать на бревне, развлекаясь какой-то игрой, на этот раз была в полном доспехе. Впрочем, калитка так и стояла нараспашку, а к куче оружия, похоже, со вчерашнего дня так никто и не прикоснулся.

— Вот тут проповедь будет, — трещающая без умолку девчонка указала на не замеченный мною вчера круг, вымощенный черным камнем посередине площади. Надо признать, никакого трепета он никому не внушал. Несколько мальчишек при мне промчались по краю, а две черначки вообще протащили помойную бадью, расплескивая зловонное содержимое на темные булыжники. Вот тебе и алтарь Безымянной.

Я подняла голову и посмотрела на высокие окна правой башни. Витражные стекла бликовали под лучами светила, и в какой-то момент мне показалось, что я вижу чье-то бледное лицо. «Ну, погоди, братец. Найду я, как до тебя добраться!» — подумала я, едва удержавшись, чтобы не погрозить мерзавцу кулаком.

— Ну что застряла? Пошли уже!

Вдоволь потаскав меня по замку, девица снова надела с вопросами. Спас мое уставшее отбиваться высочество местный костоправ. Заметив нашу парочку, он высунулся из окна, едва не застряв в узком переплете, и с ругательствами поинтересовался, когда я доварю, наконец, обещанное общеукрепляющее зелье.

Не замедлив воспользоваться представившимся предложением, я тут же удрала от болтливой девицы. Следующие два часа пришлось провести в обществе котелка и ворчащего целителя.

Закончив с зельем и узнав несколько новых заковыристых оборотов из тех, что не приняты в приличном обществе, я снова оказалась в коридоре. На этот раз, слава Создателям, в одиночестве. Заскочив в ставшую мне временным домом каморку и убедившись, что Никс все еще спит, мое чуть дрожащее от нетерпения высочество отправилось в правое крыло замка.

Судя по кривым коридорам, изгибающимся под самыми несуразными углами, главное здание замка много раз переделывали, устраивая все новые кладовки, каморки и прочие непотребные закутки. Но все это интересовало меня крайне мало. Я искала основание правой башни, где устроил себе логово ифитов родственничек. После долгих плутаний по подвальному этажу мне таки удалось найти округлый зал, как две капли воды похожий на тот, что недавно показывала мне болтливая черначка. Именно из такого зала и начинался нижний ход в левую, теперь превращенную в помойку башню.

Но на этом хорошие новости и закончились. Мало того что крутая каменная лестница, по которой мы поднимались к местной мусорке, здесь отсутствовала, так еще и широкий железный люк, маячивший на высоте в два моих роста, был просто опутан незнакомыми, но даже на вид опасными плетениями. Обругав параною брата недавно услышанными от целителя словами, я огляделась, прикидывая, из чего бы соорудить импровизированную лестницу, чтобы не отвлекаться на поддержание левитации. В самом зале было пусто, но я припомнила, что по дороге сюда видела в заброшенной кладовке рассохшиеся деревянные бочки. Решив, что они вполне сгодятся на замену ступенькам, мое довольное высочество резво выскочило из зала и буквально врезалось в чью-то широкую, твердую, как камень, грядь:

— Рина! Что ты здесь делаешь?!

— Заблудилась... — ляпнула я первое, что пришло в голову, и только потом посмотрела в лицо неожиданному препятствию.

Никс мягко улыбнулся:

— Я так и подумал. Сам сюда как-то забрел. Всего-то одним поворотом ошибиться, и тут окажешься.

— А ты почему тут?

— Тебя искал. Проповедь скоро. На ней должны присутствовать все обитатели замка. А ты же теперь местный зельевар.

Я не стала спрашивать о причинах такой осведомленности чернака, еще недавно лежавшего в отключке. Не иначе как болтливая сиделка постаралась.

— Кстати, Рина... — Никс помолчал, собираясь с мыслями. — Может, и правильно, что ты представилась моей подругой. Так к тебе вопросов не возникло. Но ты имей в виду... То есть я тебе очень благодарен, что не бросила так некстати простудившегося попутчика. И помогу, чем смогу, но... Эммм... В общем. У меня уже есть девушка. Я не свободен. Так что...

— Да и ради Создателей, — отмахнулась я, старательно не замечая растекающееся в груди незнакомое теплое чувство.

— Вот и хорошо, — с заметным облегчением проговорил чернак. — Тогда пошли на площадь. Как твои поиски?

— Пока никак, — пожала плечами я, радуясь перемене темы не меньше собеседника. — Расспрашивать кого-то я не рискнула, среди обитателей замка не нашла...

— Я спросил у девушки, которая меня разбудила, — добавил Никс. — Тут уже два месяца никаких гостей не было. Ну кроме нас с тобой. Да и то, я за гостя вряд ли считаю.

— Часто тут бываешь? — как можно более равнодушно поинтересовалось мое моментально наострившее уши высочество. От тепла, прокатившегося в душе, не осталось и следа. Оно сменилось колючей льдинкой, застрявшей где-то у сердца. «Он лжец. Охотник за приданым. И, возможно, замешан в заговоре, — напомнила я себе. — Я не имею права не то что любить его, а даже жалеть!»

«А спасти можешь?» — напомнил о себе ехидный внутренний голос. Но эти мысли я проигнорировала. Как и воспоминания о собственной истерике над бесчувственным телом.

— Не то чтобы часто, но бывал, — уклончиво отозвался чернак, сворачивая в очередной не замеченный мной ранее коридор. — Раньше в этом была необходимость, теперь отпала.

— Но ты же здесь, — ляпнула я быстрее, чем успела подумать.

— Тоже ищу кое-кого... И, похоже, так же безуспешно, — он опустил голову и распахнул передо мной дверь, неожиданно выведшую нас во двор замка.

С удивлением узнав и башню-помойку, и темное пятно на мостовой, я глухо выругалась: сколько же кругов я намотала по идиотскому подвалу?! Нет, топографический кретинизм в моем случае неизлечим!

— Ладно. Иди. Я потом подойду, — Никс кивнул мне на группу челяди, собравшуюся у крепостной стены и сосредоточенно пляшущую на башню Алексана, а сам отошел к стражникам.

Кстати, стража ничем не напоминала тех ленивых обалдуев, которых я увидела вчера. Все на местах, полный доспех, оружие в руках, даже на стенах кое-где мелькают. Словно они готовятся вот-вот отражать нападение целой армии.

— Дары для Безымянной приготовила? — неожиданно раздалось над ухом.

Ухлопав все внимание на уходящего чернака, я чуть не подпрыгнула. С трудом узнав в неверном свете факелов так доставшую меня за утро сплетницу, буркнула:

— Нет.

— Ну точно, бестолковая! И что в тебе Никс нашел? — покачала головой она и сунула мне в руки смятый клочок пергамента. — Держи.

— Что это?

— Дар! Для Безымянной! Ты чем меня слушала?!

— Спасибо, — ответило мое неизвестно на что обозлившееся высочество, кое-как подавив желание высказать болтунье, чем я ее слушала и где бы с удовольствием видела в ближайшие лет сто.

Пока я боролась с собственным языком, Никс окончательно затерялся в толпе. Пытаясь понять, куда он пропал, я окинула взглядом полутемный двор. Не считая стражников на стенах, здесь собралось человек пятьдесят. Мужчины, женщины, кое-где мелькали и детские фигурки. И все они, кто время от времени, а кто неотрывно, смотрели на низкую, обитую железными полосами дверь в башню Алекса.

«Похоже, — сообразило, наконец, мое тугодумное высочество, — мне представится сомнительная честь видеть драгоценного братца. А вот ему встречаться с сестренкой пока совсем не обязательно. Что-то мне подсказывает, что сестренка эту встречу может и не пережить. Нашпигуют со стен болтами с наконечниками из белого железа, и пообщаюсь раньше времени с Безымянной».

С такими мыслями я протолкалась сквозь толпу так, что между мной и ифитовой дверью в три ряда стояла гомонящая челядь, а за спиной оказались крепостная стена и башня-помойка. План сложился сам собой, словно подаренный Создателями: «Каких бы ловушек ни наворотел в своем логове Алексан, он вынужден будет их отключить, когда пойдет дурить народ сказками про Безымянную. А я, пока чернаки будут глазеть на представление, накину плетение отвода глаз и проскользну в башню. Даже если там и останется что-нибудь опасное — разберусь: печать боевиков мое упрямое высочество тоже не за красивые глаза получило. Таким образом, я сразу выясню, не у себя ли мерзавец держит Максу. А когда вернется Алек, и с ним пообщаюсь... По-родственному».

Едва удержавшись от того, чтобы предвкушающе потереть руки, я прогнала с лица довольную ухмылку и с преувеличенным вниманием уставилась на башню.

Челядь вокруг гомонила все громче. Судя по долетающим до меня обрывкам фраз, Алексан задерживался. «Узнал, что я здесь?! — мелькнула в голове страшная мысль. — Неужели Никс действительно ехал сюда с предупреждением об исчезнувшей ректорше и таки предупредил?! Но когда?!» Трусостью я никогда не отличалась. Да и не прошло бы мое упрямое высочество тестирование у боевиков, если бы грешило таким позорным чувством. Но при мысли об очередном предательстве Никса внутри все заледенело, и я не знала, что тому виной: страх ли, что сейчас под прицелами арбалетов начнут поголовную проверку, или боль, что я на самом деле фатально ошиблась в чернаке. Хуже всего было то, что за эту ошибку мне предстояло расплатиться не только собственной жизнью...

А между тем шум вокруг нарастал. Не понимая, что происходит, обитатели замка взволнованно переговаривались. Даже стражники отошли от калитки, присоединившись к общим разговорам. Наверное, поэтому всадника в черном капюшоне, влетевшего в распахнутую калитку на измученном варане, заметила только я.

Поводья упали на каменную тумбу. Несколько стражников отлетели в сторону от удара воздушной волны в спину. Только тут народ заметил новоприбывшего.

— Хозяин!.. Хозяин!.. — пронеслось вокруг.

Люди поспешно кланялись, расступаясь перед шагающим через площадь магом. Он так и не сбросил черный капюшон, но, заметив сверкнувшие в прорезях глаза, я поняла, что такого подарка судьбы мне не дожидаться.

«Если это Алексан, то он несколько усох со времени нашей последней встречи, — подумало мое ехидное высочество, согнувшись в поклоне. — И что бы это значило? Братец так испугался, что прислал заместителя?! И где, кстати, Никс?»

Но высовываться, высматривая неуловимого чернака или пытаясь понять, отчего это братец стал заметно ниже ростом, было чревато. Пришлось смиренно стоять и слушать, что там вещает

черный капюшон. Кстати, голос мне был совершенно незнаком, но это ни о чем не говорило. Изменить его гораздо легче, чем внешность. Простейший амулет, и выбирай любой, от эльфийского сопрано до басистого трольего рыка.

— Бездна — отражение мира живых! — распинался проповедник. — И, как в любом отражении, там все наоборот. Смерть здесь означает жизнь там. Мусор здесь — сокровища там! Слабые и униженные здесь станут аристократией там! Аристократы-белаяки этого не понимают! Они живут так, будто никогда не придут в Бездну! Но Безымянная встретит всех! И всякий получит отражение своей жизни! Вас предала ваша родина! Вы не нужны там! И здесь вас презирают и считают ничтожествами! Но Безымянная...!

В ушах звенело от пронзительных воплей магика. Стоявшие передо мной чернаки мерно выкрикивали слова поддержки, словно все разом обезумели. Неожиданная догадка заставила меня посмотреть на проповедника истинным зрением. Я не ошиблась! От него волнами расходились грязно-зеленые полосы запрещенного плетения, подавляющего волю. Точнее, даже не от него, а от невзрачного амулета, скрытого в складках плаща. Чувствуя, что еще чуть-чуть, и к оболваненным чернякам присоединится еще одна безмозглая крикунья, я плюнула на риск и активировала ментальный блок. Молот в ушах моментально унялся, зрение снова обрело резкость, а голова опять заработала. На смену едва не поглотившему мое туподоходящее высочество трансу пришла здоровая злость: «Ну, держитесь, мерзавцы! Я эту башенную лестницу разнесу к ифитам вместе со всеми ловушками, а обломки отправлю к вашей любимой Безымянной!»

Злобно сжимая кулаки, я стала медленно продвигаться за спинами чернаков к башне Алекса. До двери оставалось всего несколько шагов, когда черный капюшон взвыл особенно громко и толпа рухнула на колени. Волей-неволей, чтобы не выделяться, как варан среди перепелок, мне пришлось последовать их примеру. А проповедник, картинно воздев руки к небу, скороговоркой зачастил какую-то белиберду. С его ладоней прямо в центр вымощенного темным булыжником круга ударили багровые молнии. Мгновенье спустя камень исчез. На месте здорового куска площади вращался водоворот непроглядной тьмы.

Помимо воли осенив себя святым кругом, я, похолодев от ужаса, смотрела, как чернаки с остекленевшими глазами один за другим подходят к этому кошмару и бросают туда всякий мусор.

И тут кто-то дернул меня за полу куртки. Мое ошарашенное высочество, не глядя, отмахнулось. Но неизвестный оказался настойчив. С трудом оторвав взгляд от завораживающей бездны, я повернула голову. А секунду спустя бездна образовалась уже у меня в голове. По крайней мере, ни одной связной мысли там точно не было.

— Оли? — только и смогла произнести я, уставившись на чумазую мордашку своей ученицы.

— Я так и знала что это вы, — довольно улыбнулась эта... эта... эта ифитова проныра.

— Как ты сюда попала?! — прошипела я, с трудом сдерживая рвущийся с языка вопль.

— Ну я же вам рассказывала, что мы с мальчишками нашли способ...

— Какой способ?! Оли, ты с ума сошла! — мое паникующее высочество готово было рвать на голове волосы от ужаса: чернаки, больше похожие на зомби, портал в Бездну посреди площади, фанатик-проповедник, заговор, и в центре всего этого хаоса моя Оли!

— Не бойтесь, меня никто не видел. И правитель не узнает, что я здесь.

— Так, стоп! Рассказывай все по порядку, или сейчас свихнусь я.

— Мы с мальчишками нашли в старой книжке, как ученик может найти своего наставника. Ну и наоборот тоже, но это мы не пробовали. Там какая-то умная связь, я не очень поняла, но получилось же тогда, в подвале. Когда вы на алтаре Безымянной заснули, а правитель вас искал.

— Так. Это понятно. Но теперь-то меня никто не искал, так ведь?

— Нет, — тихонько засмеялась приبلуда. — Но нам наставник на занятии привел вас в пример. Что вы очень умная и все такое. И рассказал, что вы в пятнадцать лет изобрели очень полезное зелье. Ну я с мальчишками и поспорила, что смогу сварить точно такое же, потому что я ваша ученица! Вот я и сварила.

— Что я тебе говорила по поводу изготовления зелий?! — возмутилась я, в последний момент

успев понизить голос до шипящего шепота.

— Вы говорили не варить без присмотра ничего из книги «Букварь юного зельевара», — с готовностью отрапортовала Оли. — Я и не варила!

— О-о-о... — схватилось за голову мое ошалевшее высочество. Разумеется, камнежорки в Букваре не было и быть не могло. Не всякий выпускник Академии стихий мог ее сварить.

— Вот я сварила это зелье, а показать-то некому, — как ни в чем не бывало продолжала приبلуда. — Наставник, он не зельевар, знаете, небось. А вы говорили зелья не испытывать! Вот я и решила, что мальчишки меня прикроют, а я быстренько к вам прыгну и покажу.

Она гордо сунула мне под нос довольно большую склянку с ярко-синей жидкостью.

— Нет, Оли. Камнежорка белесая, серенькая такая, — покачала головой я и, воровато оглядевшись, бросила бутылку в кучу хлама под стеной башни. — Ты мне лучше объясни...

Тут мое ошарашенное высочество каким-то чудом заметило, что еще несколько чернаков, и я останусь единственной, кто не принес «дары» Безымянной.

— Стой тут и никуда не уходи! — приказала я и, постаравшись скопировать дерганую походку загипнотизированных чернаков, двинулась к черному водовороту.

Обрывок пергамента исчез в круговерти тьмы, и в лицо мне пахнуло колючим, искристым холодом. В глазах потемнело, и ноги моментально стали ватными. Фигуры чернаков вокруг покачнулись. Я мотнула головой, пытаюсь удержаться ускользящее сознание. Кто-то грубо ткнул меня в спину, проходи, мол. Я невольно шагнула вперед, потом еще и еще. Теперь мне не приходилось следить за своими движениями, чтобы не отличаться от окружающих. Мое внезапно обессилившее высочество еле передвигало ноги. Добравшись до Оли на остатках силы воли, я буквально рухнула на колени рядом с ней. Впрочем, этого уже никто не видел. Переселенцы мерно раскачивались под монотонный речитатив черного капюшона, и их спины скрыли мое позорное падение.

— Аленна! Аленна! — шептала Оли, наглаживая меня обжигающе горячими ладошками.

— Оли, у тебя жар, — проговорила я, медленно приходя в себя.

— Нет! Это вы холодная, как ледышка! — едва не плача, отозвалась девчонка.

— Сейчас... Минуту...

И тут произошло нечто, что вышвырнуло меня из состояния непонятной апатии, как пробку из бутылки: громкий хруст камня откуда-то сбоку. Мы с Оли синхронно обернулись туда. И так же синхронно завизжали. Башня-помойка медленно оседала, заваливаясь на бок. Как раз на толпу мерно раскачивающихся чернаков.

Визг потонул в выкриках загипнотизированной толпы. Как и хлесткие рваные выстрелы лопающегося камня. Похоже, надвигающуюся катастрофу заметили только мы с Оли и ифитов проповедник. Вот уж кому я с удовольствием уронила бы на голову весь замок вместо одной башни. Но мерзавец стоял в отдалении и не прекращал свой монотонный речитатив.

Оли соображала куда быстрее своей наставницы.

— Это не я. Оно само! Честно, — попятилась она.

— Зелье! Ты опять сварила самовосстанавливающееся! — дошло наконец и до меня, и в этот момент башня стала падать. Прямо в толпу...

Оттолкнув девчонку назад, я сделала первое, что пришло в голову: подхватила рушащуюся каменную махину плетением телекинеза. Не рассчитывая резерв. Наплевав на маскировку. Забыв о государе-наследнике и долге принцессы перед Белым континентом... Башня на мгновение зависла в воздухе. А затем, мягко скользнув в сторону, просто исчезла в водовороте тьмы посреди двора. Когда грохот стих, я развеяла плетение и бессильно привалилась к стене. В пыльном мареве невозможно было рассмотреть даже собственные ноги. И только мерный речитатив мерзавца-проповедника продолжал гудеть над воцарившимся хаосом.

Чьи-то сильные руки схватили меня за плечи и куда-то потащили. Я и не сопротивлялась. Сначала цепкие когти Бездны в душе, а несколько минут спустя такое мощное опустошающее плетение. Казалось, я перешагнула собственный предел. Сил хватило только на хриплый

вопрос в пустоту:

— Оли?

— Я здесь, — тут же отозвалась девчонка откуда-то сбоку, и я тихо осела в мягкое темное ничто.

Очнулась я в каком-то подземелье. Под потолком тускло мерцал небольшой светляк, а на лицо мне лилась холодная вода. Фыркнув, я резко села. Напротив обеспокоенно ломала пальцы Оли, а рядом стоял Никс, вытирая о штаны мокрые руки.

— Спасибо, — я с силой растерла словно занемевшее лицо.

— Ваше высочество, — отвесил шутовской поклон чернак.

Сработало подсознание. Создатели мне свидетели, я и не подозревала, что в моем резерве хоть что-то осталось. Руки сами взметнулись вверх, и боевое плетение распластало чернака по противоположной стене.

— Зачем? Он ничего плохого не сделал! — голос Оли звучал испуганно. — Он помог вам! Вы были холодная, как ледышка! Вы заболели?

— Бездна, — поспешила успокоить я свою ученицу. — Кто бы мог подумать, что этот клоун действительно смог открыть портал в Бездну... Род правителей — потомки Создателей. Мы несем в себе частичку извечного огня. А Бездна... Наверное, она почувствовала во мне эту частичку и попыталась уничтожить.

— А почему в Алеке не чувствует?

— Не знаю. Наверное, потому, что Алек слабодарец... погоди! — я вытаращилась на не устающую ставить меня в тупик девчонку. — А про этого мерзавца ты откуда знаешь?!

— Почему мерзавца? — заметно удивилась Оли. — Он ничего такой. Только грустный и болеет сильно. Но Макса сказал, что его вылечат.

— Что?!

— Ну... Макса сказал, что я должна найти вас, а потом мы все вместе отвезем Алека к целителю.

— А Макс ты где нашла?! — окончательно потеряла привязку к реальности я.

— Так в башне. Кстати, может, отпустим уже дядю Никса и пойдем? А то Алек...

— Куда пойдем?! Мелочь, или ты мне сейчас рассказываешь, что происходит, или я за себя не ручаюсь.

— А может, я буду рассказывать, пока мы идем?

Заскрипев зубами так, что парочка чуть не раскрошилась, я хмуро смерила мелочь тяжелым взглядом.

— Ну как хотите, — пошла на попятный мелкая. — Я-то думала, меня к вам в кабинет перенесет, но почему-то сюда закинуло. Я даже испугалась немножко. А потом смотрю, а тут Макса.

— Где это «тут»?

— Да в башне же! Отпустите уже дядю Никса, и пойдем к ним!

— Дядю Никса я отпущу, — медленно проговорило мое ни на йоту не доверявшее хитрому чернаку высочество. — Потом. А пока покажи мне, где ты видела моих братьев.

— Пошли, — обреченно вздохнула приبلуда.

Из зала мы вышли в полном молчании. Оли заговорила только после второго поворота.

— Зря вы так с дядей Никсом. Он хороший. Меня из подвала вывел, вас со двора на руках вынес, когда вы сомлели...

— Оли, — обозлилась я. — Думаю, про дядю... Тьфу ты! Про Никса я знаю побольше твоего. Так что оставь его в покое и рассказывай, как ты тут оказалась.

— Ну я же говорила, мы с мальчишками...

— Как вы нашли меня во дворце, я уже слышала. Но сюда вентиляционной шахтой не пролезешь. Так что я внимательно тебя слушаю.

Оли скривилась, но все-таки заговорила.

— Я порт-ключ взяла.

— Где? У кого?!

— У дяди Симеона. Когда мы с мальчишками решали, как вам зелье показать, я про ваш порт-ключ вспомнила. А мальчишки сказали, что видели что-то похожее у своего дяди. Ну я и подумала, что он же тоже в Академии был, значит, если попросить у него эту штуку, то я смогу быстренько слетать к вам... А оказалась тут.

— Ты хочешь сказать, что он дал тебе порт-ключ?! — от неожиданности я даже остановилась.

— Не дал, — насупилась Оли. — Когда я пришла, его в комнате не было. Я думала, может, помыться пошел, там вода шумела, хотела подождать. Только мне скучно стало, и я всякие фигнюшки на камине рассматривала. Но одна к полке приклеилась. Я ее дернула посильнее, а там такая ямка открылась. А в ямке эта штука, порт-ключ которая. Ну я и взяла. Думаю, быстренько к вам слетаю, зелье покажу и верну ее на место. Он даже не заметит. Только тут вас не было...

— Так. О том, что чужое брать без спросу нехорошо, поговорим потом, — подняла руку я, предупреждая слезы, явно готовые политься из глаз девчонки. — Ты оказалась в Башне. А там?

— Да сами сейчас посмотрите, — убедившись, что ругать ее никто не собирается, Оли снова повеселела. — Пришли почти.

Она показала на уже виденный мною люк.

— И как мы туда заберемся? — скептически спросила я. Сил левитировать к потолку нас обеих у меня пока не было.

— Вы только крепко за меня держитесь. Так Макса сказал, — уверенно заявила приبلуда и, взяв меня за руку, потащила к центру зала.

Узкая лестница появилась, едва мы сделали несколько шагов. Обругав собственную невнимательность, это ж надо было не заметить плетение, и дядюшкину хитрость, я полезла вслед за Оли по крутым ступенькам. Через несколько минут и десяток сдавленных ругательств с моей стороны мы оказались на винтовой лестнице башни. Охранные плетения по мере нашего продвижения гасли одно за другим, чтобы снова вспыхнуть за спиной.

Увиденное впечатляло. Окажись я здесь без Оли, а точнее, без дядюшкиного порт-ключа, мою царственную тушку ободрали бы до косточек. Как мы добирались до верхней комнаты башни — отдельная история, и рассказывать ее у меня нет ни малейшего желания. Сильно подозреваю, что Оли основательно пополнила свой запас ругательств, а это не делает мне чести как наставнице. Но сдержаться, в пятый раз врезавшись лбом в низкое перекрытие или содрав кожу о шершавые стены, у меня не получалось.

— Сестренка! — улыбаясь, воскликнул Макса, увидев нас. — Извини, что не встаю...

Он красноречиво звякнул цепями.

— Аленна, — гораздо более сдержанно кивнул Алек.

Я огляделась. Небольшая круглая комната с люком, в который мы только что забрались, два топчана у противоположной от единственного окна стены и зловонное ведро между ними.

— Понимаю, — усмехнулся государь-наследник, — пахнет не розами. Но дядюшка Симеон так торопился лицедреть сразу обоих племянников, что не успел обустроить гостевые. Зато украшения — дороже не придумаешь.

Он снова тряхнул цепи. Действительно, тут ифитов дядюшка не поскупился. И где только достал столько белого железа, мерзавец? И Максу, и Алека «украшали» массивные кандалы и широкие ошейники. От ошейников тянулись короткие отрезки цепи, а те, в свою очередь, крепились к массивным кольцам, вмурованным в стену. Длины этих «поводков» хватало ровно до ведра, и то в обрез.

— Ты молодец, Оли, — Макса уже гладил мою приبلуду по растрепанной голове.

— Оли, конечно, молодец. Никто с этим не спорит, — слегка сварливо проговорила я, осторожно поглядывая из окна на двор. Там все так же крутился черный водоворот, а чернаки, похожие с такой высоты на трудолюбивых муравьев, таскали туда всякий хлам. Проповедник размахивал руками, то ли подгоняя, то ли дирижируя этой суетой. — Но, может быть, мне кто-нибудь, наконец, объяснит, что здесь происходит? И побыстрее! Для начала... Если Алек сидит здесь на цепи, то кто там изображает черного властелина?

— Дядюшка, — вздохнул Макса, потирая запястье.

— Зачем? — только и смогла проговорить я. — До короны ему, как до неба пешком! Ну угробил вас обоих, а дальше? И почему здесь? Что ему, своих замков мало, обязательно нужен был этот?! И как он открыл портал в Бездну?! Да еще, я так понимаю, не в первый раз!

— Слушай, а тебе не кажется, что можно выбрать более подходящее время для откровений?! — огрызнулся Алексан, потому что на протяжении своего монолога я смотрела именно на него. Ну не доверяло мое несколько подрастерявшее самоуверенность высочество ненавистному братцу.

Тот попытался что-то еще сказать, но вместо этого зашелся в приступе разрывающего грудь кашля. Отвернувшись и наткнувшись на два осуждающих взгляда, я махнула рукой:

— Ладно. Потом разберемся.

Слава Создателям, кольца в стене были сделаны из обычной стали. Чувствуя, как набухают вены от напряжения, я осторожно расплавил потемневший от времени металл.

— Хорошо! — воскликнул Макса, поднимаясь во весь свой немалый рост. — Наконец-то разогнуться!

Алексана пришлось поднимать общими усилиями, и то стоял он, только опираясь на плечо брата. Впервые за то время, что я находилась здесь, в душе шевельнулось что-то похожее на жалость.

— Дядюшкин порт-ключ я перенастрою, — преувеличенно деловым тоном заговорила я, пытаясь скрыть смущение. — Но хватит ли мощности?

— Хватит, — Макса усадил брата обратно на топчан. — Меня сюда дядюшка притащил. Значит, двойную массу артефакт тянет.

— Хорошо. Будем надеяться, что Алек и Оли сойдут за дядюшку... Мелочь активирует ключ, а ты держись за нее, и...

— А ты?

— А я сразу за вами. Порт-ключ в ректорский кабинет, конечно, несколько слабее, но меня носит.

— Я никуда не пойду, — набычилась вдруг мелкая.

Все присутствующие молча вытаращились на нее, ожидая продолжения.

— Я никуда не пойду, — повторила она. — Без меня вы не сможете спуститься вниз.

— А зачем мне вниз?

— Вы же обещали отпустить дядю Никса! — Оли даже ногой притопнула от возмущения.

— Кто такой Никс? — приподнял бровь Макса.

— О! Это очень хороший дядя! — затараторила мелкая. — Без него у меня ничего бы не получилось! Он меня из подвала вывел, помог Аленну найти! А потом ее вытащил, когда

башня упала, и...

— Хорошо! — перебила я. Только красочного описания глупости, оставившей мое безголовое высочество практически без резерва, тут и не хватало. — Пошли вниз. Потом ты вернешься сюда и активируешь ифитов ключ. Ясно?

— Аленна? Может быть, нам стоит спуститься всем? — предложил Макса, видя, как мне не хочется оставлять мелочь без присмотра.

— Я справлюсь! — возмутилась Оли.

— Дело не в том, — как всегда корректный, братец присел перед девчонкой на корточки. — Наставница тебе доверяет. Но она беспокоится за тебя. А мы, — тут он снова напоказ погромел цепями, — сейчас не способны даже светляка сотворить.

— Можно подумать, — надулась приبلуда, — она, после того как...

— Хватит! — рывкнула я, потеряв остатки терпения. — Макса, нам не спуститься всем. Лестница узкая, а у меня нет ни малейшего желания собирать пепел того, кто случайно отпустит Оли. Мы пойдем вдвоем. Потом она вернется, и вы отправитесь во дворец к Па. Постарайтесь побыстрее объяснить ему, что не имеете никакого отношения к заговорщикам. А то, подозреваю, он внес в этот список еще и меня. Вряд ли мое длительное отсутствие в Академии осталось незамеченным!

Не слушая возражений, я схватила Оли за руку и шагнула в люк.

— Аленна, а вы точно отпустите дядю Никса? Обещаете? — снова и снова уточняла мелочь, пока мы тащились по крутым ступенькам обратно в ифитов подвал.

— Да! — рыкнула я. — Отпущу я твоего Никса!

Магическое истощение принесло с собой головную боль и тошноту. Я и так еле переставляла ноги, шаркая, как тысячетлетняя старуха, а тут еще звонкий голос Оли, эхом отскакивающий от стен. «Осталось чуть-чуть, — уговаривала я себя. — Главное позади! Больше никаких сюрпризов! Через полчаса я буду валяться в ванной в Академии стихий!»

— А потом за нами, да, Аленна? — не унималась Оли.

— Королевское слово! — едва не взвыло мое измученное высочество.

— Помогите! Лерра ректор! Спасите! Выпустите меня! — донеслось из-за двери, мимо которой мы как раз проходили.

От неожиданности я споткнулась и чуть не рухнула прямо в предупредительно открывшийся при нашем приближении люк.

— Кто это? — вопреки обыкновению, шепотом спросила Оли.

— Мой склероз в действии, — буркнуло мое узнавшее визгливый голосок высочество. — Лайана?

— Да! Это я! Лерра ректор! Простите! — зарыдала потерянная студия. И как меня угораздило о ней забыть? — Я больше не буду! Выпустите меня!

К визгливым ноткам добавились истерические, прошедшие по моей больной голове с грацией циркулярной пилы. На какую-то секунду я успела пожалеть, что потеряшка таки нашлась.

— Заткнись и отойди от двери!

Выплетать ударную волну, пытаясь вытянуть капли силы из пустого резерва, и при этом не выпустить руку Оли оказалось той еще акробатикой, но я справилась. Оббитая железными полосами дверь рухнула внутрь, подняв тучу пыли. Студия ринулась на свободу с энтузиазмом взбесившегося варана. Оли едва успела сцапать ее за грязную ладошку, иначе останки дурочки хоронили бы в пудренице.

Решив, что выяснять, как здесь оказалась глуповатая невеста дядюшки, рано, я приказала ей идти след в след за Оли и ни при каких условиях не выпускать ее руки. Судя по тому, как сморщилась моя ученица, Лайана приняла приказ к сведению и вцепилась в ее в ладонь

мертвой хваткой. Жаль только, что молчать я зареванной узнице не приказала.

— Сенюшка! Его словно подменили! Он сказал, чтобы я приезжала в столицу, прислал сопровождающих! Сказал, что правитель согласился на наш брак! А когда я приехала, схватил меня и бросил сюда! Он был такой жестокий!

Заливаясь слезами и соплями, девица вываливала на мою больную голову подробности своего заточения с таким энтузиазмом, будто оправдывалась в суде. А я, скрипя зубами, мечтала только о том, чтобы, наконец, заткнуть этот фонтан. Но на призывы заткнуться истеричка не реагировала, а просто треснуть ее по голове мешали тесные переходы и присутствие Оли.

Наконец, преодолев последнюю туманную лестницу, мы повалились на пол в круглом подвальном зале под основанием башни.

— Отправляйся, — приказала я Оли, слегка отдышавшись.

— А вы?

— Я разберусь, — отмахнулось мое ошалевшее высочество.

— Так, может, нам подождать?..

— Я тебе подожду! Быстро наверх! И имей в виду, твоего дорогого дядю Никса я освобожу, только когда почувствую откат вашего ухода!

— А вы и так можете? — округлила глаза Оли.

— Могу! — кивнула я, скрестив за спиной пальцы. Пусть лучше мелочь поверит в мое всемогущество и побыстрее окажется в безопасности, чем придумает какую-нибудь причину задержаться и убедиться, что со мной все в порядке. Жаль, что порт-ключ после их ухода будет перезаряжаться минимум несколько часов. От парочки боевых магиков из королевского легиона мое на самом деле едва стоявшее на ногах высочество бы не отказалось.

Оли быстро закивала и полезла обратно наверх. Как только люк за ней захлопнулся, я таки не отказала себе в удовольствии отвесить бывшей невесте дядюшки подзатыльник и, наконец, смогла насладиться божественно прекрасной тишиной.

Выждав для верности еще минут десять, я с сомнением покосилась на лохматую девицу. От того апломба, с каким она некогда рассказывала мне о своей будущей головокружительной карьере, не осталось и следа. Сейчас передо мной, подтянув колени к груди, сидела худенькая, до предела перепуганная девчонка и мелко-мелко дрожала то ли от холода, то ли от ужаса, то ли от всего вместе.

Вздохнув, ведь пожалеею же о собственном великодушии минут через пять, я протянула ей порт-ключ в ректорский кабинет.

— Как пользоваться, знаешь.

Студиза схватила артефакт сразу обеими руками и прижала к груди.

— В кабинете сиди тише воды ниже травы, пока не придет профессор Карна. Впрочем, ужин у духов-охранителей можешь попросить. Расскажешь своему куратору, что здесь произошло, и предупредишь, что я немного задерживаюсь. Поняла?

Все так же молча девчонка закивала.

— Иди.

Через мгновение ее в подземном зале уже не было. С минуту я посидела, пытаясь заставить себя подняться, потом, кое-как опираясь о стену, утвердилась на подрагивающих от слабости ногах.

— План выполнен по максимуму: всех, кого можно, спасли, — пробормотала я. Собственный голос звучал как-то неестественно. — Теперь бы еще спастись самой. Или хотя бы постараться не сдохнуть, пока здесь появится Королевская стража... Ах да. Еще Никса отпустить...

Подумав о чернаке, который, если его не нашли, так и висит прибитый моим плетением к стене, я поковыляла в темный коридор.

Никс никуда не делся. Что, впрочем, и ожидалось. Похоже, с перепугу я вложила в плетение слишком много силы, и достать чернака из подвала можно было только вместе с основательным куском кладки. Увидев меня на пороге, он яростно задергался, бешено вращая глазами.

— Я пообещала тебя отпустить, и я это сделаю, — с деланным спокойствием сказала мое кое-как распрямившее спину высочество. — Можешь убираться на все четыре стороны.

Вместо благодарности Никс скосил глаза в сторону и что-то с ненавистью промычал. Поблагодарив Создателей, что использованное мной плетение отнимает не только возможность двигаться, но и орать, я повела рукой, развеивая магические путы.

Чернак шлепнулся на пол, как большая жаба. «Правильно, руки-ноги затекли, — проворчала я себе под нос. — Ничего. Сейчас отойдут...»

— Ну хоть раз в жизни от тебя есть польза, — прозвучало из темного угла, и воздушная волна врезалась в бок, моментально вышибив воздух из легких.

Меня протащило по полу и впечатало в противоположную стену. С трудом поднявшись на четвереньки, мое так некстати забытое о бдительности высочество замотало головой, пытаясь разогнать кровавые круги, мельтешащие перед глазами.

Дядюшка, откинув на плечи черный капюшон, вышел на свет. В руках он держал короткий, грубой работы жезл. Я попыталась подняться, но голубой луч, вырвавшийся из наверхия ифитовой палки, снова прижал меня к полу.

— Не дергайся... — с заметным удовольствием проговорил проклятый родственничек. — Не поможет. На этот раз тебе не удастся мне все испортить.

— Урод, — выплюнула я, обнаружив, что способность разговаривать осталась при мне.

Он пожал плечами и, подойдя, со знанием дела ткнул носком сапога мне под ребра. Я зашипела сквозь стиснутые зубы: ифит тебе в печенку, а не мои крики.

— Упрямая, — с непонятым удовлетворением кивнул Симеон и ласково провел пальцами по артефакту. — Хорошая игрушка. Напрочь отнимает возможность двигаться у чересчур ретивых магов. Даже плетения становятся неподвластны. Впрочем, от тебя их и так не дождаться. И чему тебя только учили в моей Академии? Разве можно с пустым резервом бродить по замку заговорщиков?

Он противно захихикал.

— Псих! — не удержалась я и тут же за это поплатилась: тяжелый сапог врезался в живот.

— Я не псих! — побагровел дядюшка, разом растеряв показное благодушие. — Я — гений! Только такие самовлюбленные глупцы, как ты и твой тупой папаша, могли это не замечать!

Думать удавалось с трудом. Хотелось закрыть глаза и поспать. Или хотя бы просто полежать в тишине. Но я понимала: пока свихнувшийся дядюшка машет языком — я живу. И чем дольше он это делает, тем больше у меня шансов дождаться подмоги в откровенно целом виде. Я сплюнула собравшуюся во рту кровь и ехидно усмехнулась:

— А кто заметил?

— Я! Я заметил! — заорал, брызгая слюной, дядюшка, сопровождая каждое слово новым пинком по моим многострадальным ребрам. — И этого достаточно! Все эти глупцы недостойны...

Тут он таки промахнулся и врезал ногой по стене, у которой я лежала. Вместо перечисления недостойных с его губ полились грязные ругательства вперемешку с воплями боли.

«Ну, сейчас начнется», — успела подумать я, пытаясь напрячь мышцы, чтобы хоть как-то уберечься от переломов.

Но дядюшка вдруг успокоился, отвернулся и снова заговорил преувеличенно ласковым тоном.

— А ты что молчишь, герой? Думал, наплетешь мне всякую чушь, и свободен? Ректор Аленна не обижает переселенцев, ректор Аленна справляется, — явно кого-то передразнивая, пропищал сумасшедший. — Да мне плевать, справляется она или нет. Ты должен был помочь

убрать эту дуру из Моей Академии! Я дал тебе, грязному чернаку, работу! А взамен просил всего лишь выполнять мои мелкие поручения! Это так много?! Ты даже сдохнуть вовремя не смог. Только яд на тебя зря потратил. Кто тебя выхаживал, а? Какая дрянь?

Злоба в его голосе сменилась плаксивыми нотками, и я перестала сомневаться в его сумасшествии. Дядюшка Симеон качественно поехал мозгами. Вот только мне от этого легче не становилось.

— Но я сам виноват, — бывший ректор обращался уже к своему главному почитателю, к себе самому. — Надо было предвидеть, что такой грязный кобель, как ты, переметнется на сторону симпатичной принцессы. Ты же влюбился в нашу Аленну, да? Ну признайся перед смертью. Ей будет приятно знать, что такую, как она, кто-то любит.

Дядюшка мерзко захихикал.

— Я не люблю Аленну! — впервые за все время подал голос Никс.

Глупо... Но в этот момент у меня в груди что-то оборвалось. Я знала, что чернак не любил меня. Знала, что его интересовало только выдуманное приданое. Но услышать это вот так, из его уст, оказалась не готова.

— Конечно, не любишь! — продолжал издеваться Симеон. — Ты любишь деньги. Красивые золотые кругляшки. А у нашей принцессы их много. Очень много. С таким довеском можно любить кого угодно, даже эту... мужеподобную заносчивую перепелку! Еще и воровку, кстати, — он повернулся ко мне. — Это же ты утащила мой порт-ключ, паршивка. Но ничего. Папочка не успеет. Да! Я гений, я все продумал! Даже защиту от тебя! Тебе больше не удастся спутать мои планы! Одного раза вполне достаточно!

Бывший ректор вытащил из кармана очередной артефакт. «Да сколько же их у тебя?!» — мысленно возмутилась я, когда грубые плети силы подняли меня в воздух.

Дядюшка снова нацепил черный капюшон и направился к выходу. Сзади идиотским воздушным шариком на поводке болталась моя безвольная тушка, то и дело врезающаяся в потолок. Судя по сдавленным ругательствам за спиной, с Никсом обошлись так же.

Ободрав о каменную кладку все, что только можно, я почти обрадовалась, когда наконец рухнула на мостовую двора недалеко от водоворота тьмы. И, как оказалось, рано: дядюшка еще не закончил.

Картинно воздев руки, он снова что-то забубнил, обращаясь к своей подобной зомби пастве. Чернаки, побросав мусор, который трудолюбиво таскали к порталу в Бездну, уставились на своего гуру стеклянными глазами. Но мне было не до новых откровений дядюшки. Я не отрываясь смотрела ему за спину. Там, на месте исчезнувшей мусорной башни, образовался увеличивающийся на глазах котлован, наполненный пузырящейся ярко-голубой жижей. Мало того, творение Оли, которое она в очередной раз наделила свойством самовосстанавливаться, уже проделало целый канал и медленно стекало прямо в водоворот тьмы посреди двора.

Несмотря на серьезность ситуации, я тихонько захихикала. Что бы там ни планировал свихнувшийся дядюшка, но Локхар в его планы больше не входит. Моей ученице таки удалось создать камнежку, и это варево уничтожит замок еще до рассвета!

— Да вы что, с ума посходили?! — закричал вдруг Никс.

Вынырнув из злорадных мыслей, я скосила глаза, пытаюсь рассмотреть, что там происходит.

— Это же принцесса! За ее смерть правитель казнит всех до единого! Даже детей!

Но чернаки не обращали на его крики никакого внимания. Большая часть так и осталась стоять, мерно раскачиваясь на пороге Бездны, а несколько ушло куда-то мне за спину, и оттуда доносились удары железа о камень. Но чем они там занимались, мне было не рассмотреть.

— Кричи, — радушно предложил дядюшка. — Можешь рассказать им, какой я плохой! Я не против. Они все равно слышат только мой голос, и только тогда, когда я этого захочу. А вы просто два отступника, чуть не навлекшие на их детей гнев Безымянной своим неверием. Хорошие у меня артефакты, правда? Я уже говорил, что гениален? Да? Ну ничего, скажу еще раз. Вы все равно больше никому ничего не расскажете! Я — гениален! Я — велик! Я...

— Псих и слабодарец с манией величия, — не выдержало мое ехидное высочество.

— Это ты так думаешь, — прошипел дядюшка, склонившись надо мной. — А я буду править двумя континентами, когда твои кости будут глотать ифиты в Бездне!

— А Создатели будут тебе тапочки приносить. В зубах, — хрипло расхохоталась я.

— Я почти захотел оставить тебя в живых, чтобы ты увидела момент моего величия и захлебнулась собственной завистью! — налитые кровью глаза Симеона не отрывались от моего лица. — Но, нет... Такой ошибки я больше не совершу! Ты умрешь здесь и сейчас! А я стану властелином Вселенной! Так, как это предназначено Создателями! Так, как это случилось бы еще полвека назад, если бы не ты!

Он снова ударил меня ногой с такой силой, что я отлетела на несколько метров в сторону.

— Ты безумен, — заговорил Никс, пока мое избитое высочество судорожно пыталось вдохнуть. — Пятьдесят лет назад мы были детьми. Что могла тебе сделать маленькая девочка?!

— А этого оказалось достаточно! — рявкнул дядюшка, наконец прекратив меня пинать. — Девочка, женщина... Все беды от баб, ты не знала?! Это ее я должен благодарить за то, что почти потерял королевский Дар и превратился в жалкого слабодарца. И если бы не мой мощный гений... Так... О чем это я? Ах да. Вот эта дрянь сделала меня слабодарцем, еще находясь в утробе матери! Ну что тебе стоило оказаться парнем?! Ведь у правителей не бывает дочерей!

Он снова принялся с остервенением пинать мою и без того превратившуюся в один большой кровоподтек тушку. Перед глазами все поплыло, но голос обезумевшего от ненависти дядюшки никуда не делся.

— Мои артефакты никогда не давали сбоев! Как все замечательно прошло, когда твоя мамаша носила Алексана! Он стал слабодарцем еще в утробе матери! И с тобой должно было произойти то же самое! И с твоими братьями! А потом трагически погиб бы единственный полноценный наследник! И я! Я! Гениальный артефактор, политик и титан мысли мирно сместил бы брата, не способного зачать нормального принца! Но нет! Ты, сволочь, оказалась девкой! И мой артефакт сломался, ударил по мне! Из-за тебя я потерял свой трон! Но я верну его!

— Ничего ты не вернешь, — Никс, похоже, понял то же, что и я получасом раньше: пока дядюшка орет, мы живы, и продолжал с ним спорить. — Принцы вернулись во дворец. Правитель все равно узнает правду.

— Принцы?! — вместо того чтобы испугаться, дядюшка расхохотался. — А кто тебе, глупому чернаку, сказал, что они вернулись?! Нет! Они трагически погибли по вине вот этой заговорщицы!

Очередной удар я почти не почувствовала.

— Она, ах, какая подлая змея, под видом помощи подсунула несчастным принцам порт-ключ с секретом. С секретом! Смешно, да? — он вновь зашелся в приступе истерического смеха. — Видишь ли, глупый переселенец, я — гений, и я предусмотрел даже это. А она даже помогла мне, явившись самостоятельно! Не пришлось заманивать. Знаешь, что сделала эта дура? Выполнила в точности то, что я собирался лишь инсценировать, придушив ее в тихом уголке. Она отдала порт-ключ моей бывшей невесте, чтобы та активировала его в башне, прихватив братьев! Но есть одна ма-а-а-ленькая хитрость. Если порт-ключ активирует тот, у кого нет хоть малой капли королевского Дара, то его размажет тонким слоем по мирозданию. Понятно? Его просто не станет! Какая трагедия, что в момент активации за глупую студиозу держались целых два принца... Как жестоко поступила Аленна, надев на своих братьев белое железо. Ведь оно блокирует любые магические способности, даже королевский Дар! Впрочем, о чем это я? Откуда тупому чернаку знать, что такое королевский Дар? Вы, грязные переселенцы, годитесь только для такой же грязной работы, как вы сами. Но вас обоих уже заждались в Бездне. Хватит разговоров...

И тут дядюшка исчез из моего поля зрения, вверх тормашками улетев куда-то в сторону.

— Ифитов гдырх! — путая белакские слова с чернакскими, выругался где-то за моей спиной Никс.

— Действительно, хватит, — в распахнутых настежь дверях башни-тюрьмы стоял правитель. — Я услышал достаточно.

— Па? — пискнула я, от облегчения едва не потеряв сознание, с чем упорно боролась последний час.

— Ну раз ты меня узнала, значит, остатки мозгов из тебя не вышибли, — хмуро покачал головой заботливый родитель, переступая через мою полудохлую тушку и мимоходом снимая паралич.

— Замечательно, — обозлилась я, приподнявшись на локте, так как на большее сил не хватило. — Я тут жизнью рискую...

— О твоих рисках, самонадеянности и неправильных приоритетах мы поговорим чуть позже, — прервал правитель и кивнул нескольким целителям. — Займитесь. Обоими.

От обиды из глаз едва не брызнули слезы, но мне удалось сдержаться, до крови закусив губу. Более не обращая на меня внимания, правитель подошел к Симеону, которого боевики уже избавили от артефактов, сиротливой кучкой лежащих сейчас на булыжной мостовой.

— Чего тебе не хватало, брат?

— Я тут ни при чем, — завизжал бледный, как полотно, дядюшка. — Это все Аленна! Я узнал о ее заговоре и поспешил сюда, на помощь племянникам! Спроси этих чернаков, они скажут!..

— Ложь только усугубит твою и без того не лучшее положение, — еще сильнее нахмурился правитель. — Ты забываешь, что я все слышал. Из твоих уст, брат. Моя дочь заплатила за эту возможность парочкой лишних синяков...

«Ничего себе, парочка!» — едва не взвыла я, пропустив мимо ушей часть царственного монолога.

— В общем, так, — закончил Па. — Здесь все убрать. Чернаков в королевскую лечебницу. Там разберутся, что за узлы навязал в их мозгах мой негодный брат. Портал в Бездну — закрыть. Только сначала отправьте туда это безумное зелье. Хватит уже разводить тут...

— Действительно, хватит! — прокатился над площадью громовой голос.

Все присутствующие дружно вытаращились на новое действующее лицо. А два целителя, как раз активировавшие транспортное плетение, уронили мою многострадальную тушку обратно на булыжники мостовой. Я нервно захихикала: этот день когда-нибудь закончится?

Над водоворотом тьмы зависла стройная женская фигурка, невысокая и хрупкая, она тем не менее просто дышала мощью, и это почувствовали все без исключения. Первым пришел в себя, разумеется, Па.

— Изначальная, — он склонил голову, и, как по команде, все, кроме оболваненных чернаков, вообще не воспринимающих окружающее, опустились на колени. — Прости, что этой ночью мы нарушили твой покой...

— Этой ночью?! — совсем по-человечески возмутилась богиня. — Людям свойственно не думать о быстротечности жизни! Но ваше пожелание смертных перешло все границы. Добравшись до ключа, созданного не вами и не для вас, вы открыли ворота в Бездну! Чувство самосохранения? Не, не слышали! И ладно бы только открыли, вы еще начали бросать мне на голову всякий мусор! Я уже много веков не вмешиваюсь в дела смертных. Но использовать Бездну как помойку?! До этого не додумались даже ваши дикие предки!

— Прости, Изначальная, это было сделано по неведению.

— А как сливать в Бездну зловонные результаты ваших неудачных экспериментов, вы ведали?! Да у меня до сих пор дворец тухлыми яйцами пахнет! Но этого вам показалось мало, и вы решили оставить меня вообще без дворца?!

Она кивнула на медленно стекающее в водоворот тьмы ярко-синее творение Оли.

Я порадовалась, что успела отправить свою чрезмерно талантливую ученицу подальше отсюда. Но Безымянная, оказывается, говорила вовсе не о ней.

— Виновного я забираю, — безапелляционно заявила богиня, безошибочно найдя глазами сжавшегося в комок дядюшку. — Он так интересовался Бездной, что было бы жестоко не показать ему ее изнутри.

Я потрясла гудящей головой, пытаюсь избавиться от галлюцинации: не могла же в голосе изначальной владычицы Бездны звучать откровенная насмешка.

— И если мне придется еще раз увидеть в Бездне нечто подобное, — огромный язык багрового пламени слизнул творение Оли, оставив только черную обугленную воронку, — я всерьез задумаюсь, не слишком ли долго ваша раса ходит по этой земле.

Богиня проплыла по окружности портала и остановилась рядом со мной. Я видела только ее маленькие ножки с аккуратными розовыми ноготками, зависшие в полуметре от земли. И вдруг какая-то неодолимая сила заставила меня поднять голову и посмотреть прямо ей в лицо, отчего-то показавшееся мне знакомым. Шалея от собственной самоубийственной наглости, я заглянула в бушующее изначальное пламя в ее глазах. Еле слышный шепот, такой тихий, что я так никогда и не поняла, реален ли он был или только почудился моему измочаленному предыдущими событиями высочеству, легким ветерком пролетел над головой: «Хороший выбор, Макс». И она мне... подмигнула. Это оказалось последней каплей, и я, наконец, второй раз за свою недолгую, но насыщенную приключениями жизнь потеряла сознание.

ГЛАВА 26

Виноватых нет, одни пострадавшие

Три дня спустя после встречи с Безымянной мое приведенное целителями в относительный порядок высочество вновь водворилось за ставшую уже привычной парту в ректорском кабинете. На столешнице подпирала потолок куча свитков и писем, накопившаяся с утра. Из распахнутого в спальне окна доносились невнятные крики: студии гонялись друг за другом по парку. Все было как всегда...

Вот только сторожа у Академии стихий уже пять минут не было. Впрочем, об этом «нововведении» мне стоило догадаться еще в замке Локхар, когда я увидела, как Никса уводили боевики Тайной стражи.

— Ваше высочество лерра ректор, — поклонился он мне тогда, искривив в непонятной усмешке разбитые губы.

В тот момент мое балансирующее на грани очередного обморока высочество не поняло значения этой гримасы. И только много позже, стараниями целителей придя в нормальное состояние, я догадалась, когда именно слетела личина черначки Рины и Никс узнал, с кем он явился в мятежный замок.

На второй день в королевской лечебнице мое не сдержавшееся высочество заставило Максусу выяснить, что же произошло с чернаком. Вопреки обыкновению брат не стал подшучивать и дразниться, а лишь понимающе кивнул. Вечером того же дня он рассказал мне, что чернака допросили и почти сразу же отпустили. К заговору дядюшки он не имел никакого отношения, всего несколько раз рассказав ему о моих действиях в Академии и доставив в Локхар несколько писем мятежного дядюшки. Даже тот странный артефакт, что пытались затолкать в каминную трубу, переселенец искренне считал уничтожителем сажи. А так как я не стала докладывать Па всю правду о лже-влюбленных, никаких обвинений чернаку не предъявили, и он исчез из столицы и из моей жизни без следа. Хотя... Наследил он, конечно, предостаточно, но об этом знала только я. Да и то старалась лишний раз не вспоминать. И мне это почти удавалось. До сегодняшнего дня.

А сегодня в дверь постучали, едва я вернулась из лечебницы.

— Войдите, — буркнула я, ожидая увидеть Карну.

Но это оказался Никс.

— Ваше высочество лерра ректор, — поклонился он, избегая смотреть мне в глаза.

— Никс, — кивнуло мое моментально разнервничавшееся высочество.

— Профессор Карна сказала, что такие вопросы вне ее компетенции, и посоветовала обратиться к вам напрямую, — он положил передо мной свернутый в трубочку пергамент.

— «Прошу освободить меня от занимаемой должности...» — прочитала я, не испытывая, впрочем, удивления, и покачала головой. — Это ни к чему. Я не собираюсь вам мстить или предавать огласке вашу неудавшуюся попытку разбогатеть. Вы можете остаться.

— Это очень великодушно с вашей стороны. Но я не хочу, — его губы искривила уже знакомая мне усмешка-гримаса.

— Почему? Я надеялась, что вы уже убедились в моем ровном отношении к магикам вне зависимости от их происхождения.

— Убедился. Но теперь это не имеет значения.

— А что имеет? — приподняла бровь я.

Пожалуй, я и сама до конца не понимала причины своей дотошности. Зачем допытываться, выясняя нелицеприятную правду, которая и так была известна моему глупому высочеству? Не иначе как скрытый мазохизм проявился.

— Если вам так уж это важно, то пожалуйста. После всего случившегося я не смогу здесь работать.

— Я же сказала, что не буду ворошить ваши попытки заработать...

— А я уже сказал и вам, и в Тайной канцелярии под зельем правды, что Симеон не платил мне за услуги! — маска ледяного безразличия на мгновение соскользнула, и в глазах чернака полыхнула нешуточная злость. — Да, я повел себя как дурак, не задавшись вопросом, зачем брату правителя вдруг помогать безродному переселенцу. Но этим моя вина исчерпывается! Я не поддерживал и никогда не поддержу попытку развязать гражданскую войну! Я знаю, что это такое!

«Ох, какие мы гордые! — внезапно обозлилась и я. — Знает он! Книжки с картинками успел посмотреть вместе со своей тупой подружкой-библиотекаршей в промежутках между обсуждениями злобной ректорши?! Да на Белом континенте никаких войн не было уже четыре сотни лет!»

— Я имела в виду вашу попытку разжиться приданым одной бастарды с тракта, — ледяным тоном бросило мое взбешенное высочество.

— Каким приданым? — опешил Никс.

— Приданым Рагетты. Слышали о такой? — криво улыбнулась я.

— Как же, — вернул ухмылку чернак. — Конечно, слышал. Она еще развлекается тем, что дурит разным размечтавшимся безумцам головы, а потом выбрасывает их, как надоевшие игрушки.

Я не нашлась что ответить на подобную наглость.

— «Можешь убираться на все четыре стороны!» — пропищал Никс, передразнивая мои слова. — Ее высочеству надоел очередной глупец, и его царственным жестом послали. Я, как и положено глупцу, понял не сразу, но уж когда узнал ваше высочество, не понять не посмел. Выполняю высочайшее повеление: убираюсь на все четыре стороны. Только бумажку подпишите, чтоб уж все по закону, ваше высочество!

— Я давала тебе возможность избежать ареста! — рявкнула я, грохнув кулаком по столу так, что подскочил чернильный прибор.

— А меня не за что арестовывать, ваше высочество! За глупость пока на рудники не отправляют. Даже если глупость состоит в том, чтобы влюбиться в дочь правителя! Тем более по неведению!

— Влюбиться?! — до воспаленного мозга дошло только одно слово, за него я и зацепилась. — Ты «влюбился» в приданое, которое пообещали за бастардой!

— Никто мне не обещал никакого приданого! — Никс шагнул вперед и, опершись о жалобно скрипнувшую парту обеими руками, навис надо мной. — Откуда вообще взялся этот бред?! Если я вам надоел, вы могли бы просто об этом сказать! Или у вас, белакских аристократов, это не модно?! Ну конечно! Налететь ни с того ни с сего, обозвать как-нибудь, например, продажной шкуркой, и исчезнуть в неизвестном направлении вам больше нравится, да?! Но я-то не белакский аристократ, мне такая модная отставка непонятна!

— А что тут непонятного?! Денег захотел, приданого! А я хочу, чтоб интересовались мной, а не приданым!

— В сотый раз тебе повторяю, — в запале Никс отбросил преувеличенно почтительный тон и перешел на «ты», — не знаю я ни про какое приданое! Когда ты на меня налетела, как взбесившийся ифит, я вообще ничего не понял! Вечером побежал в таверну. Но там тебя не было. Зато Крупп сказал, что ты умчалась в Локхар разбираться со своими богатыми родственниками-аристократами, которые тебя обидели чем-то, и вряд ли живая оттуда вернешься. Я наплел что-то про семейные обстоятельства профессору Карне и помчался за тобой! Да я даже не сразу понял, что Рина — это ты! Только когда Оли, искавшая свою наставницу Аленну, подошла именно к тебе! Но ты, наверное, здорово посмеялась над моей новой глупостью!

Я вспомнила, как рыдала над мечущимся в горячке чернаком, как лебезила перед костоправом-целителем, чтобы получить возможность приготовить противоядие, и меня словно окатило холодным душем. Прошли и злость, и обида, не оставив ничего. Только маленький ледяной кусочек Бездны где-то под сердцем.

— Мне было некогда смеяться, — холодно проговорило мое внезапно успокоившееся

высочество. — Я готовила противоядие для одного горе-заговорщика, искала своих попавших в ловушку психопата братьев и... Впрочем, неважно, что еще.

— И ловила падающие башни, — так же тихо отозвался Никс. — Я видел. А про яд не знал...

— Неважно, — я подняла руку, останавливая ненужные рассуждения, и размашисто расписалась на клочке пергамента с его прощением. — Ты хочешь идти? Хорошо. Вот твоя бумага. Ты свободен. Можешь искать новую подружку с приданым.

— Да какое, к ифитам, приданое?! — снова взорвался чернак.

— Ты действительно не знал? — я поднялась, пристально глядя ему в глаза.

— Нет! Нет! Сколько раз повторить?! Хочешь, под зельем правды спроси! Я не понимаю, о чем ты!

— Дядя Симеон распустил среди наемников слух, будто Рагетта — бастарда и за ней дают приданое в десять тысяч золотых. За последние пару месяцев мне в любви объяснились несколько ловкачей, в том числе Крупп. Впрочем, надо отдать ему должное. Когда он понял, что во внезапно вспыхнувшую страсть я не верю, то предложил разделить деньги и рассказал всю предысторию.

— Я не знал об этом! Клянусь! — воскликнул чернак то, что я уже и так поняла. «Ну и дура вы, ваше высочество!» — мелькнула в голове шальная мысль. Но Никс, оказывается, еще не закончил. — Значит, когда ты приказала убираться, ты всего лишь...

— Хотела избавить тебя от разбирательства в Тайной канцелярии, — кивнула я, все еще не до конца отойдя от пережитого стресса.

Как он оказался рядом, мое слегка заторможенное высочество даже не заметило. А вот теплые нежные губы, коснувшиеся моего лица, не заметить было невозможно. На какое-то время я просто выпала из реальности, потеряв связь с внешним миром. Да и не нужен мне был тогда этот мир. Казалось, еще чуть-чуть, и я взлечу или рассыплюсь на тысячи счастливых искорок. И каждая из них будет плавиться от волшебной неги, мягкими волнами растекающейся от прикосновений любимого. Любимого, который любил именно меня...

— Теперь я уйду счастливым, — тихий шепот обжег мочку уха.

— Уйдешь? — все еще не понимая, на каком свете нахожусь, так же тихо переспросила я. — Зачем? Мы же все выяснили.

— Мы — да. Я думал, ты играла со мной. И я ошибся. Это счастье.

— Тогда зачем уходить? — сообразив, о чем, собственно, речь, я отстранилась, пытаюсь поймать его взгляд.

Но Никс упрямо отводил глаза.

— А если не уходить, то что?

— В каком смысле? — мое окончательно вынырнувшее из неги высочество напряглось, предчувствуя очередную пакость.

— Ты принцесса, а я... Подумай, что будут говорить за нашими спинами.

— Какая разница, что кто-то там будет говорить?! — возмутилась я.

— Никакой, — кивнул чернак, переместившись так, что между нами снова оказалась заваленная письмами парта. — Пока ты со мной.

— Так в чем проблема?

— Я — переселенец, магик без рода-племени. Эта страна не приняла меня, вернуться домой я не могу. А здесь ты — дочь правителя. Однажды тебе придется выйти замуж. И назвать тебя женой позволят явно не мне. Кем я стану для тебя тогда?

— Значит, я никогда не выйду замуж! — буркнула я, выбираясь из-за ифитовой парты и пытаясь его обнять.

Но Никс поймал мои руки в воздухе, не позволяя притронуться.

— Рано или поздно ты выйдешь замуж, — с грустной улыбкой, так не похожей на его обычную кривую ухмылку, покачал головой он. — А делить тебя с другим, стать ночным вором, любовником, прячущимся от тени, я не смогу. Прости.

— Но как же?.. — беспомощно пробормотала я, чувствуя, как по щекам потекли слезы.

Никс резко выдохнул и обнял меня, с силой прижав к груди:

— Я бы никогда не отпустил тебя, если бы...

— Если бы что?

— Если бы не был безродным переселенцем, — непривычно жестко отозвался он, и я покачнулась, внезапно лишившись поддержки его рук.

В следующую минуту хлопнула дверь кабинета, и мое снова ощутившее клочок Бездны в груди высочество осталось в одиночестве.

Какое-то время мне понадобилось, чтобы прийти в себя и осознать, что это действительно конец. Не придуманный под давлением обстоятельств, не подстроенный недоброжелателями, а самый что ни на есть настоящий. Никс принял решение. И мое мнение учитывать никто не собирался.

Шаркая ногами, будто меня снова избил любящий дядюшка, я вернулась в кресло и машинально потянула к себе первое попавшееся послание из кучи, наваленной на столе. Только тут мое невнимательное высочество заметило, что прошения Никса уже нет. Строчки какой-то бесполезной писульки расплылись перед глазами. Я просто сидела, невидящим взглядом уткнувшись в стену, слушала, как кричат студии в парке, и пыталась привыкнуть к холоду, казалось, навечно поселившемуся под сердцем.

ГЛАВА 27

Пункт назначения — белое пятно

Последние полгода пролетели мимо моего заработавшегося высочества с присвистом, сменяя дни неделями, а недели месяцами. Я работала, как мельничный варан, хватаясь за любое дело, любой вопрос, возникающий в поле зрения. Во время редких и коротких визитов в столицу придворные шептались за моей спиной, что, встретившись с Безымянной, дочь правителя сошла с ума и решила уморить себя работой. Я не противоречила этим слухам. Мне было безразлично. Я работала. Потому что только работой могла заполнить, казалось, навечно поселившийся в груди кусочек Бездны. И его подарила мне вовсе не Безымянная, как думали дворцовые сплетники.

Вопросы с заговором разрешились достаточно быстро и на удивление просто. Решив «подчистить хвосты», дядюшка сам убил основных своих сподвижников — казначея и моего бывшего ассистента Кири. Остальных тронувшийся родственничек если и использовал, то втемную, умело играя на привязанностях, страхах и комплексах. Как ему удалось закрутить такую пляску и где он достал ключ к Бездне, так и осталось неизвестным. Безымянная, уходя, забрала с собой и ключ, и дядюшку.

Но все эти расследования прошли мимо меня. Мое замкнувшееся в себе высочество с головой ушло в проблемы Академии стихий. Па радовался, что я, наконец, взялась за ум. Макса подтрунивал над моим внезапным трудоголизмом и заключал пари с Алексаном, на сколько меня хватит. Преподаватели Академии нагружали все новыми и новыми проектами по улучшению всего подряд. А я... Я просто работала.

Оли сдала ускоренный Контроль по четвертому, последнему уровню поселковой школы и отдыхала сейчас вместе с моими младшими братьями на берегу океана в летней резиденции правителя. Она уже освоилась со статусом принцессы и даже отучилась вытирать руки о штаны после обеда. Хотя сменить сами штаны на платье ее заставить пока не удалось.

На Белом континенте появилась королевская служба «Поиск одаренных», куда с удовольствием брали и чернаков. Сняли нелепый запрет на работу переселенцев поселковыми учителями, ради чего мне пришлось явиться на заседание Малого совета и пригрозить Первому жрецу Создателей личной ревизией во всех школах отдаленных провинций.

В Академии с потолков перестала сыпаться штукатурка, а в столовой появились нормальные обеды. В библиотеке теперь командовала старая повелительница книг, которую помнила еще я, а молоденькая черначка, любительница эльфийских романов, знала все книги наперечет и различала их не только по внешнему виду. Мои боевики в полном составе сдали Контроль по зельеварению на высший бал, поразив этим не только членов комиссии, но и Па, неожиданно явившегося полюбоваться на мой первый выпуск.

Сегодня же, проснувшись утром, я неожиданно обнаружила, что мне совершенно нечем заняться. Студиозы разъехались на каникулы, преподаватели на отдых. Даже ремонты, и те закончились. По сути, в Академии стихий, кроме меня и духов-охранителей, остались только два-три десятка магов. Мрачно пошутив, что однажды стану таким же бесплотным духом в этих коридорах, я подтянула к себе жиденькую стопку утренней корреспонденции. Письма закончились быстро. Слишком быстро. Старательно отгоняя подступающую панику, я огляделась в надежде найти еще что-нибудь, чем можно занять мозги и руки, и тут в кармане запищал артефакт связи.

— Аленна! — радостный голосок Оли мигом прогнал зарождающуюся меланхолию. — Я тут сварила одно зелье...

Я сдавленно охнула.

— Нет, нет, — поспешила успокоить нервную наставницу прилежная ученица. — Все, как вы велели. Только под присмотром учителя. Только оно почему-то пахнет розами. А должно отпугивать насекомых от цветников.

— И что же ты сотворила с бедным зельем? — усмехнулась я.

— Так мы не знаем. И мастер-зельевар тоже. Я все по рецепту делала. А оно само!

— У тебя все само, — рассмеялось мое вспомнившее Помойную свежесть высочество. — Если мастер тебя отпустит, то отправляйся порталом в Академию. Тут сейчас пусто, можем

повозиться в лаборатории, поискать, где ты...

— Здорово! — взвизгнула приبلуда так, что у меня зазвенело в ушах. — Я побежала отпрашиваться.

Я разблокировала портал и села за стол, подтянув поближе только что материализовавшееся послание. Но не успела треснуть печать, как арка налилась светом. Улыбнувшись, я посмотрела в колеблющееся марево: в последнее время только Оли удавалось разогнать мою апатию.

Но улыбка быстро сползла с физиономии моего размечтавшегося высочества: из порталной арки выбрался Па, а за ним и Макса.

— В кои-то веки мне не пришлось вызывать тебя по экстренной связи, чтобы ты открыла доступ, — ворчливо сообщил любящий родитель.

Я поморщилась. Еще полгода назад, почти сразу после неудавшейся аферы дядюшки, у нас с Па произошел крайне неприятный разговор. Проще говоря, правитель отчитал непутевую дочь, как неуклюжую прислугу, не особо выбирая выражения. Оказалось, что в замке Локхар я все сделала не так. Мне следовало немедленно отнести свои домыслы и подозрения в Тайную канцелярию и сидеть тихо в ожидании результата. То, что я явилась в мятежный замок лично, объяснялось моей несусветной глупостью. А уж спасение чернаков ценой опустошенного резерва и вовсе приравнивалось чуть ли не к государственной измене. По мнению Па, раз уж я оказалась в Локхаре, то должна была схватить по братцу в каждую руку и в темпе оттуда выметаться. В крайнем случае забаррикадироваться в башне-тюрьме и ждать подмоги.

Все попытки напомнить дорогому предку, как быстро он записал сыновей в заговорщики и что подмоги мне ждать было просто неоткуда, успехом не увенчались.

— В твоих руках была жизнь государя-наследника! — рычал Па. — А ты рискнула ею ради нескольких простолюдинов!

— А что, надо было постоять в сторонке и посмотреть, как пару десятков людей размажет по мостовой?! — огрызнулась я.

— Дочь, — на физиономии правителя появилось самое нелюбимое мной выражение: «поучение умственно отсталых». — Есть порывы души. А есть глобальные интересы государства.

— Знаешь, где я видела интересы государства, в котором не ценят жизнь своих граждан?!

— Дочь! — предостерегающе воскликнул Па.

Я не стала отвечать, громко хлопнув дверью. Новогодний бал мое обозленное высочество просто проигнорировало, собственноручно вышвырнув за ворота академии отряд стражников, присланный «обеспокоенным» родителем.

С тех пор мы не разговаривали. До сегодняшнего дня.

Правитель по-хозяйски огляделся и с удовлетворением кивнул:

— Ты многое успела за тот год, что провела здесь.

— Из ректорского кабинета это заметно? — съязвила я.

— Не зубоскаль, — нахмурился Па. — Я, между прочим, сам к тебе явился, а мог бы вызвать во дворец.

— Уже вызывал... Впрочем, можешь попробовать еще разок. Только отряд пришли побольше. В прошлый раз не все студиозы успели повеселиться.

— Не наглей!

— А что такое? — притворно удивилось мое действительно на глазах наглеющее высочество. — Я лишь забочусь о качестве образования во вверенной мне Академии. Знаешь, как хорошо повлияла на успеваемость наглядная демонстрация навыков настоящего боевого мага? В процентном соотношении...

— Хватит! — рявкнул Па, потеряв остатки терпения вкупе с показным добродушием.

— Как прикажете, ваше величество, — привстав, поклонилась я.

— Ну вот, и как с ней разговаривать? — царственный родитель повернулся к Максиану, скромно пристроившемуся на пуфике в углу.

— Может быть, как отец, а не как правитель? — спокойно проговорил Макса, заставив вытаращить глаза не только папеньку, но и меня.

— Бунт?! — возмутился Па, озвучив мои мысли.

— При чем тут бунт? — едва заметно улыбнулся братец. — Всего лишь так любимая тобой логика. Мы оба знаем, что силой заставить Аленну что-то сделать удастся крайне редко. А если и удастся, то... — он поворачивал в воздухе кистью, подыскивая подходящие слова, — то результат не всегда соответствует ожидаемому.

— Умничаем? — фыркнул правитель. — То эта пигалица морочит мне голову, то ты... Хорошо. Раз уж вы с твоей сестричкой так хорошо друг друга понимаете, говори с ней сам. А я послушаю. И посмотрю, как она выкинет тебя из окна.

При этих словах я насторожилась: что же такое задумали эти два интригана, что папеньке приходят в голову подобные опасения?!

Но сразу узнать об этом мне было не суждено. Портальная арка вновь налилась искристым маревом и из нее, прижимая к груди здоровенную бутылку, вывалилась Оли.

— Мастер отпустил! — затараторила она, обратив на посетителей не больше внимания, чем на мебель. — Сказал, что я могу сегодня не возвращаться!

Бутылка с ядовито-розовым зельем бухнулась мне на стол.

— Оли, вообще-то, мы не одни, — с улыбкой попеняла я.

Приблуда как по команде развернулась на сто восемьдесят градусов.

— Макса, привет. Ваше величество, — она присела в реверансе, за неимением юбки двумя пальцами подтянув штанину.

Максиан закашлялся, скрывая смех.

— Оли, у нас серьезный разговор, — безуспешно пытаюсь сдержать улыбку, покачал головой Па.

— Не думаю, что присутствие Оли повредит, — вмешался Макса. — Тем более что при любом варианте девочка-то отправится с ней. Но помолчать нашему юному дарованию все-таки придется.

Оли скривилась, демонстрируя, что она думает о таких советах, и устроилась на приступке у пустующего по случаю жары камина. А я, отметив оговорку брата о собственном якобы неизбежном отбытии неизвестно куда, молча ждала продолжения.

— Видишь ли, Аленна. Расследование заговора дядюшки очень осложнилось ввиду отсутствия главного заговорщика, — медленно, словно собираясь с мыслями, заговорил брат. — А учитывая, что он сам успел уничтожить своих основных подручных, дознавателям остались только бумаги. Хоть и с трудом, но в конце концов архив нашли. И даже вскрыли, не повредив.

Не желая выслушивать долгие предисловия, я перебила:

— Рада за профессионализм Тайной канцелярии. Но при чем тут я?

— Немного терпения, — брат был невозмутим. — Архив содержал много интересного. Но главное... Дядюшка вот уже целый год активно переписывался с правителем Черного континента.

— Как? — опешила я.

— Очень дружески и плодотворно, — усмехнулся Макса. — Это, кстати, и привело его в конце концов к краху.

— А можно немного понятнее?

— Можно и понятнее. Правитель Черного континента обратился к Симеону как к ректору, через частное лицо. Он хотел узнать о судьбе чернакских магиков, которых каждые пять лет увозят наши корабли.

— И что там узнавать? — проворчала я. — В мирном договоре четырехсотлетней давности все прописано!

— Скажем так, он хотел убедиться.

— С каких это пор его интересует судьба этих людей? — покривилась я.

— С тех пор, как он взшел на трон. То есть весь последний год. На Черном континенте сменилась династия, Аленна. Старый правитель-параноик, с которым воевал наш дед, умер, предварительно уморив всех своих прямых наследников. Какое-то время длилась гражданская война между сторонниками двух побочных ветвей династии. Эта борьба завершилась полной победой ныне действующего правителя. Правителя-магика, Аленна, — подчеркнул братец.

— Какая идиллия, — протянуло мое давно подрастерявшее излишнюю доверчивость высочество. — И откуда же на Черном континенте взяться аристократу-магику, если всех, обладающих хоть каким-то Даром, либо высылают к нам, либо вообще сжигают на кострах?

— Как он рассказал нашему послу, родители спрятали его, и прятали до тех пор, пока он не научился скрывать свои способности. Так везет, разумеется, далеко не всем, но какое-то количество необученных магиков на континенте все-таки имеется.

— Очень мило... И как же это связано с крахом дядюшки, чтоб ему там в Бездне икнулось?

— Рассказывая небылицы про отвращение, которое наш Па испытывает к переселенцам и вообще к Черному континенту, и пытаюсь втереться в доверие, Симеон изображал покровителя чернаков. И даже быстренько влюбился в девушку чернакского происхождения... Подобный брак, как ты понимаешь, недопустим, и Па отозвал дядю из Академии, оторвав того от связей, сподвижников, неконтролируемого портала и так далее. Симеону пришлось срочно перекраивать все планы. К чему это привело, ты знаешь.

«Такой брак, разумеется, недопустим... — с горечью повторила я про себя, чувствуя, как тают остатки обиды на Никса. — Он был прав. Па никогда не позволил бы нам остаться вместе...»

— В общем, посольство сумело развеять туман, который напустил дядюшка, и сейчас между нашими государствами полное взаимопонимание. Правитель Черного континента уже прибыл в столицу. Пересмотрим мирный договор, чернаки теперь будут приезжать сюда на обучение на коммерческой основе и возвращаться домой. Вернуться смогут, конечно, и все желающие из тех, кто уже отучился. Кроме того, мы собираемся заключить еще ряд договоров. Предварительные наметки уже есть.

— Замечательно. Очень рада за оба континента, — кивнула я, решив, что, наконец, поняла, куда клонит братец. — Но на торжественном приеме в честь прибытия его величества меня не будет. Очень много работы, и вообще...

— Какая работа?! — моментально обозлился Па. — Сейчас в Академии, кроме тебя, почти никого нет! А скоро вообще никого не станет и в ближайшие два месяца не появится! Да и потом найдется кому ею заняться и без твоего внезапно проснувшегося трудоголизма!

— Так... — сузив глаза, я пристально уставилась на папочку. — И как это понимать? Год назад ты в приказном порядке отправил меня сюда, мотивировав это тем, что больше некого. А теперь?

— А теперь в приказном порядке забираю отсюда! — рыкнул любящий родитель. — Ты тут совсем заморишь себя работой...

— Па, — попытался вмешаться Макса, с опаской поглядывая на мое медленно поднимающееся из-за стола высочество.

— Молчать! — Папеньку, что называется, понесло по кочкам. — Хватит ей разбираться с засорами в канализации и гонять нерадивых студюзов! Замуж пора!

— Ах вот в чем дело. Забудь.

— Что? — оторопел правитель.

— Нет, ваше величество. Я не выйду замуж.

— Ты даже еще не слышала за кого!

— А какая разница, если я в принципе не хочу? — холодно уронила я. — Нет. Точка.

— Да я тебя! — зарычал Па.

— Ну что ты меня? — непривычное спокойствие вдруг окутало меня мягким саваном. — Прикажешь арестовать? Казнить? Это даже не смешно.

— Алenna, — папенька мигом сменил тон, сообразив, что в очередной раз перестарался. — Академией займется Алексан. Он ученый, ему это близко. А ты сможешь послужить Белому континенту в другой области.

— Мне как-то и в этой неплохо.

— Династические браки спокон веков считались лучшим гарантом добрососедских отношений между государствами. В древности принцессы Белого континента выходили замуж за чернакских принцев, и наоборот.

— Час от часу не легче, — невесело усмехнулась я. — Интересно, сколько тысячелетий назад это было, если я единственная дочь в роду за последние полторы тысячи лет?

— Это неважно! Пойми ты! Твой брак с правителем Черного континента станет гарантом добрососедских отношений на многие столетия. Мало того, родоначальнику новой династии нужны сильные наследники! Такие, чтобы смогли удержать власть. Кто как не ты лучше всего подойдет на роль матери таких принцев?! Тогда чернаки больше не будут бояться заметить у своих детей магические способности. Мы поможем организовать там школы для одаренных и чернакскую академию магии. Желающие будут продолжать образование тут. Через несколько столетий причина вражды между нашими континентами исчезнет навсегда! И все это ценой всего лишь...

— Всего лишь одной принцессы, превращенной в племенную вараниху? — с горечью проговорила я. Правитель осекся. — Порывы души ничто перед глобальными целями?

— Ты все правильно поняла, — кивнул он. — Когда ты выйдешь замуж...

— Не выйду.

— Но ты же...

— Я все поняла. Это так. Но останусь при своем мнении. Поищите другую невесту для вашего гостя. На Белом континенте предостаточно родовитых аристократок, и сильные магички среди них тоже встречаются.

— Ты понимаешь, каким оскорблением это будет выглядеть?

— Это не будет выглядеть оскорблением, если у правителя не будет дочерей, — все так же спокойно парировала я. Для себя мое теперь без пяти минут бывшее высочество уже все решило.

— И как ты себе это представляешь? — скривился Па.

— Отлучи меня от рода.

— Что?! — взвился любящий родитель. — Да ты с ума сошла!

— Глобальные цели не считаются с мелкими порывами, — с кривой усмешкой напомнила я.

— Ну это уже ни в какие ворота...

— Я тебе говорил, что она не согласится, — проворчал Макса.

— И что ты предлагаешь? — огрызнулся Па. — Она же так никогда не сможет выйти замуж! Где еще мне искать ей равного по положению супруга, да так, чтоб об этом не узнали на Черном континенте!

— А почему ты решил, что мне обязательно нужен равный? — фыркнула я.

— Скажи еще, что собралась замуж за какого-нибудь безродного наемника, — вызверился папенька. — Тогда я поддамся упомянутым порывам и прикажу казнить всех ифитовых бродяг на тракте!

— Спокойно, — снова вмешался Макса. — Думаю, лучше сделать так, как я и предлагал с самого начала. Не стоит включать в договор династический брак. Сестра права, это выглядит так, будто мы ее продаем. Аленна может возглавить группу магиков, которые займутся магическим образованием на Черном континенте. Это займет не одно десятилетие. А новый правитель Черного континента, как я понял, молод, хорош собой и весьма обходителен. Пусть он тоже потрудится ради того, чтобы заполнить в жены принцессу.

— Ты говоришь, как заправская сваха, — невольно усмехнулась я.

— С тобой, сестричка, и не такими навыками обзаведешься, — вернул улыбку братец.

— А если наша принцесса, — Па таким тоном произнес последние два слова, что я поежилась, — даст ему от ворот поворот? Она же и меня-то не слушает даже своей царственной задницей, а я ей как-никак отец!

— А мой учитель этикета говорил, что нехорошо говорить о присутствующих так, будто они отсутствующие, — вдруг задумчиво выдала Оли. — Наврал, что ли?

Макса расхохотался:

— Вот видишь, чему ты ребенка учишь. А потом удивляешься.

— Поговори мне еще, — пробурчал пристыженный папенька. — И все-таки. Что, если Аленна, ну скажем, попросит его величество сходить кое-куда и больше не возвращаться?

— А это уже проблемы его величества. У нас свободная страна, и никого палками в храм не гонят.

— Ну если так... На это ты согласна, Аленна? Имей в виду, больше поблажек не будет!

— А ссылка в земли, которые на лучших картах обозначаются белым пятном, теперь называется поблажкой? — не удержавшись, съязвила я.

— Аленна! — в один голос заорали царственные родственнички.

— Дайте мне несколько минут.

Я встала и вышла в спальню. Приблуда тут же проскользнула следом в не успевшую захлопнуться дверь. Я молча приобняла девчонку за плечи и подошла к распахнутому окну. В парке носились припозднившиеся студии. В окнах общежития напротив горел свет, мелькали какие-то тени. Только сторожка у ворот оставалась темной и безмолвной.

— А может, поедем? Ну их с этими дикостическими браками, — тихо сказала Оли. — А зелья варить и у чернаков можно. Я у дяди Никса спрашивала. Там зельевары называются «аптекусы». Красиво.

— Хорошо. Только при одном условии.

— Зелья без присмотра не варить! — тут же отрапортовала приблуда.

— Я о другом, — невольно улыбнулось мое уже решившееся высочество. — Никогда не упоминай при мне Никса. Договорились?

— А почему? Он хороший.

— Хороший, — не стала спорить я.

— Тогда почему? — Оли, как всегда, предпочитала ясность.

— Объясню. Но не сейчас, а лет через десять. Так договорились?

— Договорились, — серьезно пожала мне руку, скрепляя договор, мелочь. — Но не думайте, что через десять лет я дорасту до вашего... Как там его? Когда все забывают...

— Склероза? — подсказало мое развеселившееся высочество.

— Ага. Его!

— Хорошо.

Правитель, услышав мое согласие, засиживаться не стал. Единственное условие, что Оли отправится вместе со мной, он принял без возражений и быстро ретировался, прихватив с собой хитроумного братца, на прощанье подмигнувшего мне из порталной арки. Мы с Оли провели веселый вечер, провоняв всю лабораторию горьковатым запахом роз. Много позже, когда умаявшаяся приبلуда уже видела третий сон в своей старой кровати, я все еще сидела в кабинете, вспоминая разговор с правителем. И чем дольше я о нем думала, тем больше убеждалась, что вариант, предложенный Максой, единственный из возможных. Я уеду из города, где все напоминает о Никсе, не потеряю королевский Дар и останусь относительно свободной. А тамошний правитель... На мне свет клином не сошелся. Потолчется в запертую дверь и найдет себе другую.

Приглушенный писк кристалла связи выдернул меня из оптимистических размышлений.

— Сестренка, ты как, не передумала еще?

— Можно подумать, вы дадите мне такую возможность, — усмехнулась я.

— Возможность вряд ли, — хмыкнул братец, — а совет — всегда пожалуйста.

— И что же посоветует государь-наследник?

— Убрать Оли с глаз долой.

— Если он передумал...

— Нет! С посольством все так, как и решили. Тут другое. Видишь ли, Па очень понравился аромат зелья Оли. Он даже, пока вы с ней секретничали, проверил его на наличие вредных примесей и, убедившись, что ничего страшного там нет, использовал в качестве парфюма.

— И что? — не поняла я. — Оно действительно очень приятно пахнет.

— Запах выше всяких похвал. И приятный, и стойкий, — хрюкнул Макса.

— И чем тогда недоволен наш царственный любитель ароматов? — поторопила я развеселившегося братца.

— Тем, что этот аромат понравился не только ему, но и двум-трем сотням мух. Они весь вечер над ним кружат, и прогнать их не получается. Одних испепелишь, через пять минут новые налетят. Па уже извел годовой запас мыла и спалил себе волосы на макушке. А завтра, если ты помнишь, прием в честь правителя Черного континента.

Мой хохот услышал, наверное, даже дядюшка в Бездне, чем бы он там ни занимался.

ГЛАВА 28

Маски долой

На Храмовый город опустился вечер. Я стояла перед ростовым зеркалом в ванной и с сомнением качала на ладони широкий ошейник. Ну то есть, мне это безобразие казалось ошейником с обрывком цепи, а ювелиры называют подобное «бесценное ожерелье из сокровищницы правителя». Вымученно вздохнув, мое сквозь зубы сквернословящее высочество застегнуло брильянтового монстра на шее. Сразу пришлось задрать подбородок выше всех разумных пределов, иначе острые грани камней втыкались в кожу не хуже пыточных приборов. Ладно, хоть диадема крепко держалась в замысловатой прическе, сооруженной прискакавшей с самого утра мастерицей. Хороша бы я была, то и дело поправляя сползший на глаза дорогостоящий козырек.

— Выгляжу как напыщенная аристократка, — сказала я и показала язык собственному отражению.

«А ты и есть аристократка», — парировал внутренний голос.

Вести споры с собственным психом показалось глупым, и я, подобрав подол, вышла в спальню. «Слава Создателям, хоть многочисленные нижние юбки уже никто не носит», — подумала я и, представив, как бы боком протискивалась в дверь парадного зала дворца, засмеялась.

Впрочем, и без тумбоподобных юбок мне хватало неудобств в присланном папенькой наряде. И это я еще выбрала самый приличный вариант. Узкое платье-футляр с полуметровым шлейфом и открытой чуть ли не до самого зада спиной я отбросила сразу, даже не примерив. Как и более классический вариант бледно-голубого оттенка с глубоким декольте: постоянно удерживать в руках юбку, дабы не наступить себе же на подол, мне не улыбалось. Ядовито-зеленое нечто, в котором мое слегка похудевшее в последнее время высочество сильно смахивало на тощую змею в шкуре дородной сестрички, постигла та же участь. Зачем носить подобное добровольно, я не представляла. Хотя и последнее, оставшееся одеяние не могло похвастать чрезмерным удобством, но в нем я все-таки могла ходить, а не семенить микроскопическими шажочками, ежесекундно рискуя зарыться носом в пол.

Я провела руками по бедрам, разглаживая несуществующие складки на темно-синей, почти черной ткани. Пожалуй, стоило поблагодарить Создателей и за то, что сейчас появился именно такой фасон: узкие бриджи, белая рубаха с просторными рукавами и длинная туника с высокими разрезами по бокам, перехваченная на талии широким поясом. Клиновидный вырез горловины хоть и оказался довольно глубоким, но за рамки приличий не выходил. Подобный стиль звался народным и только-только начинал входить в моду. В качестве обуви предписывались сапожки из мягкой кожи. Все бы ничего, но они, разумеется, не обошлись без высоченного каблука. Представив себе крестьянку, ковыляющую по свежевспаханному полю на двадцатисантиметровых ходулях, я нервно захихикала.

Оли, к счастью, таких мучений избежала. По малолетству девчонка могла явиться на прием в привычной короткой амазонке. Впрочем, она могла и вовсе не являться, но оставлять приبلуду без присмотра я категорически не желала. С папеньки станет попытаться оставить мою ученицу при себе. Разыскивай ее потом перед отбытием на Черный континент по всем дворцам правителя.

Вот и сейчас, пока я мучилась с непривычным нарядом, Оли носилась где-то в парке Академии, выдав мне клятвенное обещание не испачкаться.

Взглянув на часы, я поковыляла к окну. Пора было поужинать, а заодно и убедиться, что моей ходячей катастрофе удалось сдержать слово. Гадая, смогу ли докричаться до мелкой или придется спускаться в парк, я выглянула наружу. И оторопела. Оли стояла у распахнутой калитки и разговаривала с какой-то женщиной.

— Что за... — только и успело подумать мое только недавно читавшее приبلуде длинную лекцию о принципах личной безопасности высочество, как мелочь захлопнула калитку и в компании незнакомки бодро порысила к административному корпусу.

— Ну паршивка! — не на шутку обозлилась я. — Защитные чары по периметру, сложнейшие плетения на воротах! И зачем все это, если калитка гостеприимно распахнется перед любым желающим, когда поблизости окажется Оли?!

Решив, что прогоню просительницу самым жестким способом, я настороженно уставилась на

дверь. На кончиках пальцев клубилось почти сформированное парализующее плетение: подлый заговор дядюшки еще не успел выветриться из моей дырявой головы.

Но боевые плетения мне не понадобились.

— Аленна! — в кабинет влетела Оли, волоча за собой заплаканную женщину, показавшуюся мне знакомой. — Смотрите, кого я вам привела.

— И кого же? — Я резко вздернула подбородок: машинально опустив голову на ее голос, мое забывчивое высочество чувствительно ткнулось в острые брильянты ошейника.

— Ты! — ахнула посетительница. — Это ведь ты...

И она медленно осела на пол. Оли удивленно вытаращилась на бесчувственное тело:

— И чего она так испугалась? Вы нормально выглядите. Гораздо лучше, чем когда сюда правитель проверять приезжал.

— Оли, ты кого привела? — строго спросила я, лихорадочно пытаюсь вспомнить, кого, ифит пожги мое склерозное высочество, мне напоминает простолюдника, разлегшаяся на ковре.

— Так это сестра... Ой! Ну сестра того, кого я вам обещала не напоминать... Вот! — кое-как объяснила приبلуда, но я уже и сама узнала Нису, повелительницу печей и медовых булок, сестру чернака, которого я уже почти год не могла выбросить из головы.

Взглядом пообещав приبلуде все кары Бездны за такой сюрприз, я принялась приводить гостью в чувство.

— Помоги! — прохрипела черначка, едва обретя способность говорить. — Прощу, умоляю! Он же любит тебя! Помоги!

Не понимая, что, собственно, происходит, я схватила стакан и, натянув в него из воздуха воды, сунула в руки Нисе. Дробно стуча зубами об ободок, она сделала несколько глотков и вдруг нервно расхохоталась:

— Теперь я понимаю... Это все из-за тебя! Он ради тебя!

Сообразив, что подобные вопли могу слушать до скончания века и так и не понять, чего от меня хотят, содержимое следующего стакана я просто вылила истеричке на голову. Она замолчала, икнула и попыталась сползти с дивана, на который мы с Оли с таким трудом ее усадили.

— Даже если никогда его не любила! Помоги! — снова заладила гостя.

— Попробую, — осторожно проговорила я, поймав первую паузу в ее монологе. — Если ты объяснишь, наконец, что случилось.

— Да не знаю! Не знаю я, что случилось! — воскликнула Ниса и, спрятав лицо в ладонях, тихо заплакала. Вот теперь я испугалась всерьез.

— Что-то с Никсом? Он попал в неприятности?

— Я не знаю, — безнадежно выдохнула она. — Я даже не знала, что ты — это ты... Только теперь поняла, зачем он...

Гостя снова разрыдалась. Плюнув, я налила в очередной стакан успокоительного зелья из шеренги составов с Контроля моих боевиков и заставила Нису выпить. Минут через пять она заговорила почти нормально, но обреченность, сквозившая в ее голосе, пугала меня до икоты.

— Никс уехал больше полугода назад. Уехал с контрабандистами на Черный континент.

— Контрабандистов не бывает, — покачала головой я, — это бабкины сказки.

— Эти бабкины сказки привезли меня сюда, — горько покачала головой женщина.

— Как? — опешила я.

Ниса с минуту помолчала, а потом, махнув рукой, продолжила:

— Какая теперь разница... Все равно... У меня нет магического дара.

— Как? — тупо повторило мое окончательно потерявшее ориентиры высочество. — Как же ты училась в Академии?!

— Никак. Я не училась в Академии. Можешь донести на меня в Тайную канцелярию. Теперь мне уже все равно. Дочь мою вы не найдете, муж мертв, а я уже и так наговорила на пожизненные рудники. Нелегальная черначка... Принцессе вот «тыкаю».

— Какая разница, — отмахнулась от этикета я. — Рассказывай, что произошло! Зачем ты сюда так рвалась?

— Сначала я тебе письма писала. Просила о встрече. Теперь вот только пришла.

— Без разницы, — буркнула я, вспомнив, что подобные послания уже давно не попадают ко мне на стол, застревая у Карны.

— С год назад поползли слухи, что лже-правитель наконец сдох, а на Черном континенте была очередная гражданская война и победили сторонники магии. Мол, теперь можно вернуться безбоязненно. Этому мало кто верил. А те, кто верил... Их забрали с континента еще детьми, они даже язык не знают, не то что...

— Я ничего не понимаю, — вклинилось мое запутавшееся высочество. — Какая гражданская война? Какой лже-правитель?! Начни сначала.

— А зелья правды у тебя, случайно, нет? — она с кривой ухмылкой, до боли напомнившей мне Никса, кивнула на батарею флаконов на полках. — Не поверишь же...

— Обойдемся пока. Ты рассказывай.

— Ну слушай. Примерно шестьдесят лет назад на Черном континенте была война. Точнее, восстание. Старый правитель со своим Орденом Чистоты окончательно свихнулся. Малая искра Дара означала почти неминуемый костер. Ведь корабли белаков приходили всего раз в пять лет, а блюстители чистоты объявили, что магики притягивают беды постоянно, и держать их даже в специальных тюрьмах до прихода транспорта очень опасно. Сначала срок сократился до года, потом до шести месяцев... Монхи шастали по городам и весям, хватая не только одаренных, но и любого, кто имел слабость им сочувствовать. А уж если выяснялось, что родители пытались скрыть такого ребенка, на костер отправлялась вся семья. В святость этих садистов уже никто не верил. Все знали, что если у тебя завелись деньги, выросла красавица-дочь, окрепла дружба с соседним замком — жди гостей.

— Однако...

— Можешь себе представить, что должно было твориться, чтобы серпентарий под названием «высший свет» выступил единым фронтом против правителя. Наш отец был главой этого восстания.

Она замолчала, глядя куда-то сквозь меня.

— Вы проиграли, — выдохнула я, не дождавшись продолжения.

— Мы победили, — покачала головой она.

— Но...

— Ты слушай. Наш род очень древний. Мы, конечно, не утверждаем, что потомки Создателей... — я хмыкнула, но промолчала: ни к чему ей знать, что у нас есть доказательство этого родства. — В общем, другого кандидата на трон не оказалось, и наш отец стал правителем Черного континента.

— Эмм... — я красноречиво посмотрела на скромное платье мещанки и натруженные, мозолистые руки гостя.

— Это было много лет назад. Я научилась жить скромно и довольна этим, — качнула головой Ниса. — Бывшего правителя казнили на площади при большом скоплении народа. Всеобщее ликование, всенародные гулянья... Все счастливы. Орден Чистоты показательно разогнали, слишком известных садистов даже отправили на плаху. Отец все время пропадал в столице, но перевозить к себе семью не спешил, даже Никса прислал к нам, якобы для защиты. Нам бы уже тогда всполошиться, ведь брат всегда сопровождал отца, хоть и было ему всего семнадцать, но... Мы оставались в дальнем горном замке. То отец мотивировал это тем, что еще слишком много недобитков и в столице опасно, то тем, что желает провести

торжественную коронацию, то еще какие-то глупости...

— Странное поведение.

— Еще какое странное. Но нами владела эйфория. Мы победители! Больше никаких казней, страха, изгоев... Создатели, как слепы мы были! Мы не замечали, как мало-помалу забываются цели этого проклятого восстания. Планы восстановить нормальные отношения с белаками были отложены: слишком опасно, страна еще не оправилась от гражданской войны, а вдруг белаки вместо помощи нападут. Ближайшие сподвижники отца как-то незаметно пропали: кто умер от старости, кто подавился рыбной косточкой, а один так и вовсе сломал себе шею, упав с собственной кровати.

— Бред!

Мой эмоциональный всплеск Ниса комментировать не стала, грустно покачав головой.

— Бред не бред, а когда появился Орден Справедливости, куда почти в полном составе вошли бывшие монахи «Чистоты», даже до наших затуманенных голов дошло: что-то не так. Никс, наплевав на все приказы, поехал в столицу. И еле убрался оттуда живым. Хотя об этом я узнала позже... Гораздо позже. А тогда мы получили от отца сообщение, что брат пока задержится у него, и успокоились. А через неделю на наш захолустный обветшалый замок напали адепты культа чистоты. Мать убили, а меня каким-то чудом успел вывести старый денщик отца.

— А правитель?

— А правитель объявил траур и награду за головы негодяев, — криво улыбнулась Ниса. — Разумеется, никого не нашли. Зато под предлогом этого нападения казнили последних соратников отца.

— Подожди, — замотала головой я. — Так это твой отец мозгами поехал?!

— Еще не поняла? Мой отец не взошел на трон. Старый правитель не мог подавить восстание — силы были слишком неравными. Да и ненависть к нему просто зашкалила. И он поступил хитрее — занял место отца, нацепив его личину.

— Да какую личину?! У вас же нет магов!

— Магов нет, зато техники хватает. Вы, белаки, со своими магическими штучками даже не представляете, на что способен умелый хирург, это такой особый целитель, и хорошие заживляющие настойки. Да и магическими зельями старый маразматик не брезговал, иначе как он умудрился проскрипеть почти тысячу лет. Чернаки без Дара живут не дольше пятисот, и то это уже глубокая старость.

— И откуда бы он взял магические... — начала было я, и тут же оборвала саму себя: — Ах да. Контрабандисты.

— Которые сказка, ага, — кивнула Ниса.

Успокоительное зелье действовало, и гостя уже не пыталась рухнуть на колени через каждые два слова. Даже голос ее звучал почти спокойно и отстраненно. Только пальцы мелко подрагивали и иногда стекала по щеке одинокая слезинка.

— В общем, несколько месяцев мы прятались в лесу. Старый денщик учил меня не отличаться от простолюдинов и ждал, пока огрубеют мои руки. Ближе к зиме мы вышли в полузаброшенное селение. Он отставной солдат, а я его дочь. Там я и жила почти двадцать лет. Медовые булки научилась печь... Вкусные, правда?

— Да, — не задумываясь, солгала я.

— Я медовые булки тоже люблю! — при упоминании вожделенного лакомства на пухике зашевелилась Оли, о присутствии которой мое склерозное высочество умудрилось забыть. — Научите меня?

— Научу, — улыбнулась Ниса. — Это несложно.

Пока они обсуждали сравнительную характеристику разных видов меда, я мысленно пожалела, что поставила Русу высший бал по зельеварению. С концентрацией паршивец таки напутал. А в результате мое невнимательное высочество напоило гостью не успокоительным, а

каким-то пофигистительным зельем. Иначе с чего бы она, ввалившись сюда в истерике, сейчас с таким энтузиазмом обсуждала выпечку.

— Ниса, — я прервала увлекательную лекцию о вымачивании сырого теста в меду. — Ты, кажется, хотела рассказать, как оказалась на Белом континенте.

В глазах женщины отразился откровенный испуг:

— Это как же я так?..

— Ничего. Рассказывай, — попросила я, не дожидаясь, пока взгляд, направленный на бутылочку с остатками зелья, превратится из подозрительного в уверенный.

— Да про меня уже и нечего. Мы жили тихо, но кто-то что-то все-таки прознал, и в селение зачастили монхи из Ордена Справедливости. Как раз тогда мы и получили весточку от Никса. А потом умер мой названный отец. Его избили так называемые монхи. Было страшно, но уходить — некуда, да и опасно. Исчезни я, и сразу стало бы понятно, что подозрения не напрасные. А два месяца спустя шхуна контрабандистов забрала меня из гавани. Где Никс нашел деньги, чтобы заплатить им, я не знаю до сих пор. Он так и не признался. Когда мы отплывали, я видела над верхушками леса зарево пожара — ищейки уничтожили селение.

— А как он тебя нашел, — уточнило мое все еще не способное поверить в такую фантастическую историю высочество, — если даже правитель со своими ищейками спасовал?

— Ритуал на крови. Подробности я не знаю.

Она не знала, зато знала я и невольно поежилась. Подобные ритуалы никто не проводит хотя бы потому, что они крайне опасны. Грубо говоря, магик отдает Бездне почти всю свою кровь, чтобы на время превратиться в подобие духа-охранителя.

— Понятно...

— Когда я приехала сюда, Никс отдал капитану вторую половину обещанной суммы, а мне — свиток из Академии. Правда, я стала моложе на полсотни лет и превратилась из старшей сестры в младшую, зато могла не бояться неожиданной проверки документов. Хотя, надо признать, они мне понадобились, только когда я лавку в храмовом городе открывала.

— И откуда у него такие бумаги? — нахмурилась я.

— Девушку никто не трогал! — замахала руками Ниса. — Просто тем, кто живет в дальних селениях, документы не особо нужны. Никс купил ей дом и земельный надел, и она с радостью отдала ненужный диплом. Мы потом с ней познакомились, и как раз с ее пасеки привозят мед в мою булочную!

— Значит, на Белом континенте есть две Нисы? — невольно улыбнулась я ее искреннему возмущению, пробившемуся даже сквозь творение криворукого Руса.

— Думаю, гораздо больше. На Черном континенте это довольно распространенное имя, — развела руками она. — Но на суде я скажу, что украла бумаги. Так и знай!

— На суд тебя пока никто не приглашает, — буркнуло мое разом растерявшее веселость высочество. — Как ты здесь оказалась, ясно. Никс, я так понимаю, затесался в группу чернакских магов, которых отправляли к нам, умудрившись как-то сбежать от свихнувшегося папашки.

— Да не отец нам этот мерзавец!

— Да, да, — отмахнулась от деталей я, пытаюсь выстроить из сумбурного рассказа цельную картинку. — В общем, вы оба оказались здесь. Но у Никса-то документы нормальные. Где он нашел неприятности на собственную... Кхм... Голову?

— Вот она, неприятность. Сидит прямо передо мной, — проворчала Ниса. — У нас и в мыслях не было возвращаться на родину. Никс... Он считал, что своим появлением только спровоцирует новую гражданскую войну. Мстить брат не хотел. «Моя месть слишком дорого обойдется всем: и врагам, и друзьям» — так он всегда говорил, если у нас вдруг заходил разговор об этом. А я... Я просто боялась, предпочитая живого брата-сторожа мертвому брату-принцу. Все улеглось. Только год назад, когда до нас дошли слухи о новой гражданской войне, он забеспокоился. Но мне удалось уговорить его не лететь сломя голову в ловушку. Но нет, Никс встречает некую наемницу Рагетту. И через несколько месяцев все полетело кувырком.

Он вдруг сорвался и уплыл с контрабандистами на Черный континент, хотя уж мы-то с ним прекрасно знали, что ни о какой «победе магигов» не может быть и речи. Просто старый мерзавец использовал испытанную уловку, чтобы разделаться с недовольными.

— Понятно, — проговорила я, изо всех сил пытаюсь скрыть плещущийся в горле ужас. — А чем ему могу помочь я? На Черный континент наша делегация отправится не раньше осени...

— Какая делегация? — опешила Ниса.

— Так... Об этом потом. Ты пришла и просила помочь. Что мне сделать?

— Я узнала, что старый мерзавец прибыл в столицу, — медленно, взвешивая каждое слово, заговорила черначка. Она снова смотрела на меня недоверчиво, словно разом припомнила все мои явные и мнимые прегрешения. — Уж не знаю зачем, но это и не важно. Но я хотела попросить ректора Аленну узнать о судьбе ее бывшего сторожа. А теперь даже не понимаю, могу ли я о чем-то просить...

— А давай без этого жеманства, — внезапно обозлилась я. — То Никс со своим «я безродный чернак, я никто», то ты: «О чем я могу просить?». Это у вас что, семейное?!

— Прости, — опустила голову Ниса. — Я боюсь за него...

— А если боишься, так не тяни ифита за хвост!

— Узнай, жив ли он...

— То есть в том, что он не приехал вместе с правителем или не нашел возможность как-то отомстить, ты уверена?

— Если бы ему что-то удалось, мне бы он сообщил первой, — с горечью качнула головой женщина.

— И ты предлагаешь мне поинтересоваться у правителя Черного континента...

— Что ты!!! — в ужасе подскочила она. — Конечно, нет!

— Тогда у кого? — спросила я, чувствуя, как страх за непутевого чернака смешивается с бешенством, вызванным его косноязычной сестричкой.

— В его свите наверняка будет лер Томарсан. Это хитрая бестия. При любых раскладах он всегда умудрялся оставаться на плаву. Если пригрозить ему разоблачением, он расскажет все что знает.

— И чем же грешен этот достойный лер?

— У него есть Дар. Но об этом, разумеется, не знает старый мерзавец.

— А если уже узнал? Или тайный одаренный сам склеил тапочки по какой-нибудь другой, более тривиальной причине?

— Я видела его имя в еженедельнике. Там был большой рассказ о посольстве!

— Хорошо, — решила я. В конце концов, один лишний скандал моему давно обзаведшемуся отвратительной репутацией высочеству вряд ли повредит. — Выбирай любое платье и одевайся.

Ниса удивленно покосилась на ворох драгоценных тканей в углу:

— Зачем?

— А как я еще узнаю этого твоего ловкача?! Мне что, подходить к каждому чернаку во дворце с вопросом: «А у вас случайно нет Дара, который вы тщательно скрываете уже ифитову тучу лет?»

Черначка перестала задавать глупые вопросы и быстро влезла в ворох голубого шелка.

— Туфли?

— Сойдут и твои. Платье длинное, — отмахнулась я и, сунув за пояс небольшой плоский флакон из своей коллекции, активировала порталную арку. — Пошли, и так опаздываем.

Ниса подхватила со стола забытую мной заколку и на ходу свернула волосы в замысловатый узел на затылке. «Мне бы так уметь», — с легкой завистью присвистнула я и едва не прохлопала бодро направляющуюся к порталу Оли.

— А ты куда?

— Спасать дядю Никса, — отрапортовала мелкая.

— Иди в спальню и сиди там безвылазно, спасительница! — прошипела я, разворачивая девочку. — Только спасательной операции мастадонта в посудной лавке нам и не хватало! Никто никого не собирается спасать. Сначала надо разобраться. А спокойные расспросы явно не относятся к твоим талантам.

— Но...

— В спальню! И сиди там, пока не вернусь, или я применю Приказ наставника! Как видишь, не ты одна можешь находить в книгах интересные особенности своего статуса!

Судя по тому, как скривилась приبلуда, об упомянутых мною приказах она почитать уже успела, и о том, что нарушить такие невозможно просто физически, была наслышана.

Наградив обиженную Оли предостерегающим взглядом, я шагнула в арку. Ниса появилась в порталном зале столичного дворца почти одновременно со мной.

— Не сердись на девочку, — попросила черначка, пока я, пытаясь, как паровоз, неслась пустынными коридорами в сторону большого зала для приемов. — Они с братом были очень дружны.

— О, сколько нам открытий чудных... — процитировало мое обозленное высочество древнюю книгу. — Когда только успели?

— Когда — не знаю, но она несколько раз бывала у нас.

— Понятно, — буркнула я, едва не подвернув ногу на высоченном каблуке.

Большой зал для приемов гудел хорошо знакомым мне гулом. С самых юных лет эта смесь классической музыки, манерного хихиканья и шуршания драгоценных тканей навевала на мое ненавидящее подобные развлечения высочество зеленую тоску. С трудом прогнав с физиономии кислую мину, я кивнула распорядителю.

— Как объявить вашу спутницу? — тихо уточнил он.

— Компаньонка.

Распахнулись высокие резные двери, и узорчатый посох гулко грохнул об мозаичный пол:

— Ее высочество лерра Аленна, Третье дитя королевского рода, ректор Академии стихий, защитница земель Гронара, Росклата, Корсунка и Прелода, Хранительница огня Создательницы Рири с компаньонкой!

Я с привычной скукой выслушала краткое перечисление собственных титулов и, дождавшись, пока распорядитель шагнет в сторону, вошла в Зал Приемов.

Разумеется, за всеми откровениями Нисы мы безбожно опоздали. Официальная часть лобзания-братания двух правителей уже закончилась, и народ разбился на группки по интересам: кто-то танцевал, кто-то сплетничал, кто-то увивался вокруг царственных особ. В общем, все как всегда, и присутствие правителя Черного континента ничего не изменило. На него даже не особо пялились. Только всевозможные девицы нет-нет, да и бросали в его сторону заинтересованные взгляды. Впрочем, так они вели себя с любым достаточно богатым и знатным мужчиной, а тут еще и было на что посмотреть. На лицо не тролль, среднего роста, но весьма недурно сложен: мышцы явно присутствуют там, где им и положено быть — новый правитель Черного континента мало походил на обрисованного Нисой древнего психопата.

Я бросила короткий вопросительный взгляд на свою свеженазначенную компаньонку. Она чуть заметно пожала плечами.

— А кто из них твой всезнайка? — едва шевельнув губами, спросила я, краем глаза отметив недовольную гримасу на лице царственного родителя. Макса пошел еще дальше, мимоходом погрозив мне кулаком.

— Его я пока не вижу, — шепнула Ниса на грани слышимости, пока я раскланивалась с придворными хвостометами. — Но он должен быть где-то здесь.

— Ищи, — приказала я и потащилась засвидетельствовать свою радость коронованному гостю.

Ниса изящно скользнула в сторону. Воспитание давало себя знать даже по прошествии стольких лет: черначка ничем не отличалась от сотни разодетых придворных дам. Разве что руки ей приходилось старательно прятать в складках широкой юбки. Что ж. По крайней мере, в этом она не обманула: ее воспитывали в той же среде, что и меня.

Обменявшись с гостем приличествующими случаю фразами, я попыталась отойти, но не тут-то было.

— Лерра Аленна, вы уделите мне несколько минут?

— Разумеется, ваше величество, — присела в идеальном реверансе я.

— Зачем так официально? — улыбнулся он, сверкнув белоснежными зубами.

На танцевальной площадке как раз начинался новый танец, и таинственный правитель Черного континента повел меня прямо туда.

— Оставьте официоз для придворных, меж равными он ни к чему. И мне гораздо приятнее будет услышать из ваших прекрасных уст мое имя, а не титул.

На белакском правитель говорил чисто, но легкий акцент все равно проскальзывал, и я снова вспомнила Никса. Сжав кулак так, что ногти больно впились в ладонь, мое чуть не позабывшее, с кем разговаривает, высочество улыбнулось:

— Вежливость и этикет обязывают, ваше величество.

— Вежливость обязывает уважить просьбу гостя, — парировал он. — А этикет требует, чтобы я сам дал вам разрешение называть меня по имени. И я вам его даю.

— Это очень великодушно с вашей стороны, лер Наяр, — вынуждена была ответить я.

Крепкая ладонь легла мне на талию: я и не заметила, как мы оказались среди танцующих пар. Как назло, звучала мягкая ласкающая мелодия медленного танца, и избавиться от пугающей близости партнера не было никакой возможности.

— Вы потрясающе чувствуете музыку, — Наяр склонился ко мне немного ближе, чем того требовали сложные па.

— У нас прекрасные учителя.

— Не у всех, — не удовлетворился обтекаемым ответом чернак. — Со мной открывала бал лерра с непроносимым именем. Так вот она наступила мне на ногу.

Я едва заметно улыбнулась: теперь понятно, отчего Па был так зол. Мое склерозное высочество прослушало детали открытия этого приема, и высокородный гость остался без партнерши для первого танца.

— В танце многое зависит от ведущего партнера, — не удержалась от шпильки я.

— Не рискну спорить, но у меня есть оправдание, — моментально отозвался Наяр. — Эти безразмерные подола... Я действительно не настолько хороший танцор, чтобы с легкостью уворачиваться от всех оборок и лент. Ваш наряд ближе к моде моего народа. Многолетняя война сделала наши одежды проще и практичнее.

— К сожалению, не могу оценить. Я не вижу среди ваших приближенных ни одной дамы.

— Да, — он перешел на доверительный тон. — Мои соратники не рискнули взять с собой семьи. Многие были даже против этой поездки. Ведь мы не знали, как нас встретят после стольких лет вражды. А я...

Он умолк, позволяя мне совершить предписанный танцем пируэт, и снова притянул к себе. Ладонь слегка царапнуло серебряное шитье, когда я, повинувшись ифитовым вбитым с детства навыкам, положила руки на широкую грудь правителя чернаков. Незнакомый аромат его парфюма ласкал обоняние, а голос — слух.

— Я потерял свою семью много лет назад.

«Сейчас мне расскажут душещипательную историю многолетней скорби», — с непонятной досадой подумала я, но чернак молчал, глядя куда-то сквозь меня. Мелодия стихла и танец закончился.

— Простите, Аленна. Эти воспоминания все еще... — спохватился чернак. — Вы позволите мне загладить свою вину в следующем танце?

Этикет не предусматривал возможности отказа коронованному кавалеру, и Найр закружил меня по залу под звуки зажигательного таронака. А потом был медленный и томный райат. И тягучий, как патока, абринэ. И нежный, почти интимный марико. Я не задавалась вопросами, откуда чернак знает все эти танцы, а просто получала удовольствие, покоряясь потрясающему партнеру. Ужасный правитель Черного континента оказался совсем не страшным, а очень даже приятным собеседником. Кажется, мы обсуждали какие-то семьи аристократов и отношения между ними. Услышав, что мое отвыкшее от дворцовой жизни высочество не интересуется светскими сплетнями, Найр тихо рассмеялся и признался, что сам ненавидит всю эту шелуху и порой пугается, кто кому кем приходится при его собственном дворе.

Мы понимали друг друга с полуслова, и в какой-то момент мне даже пришла в голову удивительная по своей простоте мысль: «А что, если просто попросить его отыскать на просторах Черного континента Никса?»

— О чем вы задумались Аленна? — вклинился в мои мысли голос Найра.

— Ни о чем, — улыбнулась я. — Просто устала.

Разумеется, мое внезапно утратившее хорошее настроение высочество солгало. Никакой усталости я не чувствовала. Но образ ифитова сторожа мигом отбил желание отплясывать и вести бесполезные, ни к чему не обязывающие разговоры. Вспомнились горящие каким-то лихорадочным блеском глаза Никса и его обреченное и одновременно жесткое «если бы я не был безродным переселенцем». Найр открытый, понятный, с ним хотелось поделиться своими страхами. Но, в очередной раз воткнув ногти в собственную ладонь, я заставила себя промолчать. Пусть лучше Никс сам убедится, что новый правитель вовсе не реинкарнация старого психопата.

— Простите! Я совсем вас замучил. Давно не получал такого удовольствия от общения с девушкой, — расстроился Найр.

Мне стало стыдно за то, что я заставила ни в чем не повинного человека чувствовать себя виноватым. «Когда же я научусь держать свои эмоции при себе?! — с досадой подумало мое облажавшееся высочество. — По крайней мере, Найр заслужил, чтобы, разговаривая с ним, не думали о других!» Но образ Никса упорно не желал выветриваться из моей дурной головы.

— Прощу, если вы составите мне компанию, пока я отдыхаю, — сказала я, мысленно добавив: «Пусть это станет компромиссом между моим прошлым и будущим. Надо же когда-то начинать отвыкать от того, кто меня, что бы там ни говорила Ниса, бросил».

Но начать прямо сейчас никак не получалось. Мое замороченное высочество словно разделилось на две части. Одна желала смеяться над остроумными шутками Найра, безудержно болтать и танцевать, забыв обо всем. А вторая заставляла меня чувствовать себя чуть ли не предательницей, ехидно интересуясь, с чего бы мне вспылать таким интересом к совершенно незнакомому дядьке с темным прошлым и мутным настоящим. Пытаясь не потерять нить легкой беседы с Найром, я одновременно яростно спорила сама с собой, находя все новые аргументы.

— С вашим безупречным вкусом вы могли бы стать законодательницей мод для всей страны, — улыбался Найр, целуя мое запястье.

— Ну что вы, — смутилась я. — К сожалению, мои пристрастия в большинстве своем не находят поддержки в свете.

— Это удивительно. Если бы я мог озвучить свои предположения...

— Так озвучьте.

— Это было бы не слишком вежливо по отношению к хозяевам. Но вам мне хочется говорить правду и только правду. Признаюсь, если вы пообещаете меня не выдавать, я скажу, что большинство присутствующих здесь дам одеты весьма безвкусно.

— Это действительно невежливо, — усмехнулась я. — Но мне тоже не нравятся выверты нынешней моды.

— На Черном континенте вы встретили бы больше понимания, — задумчиво проговорил Наяр, пальцем выводя какие-то узоры у меня на ладони.

Было безумно приятно, но что-то словно толкнуло меня под ребра, и перед глазами снова мелькнуло лицо Никса. Я отняла руку.

— Простите меня, я ненадолго вас покину, — сказал вдруг чернак и отошел.

Мое разомлевшее высочество с глупой улыбкой посмотрело ему вслед: «Какой мужчина... Вот Никс никогда не смог бы с таким пониманием говорить о моде...»

И эта мысль будто окатила меня ледяной водой. «Стоп... А с каких это пор мне интересны подобные темы?!» Я попыталась сосредоточиться и вспомнить, о чем мы говорили, но ничего, кроме бесполезной трепотни о тряпках и танцах, в памяти не всплывало. Мало того, до меня вдруг дошло, что вообще-то мое самодостаточное высочество с детства ненавидит и то, и другое.

— Да что со мной?! — пробормотала я, спугнув стайку любопытных девиц, явно намеревавшихся расспросить меня о таинственном госте.

Словно трезвея, я обвела взглядом зал приемов. Наяр что-то раздраженно выговаривал одному из своих сопровождающих в скрытом от посторонних глаз алькове. Па, недовольно нахмурившись, провожал взглядом уходящего старшего стражника, одновременно перебрасываясь короткими фразами с Максой. Дослушав, брат с любезной улыбкой отошел. Несколько минут спустя на тайной галерее замелькали тени. Гости не могли этого видеть. Чтобы что-то заметить, надо было хотя бы знать о существовании этого перехода, снизу выглядевшего как вычурное декоративное излишество. Но я-то о нем знала и мгновенно поняла, что на боевые позиции сейчас выдвинулись маги-боевики и арбалетчики из Личной гвардии правителя. «Что, ифит меня раздери, происходит?!»

Кто-то осторожно коснулся моего локтя. Я вздрогнула и обернулась. Рядом стояла Ниса.

— Я нашла его. Он...

— Аленна! — у моего кресла нарисовался правитель Черного континента, и черначка тут же с поклоном отступила. — Я не видел вас всего несколько минут, а мне уже безумно недостает вашего голоса.

Он подал мне высокий бокал с игристым нежно-розовым напитком. Я с трудом удержала на лице любезную улыбку: терпеть не могу эту приторную бурду.

— За наше знакомство, подарившее мне столько восхитительных мгновений, — промурлыкал он, склонившись к самому уху. Нежный аромат его парфюма снова окутал меня волшебным облаком.

— За знакомство, — отозвалась я, пригубив вино.

— Ну что же вы, Аленна? До дна! Или наша встреча вас совсем не радует?

— Отчего же? — улыбнулась я, удивляясь самой себе. Вроде бы я никогда не отличалась жеманством. Что мешает выпить хорошего вина в замечательной компании? Но некая зудящая на грани сознания мысль не давала мне осушить бокал. Что-то я собиралась сделать. Но что?! Кажется, именно выпить... Нет... Другое... У входа суетились какие-то люди, забеспокоились гости, а мое склерозное высочество все никак не могло вспомнить, что же такое должно вытворить.

Затор у двери рассосался, и на весь зал прогремел грубый голос с жестким чернакским акцентом:

— Лер Наяр! От имени правителя Черного континента я обвиняю вас в государственной измене!

К потолку понеслось дружное «Ах!», и все, как по команде, уставились на моего кавалера.

— Выпейте же, Аленна, — не обращая внимания на новое действующее лицо, прошептал Наяр,

склоняясь ко мне еще ближе. — Заговоры и убийцы могут подождать. Неужели я не заслужил хоть немного счастья?

Его шепот был нежнее шелка, волосы мягко щекотали щеку, запах сводил с ума, но в глазах мелькнула нешуточная злость. И я вдруг поняла, что Никс никогда не смотрел на меня с такой ненавистью. Даже когда ругал заносчивую принцессу во дворе Академии стихий. Никс вообще ни на кого не смотрел так... «Его парфюм. Он подавляет волю. А в моем вине наверняка что-то куда более мощное», — догадалась, наконец, я, и одновременно пришло понимание, что громогласный незнакомец как-то связан с действиями Никса.

Ладонь скользнула к поясу, а затем над чужим бокалом. Наяр, пристально глядя мне в глаза, этого не заметил.

— Я жду только вас, — шепнуло мое с трудом преодолевающее действие наркотического аромата высочество.

— За вас, ваше высочество, — выдохнул чернак.

«За тебя, Никс», — подумала я, и мы одновременно осушили бокалы.

Все это долгоописываемое действо не заняло и тридцати секунд. Па еще поднимался на ноги после громового возгласа нового гостя, а я уже опускала мгновенно потяжелевшую руку с опустевшим хрусталем.

— Правитель Наяр, — царственный родитель пристально смотрел на моего кавалера, — как вы объясните притязания этих леров?

— Ложью и попыткой переворота, — спокойно отозвался Наяр. — Они будут арестованы, и я разберусь с ними позже. Зачем портить такой замечательный праздник? Тем более, что у меня тоже есть небольшое сообщение.

Его слова доносились до моего одурманенного высочества, как сквозь вату. Тело налилось свинцовой усталостью. Хотелось сесть и отдохнуть. Но Наяр, цепко ухватив меня под локоть, потащил к возвышению, где стоял Па.

— Скажешь, что почувствовала во мне истинную пару и хочешь выйти за меня замуж, — прошипел чернак, не меняя, впрочем, нежного выражения лица. Со стороны, наверное, казалось, что он шепчет мне на ушко милые нежности.

— Да, — ляпнул мой язык.

«Нет!» — панически забилося в голове.

«А почему, собственно, „нет“? — лениво подумала я. — Почему бы не сделать приятное хорошему человеку? И вообще, чем я не правительница Черного континента? А Никс пусть целуется со своей гордостью дальше!»

Но почти забытое за последние минуты имя внезапно всколыхнуло остатки воли. Никс! Я попыталась вызвать в памяти его образ. Мысли повиновались неохотно. Лицо, которое еще недавно я помнила до последней черточки, было словно подернуто серым маревом. Зачем он мне? У меня есть Наяр, останусь с ним...

Противиться этому желанию оказалось физически больно, словно я пыталась прорваться сквозь невероятно прочную паутину. «Никс. Никс...» — твердило мое с трудом удерживающее власть над собственным телом и мыслями высочество. И это помогало. Когда мы поднялись на возвышение у трона, Наяр, даже не удостоив кивком прожигавшего его ненавидящим взглядом незнакомого чернака, сразу обратился к моему царственному папеньке:

— Моя встреча с Аленной оказалась подарком Создателей. Но пусть она сама вам об этом скажет.

— Ваше величество, — начала я, с трудом выталкивая похожие на битое стекло слова из непослушного горла, — скажите, как вас зовут?

— Ордомаст! — громко ответил правитель Черного континента, заставив вытаращиться не только моего Па, но и чернака-обвинителя. Впрочем, и сам лже-Наяр оторопел от собственной откровенности.

— А сколько вам лет? — продолжила я, хотя зелье подчинения, подмешанное мне мерзавцем,

рвало внутренности ржавыми крючьями. Но это уже была просто боль. С болью я умела справляться.

— Одна тысяча сто сорок семь, — четко ответил чернак и зажал себе рот рукой.

В гнетущей тишине, воцарившейся в зале приемов, серебряным колокольчиком прозвенел залиvistый смех.

— Зелье правды! — хохотала Ниса. — Оно таки у тебя было!

Дальнейшее мое с облегчением сползшее на освобожденный папенькой трон высочество запомнило короткими обрывками. Бывший правитель Черного континента попытался было удрать, но несколько пылающих магическим пламенем болтов, пущенных с невидимой галереи, быстро избавили его от такого постыдного желания. Многочисленных гостей спешно попросили на выход. Мрачный, как грозовая туча, Па задал лже-Наяру несколько вопросов, после чего запястья старого хитреца украсили кандалы из белого железа, а его приближенные обзавелись украшениями попроще, но не менее надежными. Макса отпаивал меня отвратительным на вкус антидотом, доставленным вовремя подсуетившимся лером Томарсаном. Зелье, разумеется, тщательно проверили, что вызвало на лице чрезвычайно услужливого лера выражение оскорбленной невинности. «У него все получилось!» — успела шепнуть счастливая Ниса, когда меня уносили.

Окончательно я пришла в себя только через несколько часов в своих дворцовых покоях. За окном уже всю чирикали птицы, радуясь новому дню. Я выбралась из постели и щелкнула пальцами, призывая духа-охранителя.

Чуть позже явилась Ниса.

— Я все еще твоя компаньонка, — улыбнулась она в ответ на мое немое удивление.

— Подозреваю, что ненадолго, ваше высочество, — усмехнулась я, просушивая плетением влажные после душа волосы. — Что там все-таки произошло на вашем континенте? Как Никсу это удалось? Это же его посланник был на приеме?

— Сколько вопросов... Давай этот посланник тебе сам все расскажет? Он с самого утра поджидает твоего пробуждения.

— Хорошо, — согласилась я, завязывая шнуровку просторной рубахи. В привычные кожаные штаны мое торопливое высочество запрыгнуло, едва обсохнув.

— Теперь ты снова похожа на Рагетту, — констатировала Ниса.

— Разве это плохо?

— Знаешь, — задумчиво ответила она, берясь за ручку двери. — Наверное, так и надо.

Посланник, вопреки ожиданиям, ничего рассказывать мне не стал. Перечислив все мои титулы, что заняло минут десять, он витиевато попросил разрешения передать письмо от своего Повелителя.

— Его величество правитель Черного континента Никсаир велел мне ждать ответа до отплытия, — закончил нудную тираду чернак, с поклоном вручив мне футляр со свитком.

— А когда вы отплываете? — уточнила я, повертев в руках бархатную безделицу.

— С завтрашним рассветом, — снова поклонился он и, по всем правилам этикета испросив дозволения, вышел.

Еще раз мое любопытство получило чувствительный удар, когда я вскрыла опечатанный и зачарованный именно на меня футляр. Письмо оказалось весьма лаконичным. Точнее, это было не письмо, а короткая записка.

«Я рискнул и сделал свой ход. Твоя очередь», — прочитало мое обалдевшее высочество и с хохотом повалилось на кровать.

— Ифитов чернак! Ты охренел! — сквозь смех закричала я, распугав любопытных придворных в парке под окнами.

ЭПИЛОГ

Я шла к богато украшенному алтарю в древнем храме Создателей. Все взгляды были направлены на меня, и от этого становилось не по себе. Роскошный букет невесты казался неуклюжим венчиком. Мягкая музыка, льющаяся одновременно со всех сторон, раздражала. Туго затянутый корсет не давал вздохнуть. Я боялась наступить на непривычно длинную юбку и шлепнуться прямо посреди прохода. Да еще многочисленные солнечные блики, бьющие сквозь витражные окна, слепили глаза. «Ифитова показуха, — мысленно ворчало мое измаявшееся высочество. — Почему все должно быть так сложно, а главное, так неудобно?! Лучше бы я сразу с десятком василисков схватилась, чем изображать здесь ходячую статую! Вот сейчас как развернусь. Как пошло вас всех вместе с этим кошмарным платьем и занудной музыкой! И свалю! Наверняка и на Черном континенте найдется свой тракт и немного работы для боевички Рагетты!»

Сзади, словно аккомпанемент моим злобным мыслям, недовольно сопела Оли, тащившая длиннющий шлейф несуразного свадебного платья, в которое меня все утро общими усилиями загонял десяток модисток во главе с родным братцем. Причины недовольства мелкой лежали в той же области. Ее заставили расстаться с любимой амазонкой, обрядив в ядовито-розовое нечто, обильно усаженное бантиками и оборками. Приблуда стала похожа на миленькую, но очень злую зефирку.

Впрочем, удрать не представлялось возможным сразу по двум причинам. Во-первых, братец, знавший дорогую сестричку как облупленную, крепко держал меня под локоть, страхуя и от падения, и от побега. А во-вторых, мужчина, который ждал меня у алтаря. Мужчина, совершивший почти невозможное ради того, чтобы здесь и сейчас я шла именно к нему.

Я подняла голову и наткнулась на его горящий неподдельной радостью взгляд. Ради такого взгляда, адресованного только тебе, можно было потерпеть и нудную музыку, и несуразные одежды. Ради такого взгляда можно было потерпеть все. Тем более что путь почти закончился, и Макса уже раскланивался с моим женихом.

— Главное, не давай ей таскать в вашу спальню всякие трофеи, — шепнул любящий братец напоследок так, что услышали только мы с Никсом и заметно оторопевший жрец. — А то через некоторое время будешь спать в мастерской чокнутого таксидермиста.

С нежной улыбкой я ткнула родственничка под ребра, заставив замолкнуть. Потребность дышать обычно важнее желания нести всякую чушь.

— Скажи, что эта нудятина скоро закончится, — попросила я Никса, пока жрец монотонно вычитывал положенные молитвы.

— Еще немного, моя принцесса.

— И ифитово платье...

— Мы сожжем его вместе, — уголками губ улыбнулся чернак. — Если хочешь, можем даже устроить вокруг костра ритуальные пляски.

— Не надо, — усмехнулось мое живо представившее жениха, скачущего вокруг огромного кострища, высочество. — Мне бы этот ритуал пережить. Такое все пафосное, что челюсть сводит.

— Между прочим, — проговорил Никс делано-назидательным тоном, — ты сейчас находишься в самом древнем храме Создателей на Черном континенте. Он даже древнее вашего. Говорят, что скульпторы, создавшие эти статуи, видели Создателей вживую.

— Ну это уж точно вранье, — хихикнула я, обводя взглядом из-под ресниц мраморные копии божественной четверки. Фигурка Рири, казавшаяся самой хрупкой и на голову ниже всех остальных, неожиданно привлекла мое внимание. Я присмотрелась и на какую-то долю секунды забыла, где нахожусь. — Скажи, а ты видел тогда в Локхаре Безымянную?

— Кто же ее не видел? — невольно содрогнулся мой без пяти минут муж. — Таковую и захочешь не заметить — не получится.

— А тебе не кажется, что она похожа на Создательницу Рири? — едва заметным движением подбородка я указала на заинтересовавшую меня статую.

Ошалевший жрец, единственный, кто слышал наш тихий разговор, сбился, а потом

затараторил молитвы с утроенной скоростью.

— Ты шутишь? Разве тот ледяной сгусток мрака может быть хоть на что-то похож? — несмотря на жаркий день, Никс поежился.

— Сгусток мрака? — удивленно переспросила я.

— Ну да, — пожал широкими плечами чернак, уже справившийся с минутной слабостью. — Даже те, кого заморочил своими артефактами Симеон, запомнили. Потом жаловались, что этот кошмар чудится им за каждым поворотом.

— Вот оно что... — протянуло мое задумавшееся высочество.

— А может, хватит вспоминать всякие гадости? Тебя, между прочим, жрец уже в третий раз спрашивает, согласна ли ты стать моей женой. Если сейчас не ответишь, это будет означать, что ты расторгла помолвку...

— Да! — гораздо громче, чем требовалось, воскликнуло мое перепугавшееся высочество.

— Слава Создателям! — с облегчением выдохнул мой теперь уже муж, застегнув у меня на запястье брачный браслет.

Следующие полчаса я с улыбкой кивала в ответ на многочисленные поздравления, медленно сатанея в тисках корсета и старательно подавляя желание обернуться и хорошенько рассмотреть мраморное лицо. Что случилось в Локхаре? Воспаленный мозг просто подсунул мне виденный где-то образ, защищая от очередного кошмара? Или повелительница Бездны действительно похожа на чернакскую статую, как две капли воды? И если вдруг со мной разговаривала все-таки не галлюцинация, то что она имела в виду?!

— Все, моя принцесса, — отвлек меня от бесплодных размышлений голос Никса. — Остался только торжественный обед, и можешь топтаться по платью.

— Еще и обед, — едва не застонала я, разом позабыв о странностях Создателей.

— Не волнуйся, это недолго.

— Ты говорил так три часа назад, — проворчала я. — Хоть бы что-нибудь случилось, чтобы это безумие закончилось досрочно!

Благодарение Создателям, дорога от храма до свадебного стола заняла не так много времени: святилище божественной четверки было частью дворцового комплекса.

— Не расстраивайтесь, Аленна, — попыталась подбодрить меня Оли, пока я, кое-как удерживая на физиономии вымученную улыбку, пыталась втиснуть ворох кружевных юбок между стулом, сильно смахивающим на трон, и собственным, ставшим внезапно необъятным задом. — Дядя Никс очень старался вас порадовать. Он даже пригласил из Питруга лучшего иллюзиониста.

— Да? — переспросила я, не понимая, что так насторожило меня в этом словосочетании.

— Да! — уверенно подтвердила приبلуда. — Я дяде магию, конечно, немного помогла, чтобы было еще лучше!

— Да? — тупо повторило мое уже предчувствующее очередной сюрприз высочество и подняло глаза от покорившихся, наконец, юбок.

На середину огромного зала как раз вышел пузатый коротконогий магик в нелепой, расшитой серебряными звездами хламиде.

— Высокородные новобрачные! Досточтимые гости! — прогремел усиленный магией голос. — Для вашего увеселения я привез лучшие иллюзии Белого континента!

— Оли, — в ужасе позвала я, узнав «лучшего иллюзиониста», однажды осыпавшего Па лягушками. — А как ты ему помогала?

— Так зелье сварила, — как ни в чем не бывало ляпнула приبلуда. — Чтобы иллюзорные розы стали огромными и еще пахли, как настоящие. Да вы смотрите...

— Цветы для прекрасной пары! — возвестил магик, взмахнув непомерно широким рукавом.

— Ложись! — одновременно с ним заорала я, ныряя под стол и утаскивая следом за собой Никса и Оли.

Секунду спустя по столешнице забарабанили громкие шлепки, а по залу понесся перепуганный визг.

— Я тут ни при чем. Оно само, — пискнула Оли, выплюнув неизвестно как забившийся в рот бантик с платья.

Никс осторожно приподнял скатерть и выглянул наружу.

— Я его казню, — с деланным спокойствием проговорил чернак, провожая взглядом проскакавшую мимо огромную пупырчатую жабу. Надо отдать Оли должное, пахло земноводное именно розами.

— Не успеешь. Я убью его прямо здесь. Вот только придушу одну мелкую непослушную зельеваршу, — возразила я, услышав сквозь многоголосый визг гостей нарастающий гул миллионов маленьких крыльев.